

МОРЯКИ ВСЕЛЕННОЙ

Космическая советская фантастика

30 - 40-х годов XX века

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

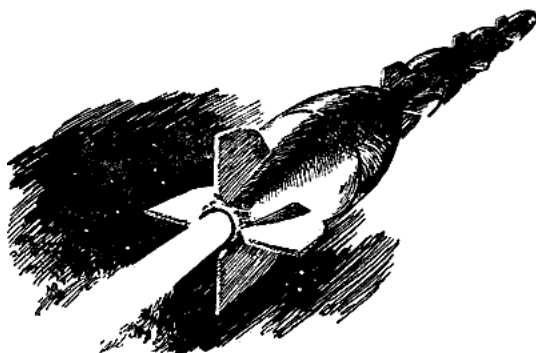

МОРЯКИ ВСЕЛЕННОЙ

*Космические путешествия,
контакты с инопланетянами и не только
в произведениях советских фантастов
20-х — начала 40-х годов XX века*

30-е — 40-е годы

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020**

23
24

Знание — Сила

Организация «Молодая Гвардия»

3A METEOPOM

С. ГРИГОРЬЕВ

ЗА МЕТЕОРОМ

Фантастический рассказ

Журнал «Знание-сила», № 23-24, 1932 г.

Так же: Журнал «Искатель» № 6, 1962 г.

Так же: ГРИГОР'ЄВ Сергій. За метеором: Оповідання/илл. М. Худяка//ж. «ЗНАННЯ ТА ПРАЦЯ». 1933. №14 (на украинском языке).

Рисунки В. Немухина, М. Худяка, В. Щеглова.

Оповідання С. ГРИГОР'ЄВА
Ілюстрації М. ХУДЯКА

ШАР ИЛИ СИГАРА?

— Летите оба! — решил командир эскадрильи звездоловных ракет. — Я уверен, что вы оба с вашими товарищами достигнете цели. Только смотрите, — прибавил он с улыбкой, — не стукнитесь лбами там, в небесах!

Наш пілот Ера Каен підвіся назустріч Енці, простяг з посмішкою руку...

Аэр Энка вскочил с места и ринулся к нашему пилоту. Эра Каэн поднялся навстречу Энка, протянул с улыбкой руку, и они «обменялись рукопожатием», как писали в старину.

Все вздохнули с облегчением. Так разрешился в главном штабе Стратофлота спор, которому, казалось, не будет благополучного конца.

Мы покинули штаб, веселой дружной гурьбой окружая пилотов, шедших рядом. Они заспорили опять, хотя теперь спор должен был решиться, как решаются все технические споры, — испытанием.

— У вас не ракета, а пузырь! — снова, разгораясь, кричал Аэр Энка.

Наш пилот ответил с усмешкой:

— Чем же хуже для корабля-ракеты форма шара? Я же не смеюсь, хотя ваш «Арго» похож на сигару, на рыбу, наконец, на дирижабль — на что угодно, но только не на космическое тело.

— Ты же прекрасно знаешь, Эра, форма «Арго» совершенна, его очертания вполне отвечают требованиям обтекаемости.

— Ну да! Пока мы летали «вокруг да около» Земли, это имело смысл. Твой «Арго» очень хорошо одолевает атмосферу, он рассчитан так, чтобы сопротивление воздуха было наименьшим. Но скажи, мой друг, — вот ты теперь привык к полетам за пределами стратосферы, — не смешно ли тебе самому: у твоего «Арго» есть нос и корма, голова и хвост. Чтобы повернуться, тебе надо или описать большую дугу или сделать мертвую петлю: ведь «Арго» не имеет ни заднего, ни бокового хода. А наш «Электрон» идеально управляется.

— Ну, мы еще посмотрим, как вы будете сегодня разворачиваться там! — Энка махнул рукой в небо.

Мы шли прямой просекой. Вот и полигон № 5 нашего стартодрома.

«Электрон» и «Арго» были готовы к взлету. «Арго» торчал острым носом в небо в своем «станке» для разгона. Дальше, из-за леса, на расстоянии десяти километров, возвышались три ажурных опорных мачты нашего «Электрона». Его круглое тело матово сверкало в высоте, оплетенное спиралью башни. Это и была «электромагнитная пушка», которая дает первый импульс для взлета на пятьдесят километров в высоту.

На поляне мы простились с командой «Арго». Аэр Энка и с ним его команда остались на поляне стартодрома, мы расселись по машинам и по шоссе, просекой покатали к своему «Электрону».

ЗВЕЗДОЛОВЫ

На оба наших звездных корабля была возложена одна задача. Среди потока «падающих звезд» — лирид — давно был отмечен астероид С.IV.787-4. Он уже не раз за столетие, прочертив по небу яркую дугу, снова исчезал в пространстве. Дуга все время делалась длинней, и, конечно, рано или поздно астероиду суждено упасть на Землю. Но явилось опасение, что он при встрече с Землей сгорит целиком. Наблюдения его спектра показали, что астероид по своему составу интересен нам. Поэтому решили сделать попытку поймать этого небесного бродягу: изменить его траекторию и свести потихонечку на Землю.

Еще в двадцатых годах нашей эры геохимии изнывали от желания получить как можно больше инопланетных осколков для, детального изучения. Теперь мы доставляем на Землю материал для научных исследований, улавливая самые древние обломки по-

гибших в звездной бездне миров. Если хотите, звездолеты — рудокопы вселенной, небесные кроты.

Конечно, наше дело более опасно, чем добыча простых руд, мы подвергаем себя в далекой выси не меньшим опасностям, чем углекопы в старину под землей. Скажу кратко: наши поиски и блестящие удачи решили в нашу пользу спор о преимуществах электронных ракет перед старыми ракетами, основанными на горении водорода в кислороде. Они остались для сверхскорых сообщений в пределах Земли: с их помощью продолжают перебрасывать почту, грузы и людей из Японии в Америку, из Америки в Европу, из Арктики в Антарктику. Только мы, давние сторонники идей электронной ракеты, разрешили целиком и полностью задачу звездоплавания.

Оба корабля — «Арго» и «Электрон» — должны были взлететь в определенные и точно назначенные сроки. Мы — после «Арго», потому что наш корабль обладает значительно большими скоростями. Мы еще готовились к старту, когда раздался могучий взрывной удар. Наши взоры были обращены к стартодрому. Над ним взвилось пышное круглое облако. Мгновение — и из него вытянулась наклонная курчавая струя и, стремительно вырастая, достигла зенита. Больше ничего нельзя было различить. Облачный столб внизу развеялся, а на высоте около километра из следа, оставленного взлетом ракеты-корабля, сложилось румяное облачко и поплыло навстречу солнцу.

Сигналы с «Арго» показали, что корабль принял направление, «попутное» ожидаемому нами астероиду, на высоте двухсот километров над земной поверхностью. Было около четырех утра.

Ожидаемый нами астероид должен пересечь путь Земли около шести часов утра. Его «встреча» с Землей

в последний раз продолжалась всего три-четыре секунды. В этот довольно длинный для падающей звезды срок, в предыдущую встречу с Землей, астероид загорелся и прочертил точно отмеченную на небесной карте дугу.

ВЗЛЕТ

Нам предстояло брать астероид «в лоб», тогда как на «Арго» возложили задачу брать его «вдогон». По знаку нашего пилота мы вошли через «нижний» люк внутрь «Электрона».

Наш ракетный корабль очень тяжел. Мы не можем стартовать сами, подобно «Арго», — это его преимущество и наш недостаток, — но ведь и у него не одни достоинства!

— Все по местам! — подал команду наш пилот Эра Каэн. Старт!

— Есть старт!

Мы чувствуем, что наш корабль начинает медленно вращаться.

Заметив, что «Электрон» занял нужное положение, командир включает электромагнитный стартер — сначала нижние секции его, имеющие вид спирали, обвивающей трубу стартовой башни. На школьных опытах в физической лаборатории часто показывают детям, как медное кольцо, надетое на вертикальную катушку, взлетает высоко над ней, стоит только замкнуть переменный ток. То же и с нашим «Электроном», но сила тока в стартовой спирали рассчитана так, что корабль медленно возносится внутри башни. В эти мгновения «Электрон» похож на воздушный шар, надутый светильным газом. «Электрон» достигает вершины башни и несколько мгновений висит над нею неподвижно.

Многим до сих пор кажется «чудесным», как такое может быть. Этих людей нисколько не удивляет, когда они видят в парке, что стеклянный шарик, не падая, порхает на вершине фонтанной струи, их не удивляет, что так же можно удерживать легкий шарик в невидимой струе воздуха, но вот что в струе мощного электромагнитного потока возносится и висит «в воздухе» огромный тяжелый шар из никелевых броневых плит, — это дивит и по сию пору еще многих!

Круглое тело «Электрона» матово сверкало в вышоте, оплетенное сквозной спиральной направленной антенны, подвешен на знаменитую башню старика «Комкатор» в Москве.

Для стартовой команды вид «Электрона», висящего в воздухе над стартовой башней, привычен. Командир стартодрома, закинув голову, смотрит из-под ко-

зырька на корабль, включает антенны направленного действия, и «Электрон», увлекаемый электромагнитным потоком, взвивается в небо и, сверкнув золотой искрой, исчезает в пустоте.

Что внутри „Электрона“?

В начале старта мы стояли «на дне» корабля. Над нами круглым куполом, обвитый по четырем ребрам поручнями, высится ступенчатый свод корабля.

Вы когда-нибудь забавлялись в парке культуры и отдыха на «веселом колесе»? Ваши ощущения отдаленно напоминают то, что испытываем мы при старте нашего звездного корабля.

Есть и разница. На «веселом колесе» вы напрасно стараетесь удержаться в центре колеса, преодоливая центробежная сила отбрасывает вас к окружности. Мы, наоборот, охотно поддаемся возрастающей внутри корабля тяжести и, переступая со ступеньки на ступеньку, постепенно с «южного полюса» поднимаемся к экватору «Электрона».

— Наш «северный полюс» в полюсе мира! — говорит пилот, наблюдая в зеркале телевизора¹⁾ прохождение через наш полюс Полярной звезды. — Готово? Отлет!

— Готово! Есть отлет.

Мы совершенно ничего не испытываем в то мгновение (хотя оно и отмечено приборами), когда «Электрон», взлетев, повисает «в воздухе» над вершиной стартовой башни.

— Взлет окончен! Корабль свободен! — говорит пилот. — Проба ракет!

— Есть проба ракет!

Корабль наш вооружен шестью ракетами-двигателями. Мы называем их так по старой привычке.

1) Приборы для дальновидения.

В сущности, мы имеем вместо ракет взрывную камеру, направленную дюзой (отверстие ракеты) по вертикали к внешней поверхности корабля. Если это и ракета, то ракета электронная: мы взрываем в наших моторах небольшие количества активного вещества, освобождаем внутриатомную энергию; из дюз вырывается острый пучок излучений, для простоты скажем — «поток электронов», получается отдача, подобная ракетной. Скорости и мощности излучений мы можем менять произвольно в огромных пределах.

Мы ничего не испытываем в то мгновение (хотя оно и отмечено приборами), когда «Электрон», взлетев, повисает «в воздухе» над вершиной стартовой башни.

Шесть электронных ракет расположены по сфере корабля на равных расстояниях. Это придает изумительную подвижность кораблю. Комбинируя их работу, мы без всяких рулей и направляющих поверхностей, не делая поворотов, можем лететь в любую сторону, замедлять или ускорять бег корабля и даже — что казалось еще недавно даже серьезным ученым несбыточной мечтой — стоять «абсолютно» недвижимо в пространстве.

Конечно, наши моторы могут работать только в пустоте. Это коренной изъян «Электрона»: даже в стратосфере они гаснут, и при снижении мы нуждаемся в тех же стартовых приспособлениях, что и для пуска. Наш финиш на Земле всегда в той же точке, где взлет.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЗВЕЗДЫ

Мгновение нашей встречи с потоком астероидов приближалось.

«Электрон» неся ему навстречу. Земля в зеркале телевизора светилась зеленоватым полумесяцем в густой темноте, испещренной спокойными, без всякого мерцания звездами. Солнце рисовалось ясным диском, без его земной пленительной огненной короны.

Мы приняли сигналы «Арго». Ответили сначала телеграфом, а затем со странным повышением голоса через несколько секунд услышали и пилота:

— Здесь «Арго». Пилот Аэр. Видите ли нас? Настигаем объект.

— Здесь «Электрон». Пилот Каэн. Нет еще. Дайте направление.

Аэр ответил и прибавил:

— Тело окружено облаком пыли. Очертания ядра неясны.

Голос пилота с «Арго», повышаясь, взвизгнул фальцетом, а на Земле Энка говорит густым басом. Для нас это явление привычно, когда звездные корабли идут навстречу друг другу.

Приближались решительные секунды.

— Слушай, «Арго»! — воскликнул пилот. — Мы видим вас!

Он первый из нас заметил в зеркале телевизора смутное пятно.

Каэн отдал нам приказание. Смысл его был тот, чтобы «перестроиться», дать дорогу небесному телу и настигающему его кораблю.

— Скорость! Дайте вашу скорость! — взволнованно крикнул наш пилот.

Пилот с «Арго» ответил. Мы переключили моторы и через мгновение увидели в зеркале багровое расплывчатое пятно — облако пыли вокруг астероида, освещенное солнцем. Затем вслед пятну мелькнул серебряной стрелой «Арго».

— Времени сорок семь секунд, — падая от визга до баса, прозвучал с «Арго» голос пилота. — Нельзя! Атмосфера! Неверное число!

И голос Энка погас.

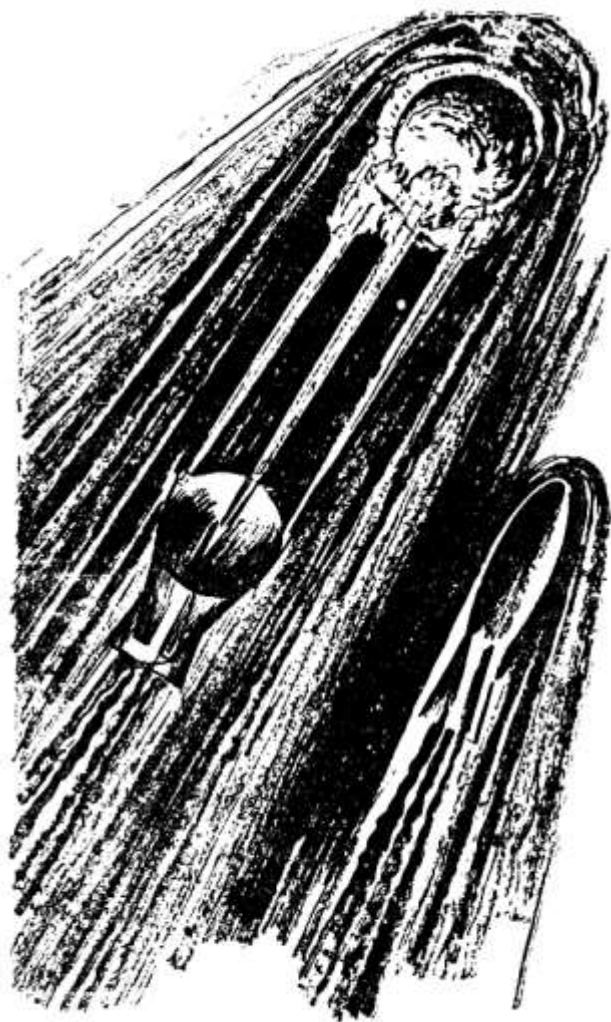
Сигналы с «Арго», отбивающие пятые доли секунды, тоже смолкли.

«Электрон», повинувшись пилоту, изменил направление полета. Мы снова услышали волнующее тиканье пятых долей секунды.

— «Электрон»! Я слышу вас! — Голос Энка звучал на этот раз совсем по-земному: мы шли с «Арго» параллельным курсом, сближаясь.

Через три секунды мы увидели в телевизоре снова темно-бурое пятно и четкие очертания корабля «Арго» с едва заметным кильватером; это был именно киль-

ватер, так как он состоял из замерзших паров воды, выбрасываемых дюзой «Арго». Мотор «Арго» работал. Нам было ясно, что скорость, приобретенная кораблем при взлете, оказалась недостаточной по сравнению со

„Электрон“, захваченный электромагнитным потоком,
здымається до неба...

скоростью звезды. «Арго» безрассудно тратил горючее.

— Слушай, «Арго»!

— Есть!

— Беру на себя.

— Бери.

Мгновение — и «Арго» исчез из поля зрения. Облако астероида быстро росло. Еще три пятых секунды — и из облака выкинулся длинный язык багровой пыли. Мы в него окунулись, все в зеркале пропало. По оболочке нашего корабля ударило несколько градин; было похоже на то, что астероид, уходя от нас, отстреливается. На самом деле мы, сблизясь с ним на короткое мгновение, притянули к себе часть распыленного вещества.

АТАКА

Звезда уходила от нас. Пыль рассеялась. Полумесяц Земли в небе заметно вырос. Еще несколько секунд — и звезда загорится, не покинув своей орбиты. Мы ее не сбили, а только развеяли пыль. Ясно виднелось почти круглое ядро астероида. Оно несло, быстро вращаясь и слегка «ковыляя».

— Промах? — слышалось с «Арго». — Я буду его таранить!

— Не смей! — ответил наш пилот. — Слушай! К Земле!

«Арго» ответил невнятно. Мы догадывались, что в погоне за астероидом корабль истратил много горючего. Возможно, у них не хватало водорода для торможения.

Энка — решительный и ясный человек. Мгновение — и «Арго» настигает темную звезду. «Электрон», повинуясь нам, стремительно ринулся в атаку, опережая

«Арго», — для прямого удара мы вооружены лучше и ничем не рискуем. На этот раз мы ударили по глыбе астероида струями сразу из трех наших моторов и тут же увидели по микробарографу, что мы падаем, — это угрожает остановкой наших моторов.

Мгновенно, изменив направление полета, поднялись в пустоту. Телевизор в зеркале показал нам, что боевая задача выполнена. Вспыхнув зеленым огнем, астероид начал снижаться. Мы свалили звезду на Землю.

Во время атаки мы потеряли связь с «Арго». Наши взоры были прикованы к Земле. Телевизор показал, что метеор погас. Астероид упал примерно там, где назначалась, — в пустыне якутской тайги. Мы видели черное облако от взбитой при падении земли.

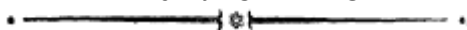
«Арго» не отзывался на наши вызовы. Одно из трех: или наши товарища и корабль погибли, упав вместе с астероидом, или они благополучно, опускались, или, наконец, потеряв управление, унеслись по орбите астероида, заменив его, и став для нас недосягаемыми. Оставалось как можно скорее вернуться на Землю. У нас все было в исправности. Мы снова установились на вершине невидимой струи, подобно шарик у над фонтаном, и подали на стартодром сигнал снижения. Через час «Электрон» встал на катки опор.

Первым словом нашего пилота, когда открылся люк, было:

— «Арго»?!

— Небольшая авария, все живы, — ответил командир стартодрома, приветствуя нас. — Поздравляю с победой!

МАНУИЛ СЕМЕНОВ

ПЛЕННИКИ ЗЕМЛИ

Фантастическая повесть

Рис. Е. Шукаева

Мануил Семенов
ПЛЕННИКИ ЗЕМЛИ
Повесть, 1937 год

Журнал «Уральский следопыт», № 8. 1970 год.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ

Тунгусское «диво»... Нет ничего удивительного в том, что это, до конца не разгаданное, явление пользуется популярностью у читателей. Очень уж заманчива мысль об инопланетном корабле, будто бы прилетевшем на Землю в далеком 1908 году!

Основоположителем столь привлекательной версии принято считать А. П. Казанцева, опубликовавшего в 1946 году в журнале «Вокруг света» рассказ «Взрыв». Но, оказывается, есть у этой гипотезы другое, более раннее начало.

В 1937 году в сталинградской комсомольской газете «Молодой ленинец» печаталась с продолжением фантастическая повесть «Пленники Земли». Написал ее сотрудник газеты М. Г. Семенов, ныне писатель-сатирик, редактор журнала «Крокодил».

Вдохновленный научным подвигом Л. А. Кулика, предпринявшего ряд экспедиций к месту падения Тунгусского метеорита, молодой журналист положил в основу повести собственную догадку о происхождении «дива», почти на десятилетие опередив тем самым А. П. Казанцева.

Вероятно, описания в «Пленниках Земли» космической и другой техники могут показаться современному читателю устаревшими. И в то же время интересно, как все это представлялось отцам наших нынешних читателей в те годы.

Повесть публикуется с сокращениями.

ПРОЛОГ

Величава и грозна природа Сибири. Куда ни глянешь — всюду вековые леса, топи да горные хребты. Молчаливо стоят могучие лиственницы и сосны, не шелохнутся стройные ели, и только осины пугливо шепчутся о чем-то. В сумрачных урочищах залег лютый зверь. Нет тут прохода ни конному, ни пешему. Тайга!

Дики и пустынные берега речушки Чамбе. Только кое-где можно встретить убогое жилье охотника-эвенка. И потом опять на сотни километров жуткая тишина.

Волею случая этому глухому месту суждено было стать ареной события, потрясшего все человечество. Случилось это 30 июня 1908 года.

...Стояла тихая и ясная сибирская ночь. Мерцали далекие звезды. Поднявшийся было с вечера северный ветер к полуночи совершенно затих. Ничто не нарушало ночного покоя.

Вдруг в западной части неба сверкнула светлая точка. В мгновение ока она превратилась в огненный шар, который, с каждой секундой увеличиваясь в размерах; быстро несясь к земле.

И тут произошло что-то неопишемое. Казалось, небесное чудовище, коснувшись верхушек деревьев, выдохнуло стремительную волну раскаленного воздуха. Лес, как скошенный, повалился наземь. Огненный смерч настиг оленьи стада, на десятки километров кругом разметал охотничьи зимовки. Далеко по тайге разнесся оглушительный гром, перекатываясь по отрогам гор.

Но скоро затихло отдаленное эхо, и в тайге снова все пошло своим чередом.

СТРАННЫЙ ПАССАЖИР

Летом 193... года скорым поездом Москва-Красноярск ехала на восток веселая компания. Душой ее был добродушный седовласый профессор, которого все величали Владимиром Ивановичем. Его окружала группа молодежи — две девушки и трое молодых людей.

Говорил профессор:

— Не думайте, дорогие друзья, что все обойдется без борьбы. Всем нам придется воевать. И знайте, война эта так же будет не похожа на прошлую мировую, как эта последняя — на войны Александра Македонского. Нам придется сражаться с хитрым и сильным врагом.

— Вы правы, профессор! — воскликнул Кочетов, щеголевато одетый человек лет тридцати, читавший в углу купе иностранный журнал и до сих пор не принимавший участия в общей беседе.

Все с любопытством повернулись к нему.

— Вот эта статья, которую я только что прочел, как раз содержит оценку их хитрости и силы. Но что они пишут! Проповедуют, что будущее — за «людьми ума».

Ну, с этим, пожалуй, можно было бы согласиться — дураков вроде бы с каждым днем становится меньше.

Все рассмеялись.

— Но как они понимают этих «людей ума»? — продолжал Кочетов, размахивая журналом. — По их мнению, это кучка людей из высшей интеллигенции — профессора, инженеры, которые, изобретя лучи смерти и прочую чепуху, покорят мир. «Люди ума» станут единственным правящим классом... Так могут мыслить только фашиствующие интеллигенты! Мир движется к иным целям и другими путями.

— Правильно, — сказал один из молодых слушателей.

— Но разве вы будете отрицать, что научные лаборатории этих маньяков работают полным ходом? Кто знает, что преподнесут нам эти господа? Они не только сильны, но, в известном смысле, и умны...

Лязгнули буфера остановившегося поезда, и разговор прекратился. Мимо раскрытых дверей купе торопливо прошел новый пассажир, в плаще, в шляпе, плотно надвинутой на лоб, с небольшим саквояжем и свежей газетой в руках, очевидно, только что купленной.

Станция была, видимо, небольшой, и вот уже заверещал свисток дежурного, поезд двинулся дальше. Спор в купе не возобновлялся. Вечерело. Девушки ушли к себе, в соседнее купе, Владимир Иванович, размяв папиросу, отправился курить в тамбур, а Кочетов вновь уткнулся в журнал.

Пассажир в шляпе, устроившись в соседнем купе, не спеша перелистывал газету.

Взгляд его равнодушно скользил по статьям об обмене партбилетов, спектаклях Камерного театра, о взмете зяби и собирателях фольклора. Гораздо дольше задержался незнакомец на материалах международного отдела. Он просмотрел все телеграммы с фронтов Испании, познакомился с последними речами английских министров и даже прочел довольно большую статью, анализировавшую политику Соединенных Штатов в испанском вопросе.

Суровое лицо незнакомца, с черными, нависшими над впадинами глаз бровями, сохраняло какую-то каменную бесстрастность.

Но от этой бесстрастности не осталось и следа, когда, просматривая четвертую страницу газеты, незнакомец наткнулся на заголовок: «В тайгу на самолетах»

И стал читать:

«Как известно, в июне 1908 года в Сибири упал небывалых размеров небесный камень. Поиски метеорита, предпринимавшиеся до сих пор, не принесли никаких результатов.

По предложению известного профессора В. И. Блюмкина Академией наук снаряжена новая экспедиция, которая обследует бассейн реки Чамбе с помощью самолетов. Экспедиция под руководством В. И. Блюмкина, состоящая из научных сотрудников и студентов-выпускников Ленинградского государственного университета, уже выехала в Красноярск, где к ней присоединятся летчики с самолетами».

Порывистым движением пассажир швырнул газету на пол и, схватив саквояж, выскочил в тамбур. К его счастью, поезд замедлил ход, преодолевая подъем, и незнакомец, спустившись на подножку вагона и выждав удобный момент, ловко спрыгнул на насыпь. Отряхнувшись, он посмотрел вслед красному огоньку последнего вагона и торопливо углубился в лес.

Если бы пассажиры скорого поезда могли последовать за своим спутником, они стали бы свидетелями необычайной картины. Достигнув чащи, незнакомец торопливо сбросил с себя плащ и остался в гладком кожаном костюме. Из саквояжа он извлек кожаный шлем со стеклянной маской, надел его на голову. Затем прикрепил к плечам странный аппарат с небольшим пропеллером. На руках незнакомца появились перчатки, напоминающие ласты... Раздалось глухое жужжание, и необыкновенный пассажир, подобно библейскому ангелу, вознесся в небо. Не прошло и минут, как его фигура растаяла в вечерних сумерках. Брошенный второпях, под деревом одиноко чернел пустой саквояж, да на кустах качались обрывки веревки.

НА ФАКТОРИИ ЛЕСНОЙ

В Красноярск экспедиция прибыла в полдень. На вокзале приехавших никто не встретил, и поэтому им пришлось, руководствуясь указаниями прохожих и постовых милиционеров, самим разыскивать крайисполком.

Председатель исполкома, худощавый седой человек, принял гостей весело, радушно, пригласил их сесть, а секретаршу, пожилую женщину в белоснежном переднике, попросил принести чай и печенье. Завязалась оживленная беседа.

Выслушав рассказ профессора о целях и задачах экспедиции, председатель подошел к огромной карте края.

— Район, в котором вам предстоит работать, — заговорил он хрипловатым голосом, — изучен плохо. Вы видите, как расположены у нас населенные места, — только на юге. Область же Подкаменной Тунгуски, — он обвел на карте обширный участок, — совершенно дикая. Старожилы уверяют, что там были когда-то богатыйшие охотничьи угодья, но по неизвестным причинам зверь покинул их, а следом ушло и население.

На весь этот большой район есть только одна фактория, которую и придется, очевидно, избрать базой вашей экспедиции.

— Как мы доберемся до фактории? — спросил Владимир Иванович.

— На пароходе.

— А люди, с которыми нам придется встретиться на фактории? Кто они? — вставил вопрос Михаил Санин, невысокий, но крепкого сложения юноша с пытливым выражением не улыбающихся серых глаз.

— Извольте, — охотно отозвался председатель. — Заведует факторией Иванов, проверенный и надежный коммунист. Товароведом — Антон Тропот, прекрасный работник, он в тех местах около пяти лет. Вот и все население фактории, которая, кстати сказать, носит название Лесной. А отчего — я думаю, понятно и без пояснений.

— Вы нам ничего не сказали о летчиках и самолетах, — вспомнил Кочетов.

— Самолетов у вас будет два. Летчиков мы назначили опытных, хорошо знакомых с местными условиями. Они вылетят на базу через несколько дней, как только подготовят гидросамолеты.

На этом беседа закончилась. Сделав необходимые покупки, экспедиция погрузилась на маленький пароходик «Байкал» и к вечеру покинула Красноярск.

Через три дня, продрогшие от лившего всю дорогу холодного дождя, путешественники высадились у фактории Лесной. Дул сильный ветер, дождь не унимался. Тайга гудела.

Навстречу путешественникам вышли заведующий и товаровед. Начались рукопожатия, приветствия, расспросы.

Владимир Иванович поспешил сократить эти неизбежные церемонии и, официально представившись заведующему, попросил его поскорее разместить людей.

— Да, да, конечно! — заторопился Иванов. — Я попрошу всех вас пока зайти ко мне. А вы, Антон Сергеевич, — обратился он к товароведу, — приготовьте, пожалуйста, дом, в котором в прошлом году жила геологическая партия.

— Уж как-нибудь, — флегматично отозвался товаровед и ушел.

Если бы кто-либо из членов экспедиции внимательно присмотрелся к этому чернобровому широкоплечему мужчине в охотничьем костюме, он безошибочно угадал бы в нем того пассажира, который покинул скорый поезд Москва-Красноярск столь странным способом. Но, во-первых, при встрече в полуосвещенном вагоне никто из веселой компании не разглядел пассажира как следует, а во-вторых, никому и в голову не могла прийти мысль о том, что элегантно одетый гражданин из скорого и товаровед в поношенном охотничьем костюме — одно и то же лицо. Да и вообще наши путники в этот момент были далеки от каких бы то ни было размышлений.

Трехдневное путешествие на неудобном пароходике давало себя знать, и всем хотелось скорее поесть чего-нибудь горячего и отоспаться.

ТАЙГА НА ЗАМКЕ

Утро выдалось розовым, ясным, умытым по-праздничному. От вчерашнего ненастья не осталось и следа. Дали были ясны и широки.

Хорошая погода привела всех в восторг. Угнетенного настроения, навеянного туманами, холодным ветром и дождем, как не бывало.

Лена Седых и Наташа Русакова, проснувшись раньше всех, начали шумно и весело устраивать коллективное жилье.

Дом, предоставленный участникам экспедиции, состоял из трех комнат — двух маленьких и одной большой. Девушки решили в комнате, обращенной окнами к югу, поселить Владимира Ивановича, другую заняли сами, а большую отвели остальным.

Теперь нужно было расставить кровати, столы, стулья, соорудить умывальник, вешалку. Товаровед фактории деятельно помогал девушкам, сам вставил разбитое стекло и вообще безропотно выполнял любое требование молодых хозяек. К концу дня он уже был для Лены и Наташи вполне «своим» человеком.

Тем временем Владимир Иванович, Кочетов, Санин и смуглолицый Костя Нормаев, оставив в помощь девушкам радиста Леву Переплетчика, отправились в первую разведку. Шли узенькой тропой, проложенной, очевидно, охотниками. Впереди шагал Михаил Санин; по праву отличного стрелка он нес английский винчестер.

Неожиданно тропинка, до этого влившаяся по долине, резко побежала в гору.

Владимира Ивановича начала донимать одышка.

Михаил и Костя ушли далеко вперед. То и дело на гребнях камней показывались их фигуры и скрывались вновь. Подъем становился все круче.

— Ша-ба-аш!.. — раздался вдруг голос Кости Нормаева. Возбравшись на сосну, юноша махал оттуда рукой.

— В чем дело? — закричали ему профессор и Кочетов.

— Идти не-ку-да-а! — нараспев ответил Костя.

Тропа, по которой путники прошли уже километров десять, обрывалась у высокой отвесной скалы. Кочетов и Санин углубились в чащу в надежде обнаружить продолжение тропинки. Но напрасно они продирались сквозь колючий кустарник: впереди не было и намека на тропу. Делать было нечего — пришлось возвращаться.

На следующий день разведка была повторена. Теперь уже экспедиция шла другой тропой, в северном направлении. Снова до полудня шли хорошо. Тропин-

ка вела путников в глубь тайги. Все были веселы. Девушки, которые на этот раз тоже участвовали в походе, начали подшучивать над Михаилом и Костей.

— Эх, вы, следопыты! Завели вчера всех в тупик. Уж лучше бы не брались.

— Я не Фенимор Купер, — отшучивался Нормаев. — Это он умел водить своих героев по лесным чащам. А у нас, в Калмыкии, куда ни взглянешь — кругом степь, куда ни поедешь — везде дорога!

— Да и тут троп не мало! — крикнул шедший впереди Кочетов. — Смотрите!

И действительно, тропинка расходилась в разные стороны. Пришлось разделить на группы. Условились через два часа собраться опять на этом месте...

Владимир Иванович с Кочетовым, Лена с Наташей вернулись ни с чем — пути дальше не было. Стали ждать Нормаева и Санина. Прошло около часа. Наконец за деревьями показался Костя, за ним — Михаил. Но в каком виде! Без кепок, с поцарапанными лицами, в грязи.

Ребята сообщили неутешительную весть. Тропинка, по которой они шли, исчезла совершенно неожиданно. Решив во что бы то ни стало найти ее продолжение, они облазили все вокруг в радиусе добрых двух километров. Несколько раз попадали в какое-то болото и, будучи не в силах пробиться сквозь чащу, отступили.

Усталые и недовольные, возвращались путники домой. У всех на душе лежало тяжелое раздумье. Сумеют ли они здесь сделать что-нибудь? Оправдают ли доверие Академии и университета?

Когда ехали, думалось, что дело пойдет легко и быстро. Но тайга оказалась закрытой на прочный замок.

Всех смущало какое-то таинственное исчезновение таежных троп. Кто проложил их?

Почему они пропадают совершенно неожиданно?

НОВАЯ ЗАГАДКА

Безрадостные дни переживала фактория. Снова и снова уходили в поиск участники экспедиции. И всякий раз их попытки проникнуть в глубь тайги ни к чему не приводили.

Владимир Иванович подолгу просиживал над картами, десятки раз перечитывал скудную литературу о сибирском метеорите, а по утрам, взобравшись на вышку, часами разглядывал окрестность в полевой бинокль.

И все-таки вылазки в тайгу проводились ежедневно. Теперь в них участвовали только Кочетов, Нормаев и Санин. Доцент Кочетов, неутомимый и деятельный, внушал ребятам бодрые мысли. Рано утром он поднимал Костю и Михаила и, наскоро позавтракав, уходил с ними в тайгу. До поздней ночи бродили они, силясь пробиться вглубь. Еле заметные тропы заводили их в непролазные чащи, в топи, в непреодолимые ущелья и там пропадали. Путешественники часто по несколько часов кружили на одном месте; обнаружив это, вконец изможденные, они покидали коварную тропу.

Несколько раз пытались идти напрямик, сквозь заросли. Но тайга есть тайга.

Сотрудники фактории с большим сочувствием относились к неудачам экспедиции.

Иванов несколько раз порывался пойти с разведчиками, но трезвый и рассудительный товаровед все время его останавливал: приближался сентябрь, нужно было готовиться к началу охотничьего сезона. Сам

Тропот, который, по свидетельству заведующего факторией, изредка ходил на охоту и, очевидно, должен был знать окрестности, уже десятый день жаловался на зубную боль и, естественно, ничем экспедиции помочь не мог. Он, правда, подавал советы, но что объяснишь новичкам, впервые попавшим в тайгу.

Все эти дни Лева Переплетчик колдовал над радиопередатчиком. Несмотря на все усилия, он никак не мог установить связь с Красноярском. А это сейчас было просто необходимо: самолеты почему-то не прибыли до сих пор.

Наконец, однажды в полдень в дом, где разместилась экспедиция, вбежал взволнованный Лева и закричал во все горло:

— Владимир Иванович, ребята! Красноярск заговорил!

Все мигом собрались у радиоаппарата. Лева звонко кричал в микрофон:

— Алло! Алло! Говорит фактория Лесная! У микрофона профессор Блюмкин и члены экспедиции. Ответьте, слышите ли вы меня? Перехожу на прием!

— Красноярск вас слушает...

Просветлевший Владимир Иванович шагнул к микрофону и торопливо заговорил:

— Говорит Блюмкин. Почему до сих пор не вылетели самолеты? Работа наша может сорваться. Мы провели несколько разведок, но без результата. Без самолета мы не выполним задание.

Красноярск отвечал:

— Самолеты были задержаны для выполнения срочного задания. Сегодня утром к вам вылетел гидроплан, пилотируемый летчиком Махоткиным. Завтра на другой машине вылетает пилот Бабочкин.

И тут же, как бы подтверждая сообщение из Красно-

ярска, в воздухе показался гидроплан. Он сделал круг над факторией и, развернувшись, пошел на посадку. Все бросились к берегу. Лева, сматывая шнур, кричал в микрофон:

— Говорит радист Переплетчик! Самолет, посланный вами, садится на реку! Горячее спасибо от всей экспедиции! Передачу прекращаю...

На другой день состоялась первая воздушная разведка. Так как самолет был двухместный, то с пилотом полетел один Владимир Иванович.

Вздымая каскады брызг, гидросамолет взлетел над рекой и стал набирать высоту.

На запад и юго-запад от фактории виднелись одинокие становища оленеводов-эвенков, у дымящихся чумов паслись олени стада. В северном и северо-восточном направлениях, куда неоднократно стремилась проникнуть экспедиция, тянулись сплошные леса. Здесь нигде не было видно ни малейших признаков человеческого жилья.

— Пойдем в этом направлении! — махнув рукой на северо-восток, прокричал Владимир Иванович летчику. — Будьте внимательны!

Местность тут напоминала гигантскую воронку, окруженную с запада грядой гор. В глубине долины курилась непонятная дымка.

— Что за черт, мерещится мне, что ли? — пробормотал Махоткин, протирая очки и пристально всматриваясь вперед.

— Профессор, смотрите прямо перед собой, — проговорил он в трубку телефона. — Что вы там видите?

— Вижу туман, хотя это и невероятно, — удивленно отвечал профессор. — Ведь солнце-то печет вовсю. Откуда же быть туману?

Махоткин пожал плечами и прибавил газу.

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

На следующий день прибыл второй самолет, и теперь на разведку вместе с Блюмкиным смог вылететь и Кочетов. Оставшиеся молча провожали глазами две точки, медленно таявшие в небе.

Туман, обнаруженный вчера в долине, не только не рассеялся, а стал еще плотнее, гуще. Видимо, он держался над землей на высоте не более двухсот метров.

Самолеты, снизившись, стали медленно кружить над пеленой тумана в надежде найти хотя бы небольшой просвет. Но увы — безуспешно. Туман лежал густой, плотной массой.

— Попробуем еще снизиться, — предложил Владимир Иванович Махоткину.

Самолет словно нырнул в молоко. Летчик тронул руль высоты, и машина выскочила из тумана. Лететь в этой мгле было опасно.

Вечером, когда все собрались за ужином, состоялось обсуждение итогов полета, и Кочетов предложил отказаться от наблюдений с воздуха.

— Пусть летчики доставят меня в зону тумана, — заявил он, — и я прыгну с парашютом.

В комнате наступило молчание. Прыгнуть в туман, в неизведанную таежную чашу? Не приведет ли этот прыжок лишь к ненужной жертве?

— Захватчу с собой продуктов, оружие и побольше аммонала, — продолжал Кочетов. — Предварительно обследовав местность, произведу небольшой взрыв. После этого сигнала кто-то должен будет спуститься ко мне.

Взвесив все «за» и «против», профессор вынужден был принять этот план. Ведь надо же было что-то делать.

Ранним утром Кочетов, тепло простившись со всеми и выслушав последние указания Махоткина, сел в кабину. Летчик дал газ, и самолет заскользил по реке.

Потянулось время томительного ожидания. На вышке непрерывно дежурили, ожидая условного сигнала.

Но наступило утро следующего дня, а Кочетов не подавал никаких признаков жизни.

Тайга молчала.

Одно за другим возникали и тут же отвергались самые разнообразные предположения.

Только в одном все сходились. Кочетов жив, но ему необходима срочная помощь.

Как же можно было помочь Кочетову? Отправиться на розыски пешком нечего было и думать — тайга непроходима. Искать на самолетах вообще не имело смысла: сверху ничего, кроме тумана, не увидеть. Оставалось одно: не дожидаясь условленного взрыва, прыгнуть к Кочетову с парашютом. Первыми вызвались летчики. После обеда они пришли к Владимиру Ивановичу.

— Нужно разыскать Кочетова, — заявил молчаливый Махоткин. — Разрешите прыгнуть мне или Бабочкину.

Профессор ничего не успел ответить: вмешались Костя, Михаил и Лева.

— Последовать за Кочетовым должен кто-нибудь из нас, — настаивали они. — Нельзя оставлять самолеты без пилотов!

Владимир Иванович встал.

— Вы правы, — согласился он. — Нужно помочь Кочетову и выяснить, что же там творится, в этой проклятой долине. По всей вероятности, лучше всего это удастся сделать... — он обвел глазами всех присутству-

ющих, — мне, дорогие друзья!

Такой оборот несказанно поразил всех. В комнате поднялся невообразимый шум. Но профессор был непреклонен.

— Я твердо решил стать парашютистом, когда-то даже прыгал с вышки, — пошутил он, когда шум поутих. — Поэтому не пытайтесь меня разубедить! На время моего отсутствия начальником экспедиции остается Санин. Если через два дня мы с Кочетовым не вернемся, то немедленно сообщите в Красноярск. Но я не думаю, чтобы это случилось... А обо мне не беспокойтесь.

Утро было безветренное.

Условились, что Махоткин выбросит Владимира Ивановича в том же месте, что и Кочетова. Поэтому летчик в полете все время поглядывал на часы и компас.

Альтиметр показывал высоту 900 метров. «Пора», — решил, наконец, Махоткин и передал по телефону:

— Приготовьтесь к прыжку.

Владимир Иванович не без труда выбрался на крыло. Самолет пошел на снижение.

Владимир Иванович посмотрел вниз и ничего не увидел. Тогда он поправил лямки парашюта и бросил пристальный взгляд на летчика. Тот указал ему пальцем на кольцо и махнул рукой.

— Пошел! — по движению его губ прочел Владимир Иванович и соскользнул вниз.

Ощущение невесомости в первое мгновение затмило все остальное. Владимир Иванович рванул кольцо, заранее зажатое в руке. Шелк с мягким шелестом соскользнул из-за спины. Профессора сильно дернуло, швырнуло куда-то в сторону, и в следующий миг Вла-

димир Иванович почувствовал себя сидящим в гигантских качелях. Он поднял голову и увидел над собою разноцветный купол парашюта. А выше кружил самолет Махоткина.

Внезапно все вокруг окутал сырой, влажный туман. Видимость исчезла. «Опустить на согнутые ноги и сейчас же свалиться на бок», — вспомнил профессор наставления пилота. Сотрясая воздух, где-то рядом раздался взрыв. «Это, наверное, Кочетов», — успел еще подумать Владимир Иванович, ударяясь о что-то твердое.

«НУЖДАЕМСЯ В ПОМОЩИ...»

Взрыв был услышан на фактории.

Костя Нормеев потребовал немедленно отправиться в тайгу. Кочетов и профессор, без сомнения, уже нашли друг друга и направляются в сторону фактории. Задача оставшихся — выйти им навстречу.

С этим предложением все согласились. Выступить решили на рассвете. Сигнал к подъему должна была дать Наташа: она всегда просыпалась раньше всех.

И действительно, только блеснули лучи солнца, как она уже была на ногах. Наташа решила вначале разбудить Тропота. Еще с вечера они уговорились приготовить на дорогу хороший, сытный завтрак.

Дверь в дом Тропота была открыта. «Неужели он проснулся раньше меня?» — подумала Наташа и по скрипящим доскам взбежала на крыльцо.

— Можно? — спросила Наташа,

остановившись у открытой двери. Никто не отвечал.

Тогда она шагнула через порог и остановилась как вкопанная.

Тропот лежал мертвый на развороченной кровати. Кругом были видны следы борьбы: опрокинутый стол, разбросанные книги, поломанный стул. Наташа откинула одеяло, закрывавшее голову убитого, и дико вскрикнула. Лицо Тропота было изуродовано до неузнаваемости.

Наташа опрометью бросилась назад и растолкала спящих. Те, пораженные ее перекошенным от ужаса лицом, торопливо выскакивали наружу. Скоро все население фактории собралось у домика Тропота. Недоставало только Иванова. Заведующий факторией бесследно исчез.

Подавленные происшедшим, люди сходились к ут-

ренному столу. Есть никому не хотелось. Облик Тропота стоял у всех в глазах. Кому понадобилась жизнь этого незаметного человека? Почему убийца так зверски изуродовал его? Куда скрылся Иванов? Эти вопросы задавал себе каждый и... не находил ответа.

Санин подошел к письменному столу, вынул из ящика бумагу и стал что-то писать.

Скоро он подал Леве два листа и угрюмо проговорил:

— Передай это в Красноярск.

Но Лева отрицательно качнул головой и грустно сообщил:

— Радиоаппаратура кем-то сломана.

— Так, — проговорил Санин, и губы его упрямо сжались. — Товарищ Бабочкин, — обратился он к летчику, — немедленно вылетайте в Красноярск. Это письмо передадите в исполком.

Бабочкин бережно сложил листки, спрятал в боковой карман и, надевая на ходу шлем, вышел.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Владимир Иванович пришел в себя в низком сыром помещении, походившем на обычный подвал. У самого потолка, почти не давая света, еле теплилась оплывшая свеча.

Понемногу Владимир Иванович привык к царившему тут полумраку и осмотрелся.

Подвал, очевидно, был выбит прямо в скале и кое-где обшит досками. Внутри он был совершенно пуст, если не считать какой-то темной кучи в дальнем углу. Владимир Иванович приблизился и увидел человека, уткнувшегося лицом в ладони. Профессор тронул человека за плечо, и тот с трудом повернулся к свету.

- Кочетов! — вырвалось у Владимира Ивановича.
- Профессор! Как вы сюда попали?
- Так же, очевидно, как и вы, — ответил профессор.
- Они били вас? — с участием спросил Кочетов.
- Но кто это — «они»?

— Шайка авантюристов, — с негодованием произнес Кочетов. — Едва я достиг земли, они скрутили меня и бросили в этот подвал. Потом, когда узнали, кто я такой, пытались обратить в свою «веру». Я, конечно, наговорил грубостей. Избили...

- Но кто же произвел взрыв? — спросил профессор.
- А вы его слышали? — оживился Кочетов.
- Да, но слишком поздно!

— Значит, не все среди них мерзавцы! — с жаром сказал Кочетов. — В этой компании есть один русский. Он здесь, как мне показалось, не по доброй воле. Когда он однажды принес мне пищу, я украдкой от часового попросил его произвести взрыв, предупредив, что от этого зависит моя жизнь. Он вышел, ничего не ответил. И вот...

Кочетов не договорил: дверь с грохотом распахнулась, и в подвал втокнули нового пленника. От сильного толчка он пролетел через все помещение и с глухим стоном ударился о стену. Владимир Иванович и Кочетов бросились к нему.

Подтащив незнакомца ближе к свету, они стали приводить его в чувство. Кочетов принес из угла банку с водой и тщательно обмыл залитое кровью лицо.

— Владимир Иванович! — воскликнул Кочетов. — Да это наш друг, о котором я вам только что рассказывал.

Незнакомец глубоко вздохнул и открыл глаза.

— Ох, изуродовали, идола, — с усилием пошевелив рукой, проговорил он. — Дайте напиться.

Разглядев Блюмкина, настороженно спросил:

— Откуда вы? Кто вы?

— Мы из Москвы, — ответил Владимир Иванович.

При этих словах незнакомец поднялся. Лицо его оживилось, он схватил Владимира Ивановича за руку и хотел что-то сказать, но тут же со стоном повалился на пол.

Тщетно Владимир Иванович и Кочетов пытались привести его в чувство, прикладывая мокрые тряпки ко лбу. Незнакомец в бреду срывал повязки. Несколько раз он пытался встать и бежать куда-то.

Принесли пищу. Профессор хотел заговорить с часовым, но тот грубо оттолкнул его и молча вышел.

Наступила ночь. Ученые, прижавшись друг к другу, тоскливо размышляли о своей участи. Трудно было предположить, что их ждет впереди. Что за люди, у которых они в плену? Что они делают тут, в советской Сибири? Чем привлек их этот дикий и суровый край? И главное — как вырваться из плена?

Единственной надеждой был этот незнакомый русский. Он один мог помочь во всем.

А тот метался по убогому ложу, поминутно что-то выкрикивая, — то подавая команду, то с кем-то споря и ругаясь.

К утру утомление взяло свое, и он затих. Уснули и Владимир Иванович с Кочетовым.

Крепкий сон сделал то, чего не могли сделать примочки. Наутро незнакомец очнулся и попросил пить. Кочетов с радостью напоил его и стал осторожно кормить оставшимся с вечера хлебом и консервами.

Когда банка с консервами опустела, незнакомец опять попросил пить.

— Расскажите нам о себе и об этих... — произнес Владимир Иванович, указывая на дверь.

Незнакомец судорожными глотками отпил воду, лег поудобней и закрыл глаза, собираясь с мыслями.

РАССКАЗ НЕЗНАКОМЦА

— Зовут меня Иван Жук, — начал свой рассказ незнакомец. — Я сибирский партизан из отряда Антонова. Это имя вам, конечно, незнакомо, ведь наш отряд погиб весь, до последнего человека. В живых я остался один. Вот как это произошло.

Колчаковцы направили против нас японский «союзнический» отряд. Он насчитывал четыреста солдат, тогда как у нас вместе с ранеными и больными было чуть больше сотни.

Не вступая в затяжные бои, мы стали быстро отходить на северо-запад, в надежде натолкнуться на селение эвенков.

Противник почувствовал нашу слабость и шел по пятам. Каждый день у нас выбывало два-три бойца. Были съедены остатки сухарей, мало осталось патронов. Стало ясно, что мы погибаем.

Однажды в тайге мы наткнулись на огромный вывал леса, и, что удивительно, деревья, вырванные с корнем, лежали в одном направлении. По такому странному бурелому мы отступали еще полдня, пока не наткнулись на гигантскую воронку.

Здесь мы и решили дать последний бой. Рассыпавшись по краю, мы приготовились встретить врага. Но вдруг самый младший из нас, разведчик Никитка, спустившийся в глубь впадины, закричал:

— Ребята, смотрите, что за диковинная штука!

Мы обернулись на его крик и разинули рты: внизу лежал громадных размеров металлический снаряд. Кое-кто из нас бросился было к диковинному снаряду,

но в это время раздались неприятельские выстрелы, и Антонов, командир отряда, дал команду приготовиться к бою.

Впадина сослужила нам большую службу. Притаившись за поваленными деревьями, мы были почти неуязвимы, тогда как спускавшийся с пригорка неприятель представлял собой прекрасную мишень. Получив отпор, японцы залегли и начали планомерную осаду. Один за другим гибли наши бойцы. Оставшиеся в живых сгрудились в тесную кучку и поделили поровну патроны. Их пришлось на каждого по шесть штук. Только у меня, как у пулеметчика, осталась половина ленты. Мы попрощались друг с другом и стали ждать последнего часа.

Неприятель, догадавшись, что патроны у нас на исходе, пошел в атаку. Я открыл огонь. Японцы тоже начали яростный обстрел. Одна пуля сорвала с меня шапку, другая угодила в плечо. И вот замолчал пулемет: все!

Цепь солдат с торжествующим ревом приближалась ко мне. Теряя сознание, я выхватил из-за пояса гранату, сбросил кольцо и, сунув гранату за пазуху, упал к пулемету.

Очнулся я на другой день со связанными за спиной руками. Граната, которую я хранил на протяжении всего похода, подвела меня и не сработала...

С тех пор я безвыходно здесь. Как пленного меня приставили к пяти японцам. В отряде был сын одного японского ученого, и я слышал, что именно он настоял на том, чтобы здесь, у таинственного снаряда, оставалась их небольшая группа... Чем занимался я? Кормил и обслуживал их. Дважды пробовал бежать, но за мною зорко следили... Потом неведомо какими путями начали прибывать сюда японцы. Причем, военные и

ученые. А меня по-прежнему держали, как собаку...

Эти люди ведут здесь какие-то работы. То место, где лежит снаряд, обнесено высокой и прочной оградой, туда допускается только несколько лиц. Что там творится — неизвестно.

Бандитам разными путями удалось переправить из-за границы до семидесяти человек — теперь тут целый лагерь. Жилища устроены в пещерах.

Не знаю, с какой целью заварена вся эта каша. Но для меня ясно, что они замышляют какую-то пакость. И пакость эта, наверное, довольно крупная...

В ЛОГОВЕ ВРАГОВ

Наутро пленников разбудил грохот отпираемой двери. В подвал вошли два японских солдата, одетые в

грязные полушубки. За поясами у них болтались маузеры. Солдаты молча подошли к Владимиру Ивановичу, завязали ему глаза и куда-то повели.

Повязку с глаз профессора сняли в просторной светлой комнате. Прямо перед ним за столом сидел тучный человек в полувоенной форме. Рядом стояли еще двое военных, одетых в английского покроя костюмы, сидевшие на них мешковато и неуклюже.

Как только конвоиры вышли, жирное лицо человека за столом расплылось в приветливой улыбке.

— Ах, профессор, простите нас за причиненное беспокойство! Прошу вас, садитесь, — он указал на стул.

— Кто вы такие? — сухо осведомился профессор, продолжая стоять. — И на каком основании задержаны я и мой товарищ?

— О, я сейчас же распоряжусь, чтобы вас освободили, если... если вы согласитесь помочь нам! — воскликнул толстяк.

— Я ученый и советский гражданин. Что вы от нас хотите?

— Благоразумия! — лицо толстяка выразило неудовольствие. Он грузно поднялся из-за стола. — Не будьте так неразумны, как ваш сумасшедший коллега! Вы в нашей власти.

— Что это все значит?

— Я имею в виду Великий межнациональный союз, представителями ко-

торого мы являемся! — Толстяк указал взглядом на военных. Те церемонно поклонились.

— Нам хорошо известно ваше имя, — продолжал толстяк. — Мы обращаемся к вам за помощью, ибо испытываем острую нужду в людях, подобных вам. Здесь, вдали от цивилизованного мира...

— Оставьте этот разговор, — прервал Владимир Иванович. — Я вам не помощник.

— Вы хотите стать бессмысленной жертвой? — искренне удивился толстяк. — Но правительства наших государств по-должному оценят ваши заслуги! Вы ученый и должны служить науке!

— Наука? — медленно произнес профессор. — Иногда бывает полезнее не жить, а умереть. Люди науки не раз оказывались перед таким выбором.

Военные быстро заговорили на неизвестном Владимиру Ивановичу языке. Толстяк стукнул кулаком по столу:

— Хорошо, идиот, мы убьем тебя! Но прежде подумай хорошенько! Мы ведем здесь громадной важности работы. Ваша экспедиция помешала нам. Несмотря на это, работа будет закончена. Учтите, что смерть ваша не принесет большевикам никакой пользы.

Мы требуем от вас немногого: вернуться к своим и немедленно вывести экспедицию из тайги. Вы должны заявить, что никакого метеорита не обнаружили и что искать его бесполезно. Ваш ассистент останется заложником. Если вы предадите нас, он будет немедленно убит. Если же вы предоставите нам возможность спокойно закончить работу, мы его отпустим. Пока же вы скажете, что он разбился при прыжке и что вы его похоронили в тайге... Ответ дадите утром.

Владимир Иванович мучительно думал, пытаясь найти выход из создавшегося положения. Он прекрасно понимал, что помощь непременно прибудет в самое ближайшее время. Нельзя ли пока оттянуть с ответом и заодно попытаться кое-что выведать?

— Скажите, — обратился он к толстяку, — а где гарантии, что моему другу действительно будет сохранена жизнь? И потом, я хочу знать хотя бы некоторые подробности вашего предприятия. Если оно таит угрозу для моих соотечественников, то я, конечно, с вашими условиями никогда не соглашусь.

— О, что вы, профессор! — обрадованно заговорил толстяк. — Мы же не варвары. Обо всем этом с вами поговорит ваш коллега мистер Джонс, наш научный консультант. — С этими словами толстяк нажал кнопку звонка.

Прошло несколько минут. За стеной послышались быстрые шаги и в комнату вошел Тропот.

Владимир Иванович едва не вскрикнул от неожиданности. Но он не ошибся — это был Тропот. «Товаровед» торопливо пошел навстречу Владимиру Ивановичу, приготовившись к рукопожатию. Профессор резко убрал руку за спину...

В ТАИНСТВЕННОЙ ДОЛИНЕ

Бабочкин вернулся из Красноярска и привез следователя. Тот тщательно осмотрел комнаты Тропота и Иванова, опросил всех и улетел обратно. На другой день покинули факторию девушки.

Погода испортилась. Моросил дождь, над тайгой нависли тяжелые тучи. Томясь вынужденным бездействием, Санин, Нормаев и Переплетчик с нетерпением ждали вестей из Красноярска, где — они уже знали об

этом — снаряжалась экспедиция из охотников для розыска профессора и Кочетова.

Наконец, однажды на рассвете студенты были разбужены тоненьким пароходным свистком. Когда они прибежали на берег реки, пароход уже причалил, и по мокрому трапу выходили таежные охотники с централками, с топорами и сумками. Лева Переплетчик насчитал двадцать шесть человек. Возглавлял экспедицию тот же чекист.

Охотники шумно разместились по комнатам, развели огонь, и скоро в большом закопченном котле весело забурился чай.

Чекист и двое охотников-руководителей заперлись с Саниным в отдельной комнате и долго, вникая в мельчайшие подробности, расспрашивали о тропинках, о густоте зарослей, о болотах, о выносливости Владимира Ивановича и Кочетова, об их снаряжении...

Как только рассвело, был отдан приказ выступить.

Шли одной колонной, взяв направление на загадочную долину. Впереди двигались пять человек с топорами, расчищая дорогу остальным. Состав пятерки то и дело менялся. Иногда действовали все вместе: гадали преграждавшие путь топи.

Продвигались вперед медленно, но верно. К ночи прошли километров пятнадцать.

На другой день к полудню экспедиция достигла края долины и стала спускаться по склону. Лес здесь был разрежен, в низине курилась непонятная дымка.

— Сырость какая стоит кругом, — переговаривались охотники.

Между тем путь становился все труднее. Какая-то тяжесть давила на сердце, воздух был густым, влажным, неподвижным. Слезилась глаза. Кружилась голова, все тело будто наливалось свинцом.

Люди стали терять сознание, падать. Наиболее сильные, с трудом передвигая ноги, брели дальше, но и они, запнувшись, в беспамятстве валились наземь. И вдруг впереди, за деревьями, замелькали фигуры людей в противогазах...

* * *

Вот уже третий день об экспедиции не было никаких вестей. И тогда были приняты решительные меры.

САМОЛЕТЫ НАД ТАЙГОЙ

Командарм Особой Дальневосточной находился в инспекторской поездке, когда ему вручили телеграмму из Хабаровска, сообщая, что на пять часов вечера его вызывает к прямому проводу Москва. Так как времени было уже около трех, то командарм оставил железную дорогу и пересел на самолет. Через час он уже был в Хабаровске.

Ровно в пять в кабинете командующего раздался звонок. Вызывали из Наркомата обороны.

Ах, вот в чем дело! Москву интересуют приключения экспедиции Блюмкина...

— С экспедицией творится что-то неладное. Не вмешаться ли вам в это дело? Попробуйте выяснить, кто это там орудует в тайге, срывая работу ученых.

Командарм мысленно выругал себя. Хотя экспедиция Академии наук была сугубо гражданской и работала, собственно, не на Дальнем Востоке, командарм все же считал большим упущением, что не заинтересовался ею. Работая на самом далеком рубеже страны, он давно уже научил себя не разделять непроходимой стеной дела гражданские и военные. Слишком часто сугубо штатские, казалось бы, дела перерастали здесь в

военные, а события, происходящие, скажем, в Свердловской области, имели подчас прямое касательство к Хабаровску. Враг действовал не только атакой в лоб, но и обходом.

— Так как же насчет экспедиции Блюмкина? — продолжал спрашивать настойчивый голос.

— Что говорить, — торопливо отвечал командарм, — займемся, конечно, займемся.

...Раннее осеннее утро застало аэродром Н-ского авиаполка в необычайном оживлении.

На стартовой линии стояли тяжелые самолеты с заведенными для прогрева моторами. К командиру полка то и дело входили люди с последними сводками погоды, с картами, с рапортами. В восемь часов утра все приготовления были закончены, и у самолетов выстроилось двести парашютистов, вооруженных винтовками и ручными пулеметами, с противогазами через плечо. Командир полка внимательно оглядел строй и зачитал приказ о предстоящем авиарейде.

— По самолетам! — раздалась команда.

Гул пропеллеров, сотрясая воздух, густо плыл над землей. Стартер махнул флажком, и первая машина побежала по полю.

Распластав широкие крылья, самолеты шли на северо-запад. На исходе второго часа полета командиры экипажей приняли радиограмму с высланного вперед самолета-разведчика.

«Идите прежним курсом. Через час будет достигнута долина, окруженная горами с запада и востока. Вся долина в тумане. Высадку производить в квадрате 40-70, с высоты 800 метров, в противогазах».

Десант подготовился к высадке.

Подхваченные воздушными водоворотами, парашюты хлопали, как открываемые зонты.

Их белые купола появились в воздухе один за другим, и скоро небо словно украсилось ромашками.

Рев многокрылой эскадрильи вызвал в таежной колонии панику. Бандиты прятались, ожидая чуть ли не бомбардировки. Эта паника как нельзя лучше способствовала успеху операции.

Не прошло и получаса, как из ворот ограды показался парламентар с белым платком в руке. За ним высыпала толпа человек в пятьдесят, одетая во что попало и имевшая весьма неприглядный вид.

Бандиты были быстро обезоружены, и десант разделился на три отряда. Один пустился в погоню за бежавшими главарями, другой — освобождать профессора и Кочетова, третий взял на себя охрану пленных.

Через два часа отряд, преследовавший беглецов, вернулся, приведя с собой одного из них, с чемоданом каких-то чертежей. Чемодан немедленно перешел в руки Владимира Ивановича.

Что за секрет так ревностно охраняли эти люди? Не связано ли это с метеоритом, над разгадкой тайны которого вот уже столько лет бьется наука? И, не теряя больше времени, Владимир Иванович и Кочетов в сопровождении десантников переступили порог таинственной ограды...

ПОСЛАНЕЦ С МАРСА

Московский день клонился к концу. Каждый спешил закончить намеченные на день дела.

И вдруг ритмичная, чеканная трудовая жизнь столицы была нарушена. Случилось это около пяти часов вечера. Тысячи репродукторов на площадях, на улицах, в учреждениях, в квартирах громко оповестили:

— Слушайте, слушайте! На территории Красноярского края, в районе реки Чамбе, обнаружен корабль марсиан...

Люди застыли в ожидании, что голос из репродуктора сообщит еще что-то, разъясняющее небывалую новость. И действительно, репродуктор заговорил снова:

— Слушайте, слушайте! Только что получено сообщение из Красноярска о том, что в районе реки Чамбе найден космический корабль, посланный с Марса.

Этим летом в Сибирь была направлена экспедиция профессора В. И. Блюмкина для розыска гигантского метеорита, упавшего в 1908 году. Незвестная шайка бандитов пыталась сорвать работу экспедиции. Принятыми мерами удалось бандитскую шайку ликвидировать. Выяснилось, что она пробралась на территорию нашей страны по заданию некоторых зарубежных государств.

Вчера мы получили от профессора В. И. Блюмкина телеграмму сенсационного содержания. Оказывается, в 1908 году в Сибири упал не метеорит, как предполагалось до сих пор, а совершил посадку космический корабль марсиан. Как сообщает В. И. Блюмкин, межпланетный корабль, насколько можно было установить при беглом осмотре, находится в хорошем состоянии.

ТРИ ИМЕНИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

В тайге научная работа шла полным ходом. Владимир Иванович и Кочетов уже которую ночь не смыкали глаз, занимаясь исследованием найденных приборов, роаясь в документах.

Выяснилось, что Антон Тропот, он же Джонсон, он же Шнитке, руководил бандитской группой, в которой

были ученые и инженеры. В задачу группы входило захватить марсианский корабль, тщательно изучить его устройство и овладеть техническими тайнами марсиан. Впоследствии предполагалось использовать ракетную технику Марса для создания сверхоружия в планируемой войне против Советского Союза.

Благодаря изощренной конспирации шайке удалось безнаказанно орудовать в пределах нашей страны в течение нескольких лет. Бандиты заканчивали приготовления к тайному вывозу всей технической документации и наиболее ценного оборудования, когда вмешательство экспедиции Блюмкина расстроило их планы.

Читатель помнит, что первая встреча Тропота с экспедицией произошла в поезде, после чего «товаровед» продолжил свое путешествие с помощью необычного летательного аппарата. Ученые тщательно исследовали его — на складе в лагере обнаружилось несколько таких аппаратов. Выяснилось, что они завезены к нам с Марса и изготовлены из легкого металла, напоминающего алюминий. Питанием для этого аппарата служило совершенно неизвестное земным ученым горючее.

Тропот жил постоянно на фактории Лесной. Вся связь шайки с внешним миром велась только через него. Из фактории он обыкновенно уходил в тайгу километров на пять и уже оттуда совершал свои путешествия по воздуху с помощью летательного аппарата марсиан. Именно этим объяснялась загадочность таежных троп, обрывавшихся всегда совершенно неожиданно.

Когда экспедиция начала воздушные разведки, Тропот дал указание замаскировать лагерь искус-

ственно созданным туманом. Тут дело также не обошлось без участия техники марсиан.

Тропот не брезговал ничем, чтобы замести следы своей деятельности. Это он убил заведующего факторией Иванова и зверски изуродовал его лицо, чтобы создать иллюзию собственной смерти. Он же не оставался перед тем, чтобы отравить газами экспедицию охотников. Это был страшный человек.

Когда высадился десант, Тропот и тут не растерялся. Удирая, он прихватил всю научную документацию. Правда, у пойманного десантниками члена шайки были также обнаружены различные схемы и чертежи, но... они оказались лишь фотокопией оригинала, который находился у Тропота. В любую минуту проходец мог ускользнуть за границу с этой более чем ценной добычей.

Санин, Норманов и Иван Жук — люди, хорошо знавшие Тропота в лицо, — ринулись в погоню за ловким и опасным авантюристом.

Уже несколько дней Санин жил в Н-ске, небольшом городке, находившемся неподалеку от границы. Михаил ходил по его малолюдным улицам, присматривался к прохожим, подолгу бывал на вокзале.

Санин равнодушно — без всякой надежды, скорее, по выработавшейся за эти дни привычке — наблюдал за людьми, сходящими с поездов, как вдруг его внимание привлекла странно знакомая фигура. Человек, одетый в хорошее пальто, мягкую шляпу, с саквояжем в руках шел по перрону, направляясь к буфету. Санин стал вспоминать, где он видел эти широкие плечи, немного сгорбленную фигуру и размеренную, чуть поддрагивающую походку. Вдруг его осенило: Тропот!!! В два прыжка он нагнал человека и схватил его за плечо. Тот спокойно обернулся и холодно спросил:

— Что вам угодно?

На Санина смотрело незнакомое лицо, с черной козлиной бородкой. Извинившись, Санин поспешил скрыться в толпе.

А человек с бородкой спросил себе стакан нарзана, и буфетчица с удивлением заметила, как дрожал в его руках стакан.

Затем он вышел с вокзала и зашагал прочь.

...Как только Санин увидел опять этого человека на улице, то сразу же пошел за ним. Незнакомец окольным путем вернулся на станцию и стал пробираться по железнодорожным путям. Санин последовал за

ним, прячась за вагонами.

Сейчас он стоял на пустыре, напротив заброшенного товарного вагона и, сдерживая дыхание, выжидал минуту. Затем рванул разохшуюся дверь и прыгнул в вагон.

Прямо перед ним стоял Тропот и надевал стеганные крестьянские брюки. Санин бросил взгляд на пол, где лежали борода, очки и маузер, и наставил на Тропота револьвер. Тот грязно выругался и поднял руки.

В ПЛЕНУ У ЗЕМЛИ

У Тропота нашли не только подлинники всей научной документации, но и некоторые приборы, снятые

им с корабля марсиан. Особенно заинтересовал ученых небольшой металлический ящик, внутри которого находился аппарат, напоминающий игрушечную пушку, и несколько цилиндров из черного металла.

Тропот категорически отказался сообщить, каково назначение прибора. Но, может быть, он и сам не знал этого?

Решить задачу взялся Кочетов. И настал надолго запомнившийся вечер. Все население научного городка собралось в столовой.

— Дорогие друзья! — с волнением сказал Кочетов. — Сейчас марсиане сами расскажут нам о Марсе.

Все затаили дыхание. Кочетов поставил аппарат против небольшого экрана, вставил в «пушку» цилиндр и нажал кнопку. Экран засветился.

...Огромное, величественное здание. Люди в красивых, удобных одеждах поднимались по широким лестницам. Вот рабочая комната — люди склонились над столами и чертят, высчитывают... Вот просторная лаборатория — около полусотни людей наблюдают за приборами, рассматривают что-то в микроскопы.

Экран переносит зрителей на улицу. Широкий проспект уходит далекой ровной лентой. Лишь изредка по колее, проложенной на середине улицы, бесшумно проносятся состав закрытых платформ с грузом, напоминающий наш земной поезд. На тротуарах видны немногочисленные пешеходы. Сейчас рабочее время, и все на своих местах, — ненужной беготни тут нет. Длительные путешествия совершаются по воздуху: через каждые четыре квартала расположены станции, где любому марсианину по первому требованию выдается летательный аппарат и костюм.

Перед зрителями тянутся бескрайние поля. Воздух необыкновенно чист. Растительность пышная, но ее

жизнь умело направляется рукою человека. Между участками проложены два пути — по ним взад и вперед снуют платформы с машинами для обработки полей, удобрений, готовой продукцией...

Кочетов вставил в аппарат другой цилиндр, и новые картины пошли перед глазами зрителей.

Не видно цветущих полей, садов, окаймляющих реки и озера. Крутом, куда ни взглянешь, тянутся бескрайние просторы безжизненной пустыни. Все мертво кругом, дико и уныло. Бесконечные пространства проходят на экране, но глаз не видит ничего, кроме желтого песка да синего, без единого облачка неба.

Вот вдали показались какие-то строения, они приближаются к зрителю... Это город, но город, умерший много столетий назад и представляющий из себя жалкие руины, печальные остатки величественных и красивых человеческих творений. Когда-то город омывала могучая река. Но сейчас о ней напоминает лишь обрывистый каньон, без единой капли влаги.

Что же произошло с Марсом? Что превратило цветущую планету в пустыню без растительности, без влаги, без жизни? Может быть, марсиане в чем-то просчитались, переделывая природу? Тут многое еще нужно понять. Но дыханием большой и сложной жизни пахнуло с экрана.

Огромные ледяные глыбы громоздятся одна на другую, образуя волшебные замки, искрящиеся на солнце воздушные арки, живописные заливы и бухты. Один за другим мелькают кадры, и зрители чувствуют, что аппарат уносит их к полюсу. Покрытые вечными снегами ледяные поля тянутся кругом насколько хватает глаз. Край вечного холода, вечного молчания.

На экране снова город, город совершенно иного типа. Одноэтажные сооружения. Крыши у них из толсто-

го стекла, стены массивны, выложены из камня. Распахиваются двери одного из домов, и зрители видят подъемную машину. Вот она опускается, перед глазами один за другим мелькают этажи. Ага, значит, эти здания подземные!

Кочетов обращает внимание зрителей на прибитые всюду белые таблички: у умывальников, в столовых, в ванных комнатах — и переводит на табличках лишь два слова: «Берегите влагу!».

Забота о сохранении влаги стала на Марсе важнейшим делом и обязанностью каждого. Во всех школах и университетах главной была наука о влаге и способах ее сохранения. Большинство научных учреждений работало над разрешением этих же проблем. Разрабатывались способы химической очистки загрязненной воды, химические составы для гигиенических процедур, которые заменили бы обычные ванны, расходующие большое количество воды. Были разработаны многочисленные варианты обедов, завтраков и ужинов, не вызывающих жажды.

Но эти меры лишь отодвигали опасность, нависшую над марсианами.

Засуха наступала сурово и неумолимо. Населенная полоса у полярных океанов юга и севера делалась все уже и уже. И все чаще приходила людям неотступная мысль о том, что дальше так продолжаться не может, что необходимо избрать более действенный путь для сохранения жизни...

И вот на экране видны колоссальные залы Дворца Раздумья. Его ярусы заполняются людьми. Это — члены Единого Совета, лучшие и мудрейшие люди планеты. На возвышении установлен экран, около которого, занятый какими-то приготовлениями, движется человек. Видно, что люди собрались сюда для обсуждения

очень важного и большого дела, что этот человек сейчас сообщит собравшимся о результатах продолжительных и настойчивых исследований.

Экран вспыхнул внутренним слабым светом, и все увидели ночное небо с бесчисленными мириадами мерцающих звезд. Одна из них понеслась навстречу залу, приблизилась, выросла.

Солнце...

Вокруг него одна за другой появились планеты. Меркурий, Венера, Земля... На Землю марсианин указал тонкой блестящей палочкой.

Как можно было догадаться, ученый докладывал о целесообразности и возможности переселения марсиан на эту планету. Он что-то говорил, показывая различные чертежи.

Новый цилиндр, вставленный Кочетовым в аппарат, рассказал немного.

Зрители увидели картины звездного неба, удаляющийся Марс, все увеличивающуюся в своих размерах Землю.

На экране шли кадры, показывающие место приземления и сам корабль, опустошивший огнем своих двигателей огромный район тайги. Значит, посланцы с далекой планеты ступали по этой долине, они были тут! Что же произошло дальше? Волшебный аппарат был нем.

Вековая тайга оказалась скупой: раскрыв людям одну тайну, она навсегда похоронила другую...

Проф. Г. И. ПОКРОВСКИЙ

ПОЛЕТ НА РАКЕТЕ

Фантастический очерк

Иллюстрации автора

Журнал «Техника-молодежи», № 2-3, 1936 г.

ПОЛЕТ НА РАКЕТЕ

Мы помещаем четыре живописных рисунка, показывающих возможную картину будущего полета на космической ракете. Картины написаны проф. Г. И. Покровским — автором увлекательных популярных статей по теоретической физике, хорошо известных нашим читателям. Мы с особым удовлетворением отмечаем тот факт, что Человек науки для популяризации научно-технических идей прибег не только к словесному описанию, но и к языку живописи.

Пользуемся случаем, чтобы обратиться ко всем ученым и инженерам с просьбой помочь этому замечательному начинанию. Мы ждем от наших специалистов объемных графических рисунков, художественных фотографий, живописных эскизов, которые смогли бы вместе с кратким популярным объяснением показать лицо вновь создаваемых вещей — машин, станков, аппаратов, заводов, — показать в фантастической форме те заманчивые контуры науки и техники, которые ожидают нас в будущем. (Ред.)

Язык чертежа, графика, фотографии занимает все большее место в научной, технической и популярной литературе.

Достаточно сравнить любую книгу, изданную лет 30—40 назад, с современными изданиями, чтобы убедиться, как бедно и подчас наивно иллюстрировалась старая научно-техническая литература.

Но чертежи, графики и фото могут передавать только уже осуществленные вещи или, во всяком случае, достаточно точно разработанные.

Смелая научная фантазия, широчайшие горизонты науки и техники, уже вырисовывающиеся перед нашим умственным взором, не могут быть переданы подобными изобразительными средствами.

Даже схематический чертеж требует полной ясности целого ряда деталей. А именно детали многих заманчивых проблем еще скрываются во мгле будущего.

Иначе обстоит дело, если мы вместо точных методов изображения изберем художественные приемы, и постараемся передать пока еще смутно предчувствуемые научные победы будущего языком искусства, языком, для которого не столько важны детали, сколько общее синтетическое содержание и целеустремленность.

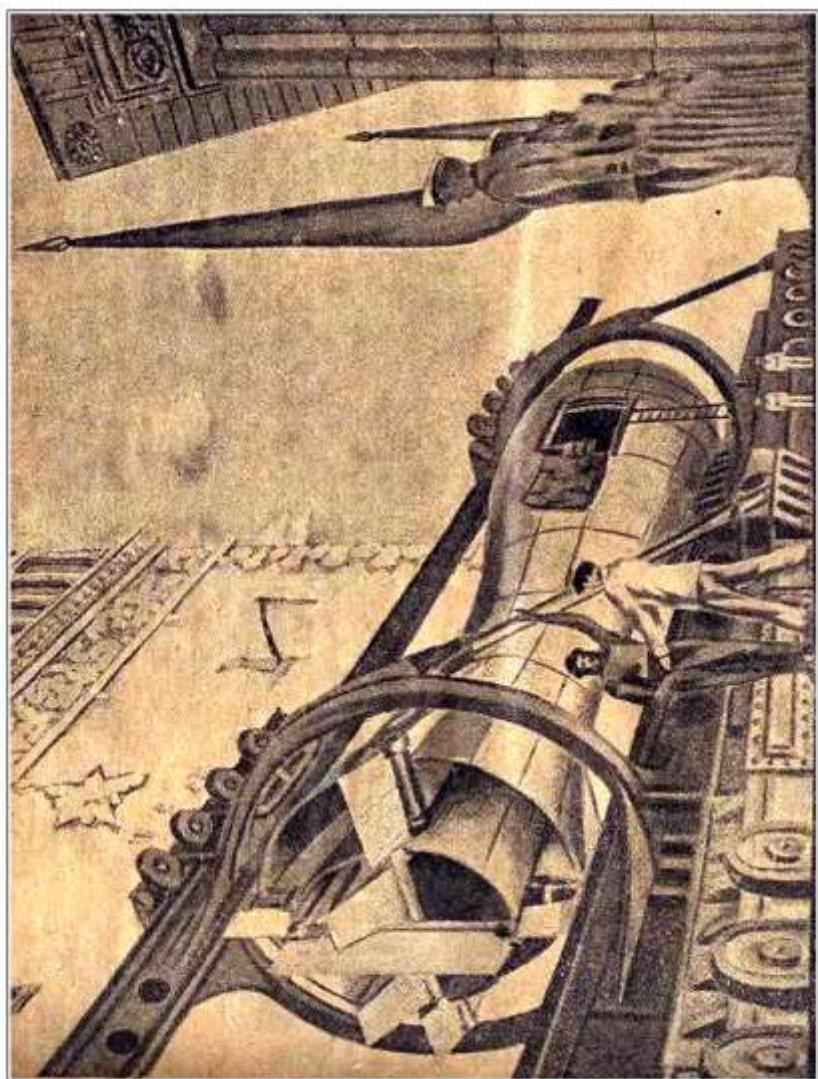
Научная фантастика должна в ближайшее же время приковать к себе внимание художников. Здесь перед ними неограниченное поле для применения своих творческих сил и дарований.

Недаром еще за сотни лет до нашего времени лучшие и наиболее культурные художники своей эпохи, как Леонардо да Винчи или Альбрехт Дюрер, дали много рисунков и гравюр, посвященных технической фантастике.

Чтобы все сказанное не было отвлеченным рассуждением, я позволил себе иллюстрировать высказанные мысли несколькими эскизами, репродукции которых здесь приводятся.

Данная серия посвящена межпланетному путешествию на ракете — вопросу, не раз уже освещавшемуся как в научной, так и популярной литературе.

Таким образом, здесь не выдвигается никакой новой идеи ни в целом, ни в деталях, и все внимание обращено на форму, в которой преподносится научная фантастика.

1.

Космическая ракета готова к полету. Отдаются последние приказания. Летчик прощается с товарищами перед посадкой в ракету. Она укреплена на стартовой тележке. Двигаясь по соответствующему пути, тележка дает ракете начальную скорость. Уже после этого начнут действовать реактивные двигатели самой ракеты. Вы видите более подробно хвостовую часть ракеты, представляющую собой два концентрических сопла очень большого диаметра. Из этих сопел при полете выбрасываются газы, в результате чего ракета приобретает соответствующий импульс вперед. Около сопел видны рули, действующие на выбрасываемую струю газов; таким образом, они позволяют менять направление полета. Внутреннее сопло является, по существу, рабочим, внешнее же служит для выпуска газов, охлаждающих внутреннее сопло и внешнюю оболочку ракеты. Оболочка может нагреваться от большой скорости ракеты в атмосфере Земли и других планет.

Стартовая тележка имеет, кроме нижних колес, еще и верхние, которые при больших скоростях движения упираются в особые верхние добавочные рельсы. На рисунке этих верхних рельсов нет, так как в начале стартовой дорожки скорости малы, и устойчивость обеспечивается обычным способом.

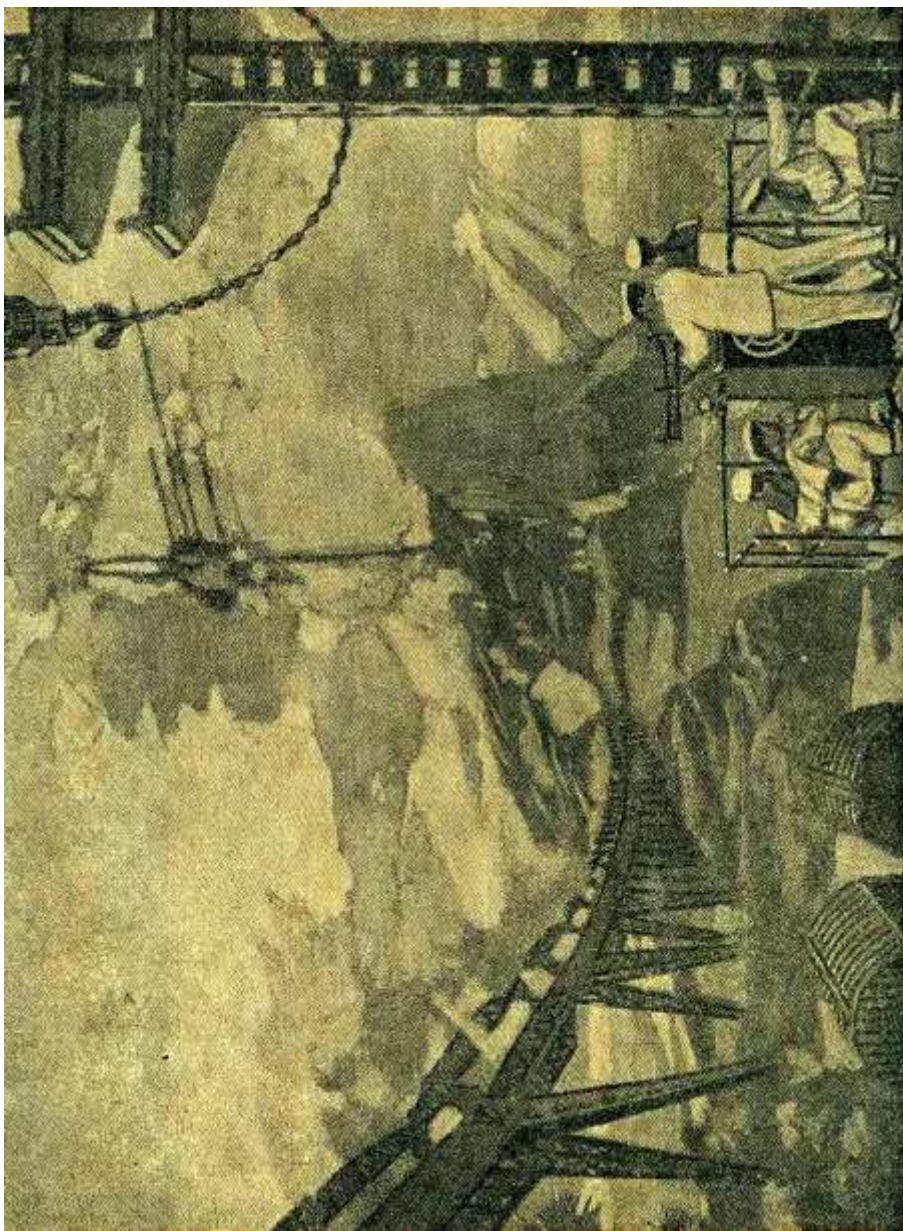
Ракета на стартовой тележке стоит среди зданий соответствующих мастерских. Следует обратить внимание, что архитектурному оформлению этих утилитарных построек уделено должное внимание, как этого и следует ожидать в высококультурном обществе будущего. Нескольким странным может показаться подчеркнуто военный характер самой сцены прощания. Но этим отмечается, что чем совершеннее техника, тем более четкой и выдержанной дисциплины требует она от человека.

2

Старт дан. Вглубь картины направлена стартовая дорожка, частично идущая по стальному мосту. Вдали, на вершине горы, дорожка переходит на высокую башню и получает почти вертикальное направление. Тележка с ракетой получает свой разбег с помощью системы кольцевых электромагнитов, соединенных вверху фермами, несущими верхние направляющие рельсы.

На переднем плане виден центральный пост управления. Здесь установлена модель стартовой дорожки. Контрольные приборы показывают ускорение ракеты на разных участках пути. Специальная аппаратура регулирует работу электромагнитов. Возле центрального поста, внизу находятся тяжелые электросиловые установки (не видные на рисунке).

2.

Для их обслуживания устроен мостовой кран, одна из колонн и блок которого видны около поста управления.

В изображаемый момент ракета только что отделилась от стартовой башни и, выбрасывая облака конденсирующего водяного пара, уходит вертикально вверх, в космическое пространство.

Следует обратить внимание, что все действие происходит в южных широтах. На это указывают пальмы под мостом слева. Расположение места старта на юге имеет то преимущество, что к скорости ракеты, полученной ею при старте, прибавляется еще и скорость вращательного движения Земли. Выигрыш хотя и не велик, но в технике будущего, возможно, будут учитываться и такие тонкости.

3

Ракета ушла в космическое пространство. Теперь особенное значение приобретает связь с нею. Для этого предназначаются специальные высокогорные станции — обсерватории.

Здесь можно видеть три различных установки. Средняя представляет собой мощную радиопеленгаторную установку. На башне станции видны три взаимно перпендикулярных кольца, внутри которых расположены рамочные антенны. Сопоставляя силу сигналов, принимаемых на всех трех антеннах, можно установить направление, откуда идет сигнал; следовательно, в данном случае можно установить астрономические координаты ракеты, — если она посылает какие-либо радиосигналы.

Слева вдаль видна обычная астрономическая башня с телескопом, которым в темное время суток можно

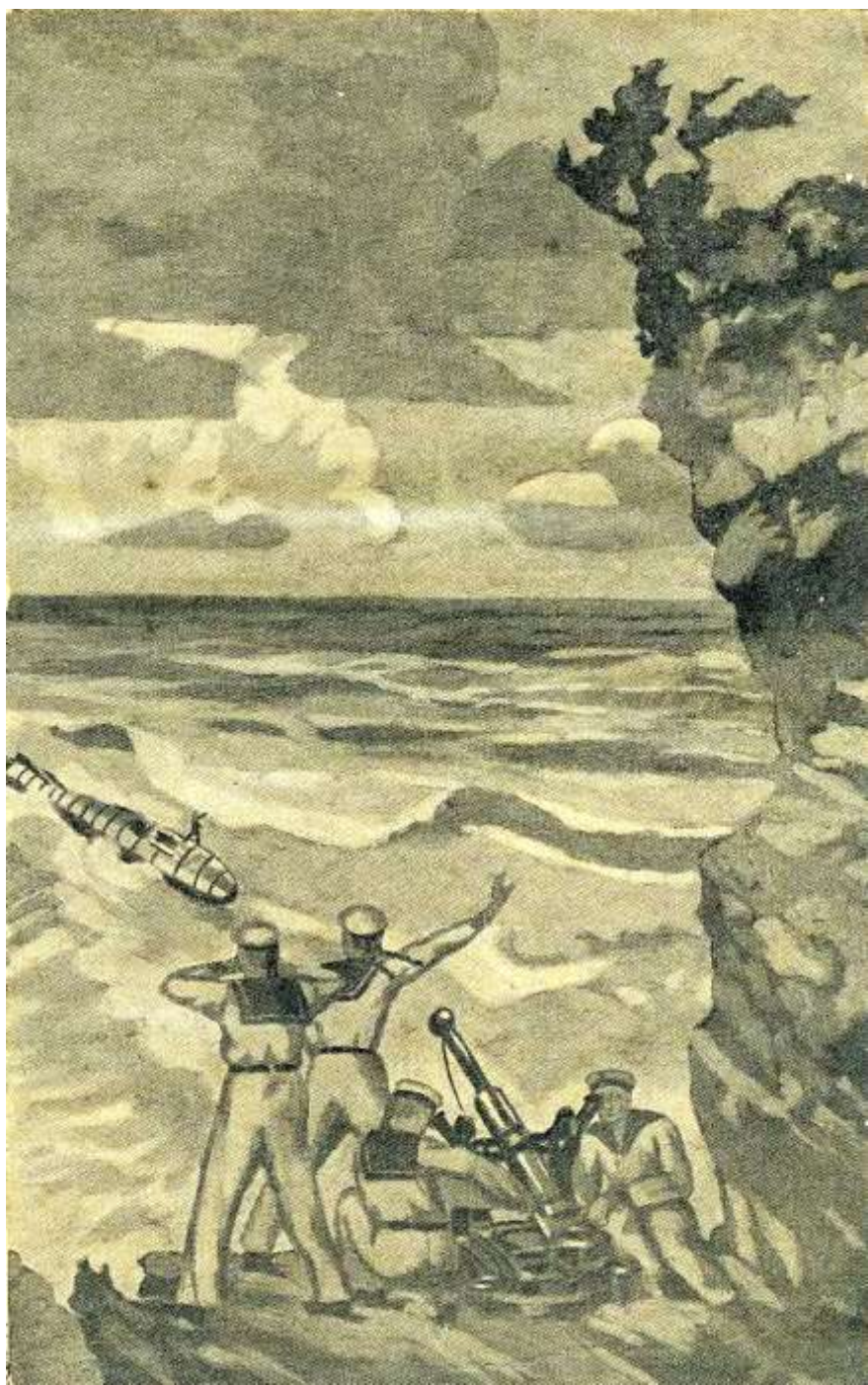
взять Точный прицел на ракету, если область неба, где она находится, установлена радиопеленгированием.

Наконец, справа расположено громадное параболическое зеркало направленной радиопередачи ультракороткими волнами для связи с ракетой. Установка отличается большой мощностью, ибо расстояние до ракеты может быть очень

В ущелье видны мачты высоковольтной электропередачи, подводящей энергию к мощному радиопередатчику.

Ракета возвращается на Землю. Она повернута теперь хвостовым кольцом вперед, из него выпускаются облака пара, тормозящие падение ракеты. Так как полное и точное торможение таким путем осуществить трудно, то для дальнейшего ослабления удара ракета спускается в море.

Между спустившейся в море ракетой и берегом устанавливается связь. Небольшая пушка перебрасывает на ракету крепкий трос, с помощью которого ракета подтягивается к берегу.

Проф. Г. И. ПОКРОВСКИЙ

РАКЕТНЫЙ ВОКЗАЛ

Фантастический очерк

Иллюстрации автора

Журнал «Техника – молодежи», № 11-12, 1937 г.

Одна из наиболее трудных задач, связанных с проблемой ракетного движения, — это приземление ракеты. Скорость движения ракеты огромна, и именно поэтому какое-либо точное управление ракетой при снижении становится невозможным. Всякий, более или менее крутой поворот, будет сопровождаться возникновением таких больших центробежных сил, которые окажутся губительными для людей, находящихся в ракете, и могут поломать приборы, механизмы и самый каркас ракеты.

Тормозить ракету придется на очень значительном расстоянии от места посадки, и тормозящие приспособления должны будут работать очень точно, так как иначе громадные инерционные силы также могут стать причиной катастрофы. Из этого вытекает, что старт, полет и, особенно, приземление ракеты должны

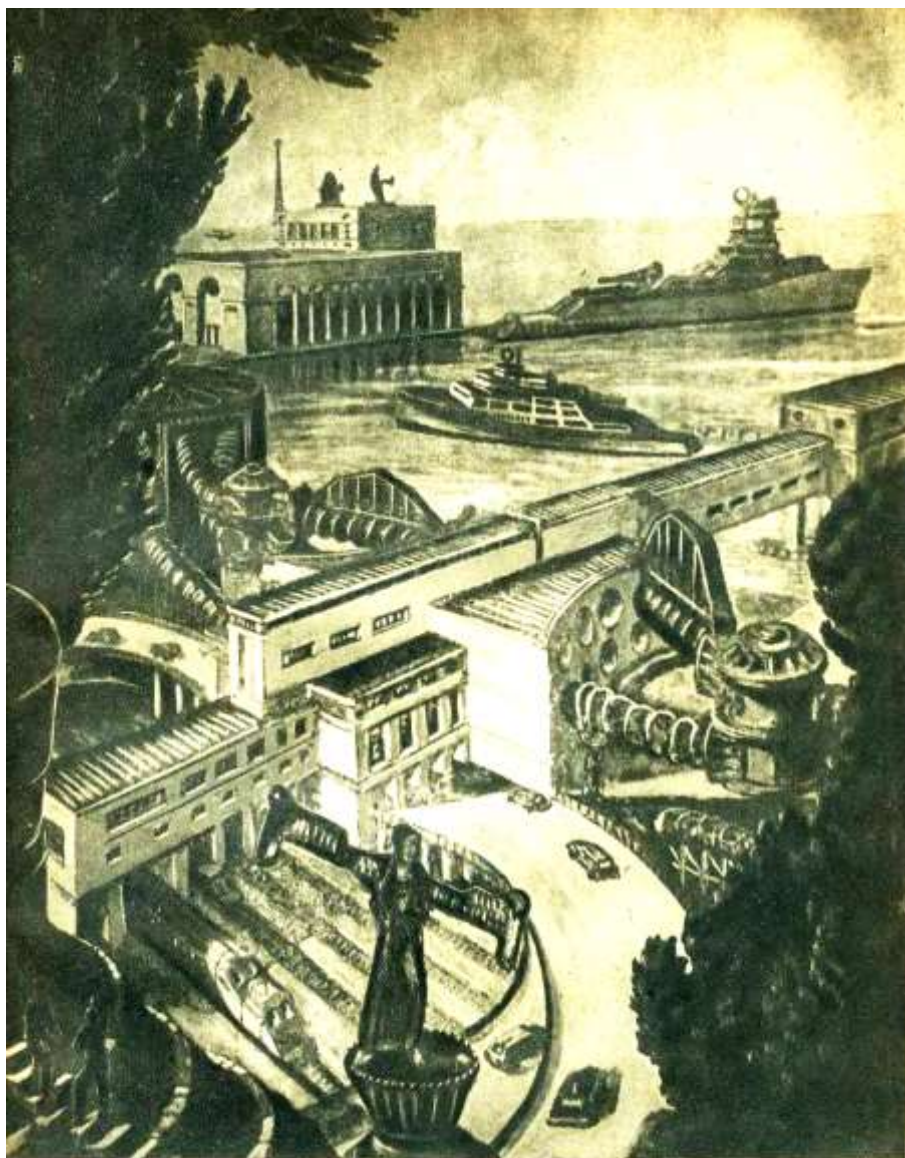
Рис 1.

быть автоматизированы, если только внутри ракеты будут находиться люди или какие-либо чувствительные механизмы.

Иначе говоря, в стратосфере и космическом пространстве необходимо проложить для ракеты, выражаясь образно, какие-то «рельсы». Однако совершенно очевидно, что изготовить этот «рельсовый путь» из какого-либо известного материала невозможно.

Но оказывается, что теоретически довольно просто создать рельсовый путь из лучистой энергии. Представим себе, что три прожектора посылают в пространство три потока энергии, параллельных друг другу или несколько расходящихся. Удобнее всего посылать в пространство потоки энергии в виде инфракрасных лучей или ультракоротких радиоволн. На ракете устанавливаются приемники этих лучей, действующие на рули ракеты. Если применены ультракороткие радиоволны, то в ракете ставится радиоприемник, настроенный на прием именно этих волн. От приемника передается соответственно усиленный электрический ток к небольшим электромоторам, которые поворачивают рули ракеты. Если же используются инфракрасные лучи, то вместо радиоприемника можно установить или фотоэлемент соответствующей конструкции, или приемник инфракрасных лучей, называемый **болометром**. И в этих обоих случаях лучистая энергия преобразуется в электрический ток, действующий на рули ракеты. Ракета автоматически идет на равных расстояниях от всех трех лучей, в средней части пространства, ограниченного этими лучами. Все приемники лучистой энергии должны быть устроены так, что включаются автоматически только после того, как ракета войдет в часть пространства, ограниченную лучами.

Рис. 2.

Ракетная станция.

Устроить эти приборы нужно так, чтобы под действием энергии такого луча ракета поворачивала в сторону от него, так сказать, отталкивалась бы от него. Именно для этого фотоэлемент, болометр или другой приемник присоединяются электрической проводкой к системе электромоторов, управляющих рулями ракеты.

Рис 1. Для надежности можно применить не три, а большее число лучей, расположенных так, чтобы они образовали гигантскую воронку, внутри которой двигалась бы ракета. Достаточно будет ракете попасть в эту воронку еще в космическом пространстве, и дальше она пойдет автоматически к ракетному вокзалу, установленному на Земле, удобнее всего, на скале соответствующей формы.

Приблизившись к Земле, ракета входит в гигантскую металлическую воронку, постепенно переходящую в трубу. В этой трубе ракета останавливается.

Для остановки ракеты можно прибегнуть к помощи сжатого воздуха, причем сжимать воздух будет сама ракета. Можно остановить ракету и при помощи электромагнитных сил. Для этого необходимо окружить трубу системой кольцевых электромагнитов.

[лакуна, обрезан текст]...старта ракет. В этом случае, при помощи электромагнитов можно добиться ускорения движения. При старте выходное отверстие трубы надо будет направлять, очевидно, так, чтобы ракета выбрасывалась почти вертикально. Так легче преодолеть сопротивление воздуха движению ракеты в нижних слоях атмосферы; ракета пересечет эти слои, двигаясь вертикально, т. е. по кратчайшему направлению.

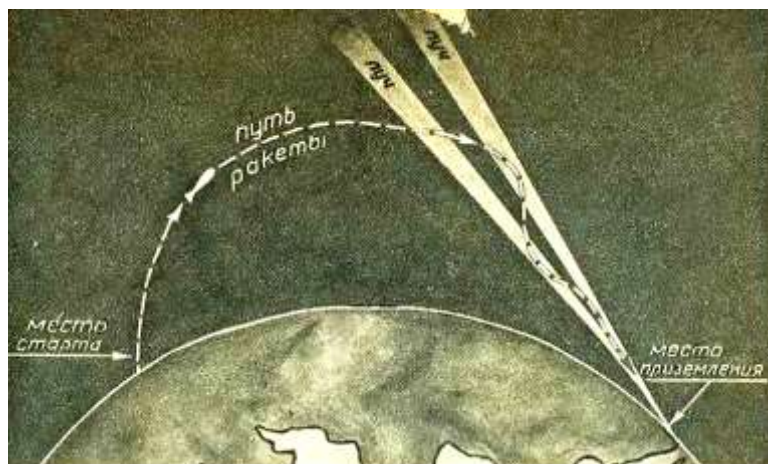
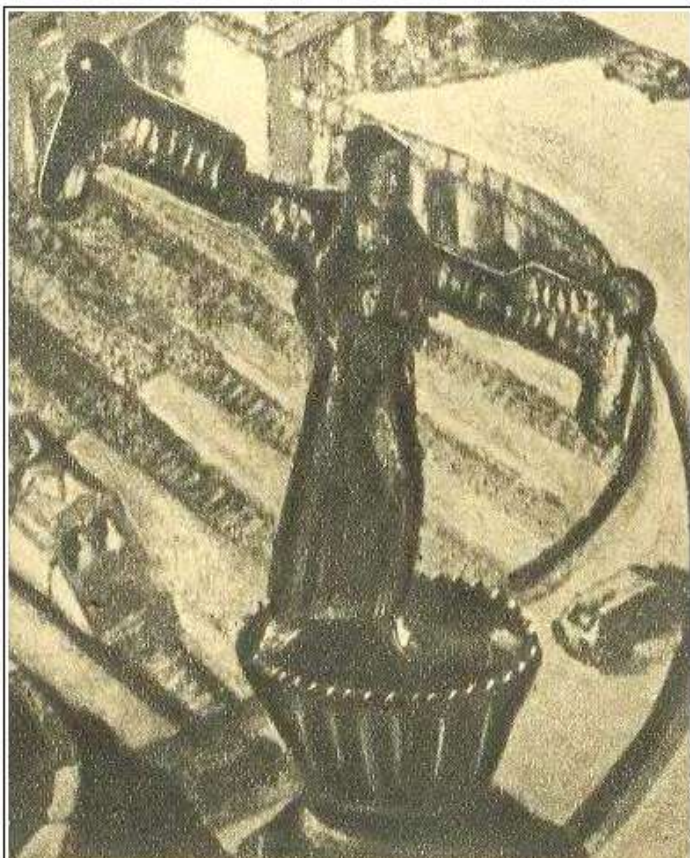

Схема полета и приземления ракеты.

Рис 2. Наглядно все оборудование ракетного вокзала изображено на рисунках. Среди облаков, в левой верхней части рисунка, видны слегка светящиеся следы трех лучей. Эти лучи испускают прожекторы, установленные возле устья трубы, принимающей ракеты. Нужно, конечно, помнить, что световой эффект представляет побочное явление. Основные же лучи, те, что действуют на приборы, управляющие ракетой, невидимы глазу. В середине видна башня для старта и приземления ракет. Приземлившаяся ракета идет к этой башне по трубе. Труба по мостам пересекает канал и приводит ракету к станции. Здесь происходят разгрузка и погрузка ракет, высадка и посадка людей.

Ракетная станция... Видны двухэтажные автострады и пути скоростных поездов, подходящие к станции. По обе стороны станции расположены приспособления, направляющие ракеты в ту или иную ячейку станции. Вдали, слева,— цилиндрическое здание ракетного депо.

Ракетная станция.

К депо от станции ведут трубы, по которым движутся ракеты.

Любопытна еще одна деталь, собственно, не относящаяся к основной теме этого очерка. На первом плане рисунка видна статуя стратосферного парашю-

тиста в маске. К спине его прикреплено небольшое крыло с двумя ракетными моторами.

Выбросившись из стратоплана на большой высоте, можно на таком аппарате пролететь еще десятки километров и приземлиться вдалеке от места, где пролетал стратоплан.

Такова схема полета и приземления ракеты, управляемой издалека при помощи световых лучей.

Э. ЗЕЛИКОВИЧ

СЛЕДУЮЩИЙ МИР

Отрывки из фантастического романа

Рисунки Г. КОВАНОВА

Журнал «Искатель», № 1, 1966 г.

СЛЕДУЮЩИЙ МИР

В 1930 году в журнале «Борьба миров» был напечатан научно-фантастический роман-утопия «Следующий мир» Эммануила Семеновича Зеликовича.

Профессор математики Джеймс Брукс и его ассистент Вилли Брайт загадочным образом исчезают. Столь же непонятным образом Брайт возвращается и рассказывает удивительную историю: Брукс нашел способ проникнуть в «четвертое измерение», литературный прием, с помощью которого герои оказываются в «соседнем мире», на неизвестной планете.

Об их необычайном путешествии, пережитых приключениях читатель и прочтет в публикуемом отрывке.

Профессор казался бледнее обыкновенного. Резким движением он включил предмет своей гордости — большой резонатор.

...В сотый раз загорелась яркая лампа, и поток мощных лучей с жужжанием и свистом прорвал «люк» в следующий мир. Профессор взглянул на хронометр: было четыре часа утра. Затем он взял меня под руку, и мы одновременно вступили в поле действия четырехметровых волн.

Раздался привычный взрыв, выбросивший нас за пределы пространства в абсолютную тьму.

* * *

Это был головокружительный момент, похожий на провал в бездну. Мы прыгнули, вытянув вперед руки, и упали с высоты не более двух метров. Опустившись на почву, мы остались лежать ничком, не осмеливаясь поднять голову.

— Вы невредимы, Брайт? — тихо спросил профессор, но мне показалось, что его голос прозвучал более звонко, чем обычно.

Я нащупал в темноте его руку и ответил:

— Да. А вы себя как чувствуете, мистер Брукс? Не ушиблись?

— Нисколько. Все прекрасно — перчатки защитили руки и смягчили падение.

Наши глаза, привыкшие к сильному освещению коттеджа, ничего не различали в этой крошечной тьме. Сзади нас, журча и искрясь, изливались потоки волн резонатора. Через «люк» мы видели яркий обьектив и смутные очертания кусочка нашей родины.

— Выключите резонатор! — скомандовал профессор.

Я нащупал в сумке рычажок, два раза повернул его и нажал кнопку. Тотчас же раздался удар, подобный стуку захлопываемой крышки пустой деревянной коробки. И маленькое отверстие, связывавшее нас с нашим миром, исчезло...

— Давайте сядем, Брайт, и обсудим положение, — сказал профессор. — Мы не ослепли, иначе бы не видели отсюда света резонатора. Возможны три варианта: первый — здесь всегда темно, второй — теперь ночь, третий — световые волны этого мира не соответствуют устройству наших глаз. Ба! — воскликнул он. — Мы настолько растерялись, что упустили из виду самые простые вещи — ведь у нас же с собой электрические фонари!

Он порылся в своей сумке, и через мгновение яркий луч прорезал черное пространство и быстро исчез.

— Все в порядке. Но не будем злоупотреблять светом — мы не знаем, кто нас окружает. Необходимо быть крайне осторожными. Двигаться тоже не следует, чтобы не свалиться с горы или не упасть в яму. Посидим спокойно и обождем. Если положение не изменится, подумаем, что делать дальше.

Было очень жарко, но не чувствовалось, однако, ни малейшей духоты. Необычайно свежий, пропитанный озоном воздух действовал опьяняюще. Голова кружилась, пульс участился. Ощущение бодрости и энергии повышалось до степени энтузиазма. Хотелось двигаться, прыгать, петь, кричать.

Прошло около часа. Внезапно вдали что-то засветилось. Это было отражение на верхушках гор вспыхнувшего на противоположной стороне горизонта зарева. Свет быстро усиливался, и показался выпуклый край луны.

— Прекрасно! — обрадовался профессор. — Есть луна, значит, будет и солнце! А это еще что такое?...

Я увидел в другом месте более яркое зарево. И вскоре появилась еще одна — огромная — луна.

Не успели мы налюбоваться этими светилами, как горизонт вспыхнул в новом месте, и показалась третья, на этот раз меньшая луна... Мы вскочили, переводя глаза с одной на другую. Стало уже настолько светло, что можно было читать книгу. Нашим глазам открылся своеобразный ландшафт.

— Какая красота! — воскликнул профессор. — Трудно представить себе, чтобы нечто... но что же это наконец?!

Я обернулся и увидел одновременно выплывавшие... еще две луны.

— Пять лун! Где это видано! Если бы на Земле знали...

— Стоп! Вот шестая...

Но профессор ошибся — это не была луна, появлявшееся светило походило на широкий язык, который вытягивался под углом вверх. Причем он был не сплошным, а состоял из нескольких слоев.

— Кольца?... Неужели же...

Вскоре показалась выпуклость огромного шара. Он быстро выплывал, его исполинские размеры все увеличивались...

— Сатурн! Совершенно похожий на наш! Но какой гигант!

— Потому что близок. И наш достаточно велик. Земля могла бы катиться по его кольцам, как мяч по шоссе...

Еще несколько минут — и «Сатурн» целиком предстал перед нашими изумленными взорами. Его размеры потрясали; площадь ядра казалась в сотни раз

больше нашей Луны, а вместе с кольцами светило занимало громадную часть неба. В довершение ко всему продолжали показываться в разных местах горизонта все новые луны...

— Но сколько их! Когда же будет конец?...

— Пока восемь. Будем считать дальше...

За восьмой выплыла девятая, за нею десятая... Вскоре появилась и одиннадцатая...

Поднимаясь, «Сатурн» и луны приобретали серебристо-блестящий отлив. Стало светло, почти как на Земле в облачный день. Но это был совершенно иной свет... Некоторые луны начали уже опускаться, зато появились еще две новые...

— Это еще не все — завтра, Брайт, вы увидите солнце, по сравнению с которым наше дневное светило покажется жалким пигмеем!

— Почему?

— Солнце-геркулес! — вдохновенно продолжал профессор. — Какой массой оно должно обладать, чтобы удерживать на таком близком от себя расстоянии эту гигантскую планету с ее спутниками!

— Но из чего вы заключаете, что они близки?

— Как «из чего»? — поразился профессор моей недогадливости. — А сила освещения «Сатурна» и лун? А температура сгружающей нас атмосферы?

«Сатурн» между тем приближался к зениту, сверкая, как полированное серебро. Окружавший его световой ореол образовал новое гигантское кольцо с исходившими радиально лучами, наподобие северного сияния. Оно заняло не менее трети неба. Ослепленные, мы могли продолжать свои наблюдения, только надев черные очки.

Луны приближались к горизонту и одна за другой исчезали. Перейдя свой зенит, «Сатурн» начал быстро

опускаться. Ореол поблек, сила света уменьшалась, серебристый отлив становился матово-желтым.

— Я жду с нетерпением утра, — сказал профессор. — Ждать осталось недолго. Предлагаю вам, Брайт, поспать.

После непродолжительного спора я подчинился авторитету профессора и устроился на ночлег.

Спать почти не пришлось.

— Брайт, солнце!

В расплавленном металле горизонта красовался огромный багровый шар. Вершины гор горели в огне. Не теряя времени, мы достали приборы и занялись наблюдениями.

Внезапно подозрная труба выпала из рук профессора. Я обернулся. Джемс Брукс застыл с мутно-неподвижными глазами.

— Что с вами, мистер Брукс?

— Смотрите! — отрывисто бросил он, протянув вперед руку.

На горизонте лежало второе солнце, раз в десять больше первого!

Безмолвно наблюдали мы оба светила, пока выплывавшее из-за горизонта третье солнце не вернуло нам дар слова.

— Мистер Брукс! — закричал я. — Что это значит? Куда мы попали?...

Впечатление было потрясающее... Я схватил профессора за руку и тряс ее.

— Вот видите, Брайт! Я правильно предугадал мощный центр тяготения!

Волнение лишило нас работоспособности. К тому же становилось невыносимо жарко — надо было искать тень. Но предварительно следовало заметить место, где находится по ту сторону пространства резона-

тор. Мы построили из камней холмик и воткнули в него деревянный стержень с тряпкой.

Расположенные неправильным треугольником, солнца стояли уже сравнительно высоко. Первое, средней величины, было несколько светлее нашего Солнца; второе, самое большое, имело оранжевый цвет; третье, меньшее из всех, испускало ослепительно белые лучи с фиолетовым оттенком.

Мы не снимали более темных очков: море света было невыносимо для глаз. На поверхности почвы уже нельзя было различить никаких неровностей — все слилось в ослепительно сверкавшую белую равнину.

Мы поспешили укрыться в тени ближайших гор.

В тени стало несколько легче, но ненадолго: солнца поднимались все выше. Раскаленные шлемы пришлось давно снять и обвязать головы платками, а также сбросить все доспехи и верхнюю одежду. Кожа на руках была обожжена и мучительно горела. Самочувствие ухудшалось. А голод и жажда заставили нас легкомысленно покончить с провиантом и остатками воды.

— Придется вернуться на Землю, — сказал профессор. — Но теперь мы уже знаем, чем необходимо запастись, отправляясь сюда. Мы привлечем ряд лип, которые уже не сочтут нас более фантазерами и не побоятся примкнуть к нам. Мы организуем большую международную экспедицию для исследования этой планеты. Это будет небывалым событием в истории человечества!

Едва волоча ноги, мы двинулись к исходному пункту.

— Включите резонатор! — скомандовал профессор.

Я стал вращать ручку магнето, ожидая открытия «люка» и шума искрящихся лучей. Но тишина не на-

рушалась.

— Дайте мне... проверить аппаратуру, — неестественно медленно произнес профессор.

Он проверял и пробовал, крутил и вращал, настраивал и перестраивал. И снова пробовал. Но ничто не помогало.

Томительно текли долгие минуты. Дрожащими руками профессор продолжал свою работу. Но все его попытки по-прежнему были бесплодны. Тогда он оставил магнето в покое и сел. Лицо его было бело, с висков сползали крупные капли пота.

— Все кончено, — хрипло проговорил он. — Мы не вернемся отсюда.

Солнца поднимались все выше. Я тряхнул отяжелевшей головой и сказал:

— Почему, дорогой мистер Брукс, вы потеряли всякую надежду? Быть может, в коттедже случайно прерван ток?

— Нет, — жестко отрезал он. — Причина несчастья гораздо страшнее и глубже, чем вы думаете. Мужайтесь и слушайте: пространства смещаются, а планеты летят в них с огромными скоростями. Уже миллионы миль отделяют нас от Земли.

Мы смолкли, покорно отдавшись судьбе. Потянулись часы мучительной жажды, голода и разъедающей весь организм слабости.

Внезапно меня осенила мысль, которую я не замедлил высказать:

— Мистер Брукс! А мистер Брукс?!

— Да?...

— Земля пробегает вокруг Солнца тридцать километров в секунду. Планета, на которой мы находимся, также движется. Кроме того, смещаются и сами пространства. Так ведь?

— Да, так.

— Почему же в таком случае, когда мы попали сюда, резонатор стоял неподвижно, пока я не выключил его?...

— Признаюсь, вы озадачили меня. Не могу создать в настоящий момент никакой гипотезы. Наш жалкий трехмерный мозг не в состоянии постичь структуру четырехмерного мира.

Стало как-то легче: отчасти от понизившейся к вечеру температуры, отчасти от высказанной мною мысли, возбудившей в глубине души маленькую надежду.

Закат солнц оказался не менее прекрасным, чем восход. Сумерек почти не было, и вскоре мы очутились в такой же тьме, как вчера. День длился около пяти часов.

Затем началось повторение грандиозного лунного зрелища прошлой ночи. Но теперь нас, затерявшихся и погибающих в чужом и чуждом мире, уже не подавляло величие этой неземной красоты.

— Я думаю над вашим вопросом, Брайт. Гипотез и теорий много. Но даже в лучшем случае найти в бесконечном пространстве этого мира точку, где находится в данный момент Земля с резонатором, безнадежнее, чем отыскать в Тихом океане потерянный атом. Как видите, утешительного мало.

«Сатурн» заходил. Прошел еще один долгий час.

— Мистер Брукс, с тех пор как мы покинули Землю, вы не сомкнули глаз. Я прошу вас, несмотря ни на что, поспать.

— Вы заботитесь обо мне, как сын об отце, дорогой Брайт. Хорошо, я попытаюсь — в прошлый раз вы мне уступили.

Несмотря на трагизм положения, профессор вскоре уснул.

Мне стало как-то все безразлично. Впав в апатию, я лишь усиленно старался отгонять мысли о жажде и голоде.

Горизонт засветился и стал алеть. Восходило первое солнце. Так как бояться здесь было некого, я последовал примеру профессора: оперся о свой мешок и погрузился в забытие.

* * *

Когда я проснулся, Джемс Брукс был уже на ногах. Он заботливо укрыл меня во время сна от палящих лучей солнца, уже высоко стоявших в небе.

— Что теперь... Брайт? — тихо спросил он, не глядя на меня.

— Теперь надо все же укрыться в тени.

Ощущение голода несколько притупилось, но жажда стала невыносимой. Напрягая остатки сил, мы с трудом достигли ближайшего убежища и в изнеможении опустились на «землю».

Солнца во всем своем великолепии заметно передвигались по идеально чистому небу. Мы ни разу не заметили здесь ничего похожего на облако.

Бездумно всматриваясь в глубокую, пустую синеву горизонта, я внезапно обнаружил какую-то точку. Лениво вынул из мешка подозрную трубу и занялся наблюдением.

— Что вы открыли там, Брайт? — вяло протянул профессор.

Я не ответил — мое внимание было приковано к приближавшимся с большой скоростью девяти продолговатым предметам.

Джемс Брукс поднял голову.

— Что там такое? — настойчиво повторил он вопрос.

Я молча протянул ему трубу. Судя по тому, как быстро он выхватил ее из рук, выражение моего лица, по-видимому, сильно изменилось.

— Брайт! Это люди, живые существа! Мы спасены!..

* * *

Через несколько мгновений неподалеку от нас опустились изящные эллипсоиды метров десяти в высоту и двадцати пяти в длину. Их поверхность состояла из шестиугольных блестяще-черных, как полированный мрамор, граней: серебристые оправы граней сверкали на солнцах. Ни крыльев, ни пропеллеров у этих воздухоплавательных снарядов не было.

— Брайт! Здесь должны быть необычайно культурные существа. Их техника выше нашей — они на тысячелетия опередили нас!

В серединах снарядов виднелись очертания кругов. Круги-диски стали вращаться и через минуту отскочили в сторону. Из проемов вышли человекообразные существа.

— Брайт! Они прилетели с «Сатурна»! Это сатурниты!..

Бросались в глаза серебристо-блестящая чешуйчатая поверхность тела, головы и лица этих существ и их рост, превышавший, на глаз, два с половиной метра. Благодаря чешуе они производили впечатление стаи огромных фантастических человекокорыб. Пропорционально сложенные, они были очень стройны.

Легкой поступью неведомые существа быстро направились к нам. Казалось, они не случайно на нас набрели и даже не искали нас, а знали, что мы здесь находимся, и специально из-за нас прилетели. В движениях великанов чувствовался общий гармонический

ритм. Они были страшны своим ростом, и я растерянно пробормотал:

— Спасение ли это?... Не преждевременна ли ваша радость? Так называемые «цивилизованные люди» бывают хуже зверей.

Сатурниты остановились. Один из них отделился от группы и подошел к нам...

Я убедился, что он был совершенно человекообразным существом. «Что же, — подумал я. — Отсюда следует, что структура нашего тела наиболее целесообразна. Здесь действует, очевидно, общий для организмов всех миров закон, на основании которого филогенетический процесс завершается формой человеческого тела».

Сатурнит протянул к нам руку, мы инстинктивно отшатнулись. Тогда он отошел к своим товарищам, но тотчас же вернулся с какими-то плодами. Это был уже явный акт дружелюбия.

— Берите же, Брайт!

Профессор улыбался. Он с восхищением смотрел на наших гигантских спасителей. Я робко взял плод и начал его есть. Он был чудесен! Появился и сосуд с водой — самой настоящей и притом холодной водой... Затем нам принесли пищу. Необыкновенно вкусная! Мы попытались угадать, из чего она приготовлена, но не смогли.

Утолив голод и жажду и придя в себя после первых впечатлений, мы снова ощутили невыносимую жару. Сатурниты же, по-видимому, нисколько от нее не страдали: как ни в чем не бывало они стояли под палящими лучами солнц с непокрытыми чешуйчато-безволосыми головами... Но вот один из них вошел в снаряж и вернулся оттуда с... чешуею в руках!

— Так это... одежда!..

Мы переглянулись и расхохотались. Сатурнит издал звук — мелодично-протяжное «и-ии».

Как только чешуя была вручена нам, мы сбросили с себя тяжелое, грубое земное облачение и через минуту щеголяли в новых «костюмах». Они пришлись как раз впору — это был, очевидно, «детский размер».

— Выступить бы в этом «смокинге» в университете

на лекции... — пробормотал профессор, ощупывая свои блестящие рукава. — Мои дорогие коллеги уже давно подозревают, что я не в своем уме...

Своеобразный наряд, эластичный и легкий, оказался необычайно прохладным; мы сразу почувствовали себя свободно и бодро. Искусно сотканный из отдельных блесток, он плотно, но вместе с тем мягко и нежно облегал все тело и лицо. Его блестящая поверхность отражала максимум солнечных лучей, которые, казалось, совершенно не падали на наши головы.

Сатурнит, подавший нам чешую, явно выражал намерение беседовать с нами: плавно двигая руками, он указывал на нас, на небо и почву.

— Ба! — воскликнул профессор. — Естественный вопрос: он спрашивает, откуда мы взялись и как сюда попали. Но как им объяснить это? Вот действительно задача! Попробуем.

Профессор достал карандаш и записную книжку. Несколько сатурнитов окружили его. Джеймс Брукс стал чертить геометрические фигуры и системы координат, желая навести этим на мысль о четвертом измерении. Когда он кончил, спрашивавший протянул руку к исписанным листкам. Профессор вырвал их и отдал ему.

— Не продемонстрировать ли им теперь нашу аппаратуру, Брайт, как вы думаете?

Я покорно достал магнето. Поднял и показал его. Покрутил ручку и...

...и в тишину ворвались жужжанье и свист; взрывом проломилось пространство; в зияющем черном провале засверкали каскады искр.

— Брайт!..

— У-ва-уу!.. — хором вырвалось из уст зрителей.

— Брайт! Мы сможем вернуться на Землю! Но нет, нет, не теперь... Сначала отправимся с ними! А, Брайт?...

Но ко мне еще не вернулся дар речи.

Тогда Джемс Брукс обвел взором величественную толпу сверкающих на солнцах великанов и медленно произнес:

— Никогда еще, дорогой мой юноша, я не испытывал такого прилива гордости, как в момент этой невольной демонстрации трудов моей жизни перед этой достойнейшей аудиторией!

— И я горжусь! — прорвало меня наконец. — Вами, вами, дорогой мистер Брукс!

Мы яростно трянули чешуйчатые руки друг друга... Но сатурниты разлучили нас — схватили, высоко подняли и понесли к снарядам. С пением «и-ву-йи» последовали за ними все остальные.

Солнца катились к горизонту.

* * *

Сатурниты быстро разместились по снарядам и закрутили диски.

Внутреннее пространство эллипсоида представляло собой огромный зал. Шестиугольные грани, выглядевшие снаружи черными, оказались полупрозрачными — пропускали мягкий, ровный свет.

Сложная, гармонично расположенная обстановка производила впечатление легкости и совершенства. Мозаичные подобию столов, диванов и кресел, как и множества различных других предметов и приспособлений, поражали богатством цветов и форм чуждой нам красоты. Все искрилось и блестело, но мягко, не резало глаз, при повороте же головы меняло тон. Воздух был пропитан приятным ароматом. И никаких машин...

Темнело. Грани медленно засветились голубым...

Причудливо переливаясь голубыми тонами, обстановка приобрела сказочный, фантастичный вид.

Все сели. Ощутилась возрастающая тяжесть в ногах; какая-то сила прижала тело к сиденью и спинке кресла. Очевидно, снаряд стал ускоренно дви-

гаться — под большим углом к горизонту. Произошло это плавно и бесшумно. Ощущение тяжести в ногах и теле вскоре стало исчезать.

— Но где же все-таки машины?...

— Не видно... Да, Брайт, нам так же трудно понять механику этого полета, как дикарю — действие радиоприемника. Посмотрим, однако, как далеко мы улетели от нашей луны.

Я стал искать ее глазами в шестиугольных окошках, но ничего не увидел: испуская голубой свет, они потеряли прозрачность...

Сидевший возле нас сатурнит указал вниз. Семь окошек, прекратив свечение, стали кристально прозрачными... Поле зрения занимал огромный блестящий серп.

— Судя по видимым размерам планеты, мы удалились от нее уже на тысячи миль. Нет, Брайт, тут что-то не сходится: при ускорении, необходимом, чтобы покрыть за такое малое время подобное расстояние, далеко не достаточно чувствовать только некоторую тяжесть в теле. Здесь действуют какие-то специальные приспособления сатурнитов. Изумительная техника!

Сатурнит подвел нас к одному из столов и наклонил его доску. Мы увидели на темном фоне изображение «Сатурна» с четырнадцатью лунами. Огненно-желтые, они двигались и вращались. Я заглянул под стол.

— Напрасно ищите, Брайт, ничего там не найдете. Не сомневаюсь, что это изображение транслируется с их планеты.

Обратив наше внимание на видневшийся в окошках серп, сатурнит указал один из спутников «Сатурна» на изображении. Ясно: нас сняли с этой луны!

— А спросите-ка его, Брайт, куда мы летим, — спровоцировал меня Джемс Брукс.

Я обвел руками пространство эллипсоида, вытянул палец в направлении полета, а затем к столу. Сатурнит указал не центральную планету, а один из ее спутников.

— Он не понял, мистер Брукс.

— Прекрасно понял, Брайт. И дал правильный ответ — мы летим именно на эту луну.

— Ах, так вот чем объясняется, что сатурниты не страдали на покинутой нами планете от сравнительно слабых тяготения и атмосферного давления! Они не с «Сатурна»!..

Сатурнит прислушивался к нашему разговору...

— Мистер Брукс, а вам не кажется, что он... понимает, о чем мы говорим?...

— Давно кажется, Брайт. Мы не знаем, что это за существа и какие у них способности...

Один из сатурнитов поднял руку, другой обхватил нас за талии. Снаряд плавно опрокинулся «вниз головой»... Мы забарахтались, как пойманные лягушки, — потеряли свой вес.

Через несколько мгновений мы снова стояли на полу, но теперь под ним была планета, к которой мы приближались. Сатурниты проделали этот сложный межпланетный фокус с поразительной ловкостью, спокойной уверенностью и быстротой.

Когда наши талии были освобождены, мы беспомощно повисли, потеряв всякое чувство ориентировки. Потолок, стены и пол смешались... Мы застывали в пространстве в любом положении, а при движениях руками и ногами летели в различных направлениях.

— Мы свободно падаем на планету под действием ее «земного ускорения», — рассуждал профессор, расположенный перпендикулярно мне, касаясь головой моей головы.

— Почему вы так странно стоите, мистер Брукс?...

— Я-то стою прямо — это вы прицепились ко мне под углом!

Я попытался привести Джемса Брукса в параллельное себе положение, но стукнулся носом о его ногу, и мы разлетелись в разные стороны. Ударившись попутно о какого-то сатурнита, я благополучно достиг головой стены. Профессор ухитрился примкнуть левой ногой к потолку; правая болталась в воздухе.

— Брайт, зачем вы стали на голову?

— Я думаю о том, почему резонатор начал вдруг действовать. А в этой позе удобно размышлять.

— Можете стоять на голове целый день — не поможет. Предполагаю, что главная причина, — рассуждал профессор, плавно покачиваясь, подобно шару с водородом, вокруг своей ненадежной точки опоры, — в относительности времени. В разных мирах оно может различно...

Слишком энергично взмахнув рукой, Джемс Брукс лишился всякой опоры. Но, тем не менее, мужественно

продолжал:

— ...различно протекать. Однако возможны совпадающие моменты. В такие именно моменты резонатор и должен отвечать на призывы магнето.

Сатурниты привыкли, очевидно, к подобным полетам — они свободно витали в пространстве. Что же касается предметов, то большинство их было прикреплено к поверхностям, которые недавно назывались «полом», «потолком» и «стенами». Практически же таких здесь не было — содержимое снаряда равномерно распределялось по всей его эллиптической поверхности. А различные неприкрепленные мелочи плавали в воздухе и при прикосновении к ним разлетались в стороны. У сатурнитов были специальные удочки с крючками и сетками, так что им не стоило труда поймать любой предмет.

— Давайте, Брайт, помечтаем, — предложил профессор, переворачиваясь на «потолке» на другой бок. — Если гипотеза, которую я высказал, справедлива, мы сможем попасть в другие солнечные системы. Перенеся оборудование на планету сатурнитов, мы перешагнем вторую границу миров и попадем в третье пространство. Так мы облетим с вами ряд миров вселенной!

Охвативший меня восторг должен был вылиться в движения. Потрясенный услышанным, забыв о весе своего тела, я бросился обнимать Джемса Брукса.

— Осторожно! Тише! Разобьете себе голову!..

Но было уже поздно: кувыркаясь и размахивая безудержно болтавшимися руками и ногами, я полетел отнюдь не в желаемом направлении. При описании мертвой петли один из сатурнитов подцепил меня удочкой за ногу и сунул под некое подобие дивана. Я оказался в тихой пристани.

Профессор осторожно, во избежание непредвиденностей, расхохотался.

— Держитесь там спокойно и не шевелитесь, Брайт. Своей неудачной выходкой вы сбили меня с мысли. Так вот: мы войдем в контакт с сатурнитами и будем вместе работать. У них должны быть ученые, по сравнению с которыми мы окажемся школьниками. Мы воспользуемся их техникой — перенесем межпланетные снаряды на Землю и облетим всю нашу солнечную систему! Спокойно, спокойно, Брайт! Не вылезайте оттуда!

— М-да... — сдержанно промычал я, обогащенный опытом.

* * *

Тела стали тяжелеть и плавно опускаться: ускорение падающего снаряда, очевидно, искусственно уменьшалось.

Рядом со мной стоял профессор. Один из сатурнитов указал на окошки под ногами. Мы увидели ярко-белую планету в фазе полнолуния. Затем прояснились семь граней сбоку, в которых показался маленький желтый серп покинутой нами луны.

Планета, на которую мы стремительно падали, быстро увеличивалась, выходя за пределы поля зрения.

— Вскоре мы прибудем, — объявил профессор, держа в руках свой хронометр. — Сатурниты пересекают пространство с непостижимой для наших понятий быстротой!

На нашей луне уже отчетливо виднелись черные океаны и матовые материки.

— Чувствуете, Брайт, что становится все теплее?

— Да, мы вошли, очевидно, в сферу тепла планеты.

— Не потому: это происходит вследствие сопротивления атмосферы. Вспомните о метеорах. Метеориты раскаляются и испаряются, а этим снарядам ничего! Только внутри немного теплее...

Все сели. Я ощутил быстрое увеличение веса и вторично оказался прижатым к сиденью и спинке кресла.

Затем почувствовался легкий толчок снизу. Через минуту отскочил диск снаряда. В проем хлынул поток яркого дневного света.

— Полет продолжался 6 часов и 23 минуты! — восхищенно воскликнул профессор. — Это изумительно и невероятно! Мы не оценили еще, Брайт, их бесподобную, блестящую технику: межпланетный полет далеко не прост! Я преклоняюсь перед ними — они гении по сравнению с нами!

Сатурниты собрались у выхода, уступая нам первым дорогу.

Отяжелевшие ноги плохо слушались; Сатурниты взяли нас под руки, и мы с волнением вступили на почву Новой Земли.

ТЕХНИКА - МОЛОДЕЖИ

ОРГАН ЦКВЛКСМ

3

ДЕТИЗДАТ
ЦКВЛКСМ
1938

Человек на рисунке изображен головой вниз. Рядом с ним — второй человек, занимающий какое-то странное положение. Большинство предметов как бы плавают в воздухе. Не удивляйтесь, — это не ошибка художника.

Так должна выглядеть кабина фантастического снаряда, летящего в мировом пространстве. Этот шар витает вдали от больших объектов тяготения — Земли и других космических тел. Все, находящееся в нем, лишено почти всего своего веса. В этом маленьком мире нет силы тяжести, и, следовательно, не существует никаких «вниз головой» или «вверх ногами». Ведь «низ» — это направление силы тяжести, а «верх» — направление обратное.

Заберемся мысленно в такой фантастический шар и попытаемся представить себе, как бы вел и чувствовал себя в нем человек и что происходило бы в кабине с предметами.

ПЛАНЕТА, НА КОТОРОЙ НЕТ НИЗА

Представьте, что люди будущего соорудили планету — огромный прозрачный шар. Шар обращается вокруг Луны и служит базой для межпланетных путешествий. Герой нашего рассказа — Николай Башков — впервые попадает на эту искусственную планету. Его сопровождает ученый физик Арно.

Мы застаем Башкова в момент его прибытия на «базу» на ракете.

Он очнулся от того, что его разбинтовывали. Ракетный шок не прошел даром. Башков, несомненно, заболел: он совершенно не ощущал своего тела. Заболели и другие. Об этом можно было судить по тому, что те, которых освободили из гамаков, едва волочили ноги и, держась за поручни, с трудом передвигались.

Башкова осторожно вынимали из гамака. «Ко всем чертям, — мысленно бранился он. — Еще инвалидом сделаешься от всех этих штук! Сидел бы лучше спокойно у себя дома и читал бы «Машину времени» Уэллса».

Наконец, Башкова извлекли из сетки и поставили на пол. Но едва он ступил на него, как невольно подпрыгнул, стукнулся головой о мягкий потолок ракеты, отскочил к полу, опять подпрыгнул и стал барахтаться в пространстве. Все это происходило медленно: Башков, вернее, не прыгал, а плавал в воздухе.

— Что за ерунда? — растерянно воскликнул он и криво повис с растопыренными руками и ногами.

Арно, держась одной рукой за пружину гамака, схватил другой Башкова за ногу и притянул к себе. Свободной ногой Башков пытался нащупать точку опоры и задел Арно за ухо.

— Не брыкайтесь, чорт побери, а то брошу вас сейчас головой на потолок! — рассердился Арно. — Разве вы не понимаете, что мы здесь невесомы?

— А-а... — пристыженно протянул Башков и подобрал свою правую ногу. — Извиняюсь.

Теперь он все понял: ведь они находятся на искусственной планете, где притяжение ничтожно. Вот почему все ходят здесь, как пьяные, держась за поручни.

— Ходите медленно, держась за мою руку. А то опять шлепнетесь о потолок, — сказал Арно и поставил Башкова на пол.

Путешественники подошли к отверстию на полу, там было нечто вроде колодца. Прилетевшие один за другим спускались в него.

— Лезьте, — сказал Арно.

Заметив, что ступеней нет, Башков в испуге отшатнулся.

— Свалишься еще, — пробормотал он.

— Некуда: ведь мы ничего не весим, — и Арно начал спускаться.

Башков заглянул вглубь. В колодце было светло и что-то виднелось. И все же у Башкова задрожали колени: человек Земли инстинктивно боится ям.

Видя, однако, что все бесстрашно лезут, Башков решился: он сел на край колодца, просунул в отверстие ноги, перевернулся на руках и, очутившись по ту сторону плоскости, сел. Поднял голову и удивился: над головой был не низ, а опять верх!

МЕЖПЛАНЕТНЫЙ ПОЛЕТ

(Э. Зеликович, авторство не указано)

Профессор Брукс и его ассистент Брайт попали в иной мир. Обитателей этого мира они называли «сатурнитами». И вот, вместе с сатурнитами, наши герои совершают в эллипсоидообразном снаряде межпланетный полет.

— В этот момент, — рассказывает Брайт, — рулевой поднял руку, как бы о чем-то предупреждая. Двое сатурнитов обхватили нас крепко за талию. Затем рулевой повернул колесо, и снаряд внезапно опрокинулся «вниз головой». Мы забарахтались, как пойманные лягушки, и почувствовали, что потеряли свой вес. Через несколько мгновений мы снова стояли на полу, но теперь под ним была уже планета, к которой мы приближались.

Когда нас отпустили, мы беспомощно повисли в воздухе, потеряв всякое чувство ориентировки. Потолок, стены и пол смешались, и мы застывали в пространстве в любом положении, а при малейшем движении летели в различных направлениях.

— Мы падаем на планету с быстротой, равной ее земному ускорению, — рассуждал профессор, упираясь своей головой в мою и занимая по отношению ко мне перпендикулярное положение.

— Почему вы так странно стоите, мистер Брукс? — заинтересовался я.

— Я-то стою прямо, а вот вы зачем-то прицепились ко мне под углом.

Я хотел было повернуть профессора, но при первой же попытке стукнулся носом о его ноги, и мы разлетелись в разные стороны. Ударившись по дороге о какого-то сатурнита, я благополучно достиг головой стены. Профессор же уцепился левой ногой за петлю в потолке, а правой прекомично жестикулировал в воздухе.

— Брайт! — слышался «сверху» его голос. — Зачем вы стали на голову?

Сатурниты привыкли, очевидно, к такого рода полетам: они свободно витали в воздухе, не испытывая, по-видимому, никаких неудобств. Большинство предметов было прикреплено к плоскостям, которые еще недавно назывались «полом», «потолком» и «стенами»; не прикрепленные же мелочи парили в воздухе наподобие роя насекомых. У сатурнитов были специальные удочки с крючками, и им ничего не стоило «поймать» любой предмет.

Внезапно профессор сделал поразительное открытие, которое не замедлил высказать вслух. Я был охвачен восторгом от этой мысли и, совершенно забыв о своем «весе», стремительно бросился обнимать профессора.

— Осторожно! Тише! — закричал он. — Разобьете себе голову!

Но было уже поздно: кувыркаясь, я стремглав полетел в пространство, размахивая безудержно болтавшимися руками и ногами. Неизвестно, чем этот «полет» окончился бы, если бы один из сатурнитов не подцепил меня ловко удочкой за ногу. Сняв свою поимку с крючка, он приткнул меня к стене. Убедившись, что все окончилось благополучно, профессор расхохотался.

— Висите спокойно и не шевелитесь, — приказал он. — Своей неудачной выходкой вы прервали течение моих мыслей.

— М-да... — осторожно промышчал я, стараясь спокойно висеть. Опыт показал, как опасно может быть бурное выражение чувств в мире без тяжести!

ЗАВТРАК В НЕВЕСОМОЙ КУХНЕ

Так озаглавил Я. И. Перельман написанную им «недостающую главу в романе Жюль Верна».

Отправив своих героев в пушечном ядре в межпланетное пространство, великий французский романист упустил благодарную для творческой фантазии тему: описание бытовых моментов в мире без тяжести, например, приготовление завтрака. Именно этот пробел в романе и заполнил Я. И. Перельман.

В мире без тяжести мы столкнулись бы с рядом неожиданных явлений, которые трудно заранее полностью учесть. Масса мелочей, о которых мы совершенно не думаем, затруднила бы наше существование в межпланетном снаряде. Привыкнув пользоваться

услугами тяжести, мы были бы ошеломлены и озадачены рядом непредвиденных обстоятельств.

Приводим вкратце фактический материал из рассказа Я. И. Перельмана.

Один из пассажиров жюль-верновского ядра, Ардан, решил приготовить завтрак из самых «легких» блюд на свете. Неприятности начались с воды. Ардан откупорил бутыль, казавшуюся пустой, и принялся выливать из нее воду. Но невесомая вода, поддерживаемая к тому же еще давлением наружного воздуха, прочно засела в бутылке. Несмотря на все старания Ардана, она совершенно не желала литься, ведя себя, как густейший сироп.

Товарищ Ардана, Николь, указал, что воду из бутылки нужно вытолкнуть. Но пусть читатель не думает, что этим «проблема» была решена. Не так просто! Ардан ударил ладонью по дну бутылки, и у ее горлышка повис водяной шар величиной с кулак: в мире без тяжести вода в любом количестве принимает форму шаров. Это «капли».

Ардан принялся яростно встряхивать воду из бутылки над парящей в воздухе кастрюлей. Попадая в нее, «капли» быстро расползались по ее дну, переходя сначала на внутренние, а затем и на наружные стенки. Вскоре вся кастрюля оказалась окутанной толстым водяным слоем. Это так называемое в физике «смачивание» тел жидкостями. Кипятить воду в таком виде не было никакой возможности.

Николь посоветовал покрыть кастрюлю снаружи тонким слоем жира: жиры вода не смачивает. Но тут угрожала другая беда: огромную каплю в кастрюле вряд ли удалось бы довести до кипения. Находясь в так называемом «сфероидальном» состоянии, вода не кипит даже в докрасна раскаленном сосуде.

Тут наших путешественников постигла другая неприятность: погасла газовая горелка. Несмотря на все хлопоты Ардана, она упорно отказывалась функционировать. Читатель может быть уверен, что в мире без тяжести у него не горели бы ни лампа, ни примус, ни печь. Продукты пламени — негорючие газы — как более легкие, чем холодный воздух, уносятся обычно вверх. Но при отсутствии тяжести не существует «более легкого». Оставаясь на месте, негорючие газы окутывают пламя и душат его. В мире без тяжести не опасен пожар. Гораздо опаснее, кстати сказать, мог бы быть там дождь. Невесомая вода оказалась бы прилипчивее смолы. Человек, попавший под дождь, утонул бы и задохся в сплошной водяной шубе. К счастью, в мире без тяжести дождь был бы невозможен.

Чтобы помочь делу, пришлось непрерывно обдувать пламя горелки. Таким образом, путешественники играли роль вытяжных труб. Но самым обидным было то, что вода, как предполагал Николь, и в самом деле не собиралась кипеть. На Земле она быстро закипает потому, что нижние нагретые слои, как более легкие, поднимаются. Это вызывает перемешивание жидкости, сильно ускоряющее процесс кипячения. Но попробуйте греть воду не снизу, а сверху!

Немало пришлось повозиться и с жареньем бифштекса: образующиеся под ним упругие пары масла выталкивали его из кастрюли, и он летел «вверх». Во время завтрака друзья «висели» в воздухе в разнообразных позах и стучались головами друг о друга.

Если трудно было сварить бульон, то съесть его было еще труднее. Началось с того, что никак не удавалось разлить суп по чашкам. Забыв, что бульон невесом, Ардан ударил с досады по дну перевернутой кастрюли. Из нее вылетела огромная капля. Понадоби-

лась исключительная ловкость, чтобы поймать ее и удержать в кастрюле.

Ложки оказались бесполезными: бульон смачивал их до самых пальцев, образуя вокруг ложек жидкую оболочку. Обмазали ложки жиром. Тогда бульон превращался в шарики, и не было никакой возможности благополучно донести до рта эти невесомые пилюли. Наконец неопытные звездоплователи догадались сделать бумажные трубки, через которые они и высосали из чашек бульонные шарики.

Э. ЗЕЛИКОВИЧ

СЛЕДУЮЩИЙ МИР

Научно-фантастический роман

Опубликовано: Зеликович Э. Следующий мир: Науч.-фантаст. и полит. роман / Примеч. ред.; Рис. //Борьба миров, 1930, № 1.-с. 19-44; № 2.-с.57-68; № 3.-с.63-79; № 4.-с.61-75; № 5.-с.67-80; № 6.-с.62-80; № 7.-с.66-71.

Художник не указан.

СЛЕДУЮЩИЙ МИР

Научно-фантастический и политический роман Э. ЗЕЛИКОВИЧА

Бешено развивающаяся техника и достигшая невиданного расцвета научная мысль позволяют нам уже сегодня нарисовать яркую картину будущей жизни коммунистического общества, за которую с упорством борется наша страна. Э. Зеликович в своем романе разворачивает увлекательные страницы, используя метод известного Герберта Уэллса.

I. Официальное сообщение мистера Бэркланда

Внезапное исчезновение 7 сего апреля при крайне загадочных обстоятельствах крупного ученого, профессора математики Джемса Брукса, вызвало массу различных толков и рассуждений вплоть до самых диких и нелепых басен. Многие предполагали, что ученый явился жертвой взрыва в своей загородной лаборатории при опасных химических экспериментах, но не могли объяснить ряда весьма странных и совершенно непонятных обстоятельств, сопровождавших этот взрыв.

Будучи председателем комиссии, расследовавшей происшествие, я попытаюсь представить краткий отчет тех конкретных данных, которые удалось собрать.

Из опроса экономки профессора, пожилой мисс Кайт, выяснилось, что мистер Брукс был крайне, замкнутым человеком. После смерти жены он совершенно уединился, занимаясь своим единственным сыном лишь постольку, поскольку это было необходимо в целях его воспитания. Профессор был всецело поглощен какой-то научной проблемой, которой он отдавал все свободное от университетских занятий время. Мисс

Кайт заставляла его обычно сидящим за письменным столом, или же часами прогуливающимся в глубокой задумчивости из угла в угол кабинета.

Год тому назад профессор оборудовал в подвале лабораторию, в которой проводил большую часть времени и куда никого не впускал.

Проникнуть в лабораторию нам не удалось: тотчас же после катастрофы нотариусом мистером Нортонем было передано комиссии запечатанное, официально оформленное письмо профессора, доставленное им нотариусу за день до своего исчезновения. На конверте была следующая надпись: «Вскрыть только после моей смерти или несчастного случая». Опубликовываем текст этого краткого, но не менее загадочного, чем все происшествие, документа:

«Вторник, 6 апреля.

Я произвожу ряд научных опытов, которые, в случае неудачи, могут окончиться катастрофой. Возможно, что я предприму вскоре продолжительную экскурсию, никого о том не предупредив и не взяв с собой никаких вещей. Прошу оставить мою квартиру до моего возвращения в полной неприкосновенности и ни в коем случае не пытаться проникнуть в находящуюся там лабораторию. Если в течение шести месяцев я не вернусь, разрешаю представителям власти вскрыть как лабораторию, так и мой письменный стол, в котором хранятся научные материалы, объясняющие все происшедшее.

Джемс Брукс».

Воля профессора не была, конечно, нарушена. Более того — были приняты меры по охране всех его помещений.

Далее, мисс Кайт сообщила, что однажды поздно вечером, месяца за четыре до катастрофы, к профессору явился неизвестный ей мрачный, робкий и очень худой человек болезненного вида. Сильно поношенный костюм, рваные ботинки и отсутствие пальто придавали ему внешность нищего. До поздней ночи профессор беседовал с ним, и при подаче в кабинет ужина мисс Кайт показалось, что молодой человек плакал. После этого вечера он ежедневно посещал профессора, нередко оставаясь с ним до утра. О чем они говорили и что делали, ей было совершенно неизвестно, но она постоянно слышала доносившийся из подвала стук молотка и резкие взрывы, от которых дрожали стекла. Иногда к профессору приходили механики, которым он давал заказы, долго что-то объясняя.

Через месяц профессор и мистер Вилли Брайт, так звали молодого человека, начали ежедневно куда-то отправляться, откуда возвращались лишь поздно ночью, а подчас — только к утру. Они ездили, по их словам, в свою новую лабораторию, находящуюся за городом. В первый день пасхи они отдыхали, в остальные же два дня разъезжали по городу и делали какие-то закупки. Уходя во вторник 6 апреля из дому, они захватили с собой два узла и, прощаясь, сказали, что предпринимают научную экскурсию, которая продлится несколько недель. На следующий день мисс Кайт прочла в газете о случившемся с ними несчастье.

Вот и все, что мы узнали из ее прерывавшегося следами рассказа.

Затем мы опросили университетских коллег, а также и некоторых студентов профессора. Все они дали прекрасный отзыв об этом маститом ученом, сообщив, что областью его специального исследования являлась

теория пространства, движения материи и их механическая связь. Но наряду с высказываемыми профессором мыслями, поражавшими своей глубиной, ученый договаривался часто до совершенно нелепых абсурдов, превратившихся с течением лет в фикс-идеи. Некоторые из окружающих подвергли даже сомнению нормальность его психического состояния, равновесие которого могло быть нарушено чрезмерной работой и сильным переутомлением. Последние месяцы профессор совершенно ушел в себя и ни с кем ни о чем уже более не говорил, проводя в университете минимально необходимое время. Он стал задумчивее, и глаза его по временам странно и лихорадочно блестели на осунувшемся от бессонных ночей лице. Профессор перестал замечать, что вокруг него творится, и часто отвечал невпопад. Коллеги, уже не на шутку обеспокоенные состоянием его здоровья, настоятельно рекомендовали ему взять отпуск и полечиться, но мистер Брукс, желая отделаться от непрошенных советов, только мычал что-то неопределенное под нос.

Окружающие смутно предчувствовали надвигающуюся катастрофу, которая и не замедлила разразиться. Удивлены они ею особенно не были, считая, что поведение профессора не может не окончиться трагически. И действительно, несчастный пал вскоре жертвой своих фантастических идей и пагубных экспериментов.

Покинув университет, мы — комиссия в составе пяти человек — выехали на место происшествия, находившееся в нескольких километрах от города. Установлено было следующее: месяца за три до катастрофы профессор снял у одного из селян в аренду коттедж, одиноко стоявший на опушке леса, вдали от селения. Ежедневно мистер Брукс приезжал сюда с ка-

ким-то молчаливым незнакомцем весьма мрачной и угрюмой наружности, так что селяне даже побаивались его. Любопытные не раз подкрадывались к коттеджу, желая узнать, что там происходит, но постоянно наглухо закрытые ставни не давали возможности ничего видеть. И все же, как-то ночью, одному молодому парню посчастливилось стать свидетелем необыкновенного зрелища: через открытое окно вырвался широкий сноп искрящихся лучей, которые, подобно змеям, извивались по направлению вверх и на уровне крыши прекращались. Крестьянин испугался и бросился бежать, но раздавшиеся выстрелы заставили его быстро оглянуться, и он увидел, что из луча вылетают какие-то темные предметы, бесследно исчезающие в пространстве. Каждое исчезновение сопровождалось выстрелом, причем, как утверждает парень, от предметов не оставалось не только никаких осколков, но даже и ни малейшего дыма: они лопались, как мыльные пузыри. В это время был виден стоявший у окна джентльмен в черных очках, дьявольски усмехавшийся, управлявший искрящимися световыми змеями. Но самым замечательным было то, что под влиянием выбрасываемых этим джентльменом отдельных снопов ярких искр все исчезнувшее появлялось, неизвестно откуда, обратно. Искры шипели, а джентльмен, со взрывом создавая предметы, вылавливал их из пространства руками.

Привожу этот бред, как образец нелепых выдумок, укоренившихся в окрестных селениях и положивших начало суеверным легендам. Сама же катастрофа описывается следующим образом: в роковой момент — это было около четырех часов утра — шестеро селян, работая на поле недалеко от коттеджа, были испуганы внезапно раздавшимся оттуда оглушительным взры-

вом. Они тотчас же побежали по направлению к месту происшествия, но ничего не смогли обнаружить: коттедж стоял на месте, причем ставни и двери были, как обычно, закрыты. Селяне пробовали звать и кричать, но никто не отвечал, вследствие чего они заключили, что несчастные убиты наповал. Тогда решено было вызвать полицию, за которой один из селян немедленно и отправился; остальные же остались дежурить у коттеджа, откуда доносилось легкое жужжание и свист. Вскоре это прекратилось, и ни звука уже не было более слышно.

Прибывшие агенты полиции осторожно вошли в коттедж, но, к великому изумлению, не нашли ни профессора с его сотоварищем, ни их трупов: в помещении никого не оказалось. Все предметы были в целости и находились в полном порядке, причем даже казалось, что коттедж еще недавно был кем-то тщательно убран. На одном из столов лежали аккуратно сложенные два комплекта следующих вещей: пальто, костюм, шляпа и ботинки. Все это ни в коем случае не производило впечатления только что разыгравшейся катастрофы, в которой полиция готова была усомниться, если бы шестеро свидетелей не утверждали, что определенно слышали из коттеджа взрыв.

Тщательное обследование всей прилегающей к коттеджу местности осталось совершенно безрезультатным: никаких признаков исчезнувших не было обнаружено. Все это вместе, с найденными на столе одеждой и запиской, и является самым загадочным во всей истории — никто не смог этого до сих пор объяснить. Сам же коттедж и его крыша были совершенно невредимы. Осмотр находящихся в этой лаборатории сложнейшего электрического оборудования и ряда машин не дал ничего нового: назначение и функции аппаратов и проводки оказались абсолютно непонятными даже

для высококвалифицированных специалистов.

Заканчивая настоящий акт обследования, считаю необходимым упомянуть о двух переданных комиссии заявлениях, хотя они не имеют никакого отношения к делу. Первое прислано редакцией «Вечернего Листка», которая сообщает, что в ночь на 3 декабря прошлого года заслуженный профессор Джемс Брукс лично явился и сдал объявление — «Ищу самоубийцу». К письму был приложен соответствующий номер газеты. Второе заявление поступило из государственного университета за подписями председателя и ассистентов кафедры зоологии. Привожу текст этого письма:

«Несколько недель тому назад к нам неожиданно явился профессор Джемс Брукс с живой кошкой в руках и обратился с просьбой исследовать расположение внутренних органов животного. Зная, что мистер Брукс является профессором физики и математики, мы были крайне удивлены его экскурсией в область зоологии. После тщательного исследования оказалось, что все внутренности кошки находятся на симметрично противоположных местах. Это явление осталось до сих пор не объясненным.

Изумленные, мы закидали профессора вопросами, но он лишь загадочно улыбнулся, поблагодарил за любезность и молча вышел.

Кошка живет до сих пор в питомнике университета и по требованию комиссии может быть в любое время доставлена». (Следуют четыре подписи).

Оба эти заявления, не имеющие никакой видимой связи ни с исчезновением мистера Брукса, ни друг с другом, еще более усложнили дело, окончательно запутав его.

Выполнив взятую на себя задачу — собрать все имеющиеся по делу профессора факты — комиссия покорно складывает оружие перед непостижимой тайной.

*Председатель комиссии
Оскар Бэркленд.*

II. Внезапное появление мистера Брайта

Едва я окончил составление акта, как раздался телефонный звонок. Звонил охраняющий коттедж старший полисмен, сообщивший, что он задержал некую «темную личность», назвавшуюся ассистентом погибшего профессора — Вилли Брайтом. Арестованный, несмотря на охрану коттеджа, проник туда каким-то совершенно непонятным образом и является, очевидно, убийцей мистера Брукса. В данный момент он находится в сельском кафе под надзором двух полисменов. Ответив, что немедленно еду, я быстро выбежал на улицу, вскочил в первый попавшийся автомобиль и не более как через три четверти часа подъезжал уже к месту происшествия.

Сопоставляя содержание оставленных профессором письма и записки с фактом появления Вилли Брайта, я сразу же решил, что профессор жив, а если и нет, то мистер Брайт во всяком случае не может быть виновником его смерти. Встретившие меня около кафе сельяне заявили, что арестованный и есть тот самый джентльмен, который занимался колдовством и уничтожил профессора. Не обратив внимания на их слова, я быстро подошел к мистеру Брайту, который с большим аппетитом кончал ужинать. Представившись ему, я немедленно погнал ошеломленных полисменов обратно к коттеджу и, тотчас же забрав мистера Брайта к

себе в автомобиль, поехал с ним в город. Горя нетерпением, я спросил, где профессор, жив ли он и что это все значит. Мистер Брайт ответил, что профессор жив и здоров и что все обстоит благополучно; предпринятая же ими — профессором и Брайтом — экспедиция увенчалась полным успехом, причем они пережили много интересного и добыли богатый научный материал. В настоящий момент он — Вилли Брайт — по поручению профессора временно вернулся для составления отчета экспедиции, каковой в виду его чрезвычайной важности будет вскоре опубликован. В доказательство своих слов мистер Брайт представил мне написанную профессором доверенность, в которой я сразу же узнал почерк мистера Брукса. Таким образом, никаких сомнений более не оставалось. На мои многочисленные вопросы, где находится профессор, и просьбы пролить свет на таинственный способ исчезновения, мистер Брайт, загадочно улыбаясь, неизменно отвечал одно и то же:

— Все это слишком сложно и совершенно невозможно сразу объяснить. Через две недели отчет будет готов, а до этого срока вам придется потерпеть.

Когда мы прибыли на квартиру профессора, встретившая нас мисс Кайт чуть не упала в обморок и закидала Брайта вопросами, касающимися ее господина. Мистер Брайт утешил ее, сообщив, что профессор поправился и прекрасно выглядит. Мисс Кайт не усомнилась в его словах, судя по тому, что сам Брайт до неузнаваемости изменился к лучшему: загорел и стал веселым. Окончательно успокоенный этим, я распрощался и отправился домой.

Ежедневно я навещал мистера Брайта, неизменно заставая его за одним и тем же занятием — он рылся в грудe листов и записок, усердно диктуя стенографист-

кам отчет. При этом я не мог не обратить внимания на замечательную плотность и качество голубой бумаги, на которой были набросаны его путевые впечатления. Подобной бумаги я никогда еще не видел, и на мой вопрос, где она куплена, мистер Брайт неопределенно ответил, что она не покупается, а дается даром в «следующем» за нами мире.

В течение почти трех недель мистер Брайт никого, кроме меня, не принимал, посвящая все время составлению отчета. Когда этот последний был готов, мистер Брайт вручил вместе с копией открытого письма мистера Брукса, адресованного коллегии профессоров при государственном университете, один экземпляр отчета. При этом мистер Брайт сообщил, что отчет начинается согласно выраженному профессором желанию с предпосылок, приведших его — Брайта — благодаря весьма странной и счастливой случайности к знакомству с профессором. Без этого, по его словам, отчет был бы неполным и некоторые моменты происшествий, а также поведения и взаимоотношений его и профессора оставались бы неясными.

Я тотчас же поспешил домой и приступил к чтению. Отчет настолько увлек меня, что я, не раздеваясь, читал его всю ночь напролет и не заметил, как наступил яркий день; вошедший в кабинет в 11 часов утра сын застал меня кончающим чтение при свете электрической лампы.

Нижеприводимый текст отчета является точной перепечаткой оригинала без каких бы то ни было изменений и пропусков, за чем я строго следил.

Оскар Бэрклэнд.

III. Отчет Вилли Брайта об экспедиции в «Следующий мир»

1. Эпидемия

Окончив высший инженерный институт, я сразу же попал на службу в крупное объединение электрических заводов.

После работы я возвращался обычно домой, обедал и, ложась на диван, просматривал газеты и технические журналы. Узнав все новости, я приступал к чтению своей излюбленной литературы — романов Уэльса, которые, после шума завода, переносили меня в мир фантазии. И не раз, предаваясь мечтам — я ставил вопросы: «А не возможно ли это на самом деле? Быть может, где-либо в глуши, никем неведомый, работает ученый-фанатик над какой-нибудь проблемой вроде полета на луну?.. Как бы я поступил, если бы мне предложили участвовать в такого рода чудовищно-фантастической экспедиции?» Не решив эти вопросы, я отправлялся на концерт или в клуб играть в шахматы.

Так проходили месяцы. Это монотонное времяпровождение наскучило мне, и я начал подумывать, как бы его изменить. Случай вскоре представился: я познакомился с семейством популярного в нашем районе врача и был приглашен в ближайшее воскресенье на чай. Итак, через четыре дня я сидел с печеньем в руках за чайным столом и разглагольствовал по поводу разрабатываемого мною проекта электрификации торфяных болот.

Мои посещения семейства врача становились с течением времени все чаще и чаще, пока, наконец, я не стал необходимым членом семьи. Но и сам я, не зная,

чем заполнить время, не мог более обходиться без этого гостеприимного дома. В особенности я скучал в отсутствие старшей дочери врача Мод — двадцатилетней девушки, с которой очень сдружился...

Мод интересовалась моей работой и постоянно была в курсе моих дел. Я увлек также и ее в мир моих любимых романов, и все это сблизило нас. Вскоре я сделал предложение, и Мод стала моей женой. Через год наше семейство обогатилось дочкой, превратившей нас в счастливых родителей.

Мы прожили спокойно и счастливо еще один год, пока не разразилась ужасная эпидемия. Все помнят, вероятно, то кошмарное время, когда вымирали целые семьи, опустошались кварталы, когда, больницы были полны умирающими, а дома — мертвецами. Сначала заболела Мод, потом — маленькая Лили, а затем последовал и я. Что было дальше, я не помню: впад в бессознательное состояние, я очнулся через несколько недель на больничной койке и был настолько изнурен и слаб, что едва мог говорить. Вскоре мне сообщили, что через три дня после помещения всех нас в больницу Мод и Лили одновременно скончались. Я провел бессонную ночь и на следующее утро увидел в зеркале желтое, исхудалое лицо, поредевшие волосы и седины на висках.

Через неделю меня уже выписали. Завод продолжал работать, но значительно сократил масштаб своей деятельности. Мое место во время болезни было занято другим, и, таким образом, я остался без работы. Предстояло еще одно потрясение: из семейства родителей Мод выжил один только младший сын — студент.

Нужно было жить. Сгорбленный, с трудом передвигая ноги, я заставил себя искать работу. Сначала я пы-

тался устроиться в качестве инженера, но, — увы! — напрасно я обивал пороги заводов и технических контор: эпидемия еще более увеличила безработицу, и, кроме того, жалкая фигура, которую я тогда представлял собою, не говорила в мою пользу. Тогда я решил взяться за любую работу и бесконечно ходил, искал и предлагал свои услуги, но неизменно получал один и тот же ответ. Вторую половину дня я проводил на диване среди густых клубов табачного дыма, предаваясь своим тяжелым мыслям, становившимся со дня на день все острее и мучительнее. Временами меня терзал неистовый кашель — следствие болезни и папирос, которые я, не переставая, курил круглые сутки. Остатки моих сбережений быстро таяли. Вскоре пришлось отказаться от квартиры, переменив ее на тесную полутемную конуру. Эта перемена явилась отчасти желанной: каждый угол опустевших комнат ежеминутно напоминал о тяжелой утрате и с болью отзывался на издерганных нервах. Начиная терять надежду на получение работы, я вынужден был приступить к продаже ненужных предметов. Когда же иссяк и этот источник дохода, пришлось заложить мало-помалу и большинство необходимых вещей. Наконец, я лишился своего пальто и вскоре окончательно обнищал. И так — без просвета и надежд — протекали недели.

2. Странное объявление

Расшатанный болезнью и потрясенный горем организм нуждался в спокойствии и хорошем питании, о чем не могло быть и речи. Я начинал, наоборот, голодать и, вместо поправки, еще более ослабел. Напоминания хозяйки об уплате за комнату, делавшиеся сначала в вежливой форме, становились настойчивее. И

вот, находясь однажды в состоянии крайнего отчаяния, я подумал внезапно о самоубийстве: жизнь потеряла для меня всякое значение, а то жалкое существование, которое я влачил, являлось лишь мукой. Я стал ко всему безразличен и окончательно впал в апатию. Но все же я пытался получить какую либо работу. Не имея возможности покупать газеты, я заходил по вечерам в ближайшую пивную, где, взяв кружку дешевого пива, мог бесплатно просматривать объявления с предложением труда.

3 декабря я сидел, по обыкновению, в пивной за газетой. Я точно запомнил эту незабвенную дату, когда мне сразу же бросилась в глаза строка, напечатанная жирным шрифтом:

Ищу самоубийцу

Под объявлением был указан точный адрес и часы явки.

Голова как-то вдруг опустела, и, тупо вперив свой взгляд в эту странную строчку, я продолжал машинально читать ее... Затем лихорадочно закружились десятки мыслей: «Что это значит? Кто ищет? Зачем ему понадобился самоубийца? Ч то о н может взамен предложить — ведь, самоубийце после смерти в с е р а в н о, и никакие блага уже не в состоянии соблазнить его!..»

Недоумение сменилось вскоре острым чувством возмущения и горечи: я решил, что автор этого объявления — не кто иной, как врач, ищущий живое, сознательное тело для медицинских экспериментов, быть может, вивисекции.... Стало обидно за человеческое достоинство, за ту степень физического и морального

обнищания личности, которая может принудить принять это жуткое предложение. Я с омерзением швырнул газету и резко встал. Но объявление не исчезло из поля зрения, и, осененный новой мыслью, я снова задумался — меня охватило любопытство: пойду и узнаю — ведь, это ни к чему меня не обязывает... Быть может, это совсем не то, что я думаю, быть может, это нечто, чего я не в состоянии представить себе... Если же мое первое предположение окажется правильным, то я выскажу, по крайней мере, свое мнение и отхлестаю толстокожего и сытого джентльмена. Я бросил взгляд на стенные часы — было половина девятого, а автор объявления принимал до девяти. Я быстро нацарапал адрес и выбежал на улицу. Идти было некогда — я решил поехать, не пожалев на этот раз грошей на трамвай.

Через полчаса я стоял перед входной дверью, не решаясь нажать кнопку звонка, — меня смутила и сбивала с толку красовавшаяся перед глазами эмалевая дощечка:

JAMES BROOKS
Professor of mathematics

Я читал эту вывеску и смотрел поочередно на свою записку и номер квартиры. Адрес, без сомнения, был тот же, но я мог неправильно записать его... Бежать обратно в пивную? — Поздно. И вдруг все это представилось моему переутомленному мозгу сном. Никакого объявления не было: я просто выпил натошак пива — профессору математики не нужны самоубийцы. От еще недавно кипевшего возмущения не осталось и следа... Возбуждение улеглось, и я лишь робко стоял перед дверью, не будучи в состоянии ни позвонить, ни уйти.

Но внезапно, как будто под влиянием какой-то посторонней силы, я самым неожиданным для себя образом подался вперед и энергично нажал кнопку...

Раздался резкий звонок, заставивший меня вздрогнуть и отступить, но было уже поздно: дверь тотчас же открылась, и женщина в чепце ввела меня в переднюю. Ничего не спросив, она постучала в дверь ближайшей комнаты и произнесла.

— Господин профессор, к вам пришли.

Дверь скрипнула, и на пороге показался высокий, бритый и очень стройный мужчина лет пятидесяти. Его темные с сильной проседью волосы были гладко зачесаны назад. Думая о профессоре Джемсе Бруксе, я всегда вижу его в том образе, каким он представился мне в первую минуту нашего знакомства.

— Войдите, — медленно произнес он, не протягивая руки.

Мы вошли в большую, комфортабельно обставленную комнату, по-видимому, кабинет.

— Сядьте, — сказал он, указывая на кресло.

Не будучи в состоянии возразить или что-нибудь ответить, я, молча, повиновался. Профессор сел напротив меня, откинулся на спинку кресла и, глядя через мою голову куда-то вдаль, спросил все тем же ровным голосом:

— Вы пришли, конечно, по объявлению?

Итак, адресом я не ошибся. Мои нервы были напряжены до последней степени, но, следуя той же безотчетной силе, которая толкнула меня на кнопку звонка, я утвердительно кивнул головой.

— Хорошо, — мерно продолжал профессор. — Можете не говорить: я понимаю, что вам тяжело. Я буду говорить за вас. Но, простите за нескромный вопрос, быть может, вы голодны?

По отразившемуся у меня на лице судорожному волнению профессор сразу понял, что его вопрос был, по крайней мере, преждевременным: на моих глазах заблестели слезы, и я поднял голову и сжал зубы, чтобы сдержать рыдания... Профессор отвернулся, встал и ушел в другой конец комнаты. Послышался шелест перелистываемой книги: он также был, по-видимому, смущен... Но через минуту профессор вернулся, вплотную подошел ко мне и громче и быстрее прежнего произнес:

— Еще раз прошу извинить меня — уже *post factum* — за поставленный вопрос, но он был вполне естественен в моем положении. Ваша внешность и лицо говорят о том, что вы знали лучшие времена, но судьба жестоко обошлась с вами. Ко мне же вы явились как человек, решивший покончить с собой. Ясно, что вас толкнула на этот шаг крайняя нужда. Мне не чуждо человеческое горе — во время эпидемии я лишился единственного сына и остался совершенно одиноким. Я — человек состоятельный, вы же — отощавший от голода. Почему вы не можете поужинать со мной? Простите, но это просто глупо! Закусим, вы успокоитесь, и тогда мы переговорим о деле. Я все объясню вам. Понятно?

Вопросительно глядя на меня, профессор медленно потянулся к звонку.

Всему есть предел. Что это, издевательство? Ему нужна моя жизнь, мое самоубийство, но не все ли равно — в голодном или сытом состоянии?.. К чему мне в этот жуткий момент его гостеприимство и добродетель? Нет ничего нелепее браунинга после ужина. Нервы не выдержали, и в первый раз за долгие годы я разрыдался.

— Как низко... как недостойно... — бормотал я, всхлипывая, — воспользовавшись бедственным положением человека, купить за гроши... за ужин его... дешевую жизнь...

— Перестаньте! — резко прервал меня профессор. — Повторяю — я все объясню, и все станет ясно, как день. Вы услышите замечательнейшие вещи, о которых вы не посмели бы никогда и мечтать. Мне не нужна ваша смерть. Вы будете жить, а если и погибнете, то погибну с вами и я. Но ни с этической, ни с деловой точки зрения нельзя говорить с голодным человеком! — прибавил он и решительно позвонил.

Я встал и подошел к окну, чтобы вошедшая экономка не увидела мое заплаканное лицо.

3. Вопрос об устройстве мира

— Вас удивило, — начал профессор после ужина, — мое объявление, и вы не знали, что и подумать. Вы явились сюда, я убежден, с чувством негодования, смешанного с любопытством. Сообщаю, что я решил предпринять необычайную и крайне опасную экспедицию, с которой не может сравниться путешествие в африканские дебри или на Северный полюс. Мною руководит чисто научный интерес и стремление проникнуть в тайну устройства мира. Но один я не в состоянии справиться с этой задачей: мне необходим помощник и верный товарищ, преданный и всецело посвятивший себя этому делу.

Университетские коллеги и сотрудники, считая меня фантастом, если и вовсе не умалишенным, недоверчиво относятся к моим теориям. Когда же вопрос ставится в плоскости личного участия в экспедиции, —

панически бегут от меня. Я пытался нанять кого-нибудь, но все явившиеся оказались ограниченными обывателями, готовыми, в лучшем случае, пуститься на авантюру. Для серьезной же экспедиции, при которой можно погибнуть или же лишиться возможности вернуться на нашу планету, они оказались совершенно непригодными. Большинство само отказывалось. Я замечая, что ваше лицо оживилось: вам кажется, вероятно, что вы угадали — путешествие на Марс! Нет, нет, значительно сложнее, но об этом после. Вопрос усложнялся еще тем, что не всякий серьезный человек был бы приемлем: необходимо некоторое математическое и техническое образование. И вот, этой ночью мне пришла довольно странная мысль... Какая — вы уже знаете, но все же считаю нужным объяснить вам, каким образом это произошло, и тогда вам все уже будет ясно. Логически рассуждая, я задал себе вопрос: «Кто может согласиться принять участие в моем опасном эксперименте? Ясно, — ответил я себе, — что либо ученый, любящий науку более жизни, либо тот, кому здесь нечего терять, т. е. человек, который все потерял. Его жизнь вследствие этого до того обесценена, что он может с легкостью расстаться с ней. Самоубийца!» — молниеносно пронеслось у меня в голове. Несмотря на то, что была уже ночь, я немедленно поспешил в редакцию газеты, чтобы сдать объявление. Теперь вам все ясно?

Я утвердительно кивнул головой. Сытный ужин после долгой голодовки, перенесенные в течение этого вечера волнения, глубокое кресло, спокойная обстановка теплого кабинета и рассеявший все сомнения тон профессора сделали свое: меня начало клонить ко сну и охватило желание отдохнуть, погрузиться в беззаботное небытие... Сильно переутомленные нервы да-

ли знать о себе, и это не ускользнуло от внимания профессора.

— Вы устали, — мягко сказал он. — Это вполне естественно. Боюсь, что если я буду в том же духе продолжать, вы скоро уснете.

— О нет! — воскликнул я. — Я напрягаю все свое внимание!

— Вот именно, вы должны напрягать внимание, чего делать сейчас, однако, не следует. Все, что касается объявления, я уже объяснил вам. Остальное оставим до другого раза, причем дальнейшее зависит теперь, главным образом, от вас. Но позвольте познакомиться с вами. Как ваше имя и чем вы занимаетесь?

— Брайт, инженер-электромеханик.

— Инженер... очень хорошо... электромеханик... прекрасно. Вот это-то мне и нужно! — воскликнул профессор, просияв. — Ну, а что с вами случилось, что довело вас до этого бедственного состояния, почти до самоубийства? Если вопрос неприятен, можете не отвечать.

— Я все расскажу вам, мне нечего скрывать от вас — посвящая меня в свои планы, вы должны знать, кто я. Моя история очень коротка: я потерял в эпидемию жену и ребенка и остался совершенно одинок. Болезнь и несчастье превратили меня в инвалида, и, кроме того, я лишился работы. До сих пор искал, но не смог ничего найти. И теперь у меня нет ни средств, ни моральных сил продолжать влачить подобное существование. Простите меня, профессор, за мой прежний тон и слабость: сознание, что я нуждаюсь в вашем ужине, сознание своего полного банкротства преисполнило меня чувством обиды и горечи.

Профессор не сводил с меня глаз, но, наряду с сочувствием, его взгляд выражал и восторг.

— Прекрасно, прекрасно... — повторял он, о чем-то думая. — Лучшего мне и не надо, если только вы согласитесь! Вы познали горе, и нет уже более того, что приковывало бы вас к нашей планете. Вы свободны: несчастье уничтожило связывающие вас земные узы, и ничто уже не помешает вам уйти отсюда в другие миры... Превосходно, великолепно! — воскликнул он, вскакивая с места. — Согласны ли вы отправиться со мной, куда бы то ни было?

— Да.

— Несмотря ни на что?

— Да.

— Обращаю еще раз ваше внимание на опасность предпринимаемой мною необыкновенной экспедиции и связанные с ней, ни с чем земным не сравнимые, быть может, даже потрясающие ощущения. Вы не откажетесь, не отступите в последний момент?

— Нет! — твердо ответил я. — Самые, потрясающие ощущения я уже пережил, и жизнь потеряла для меня всякое значение — мне именно нечего терять! Просвета я не вижу, а жалкое существование — только в тягость.

— Великолепно! Теперь последнее замечание: я не считаю себя в праве воспользоваться вашим несчастьем и моральной депрессией. Кроме того, я ни в коем случае не хочу, чтобы вы стали участником моей опасной и рискованной затеи лишь благодаря безысходности своего положения. Я могу устроить вас на работу. Предлагаю вам это — выбирайте.

Профессор вперил в меня нетерпеливый, испытующий взгляд, и несколько мгновений мы, молча, смотрели друг на друга. Благородство профессора, превзошло все ожидания и окончательно подкупило меня в его пользу. Я быстро встал и решительно ответил:

— Нет! От второго предложения отказываюсь и, не колеблясь, пойду с вами до конца, если только смогу вам быть полезным!

— Благодарю... — отрывисто произнес он, пожимая мне руку. — Итак, дело сделано: с сегодняшнего дня вы считаетесь моим ассистентом. Поэтому я надеюсь, что теперь вы уже проще отнесетесь к вопросу денег, нежели прежде к ужину. У вас нет, вероятно, ни гроша... — С этими словами он протянул мне несколько бумажек и, улыбаясь, прибавил: — Считайте эту небольшую сумму вознаграждением за ту работу, которой я вскоре нагружу вас. Я жду вас завтра к четырем часам дня. Вы свободны в это время?

— Совершенно. Буду точен.

— Прекрасно! До свидания.

Дверь захлопнулась, и я медленно спустился по лестнице. Было уже около двенадцати часов ночи. Возвращаясь домой по темным, пустынным улицам, я размышлял обо всем случившемся. Завтра я узнаю планы профессора Джемса Брукса. Признаюсь, что, несмотря на свою отрешенность от жизни, я был взволнован его экспедицией. Я долго ломал себе голову над тем, куда он намеревается отправиться, но далее Марса мои предположения не шли.

Всю эту ночь я проспал, как убитый.

4. Четырехмерное пространство

На следующий день я явился ранее назначенного срока, но профессор уже с нетерпением ждал меня. Он быстро ввел меня в кабинет, усадил, сунул в руки сигару и спросил, нет ли у меня каких-нибудь желаний и в состоянии ли я в данный момент сконцентрировать

все свое внимание на сложной научной проблеме. Я улыбнулся и ответил:

— Сегодня я в первый раз за многие недели сыт. Кроме того, глубоко заинтересовавшись вашими трудами, я решил отдать свою никчемную жизнь работе, которую вы мне поручите. Буду рад помогать вам в вашей научной деятельности.

— Прекрасно! — воскликнул профессор, потирая руки. — Итак, слушайте. Но прежде чем приступить к изложению своих идей, я прочту вам небольшую популярную статейку.

С этими словами он достал какой-то журнал, перелистал несколько страниц и начал:

«Все знают, что линии имеют одно измерение — длину, плоскости — два: длину и ширину, а тела — три: длину, ширину и высоту. Поэтому пространство, в котором находятся тела всего мира, является трехмерным. Дойдя до третьего измерения, возникает вопрос о четвертом. На первый взгляд кажется невозможным представить себе еще одно — это четвертое измерение. Куда, в самом деле, поместить его? Представить себе четвертое измерение мы, действительно, не способны, но мыслить о нем все-таки можем. Будем рассуждать по аналогии и займемся исследованием двухмерного мира. Мир этот должен быть абсолютно плоским, как и его воображаемые обитатели — плоские фигуры. Их движения в нем могут происходить только в самой его плоскости, так как здесь нет третьего измерения — высоты, вследствие чего фигуры не могут ни подниматься, ни опускаться вне своей плоскости. Обитатели этого плоского мира не могут поэтому иметь ни малейшего представления о движении в вертикальном направлении и так же прикованы телом и мыслью к своему двухмерному миру, как мы — к нашему трехмерному.

Сама идея третьего измерения им столь же чужда, как нам — идея четвертого. И, конечно, эти двухмерные плоские существа с таким же жаром и убеждением отрицали бы третье измерение, как наши так называемые „здравомыслящие“ люди отрицают четвертое. Жилища, ящики и т. п. предметы двухмерного мира представляют собою замкнутые со всех сторон линии, которые обитатели считают прекрасно защищенными. И действительно, с какой стороны ни подошел бы „двухмерен“, он неизменно натолкнется на стену. Чтобы заключить двухмерного преступника в тюрьму, достаточно начертить вокруг него замкнутую линию. Будучи сам плоскостью и не имея возможности двигаться в вертикальном направлении, он не может ни перешагнуть через стены своей тюрьмы, ни подлезть под них: они для него непроницаемы, как для нас замкнутый со всех сторон куб.

Предположим теперь, что этот двухмерный мир находится в нашем трехмерном. Обитатели плоского мира не имели бы ни малейшего понятия об окружающем их трехмерном пространстве и даже отрицали бы само его существование. Если бы среди них нашелся смельчак, заговоривший о третьем измерении, они объявили бы его сумасшедшим. И только, если бы кто-нибудь из нашего мира попал бы на их равнину, они узнали бы о существовании иного, непостижимого для них мира. А такой пришелец показался бы им существом сверхъестественным.

Ложась спать, двухмерец убедился, конечно, предварительно в прочности замков на случай ночного вторжения грабителя. И вдруг его изумленному взору представляется проникающая в его комнату каким-то непонятным образом чудовищная фигура, не похожая ни на что виденное им до сих пор. Конечно, наш трехмер-

ный человек не был бы видим плоским существом в своем обычном образе, а при малейшем движении вверх совсем исчезал бы из виду, минуя столь же непонятным образом стены и запертые двери. Способ, каким неожиданный гость попал в его дом, составлял бы для двухмерца непостижимую задачу — настоящее чудо. Не подозревая, что его спальня, будучи плоской фигурой, открыта сверху, он не может понять, что человеку достаточно перешагнуть через линии стен, чтобы очутиться в его доме. Но его удивление перешло бы все границы, когда таинственный незнакомец стал бы перечислять содержимое его карманов и шкафов, считал бы количество запертых в кассе денег, описал бы все внутренние органы двухмерца и даже достал бы любую вещь из „наглухо“ закрытых с двухмерной точки зрения ящиков...

Двухмерец должен был бы прийти к выводу, что пришелец умеет проникать через стены и что для него недействителен закон непроницаемости материи. Более того, трехмерному гостю ничего не стоило бы, глядя поверх двухмерных стен, описать самым подробным образом, что творится в соседних, так же „наглухо“ запертых домах и т. д.

Читатель, конечно, догадывается, что четырехмерное существо, попавшее в наш трехмерный мир, способно было бы проделывать все те же непостижимые вещи, что и человек в двухмерном мире. Нет ничего нелепого в допущении четвертого измерения: оно относится к нашим трем измерениям так же, как третье — к миру двух измерений».

Профессор прервал на минуту чтение, отыскал что-то глазами и продолжал:

«Ваша правая и левая рука совершенно одинаковы, а между тем они несовместимы, так что правая пер-

чатка не может быть одета на левую руку. Вырежем из бумаги силуэты двух перчаток и положим их перед собой. Они, хотя и одинаковы, но симметрично противоположны: так, например, мизинец правой руки находится на правой стороне, а мизинец левой — на левой. При наложении друг на друга эти силуэты невозможно совместить, как бы мы ни крутили или поворачивали

их. Но стоит только перевернуть один из них, так сказать „на левую сторону“, как обе фигуры уже будет легко привести к совмещению.

Проследим, что мы тут сделали. Для того, чтобы превратить правую фигуру в левую, необходимо было временно снять ее с плоскости, поставить вертикально, т. е. перенести в мир трех измерений и снова вернуть на плоскость.

Но известно, что сколько бы мы ни поворачивали правую руку, мы никогда не сможем превратить ее в левую, ибо они — симметрично противоположные уже не плоскости, а тела. Для того, чтобы достигнуть цели, необходимо вывести руку за пределы трехмерного пространства, перевернуть ее в четвертом измерении и снова перевести в наше пространство, совершенно так же, как мы вынесли плоское изображение руки из двух измерений в трехмерный мир. Таким образом можно было бы превратить правую руку в левую, и наоборот. Не покидая же наш мир, мы также не можем совместить симметричные тела, как двухмерец не в состоянии совмещать простым поворачиванием плоские, симметричные фигуры. Отсюда замечательный

вывод: если бы человек был способен хотя бы на мгновение покинуть наш трехмерный мир, он мог бы вернуться к нам в виде, симметричном самому себе: его правая рука сделалась бы левой, сердце и желудок переместились бы на правую сторону, а печень — на левую. Словом, каждая частица его тела была бы перемещена, и все это произошло бы чисто геометрически, без малейшего расстройтва организма».

Профессор захлопнул журнал и отнес его на место. Я все время молчал, внимательно слушая. Популярное изложение теории измерений не представляло ничего нового, но что меня глубоко заинтересовало — это связь между четвертым измерением и намерениями профессора. Я уже начал смутно догадываться, в чем дело, но замысел был настолько необыкновенен и грандиозен, что я и мыслить о нем не смел...

Профессор прошелся из угла в угол, остановился на середине комнаты и сказал:

— Надеюсь, что вам все ясно. Теперь я перейду к изложению специальной части. Многие считают четвертым измерением время, но это неверно. Время не есть измерение протяженности, и оно присуще как нашему, так и двумерному миру. Оно находится вне всяких пространственных измерений, в то время как четвертое измерение должно быть пространственного типа. Поясню это сейчас геометрически. Что представляет собою плоскость? — Ряд расположенных рядом линий. Из чего состоит тело? — Из ряда наложенных друг на друга плоскостей. Так, например, сотни вместе взятых листов бумаги образуют тело — параллелепипед и т. д., причем необходимо расположить листы не рядом в той же плоскости, а один на другом, т. е. по линии третьего, измерения, чего двумерец сделать не

мог бы. Из чего же состоит четырехмерное тело? Ясно — из ряда наших трехмерных тел, напр., кубов, наложенных друг на друга, но уже не вверх или рядом, а по линии четвертого измерения. Направление этой линии непостижимо для нашего трехмерного мозга, но все же я попытаюсь сделать отсюда некоторые выводы. Представьте себе снова двухмерный мир, т. е. бесконечно большую плоскость, простирающуюся по всем направлениям. Ученейший двухмерец должен быть глубоко убежден, что эта плоскость, в виду ее бесконечности, занимает весь мир. И действительно, куда бы он ни пошел, всюду будет та же плоскость. Если его спросить — возможен ли другой мир, подобный этой плоскости, он ответит, конечно, — нет, ибо эта плоскость заняла уже все бесконечное место кругом. Двухмерец не может понять, что на малом расстоянии над первой плоскостью можно поместить вторую, такую же бесконечно большую, над второй — третью, и так бесконечное их количество. Заметим это и перейдем к аналогии. Наше пространство занимает весь мир, который мы и представляем себе в виде пространства. Вне пространства ничто немыслимо. Пространство едино, монолитно и вездесуще. Но на каком угодно малом расстоянии по линии четвертого измерения от этого нашего бесконечного пространства может находиться второе такое, же бесконечное пространство, за ним — третье, и так до бесконечности. Комплекс всех этих вместе взятых пространств представляет собой пространство четырехмерное — четырехмерный мир. Таким образом, наш, казалось бы, безграничный и всеобъемлющий мир является одной лишь единицей. На этом пока остановимся, — закон-

чил профессор. — Пора закусить — необходимо беречь силы для предстоящей большой работы: сегодня я поздно задержу вас.

С этими словами он позвонил и попросил подать что-нибудь.

5. Фантастический проект

Как только посуда была убрана, профессор продолжал:

— Оставим теперь в стороне теорию: вы уже знаете, в нем дело. Скажу вам коротко и ясно: я решил пробраться в ближайший к нам мир. Вопрос только — как. Мой мозг давно уже сверлит мысль, что этот мир находится на бесконечно малом от нас расстоянии, и все же попасть туда сложнее, нежели на отдаленнейшую звезду, ибо, как бы далека она от нас ни была, она все же находится в нашем пространстве. Пользуясь намеренно словами «пробраться» и «попасть», так как «полетом» это назвать нельзя. Лететь здесь некуда: достаточно преодолеть лишь границу, разделяющую миры, для чего необходимо только вырваться из нашего пространства... Но это так же трудно, как двумерцу оторваться от своей плоскости. Какой пример двумерного мира известен нам в нашей практической жизни?

— Кинематограф.

— Совершенно верно — вот тут-то и весь секрет! Так же, как проектируемая световая картина более чем прикована к экрану, связаны нераздельно и мы с нашим пространством. Скажите, каким образом возможно было бы сместить по линии третьего измерения изображения с экрана?

Я подумал и ответил:

— Не представляю себе, как это можно было бы сделать.

— Разберемся в этом. Теоретически возможны два положения: или свет не дойдет до экрана, или же прорвется сквозь него. В первом случае необходимо, чтобы луч остановился на пути, а во втором — сила, благодаря которой он смог бы прорваться. Это рассуждение навело меня на некоторые оригинальные мысли. Попутно замечу, что согласно аналогии, четырехмерный кинематограф должен дать изображения трехмерные — телесные. Таким образом, четырехмерный свет должен одним измерением отличаться от нашего. Я размышлял далее о природе нашей материи и о том, откуда она взялась. Разработка предыдущих рассуждений привела меня к гипотезе, что материя есть не что иное, как спроектированные в наше пространство из четырехмерного мира телесные изображения. Таким образом, наша задача заключается в том, чтобы получить соответствующий свет или, вернее, ту лучистую энергию, при помощи которой и возможно вырваться из нашего пространства.

Была уже глубокая ночь, когда профессор закончил изложение принципиальной стороны проекта. Он говорил все время так горячо и убедительно, что мог бы увлечь любого собеседника.

— После многих лет упорной работы, — закончил он с просиявшим лицом, — я нашел, наконец, способ добыть и эту энергию, и лучи! Теперь остается только осуществить проект. Подумайте, Брайт! — воскликнул он. — Скоро мы попадем с вами в иной мир, куда не ступала еще нога человеческая, где нас ожидает, быть может, то, чего не в состоянии представить себе самая смелая фантазия! Теперь же одной из главнейших наших задач является обсуждение мероприятий к

предохранению себя от могущих встретиться на пути опасностей.

А таковых оказалось немало... Предусмотрительный профессор предвидел вещи, о которых я никогда и не подумал бы. Так, например, мы можем попасть в пустое пространство или же упасть куда-нибудь с большой высоты и разбиться. Небесное тело, на которое мы попали бы, может иметь температуру абсолютного нуля или же находиться в раскаленном состоянии. Не более приятно также утонуть в океане или подвергнуться нападению живых существ. Неблагоприятным оказалось бы также отсутствие атмосферы или ядовитый газ. К тому же неизвестно было, в состоянии ли человеческий организм выдержать потрясающий переход из одного мира в другой, не рискует ли он распасться при этом на атомы и т. д. Таким образом, раньше чем отправиться в путь, предстояло проделать большое количество опытов с приборами.

Я остался ночевать у профессора. Когда мы легли, часы пробили пять.

Следующий день был праздничный, и с самого утра мы взялись за дело. Профессор провел меня в нижний этаж, отпер ключами массивную дубовую дверь и со словами:

— Здесь наша лаборатория, — ввел меня в обширное помещение без окон. Затем он включил электрический свет, закрыл дверь на засов и предложил мне заняться осмотром.

Прежде всего должен сказать, что содержимое этого помещения сильно отличалось от того, что мы привыкли представлять себе под понятием «лаборатория». Здесь не было никаких реторт, пробирок или химических веществ. Благодаря сложной паутине электрических проводов и массе инструментов и ме-

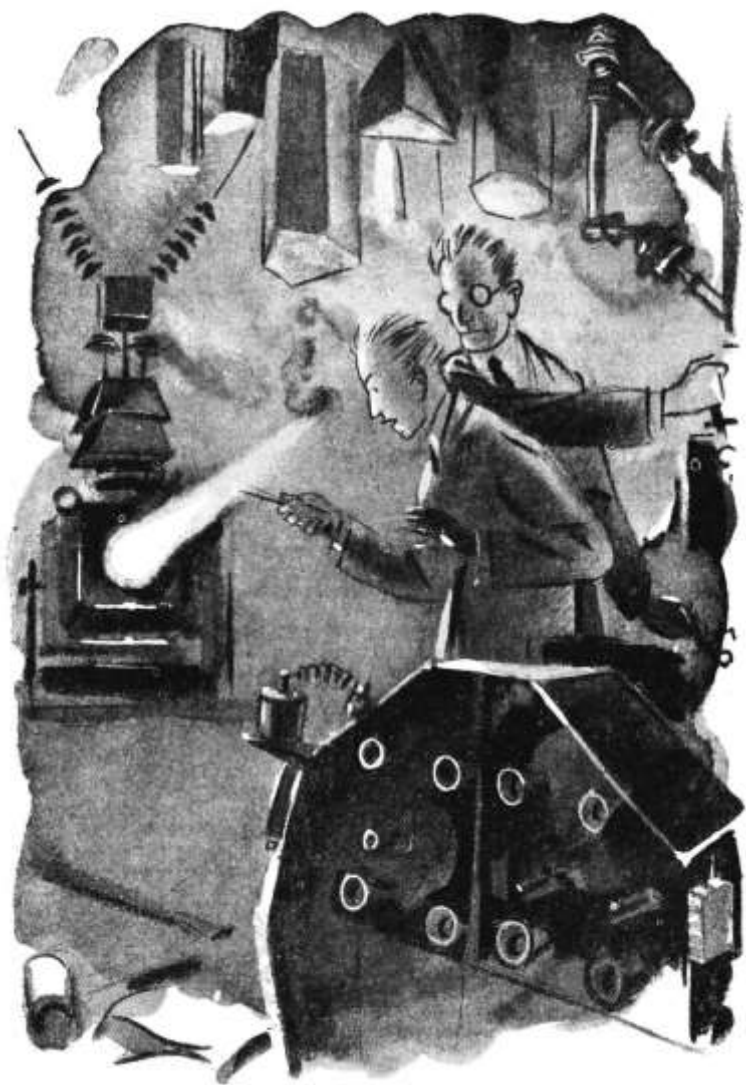
талла, лаборатория походила скорее на слесарный цех электrozавода, а большое количество приборов, начиная с трансформатора и проекционного фонаря и кончая машинами необыкновенной формы и неизвестного назначения, совершенно сбивали с толку непосвященного посетителя. На полу валялись кучи проволоки, жести, разных обрезков, доски и т. д.

— Сначала сделаем маленький опыт... — сказал профессор, протягивая мне небольшую блестящую пластинку. — Зажмите эту пластинку крепко в щипцах — вот так.

С этими словами он подошел к распределительной доске, повернул несколько выключателей и проделал ряд манипуляций с одним из стоящих на столе приборов. Камера прибора тотчас же стала прозрачной, и я заметил находящийся внутри нее многогранник, испускавший какой-то странный свет. Не могу объяснить, что именно меня в нем удивило, но с уверенностью утверждаю, что он не походил ни на что, виденное мною до сих пор. Яркий и ясный, он был в то же время как-то неуловим. Но поразительнее всего было то, что снопы лучей, вырывавшиеся сверху камеры, искривлялись, подобно водяному фонтану, и исчезали в воздухе, не достигая стен и пола. Главный поток лучей, истекавших сбоку из специального широкого отверстия, также прерывался неизвестно каким образом на расстоянии двух метров от аппарата. Во время опыта непрерывно слышалось мерное жужжание и легкое потрескивание.

— Четырехмерные лучи... — пояснил профессор.

Передвигая по скале прибора рукоятку, он заставлял луч удлиняться, укорачиваться, извиваться и изменять свое направление, вследствие чего он походил на щупальце морского спрута.

— А теперь, — сказал профессор, — будьте любезны протянуть вперед щипцы с пластинкой.

Как только это было исполнено, он направил на нее луч. Раздался взрыв, а пластинка исчезла. От неожиданности я вздрогнул, и выронил щипцы на пол. Свет в аппарате потух. Ошеломленный происшедшим, я не сразу сообразил, а чем дело.

Сзади меня раздался смех. Я повернулся и увидел смеющееся лицо профессора. Воображаю, как глупо я тогда выглядел...

— Где пластинка? — спросил он, забавляясь моим недоумением. — Поищите ее хорошенько.

Я обшарил столы и пол и вращал кругом головой, ища пластинку в пространстве, на стенах и даже на потолке. Наконец, я убедился, что она безвозвратно исчезла... Но одно мне было ясно: она не сгорела, так как в этом случае остались бы какие-нибудь следы, был бы виден хоть дым... А тут — ровно ничего. Эксперимент был проделан необычайно быстро и просто, но объяснить его вряд ли смог бы величайший философ.

Профессор продолжал беззвучно смеяться. Вся его фигура оживилась, лицо сияло, и он казался помолодевшим лет на десять.

— Ну, где же пластинка? Говорите же скорее!

Я заразился его настроением и весело ответил:

— Быть может, очень близко от нас, но отыскать ее невозможно: она улетела по линии четвертого измерения и находится за пределами нашего трехмерного пространства!

— Совершенно верно. Этот фокус, пожалуй, почище всех тех, которые показывались когда-либо в цирках Старого и Нового Света. Теперь, надеюсь, вы воочию убедились, что я не фантаст и не сумасшедший — пусть глупцы думают обо мне, что хотят! Я очень рад, далее,

что вернул вас к жизни. Хочу надеяться, что вы окончательно оставили свои прежние намерения и действительно отдадитесь работе, делающей жизнь полной и дающей ей величайший смысл. Когда вы третьего дня в первый раз явились ко мне, вы были убиты и плакали от такого пустяка, как ужин... Вы видите теперь, как мелко это было по сравнению с той грандиозной деятельностью, которая перед вами открывается, и с тем, что нам предстоит еще впереди. В настоящий же момент вы смеетесь, и сознание, что это не обошлось без моего участия, является для меня большим удовлетворением. Итак, мой друг, — закончил профессор, положив свою руку ко мне на плечо, — за работу!

6. Исследования и опыты

Я ежедневно посещал профессора и отдавался работе с не меньшим интересом и рвением, чем он сам. Я убедился вскоре, что профессор был не только одним из крупнейших ученых, но также и прекрасным товарищем. Несмотря на работу, длившуюся по шестнадцать часов в день, здоровье мое восстанавливалось, и я жил полной жизнью. Работа, всецело поглощая время и энергию, отвлекла меня от тяжелых мыслей о пережитом несчастье.

Масштаб наших опытов превысил вскоре размеры, возможные в городской лаборатории. Кроме того, мы перешагнули уже границу экспериментов по перемещению за пределы нашего пространства предметов и должны были готовиться к личному «переходу». Мы решили снять за городом небольшой дом.

Дело быстро подвигалось вперед — оставалось только решить две задачи: как вернуться на Землю и

как избежать многочисленных опасностей при переходе по ту сторону пространства и в том «Следующем мире», как мы его называли. Первая задача была вскоре решена: мы научились «выуживать» обратно переправленные предметы и произвели в этой области ряд замечательных исследований. Мы «переворачивали» предметы в четвертом измерении и достигли при этом большой ловкости. Мы сделали гипсовый слепок с правой руки и получили его обратно в форме левой.

Проделав ряд опытов с различными видами неорганической материи, мы приступили к экспериментированию с живыми существами. Первой жертвой была избрана бездомная кошка, которую мы угостили блюдцем молока. В то время как она жадно лакала, мы быстро «перекинули» ее туда и обратно, после чего она тотчас же принялась за прерванное занятие. Это показало, что переход из одного измерения в другое может быть легко перенесен живым организмом. Затем мы вторично проделали то же самое, причем на этот раз «перевернули» кошку. Предварительно мы точно запомнили расположение пятен на ее шерсти. После опыта они оказались на обратно симметричных местах, подобно зеркальному отражению. Животное же было невредимо. Трудно описать охвативший нас при этом энтузиазм.

Назавтра же кошка была доставлена удивленным университетским зоологам. По их уверениям, они никогда еще не встречали подобного случая: исследование установило, что все внутренности животного находятся на симметрично противоположных местах. Необходимо упомянуть, что до этой серии опытов мы проделали ряд работ в области «удерживания» предметов в ином пространстве. Для этого был применен особый вид магнитно-телесных лучей и использовано

частично земное притяжение. Таким образом, предметы попадали в некоторую нейтральную зону.

Далее мы решили добыть материю из соседнего пространства. Вскоре удалось и это. Мы добыли кремнезем — вещество, хорошо известное нашему миру. Итак, нам повезло — мы не попадем в пустоту: рядом, на расстоянии приблизительно одного метра по линии четвертого измерения, находится планета, подобная по своему составу нашей.

Оставалось разрешить вторую задачу — как избежать возможных опасностей следующего мира. Она была блестяще решена гениальным по своей простоте способом, достойным профессора.

— Для того, чтобы не наскочить на какой-нибудь неожиданный сюрприз, — сказал он, — необходимо увидеть, что там делается и куда мы идем!

Мы тотчас же принялись за разработку «четырехмерного освещения». Открытие всех дальнейших видов лучей не являлось новым изобретением и не представляло уже принципиальных трудностей: все эти виды были лишь вариантом одной и той же сущности. Вопрос, заключался только в технике, которую мы быстро одолели.

— А ну-ка, Брайт! — крикнул мне раз профессор, в то время как я возился на другом конце лаборатории над каким-то объективом. — Загляните-ка сюда!

Я быстро подбежал и, заглянув по указанному направлению, увидел в пространстве темное отверстие с какими-то смутными очертаниями... Это было самое настоящее отверстие, глубоко и жутко зиявшее. Оно находилось, несомненно, в лаборатории, но казалось где-то в совершенно ином месте вне нашего пространства... Направление этого отверстия я никак не мог определить.

— Там теперь темно, — сказал профессор, — очевидно, ночь. Возможно, что там никогда не бывает света. Мы должны систематически проделывать этот опыт: быть может, свет все же появится. Или же — он не может циркулировать между двумя пространствами. Если это так, мы должны добиться теперь, при помощи тех же магнитных лучей тяготения, света изнутри и вовнутрь.

Снова закипела работа, но уже в новом направлении. Через несколько дней я вздрогнул во время одного опыта от неожиданно раздавшегося шипения, походившего на выпускаемый из котла пар.

— Мистер Брукс! — позвал я профессора, занимавшегося за столом вычислениями, — скорее!

— Прекрасно! — воскликнул он, потирая руки. — Оба пространства, связаны световыми волнами в пределах количества колебаний, доступных нашему глазу!

И действительно — яркие потоки света, но не спокойно и бесшумно, как обычно, а подобно каскаду, струились из блестящего отверстия в наше пространство... Заглянув туда через темные очки, мы оба одновременно вскрикнули: где-то вдали сияло три солнца...

— Какой-то оптический обман... — попытался профессор объяснить это явление, но тотчас же смущенно прибавил — непонятно только, почему они разной величины...

7. Критический момент

Быстро шли заключительные опыты и изготовление подсобного оборудования. Подчас мы совершенно забывали о сне и еде и целыми днями пропадали в своей новой лаборатории.

Суммировав весь добытый до сих пор опыт, мы приступили к постройке большого телесно-энергетического «резонатора» — так назывался аппарат, излучающий волны, профессора Брукса. Его постройка была основным приготовлением к нашему личному переходу. На этом резонаторе предполагалось установить радиоприемник для управления резонатором беспроводным способом, без чего возвращение было бы невозможно, так как мы решили отправиться вместе; захватив с собой соответствующий прибор с магнето, мы сможем привести «оттуда» резонатор в действие. Он автоматически откроет четырехмерное пространство, дав нам, таким образом, возможность перешагнуть обратно границу миров. Одновременно с достройкой резонатора продолжались исследования атмосферы «Следующего мира».

Мыс проделали в этой области огромную, кропотливую работу и выявили вопрос о существовании атмосферы, и притом для нас благоприятной. Ее давление и температура оказались несколько большими, чем на земле, а газы, входящие в ее состав, — приблизительно теми же. Было обнаружено наличие некоторого количества озона и гелия. Влажность атмосферы установить не удалось. Почва оказалась абсолютно сухой, никаких признаков воды не было найдено. Сила тяготения планеты несколько превышала нашу земную.

Этот анализ показал, что мы можем туда отправиться, пока отсутствие воды не заставит нас вернуться. К большему давлению атмосферы мы надеялись привыкнуть, температуру жарких стран — перенести, а с увеличившимся весом своего тела — быстро освоиться. В случае же внезапного нападения, мы сможем быстро «проскочить» обратно, и никакому чудовищу

не удастся схватить нас за пределами своего пространства.

Когда все было готово, мы решили посвятить сутки отдыху и совершенно не думать и не говорить о работе. После завтрака мы отправились гулять в городской парк. По дороге мы купили газеты и читали их, как будто только что свалились с луны: нам давно уже не было известно, что творится на Земле. Одновременно мы сделали два открытия: во-первых, что настала уже весна, и, во-вторых, — стояла великолепная погода. Подобных вещей мы до сих пор не замечали. Задумчиво вошли мы в парк и направились к ресторанному столику.

— О чем вы думаете? — спросил меня вдруг профессор. — Бьюсь об заклад, что о предстоящей экскурсии!

— Гм... — запнулся я, не зная, что ответить.

Профессор добродушно рассмеялся.

— Не смущайтесь, — сказал он, — я поймал себя на том же. Впредь прошу вас более не фантазировать, а также строго следить и за мной.

В прекрасном расположении духа мы провели этот день.

Следующие два дня были предназначены по плану для поездки по делам формального характера к нотариусу мистеру Нортону и снаряжения в путь. Когда все это было проделано, мы отправились ночью в коттедж.

В лаборатории мы привели все в порядок и по возможности технически обеспечили оборудование, во избежание случайной порчи. В записке, которую мы оставили на столе, профессор просил охранять коттедж и не выключать электрический ток. Затем мы молча надели спортивные ботинки, костюмы и металлические военные шлемы. Через плечи мы перекинули походные сумки с приборами и провиантом. Чтобы не

разбить себе при падении руки, были специально заготовлены боксерские перчатки.

Настала решительная минута. Признаюсь, меня охватило волнение и внутренний трепет. Но это нельзя было назвать ни малодушием, ни страхом за свою жизнь. Нет, — это было лишь сильным переживанием великого и торжественного момента. Профессор казался бледнее обыкновенного. Резким движением он включил предмет своей гордости — большой резонатор.

...В сотый раз загорелась яркая лампа, и поток мощных лучей, с жужжанием и свистом, прорвал люк в следующий мир. Профессор взглянул на хронометр: было четыре часа утра. Затем он взял меня под руку, и мы одновременно вступили в поле действия четырехмерных волн.

Раздался привычный взрыв, выбросивший нас за пределы пространства в абсолютную тьму.

8. Следующий мир

Это был головокружительный момент, похожий на провал в бездну. Мы прыгнули, вытянув вперед руки, и упали на них с высоты не более двух метров. Опустившись на почву, мы остались лежать ничком, не осмеливаясь поднять голову.

— Вы невредимы, Брайт? — тихо спросил профессор, но мне показалось, что его голос прозвучал более звонко, чем обыкновенно.

Я нащупал в темноте его руку и ответил:

— Да. А вы себя как чувствуете, мистер Брукс, не ушиблись?

— Нисколько. Все прекрасно — перчатки защитили руки и смягчили падение.

Наши глаза, привыкшие к сильному освещению лаборатории, ничего не различали в этой кромешной тьме. Сзади нас, журча и искрясь, изливались потоки волн резонатора. Через «люк» мы видели яркий объект и смутные очертания кусочка нашей родины.

— Выключите резонатор, — скомандовал профессор.

Я нащупал в сумке рычажок, два раза повернул его и нажал кнопку. Тотчас же раздался удар, подобный стуку захлопнутой крышки пустой деревянной коробки, и маленькое отверстие, связывавшее нас с нашим миром, исчезло...

— Давайте сядем, Брайт, — предложил профессор, — а то мы похожи на двух испуганных крокодилов в темном сундуке... Что сказали бы наши коллеги, если бы увидали нас в этом положении!

Коллеги... Какие там коллеги? Все бывшее до сих пор казалось мне не более близким, чем смутные воспоминания отдаленного детства.

— Обсудим положение. Мы не ослепли, — продолжал профессор, как будто угадав мои мысли. — Иначе мы не видели бы отсюда света резонатора. Возможны три положения: первое — здесь всегда темно, второе — теперь ночь, третье — световые волны этого мира не соответствуют устройству наших глаз. Ба! — воскликнул он вдруг. — Мы настолько растерялись, что упустили из виду самые простые вещи. Ведь, у нас же с собой электрические фонари!

Он порывлся в своей сумке, и яркий луч прорезал черное пространство и быстро исчез.

— Итак, все в порядке. Но не будем злоупотреблять светом — мы не знаем, кто нас окружает: необходимо быть крайне осторожными. Двигаться тоже не следует, чтобы не свалиться с горы или не попасть в яму. Посидим спокойно и обождем. Если положение через не-

сколько часов не изменится, тогда подумаем, что делать дальше.

Было очень жарко, но не чувствовалось, однако, ни малейших признаков духоты. Необычайно свежий, пропитанный озоном воздух действовал опьяняюще. Голова кружилась, пульс участился. Ощущение бодрости и энергии повышалось до степени энтузиазма. Хотелось двигаться, прыгать, петь, кричать... Я все время поддерживал с профессором оживленную беседу и окончательно убедился, что голоса наши, действительно, звучали здесь яснее и громче.

Так прошло около часа. Я осветил на мгновение свой хронометр, на котором — как это ни странно — было всего лишь четырнадцать минут пятого! Покинули же мы Землю ровно в четыре часа. Профессору также казалось, что мы сидим здесь более часа. Однако и его хронометр показывал то же, что и мой.

— Как вы объясняете себе это явление? — спросил он.

— Мы совершенно иначе ощущаем здесь время. К тому же возможно, что под влиянием местных условий тяготения механизмы наших часов иначе работают.

— Правильно, но вы забыли еще одно очень важное обстоятельство. Вспомните Эйнштейна — ведь, время относительно! Оно может иметь здесь другой темп, и должно, поэтому, совершенно иначе расцениваться. Если оно протекает, например, в этом мире быстрее, нежели у нас, мы сможем в течение одного и того же срока успеть здесь больше, чем на Земле...

Внезапно из-за горизонта появилась звезда, за ней вторая, третья, четвертая, пятая. Расположенные дугой на темно-бархатном фоне и медленно плывя вверх, они походили на пять крупных, кристально чистых бриллиантов, переливавшихся всеми цветами радуги.

Их свет был настолько силен, что я различал лицо профессора.

— Назовем их, — сказал он, — «Созвездием Параболы».

— Нет — воскликнул я. — Это — «Созвездие Джемса Брукса»!

— Ну, ну, — скромно запротестовал профессор. — Вернее будет — «Вилли Брайта» — ведь, вы обнаружили первую звезду.

Но спор не успел разгореться, как на горизонте появилось нечто вроде зодиакального света.

— Млечный путь! — воскликнул профессор.

Любуясь его красотой и величием, мы замерли на месте, пока не почувствовали усталость в ногах и сильный голод.

Мы оторвали свои взоры от надземного мира и занялись осмотром окружающей местности. Она не представляла собой ничего интересного: это была огромная, лишенная всякой растительности равнина; вдали выделялось нечто вроде гор, а на горизонте чернели, как нам показалось, неясные очертания леса.

Мы сели на «землю» и развязали мешок с провиантом. Воздух, богатый кислородом и озоном, большое давление атмосферы, и увеличенная сила тяготения вызвали энергичный обмен веществ, усиленную деятельность организма и волчий аппетит.

— Если так будет дальше, — заметил профессор, проглотив три бутерброда и принимаясь за четвертый, — недостаток пищи заставит нас вернуться через сутки на Землю.

9. Восходящие солнца

Пока мы ели, десятки фантастических созвездий усеяли густо покрытое звездами небо. Верхушка гор загорелась, это было отражением зарева, вспыхнувшего на противоположной стороне горизонта. Оно быстро усиливалось, пока не показался, наконец, выпуклый край и мы увидели луну, похожую на нашу.

— Прекрасно! — обрадовался профессор. — Здесь есть луна, значит, — будет и солнце.

Луна, между тем, быстро поднималась вверх. Звезды угасали. Внезапно профессор воскликнул:

— А это еще что такое?

Я обернулся и увидел второе, более сильное зарево на другом месте горизонта. Прошла минута-две, и показалась еще одна и притом огромная луна. Мы были в восторге.

— Здесь интереснее, чем на Земле!

Но не успели мы еще достаточно налюбоваться этими светилами, как горизонт опять вспыхнул, и тотчас же появилась третья, но на этот раз меньшая луна... Мы снова вскочили, переводя глаза с одной на другую. Почва, освещенная яркими, зеленовато-голубыми лучами, представляла собой прекрасный своеобразный ландшафт. Стало уже настолько светло, что можно было свободно читать книгу.

— Какая красота! — воскликнул восхищенно профессор. — Трудно себе представить, чтобы нечто... но что же это, наконец?

Я опять обернулся и заметил одновременно выплывающие... еще две луны.

— Пять лун! — закричал я. — Где это видано! Если бы на Земле знали...

— Стоп, — остановил меня профессор, — вот выплывает шестая...

Но профессор ошибся — это не была луна: появляющееся светило походило на широкий язык, который все более вытягивался под углом вверх. При этом он был не сплошным, а состоял из нескольких слоев.

— Кольца? — Профессор вопросительно взглянул на меня. — Неужели же...

Изнемогая от любопытства, следили мы за восходом светила. Вскоре показалась выпуклость неимоверно огромного шара. Он быстро выплывал, его исполинские размеры все более увеличивались...

— Сатурн! — воскликнул я. — Совершенно похожий на наш, но какой, однако, гигант!

— Потому что близок. И наш достаточно велик: Земля могла бы кататься на его кольцах, как мяч по шоссе... Но, смотрите на его бесподобные кольца!

Еще несколько минут — и Сатурн целиком появился перед нашими изумленными взорами. Его величина была потрясающей, жуткой. Площадь ядра казалась в сотни раз больше нашей луны, а вместе с кольцами светило занимало громадную часть неба. В довершение ко всему продолжали показываться в разных местах горизонта луны...

— Но сколько же их? Когда же будет конец! — воскликнул я.

— Пока восемь. Будем считать дальше.

За восьмой выплыла девятая, а за нею — десятая. Вскоре появилась и одиннадцатая...

Поднимаясь выше, Сатурн и луны приобретали серебряно-блестящий отлив. Стало светло, почти как на Земле в облачный день, но это был совершенно иной свет. Некоторые луны начали уже опускаться к горизонту, зато появились еще две новые...

— Подождите — это еще не все: вы увидите завтра солнце, по сравнению с которым наше дневное светило, окажется жалким пигмеем.

— Почему?

— Разве вы не чувствуете тяжести в ногах и веса наших мешков?

— Это понятно, — я спрашиваю о солнце!

— Солнце — геркулес! — вдохновенно произнес профессор. — Какой массой оно должно обладать, чтобы удержать на таком близком от себя расстоянии эту гигантскую планету с ее кольцами и спутниками.

— Но из чего вы заключаете, что они находятся близко? — не унимался я.

— Как «из чего»? — поразился профессор моей недогадливости. — А сила освещения Сатурна и лун, а температура окружающей нас атмосферы? Разве вы не помните, на каком колоссальном расстоянии от нашего солнца находится его Сатурн? Именно поэтому там и господствует отчаянный холод, при котором замерзают даже газы.

Сатурн, между тем, приближался к зениту, сверкая, как полированное серебро. Окружавший его световой ореол образовал новое гигантское кольцо с исходившими радиально лучами, наподобие северного сияния. Оно заняло не менее трети неба. От млечного пути и звезд не осталось и следа: было светло, как днем. Ввиду ослепительной яркости планеты, мы могли продолжать свои наблюдения только при помощи черных очков.

Описывая на небосклоне дуги, луны — а их оказалось всего тринадцать — приближались к горизонту и одна за другой исчезали. Перейдя свой зенит, «Сатурн» начал быстро опускаться. Ореол поблек, сила света заметно уменьшилась, и серебристый отлив стал матово-желтым. Вскоре начали понемногу зажигаться звезды.

— Я жду с нетерпением наступления дня, — сказал профессор. — Ждать осталось недолго. Предлагаю вам, Брайт, прилечь и заснуть. Вы моложе и нуждаетесь в отдыхе больше меня.

После непродолжительного спора я подчинился авторитету профессора и устроился на ночлег. Мы условились, что он разбудит меня, как только появятся первые признаки рассвета. Мне снилось, что с колец Сатурна сползают какие-то чудовища. Вот одно из них протягивает свои противные щупальцы и впивается мне в шею... Я вздрогнул и открыл глаза — это профессор теребил меня за плечо.

— Вставайте, Брайт, — солнце!

Горизонт напоминал расплавленный металл, а над ним красовался огромный, багровый шар. Вершины гор горели, как в огне.

Зрелище было великолепно, и, не теряя времени, мы вынули приборы и занялись наблюдениями. Лучи солнца, несмотря на то, что оно находилось еще сравнительно низко, немилосердно жгли наши шлемы. Не выпуская яркий диск из объективов, мы так увлеклись работой, что ничего кругом не замечали. Записывая высоту светила над горизонтом, я вздрогнул от внезапно раздавшегося стука. Это — подозрная труба выпала из рук профессора, а сам он застыл с мутно-неподвижными глазами... Я сильно испугался.

— Что с вами, мистер Брукс?

— Смотрите! — отрывисто прошептал он, протягивая вперед руку.

Я взглянул по указанному направлению, и замер: на горизонте лежало второе солнце, раз в десять больше первого.

Долго и безмолвно наблюдали мы оба светила, переводя глаза с одного на другое, пока спокойно выплывавшее из-за гор третье солнце не вернуло нам дар слова.

— Мистер Брукс! — закричал я. — Что значит это? Куда мы попали? — Впечатление было потрясающее...

Я схватил профессора за руку и немилосердно тряс ее. — Мистер Брукс? А?

— Вот видите, Брайт! — торжественно проговорил он наконец. — Я правильно предугадал мощный центр тяготения!

— А не может ли это быть... — забеспокоился я, — оптическим обманом?..

— Нет, ни в коем случае. Радуйтесь, Брайт, успешности нашей экспедиции — мы попали в систему тройной звезды, если не появится еще и четвертая! Слышали ли вы когда-нибудь об этом?

— О, да! Вспоминаю... на школьной скамье.

Волнение лишило нас работоспособности, и мы ничего уже не могли более делать: я топтался на одном месте, а профессор, потирая, по обыкновению, в восторге руки, беспрестанно повторял:

— Как мне не пришла эта мысль раньше — помните? — когда мы увидели три солнца в телескопе? Не могу себе простить этого. Но становится, однако, невыносимо жарко. Надо поискать тень.

И действительно, термометр показывал 48 °С. Мы быстро уложили в мешки свой несложный багаж, но, прежде чем уйти отсюда, решили водрузить флаг: необходимо заметить место, где находится, по ту сторону пространства, резонатор. Для этого мы построили из «земли» и камней холм и воткнули в него деревянный стержень. К стержню была привязана тряпка.

Расположенные неправильным треугольником солнца стояли уже сравнительно высоко. Первое — средней величины — было несколько светлее нашего солнца; второе — самое большое — имело оранжевый цвет, а третье — меньшее из всех — испускало ослепительно-белые лучи с фиолетовым оттенком. Мы не снимали более темных очков: это море света было невыносимо для человеческих глаз. На поверхности почвы уже нельзя было различить никаких неровностей или предметов: все слилось в ровную, ослепительно-сверкающую белую равнину.

Мы поспешили укрыться в тени ближайших гор, Хронометры показывали шесть. Таким образом, мы провели здесь всего только два земных часа.

10. Часы отчаяния

В тени стало несколько легче, но ненадолго: солнца поднимались все выше и выше. Раскаленные шлемы пришлось давно снять и обвязать головы платками, а также сбросить все доспехи и верхнюю одежду. Кожа на руках была обожжена и томительно горела. Голод и мучительная жажда заставили нас легкомысленно закончить с провиантом и допить остатки захваченной с собой воды. Самочувствие значительно ухудшилось, мы угрюмо молчали.

— По-видимому, — сказал профессор, — придется вернуться на Землю. Но теперь мы уже знаем, чем необходимо запастись, отправляясь сюда. Мы привлечем ряд лиц, которые уже не сочтут нас более фантастами и не побоятся примкнуть к нам. Мы организуем большую международную экспедицию для исследования этой планеты. Это будет небывалым событием в истории человечества!

Одевшись и собрав свои вещи, мы двинулись, едва волоча ноги, к исходному пункту.

— Включите резонатор! — скомандовал профессор.

Я начал вращать рукоятку магнето, ожидая открытия «люка» и знакомого снопа искрящихся лучей. Но немая тишина не нарушалась. Мы безмолвно взглянули друг на друга.

— Дайте мне... проверить приборы, — неестественно медленно, едва сдерживая волнение, произнес профессор.

Он крутил, вращал, настраивал и снова пробовал... Его руки дрожали.

Прошло несколько долгих, томительных минут... Профессор лихорадочно продолжал свою работу, но все его попытки оставались бесплодными. Тогда он оста-

вил магнето в покое, сел, опустил голову на руку и неподвижно застыл. По его виску струились крупные капли пота. У меня пересохло горло, тряслись колени. Профессор был бледен, как мел.

— Все кончено, — проговорил он, наконец, хриплым, упавшим голосом. — Мы не вернемся отсюда, и наша жизнь... Пока хватит сил, мы будем пытаться привести в действие резонатор, но надежды у меня нет никакой. В крайнем случае, — закончил он мрачно и жестко, — придется пустить в ход револьверы.

...И вдруг, перед моими глазами встала картина пивной, и я увидел лежащий на столе «Вечерний Листок» с крупным объявлением — «Ищу самоубийцу».

А солнца, поднимаясь все выше и выше, продолжали безмолвно сиять.

Профессор невыразимо страдал — мне стало жаль его. Я тряхнул отяжелевшей головой и сказал:

— Дорогой мистер Брукс, я не упрекну вас ни в мыслях, ни вслух. Я ни в чем не раскаиваюсь и ни о чем не жалею. Но почему вы потеряли всякую надежду? Быть может, в коттедже случайно прерван ток?

— Нет! — ответил он мрачно. — Не скрою от вас, что я сам во всем виноват. Причина несчастья гораздо страшнее и глубже, чем вы это думаете... Я упустил из виду самое важное обстоятельство. Мужайтесь и слушайте: пространства смещаются, и планеты летят в пространствах с головокружительной быстротой. Поэтому... уже миллионы километров отделяют нас от нашей Земли.

Мы смолкли, покорно отдавшись судьбе. Это были долгие, томительные часы мучительного голода, жажды и разъедающей весь организм слабости.

Желая ободрить профессора, я занялся наблюдением часов захода солнца и измерением продолжитель-

ности дня. Профессор махнул лишь рукой — он впал, видимо, в полное отчаяние.

Внезапно меня осенила мысль, которую я не замедлил высказать вслух.

— Наша Земля пробегает в пространстве около тридцати километров в секунду; планета, на которой мы находимся, тоже движется; кроме того, быть может, смещаются и сами пространства, не так ли?

— Да!

— Почему же, в таком случае, когда мы сюда прибыли, резонатор стоял неподвижно в течение нескольких минут, пока его я не выключил?..

Этот вопрос поставил профессора в тупик. Он подумал и ответил:

— Признаюсь, вы меня озадачили... Не могу создать в настоящий момент никакой гипотезы — наш жалкий трехмерный мозг не в состоянии постигнуть структуру миров. Однако вы — верный товарищ и мужественный друг, — прибавил он, — и я умру не одиноким, а с сознанием, что встретил в жизни настоящего человека.

Стало как-то легче: отчасти от понизившейся к вечеру температуры и отчасти от высказанной мною мысли, возбудившей где-то в глубине души маленькую надежду, которую мы боялись высказать вслух.

Закат солнц оказался не менее прекрасным, чем восход. Сумерек почти не было, мы очутились в такой же абсолютной тьме, как и вчера. День длился около пяти часов.

— В момент наступления ночи данная долгота места обращена в это время года к огромному «звездному провалу», — вяло пояснял профессор, отдавая дань привычке читать лекции. — Звездные скопления распределены в пространстве этого мира неравномерно. Я

думаю над поставленным вами вопросом, — сказал профессор.

— Найти в бесконечном пространстве этого мира точку, против которой находится в данный момент по ту сторону измерения наша Земля с резонатором, более невозможно, чем отыскать в Тихом океане потерянный атом... Как видите, утешительно мало.

«Сатурн», между тем, заходил. Прошел еще долгий час.

— Профессор, — обратился я к мистеру Бруксу. — С тех пор, как мы покинули Землю, вы не сомкнули глаз. Я прошу вас лечь спать.

— Вы заботитесь обо мне, как сын об отце... — с дрожью в голосе произнес он. — Хорошо, я попытаюсь — в прошлый раз вы мне уступили.

Несмотря на трагизм положения, профессор вскоре заснул.

Настроение мое стало вялым и безразличным. Кроме сильной усталости, я ничего не чувствовал. Наконец, я совершенно впал в апатию, усиленно стараясь лишь отгонять мысли о жажде и голоде. Восток внезапно засветился и стал алым... Так как бояться здесь было некого, я решил последовать примеру профессора, оперся головой о свой мешок и впал в забытие.

11. Чудесные спасители

Когда я проснулся, профессор был на ногах. Во время сна он заботливо укрыл меня от палящих лучей солнца, уже высоко стоявшего на небе.

— Что теперь... Брайт? — тихо спросил он, не глядя на меня.

— Теперь надо укрыться в тени, — невозмутимо ответил я.

Как ни странно, но, несмотря на безнадежность положения, мы все еще цеплялись за существование, бессознательно решив держаться до конца. Итак, мы молча двинулись ко вчерашнему месту. Ощущение голода как будто притупилось, но зато жажда стала буквально невыносимой. Напрягая остатки последних сил, мы с огромным трудом достигли ближайшего убежища и в совершенном изнеможении опустились на «землю».

Солнца заметно передвигались во всем своем великолепии по идеально чистому бездонному небу... Ни разу за все время своего пребывания здесь мы не заметили и тени, похожей на облако. Задумчиво глядя в глубокую и пустую синеву горизонта, я обнаружил внезапно какую-то точку. Лениво вынув подозрную трубу, я нехотя занялся наблюдением.

— Что там? — вяло спросил профессор.

Я не ответил — мое внимание было всецело приковано к девяти предметам продолговатой формы, приближавшимся с большой быстротой.

Профессор поднял голову.

— Что такое? — настойчивее повторил он вопрос.

Я молча протянул ему трубу. Судя по тому, как быстро он выхватил ее из рук, лицо мое, вероятно, сильно изменилось...

— Это — люди! Живые существа! — закричал профессор. — Мы спасены!

Через несколько мгновений недалеко от нас опустились на землю изящные эллипсоиды, метров десяти в высоту и двадцати пяти в длину. Вся поверхность их была отшлифована шестиугольными блестяще-черными, как полированный мрамор, гранями, а металлическая оправа, подобно серебру, сверкала на солнечном свете. Это не было игрою природы — подобные тела могли быть созданы только разумными

существами. Было ясно, что это — воздухоплавательные снаряды, хотя крылья, пропеллеры совершенно отсутствовали.

— Брайт! Мы спасены! — опять закричал профессор. — Здесь должны быть необычайно культурные существа! Их техника выше нашей — они на тысячелетия опередили нас!

В середине каждого снаряда виднелись очертания кругов. Эти круги вращались, как будто их изнутри вывинчивали. Через несколько секунд они отскочили, подобно крышкам, оставаясь висеть на нижних петлях. Внутри что-то задвигалось и заблестело, и тотчас же снаружи появились живые существа.

— Брайт! — раздалось третье восклицание профессора. — Они прилетели с Сатурна! Это — сатурниты!..

Первым, что бросалось в глаза, была блестящая чешуйчатая поверхность тела этих существ и их вышина, превышавшая, на взгляд, два с половиною метра. Благодаря чешуе они производили впечатление стаи огромных фантастических человеко-рыб. Широкоплечие и пропорционально сложенные, они были необычайно стройны. Твердой и легкой поступью неведомые существа направились прямо к нам. Казалось, что они не случайно на нас набрели и даже не искали нас, а знали, что мы именно здесь находимся, и специально из-за нас прилетели. Я сразу же уловил в движениях этой толпы великанов общий гармонический ритм. Они были прекрасны, но вместе с тем и страшны своим ростом и непривычной для человеческого глаза внешностью. Я вздрогнул и растерянно пробормотал:

— Спасение ли это, не преждевременна ли была наша радость?.. Так называемые «цивилизованные народы» — хуже любого зверя...

О сопротивлении или бегстве не могло быть и речи. Сатурниты остановились, один из них отделился от группы и вплотную подошел к нам... Я убедился, что он был человекообразным существом, правда, несколько иного типа, но схема организма была, несомненно, одна и та же. Отсюда следует, что построение

нашего корпуса и членов является наиболее целесообразным. Здесь действует, очевидно, общий для организмов всех миров закон, на основании которого филогенетический процесс завершается формой человеческого тела.

Сатурнит протянул вперед руку... Как затравленные карлики, мы испуганно отшатнулись. Сатурнит отошел к своим товарищам, но тотчас же вернулся, протягивая нам какие-то неизвестные плоды. Это был уже явный акт дружелюбия. Никаких сомнений более не оставалось, и мы поняли, что спасены. Я едва не разрыдался: нервное напряжение внезапно ослабело, и наступила реакция.

— Берите же, Брайт! — воскликнул профессор. На лице его светилась радость, — он улыбался и с восхищением смотрел на наших гигантских спасителей.

Я робко взял плод и начал его есть. Он был мясист, сочен и ароматен, как ананас, своею же формой и величиной походил на небольшую дыню.

Сатурниты издали звук — мелодично-протяжное «й-и», являющееся, по-видимому, возгласом одобрения. Итак, у них существует речь. Заметив, что мы голодны, они вынесли нам какую-то пищу. Мы попытались угадать, из чего она приготовлена, но не смогли. Она оказалась, впрочем, необыкновенно вкусной. Пока мы ели, сатурниты продолжали спокойно стоять, очевидно, изучая нас. Когда все было съедено, профессор вынул свою фляжку и сделал вид, что пьет. Затем он опрокинул ее вверх дном, показав этим, что фляжка пуста. Сатурнит отошел к товарищам и, тотчас же вернувшись, протянул нам металлический сосуд с самой настоящей и притом холодной водой.

Утолив голод и жажду и придя в себя после первых впечатлений, мы снова почувствовали невыносимую жару. Сатурниты, по-видимому, нисколько от нее не страдали: они стояли, как ни в чем не бывало, под палящими лучами солнц с непокрытыми чешуйчато-безволосыми головами...

Профессор снял свою куртку и начал обмахиваться: это должно было означать, что ему жарко. Сатурнит повернулся к группе и издал несколько мелодичных звуков разной высоты — «у-óу-и!» Его речь походила на музыкальную фразу. Один из великанов вошел в снаряд и вернулся оттуда с чешуею в руках.

— Это не кожа, это — одежда! — изумленно воскликнул я, повернувшись к профессору.

Мы взглянули друг на друга и расхохотались. Безмолвные зрители издали новую протяжную ноту — «а́юй-и!» Становилось весело. Сатурнит подал нам чешую и знаками предложил переодеться. Мы тотчас же сбросили с себя тяжелое, грубое земное облачение и через минуту щеголяли в новых «костюмах». Они пришлись нам как раз по росту — это был, очевидно, «детский размер».

— Теперь мне остается только выступить в этом «смокинге» в университете на лекции... — бормотал профессор, ощупывая свои блестящие рукава. — Мои дорогие коллеги давно уже подозревают, что я — не совсем в своем уме.

Своеобразный наряд — эластичный и легкий — оказался необычайно прохладным, мы сразу почувствовали себя свободно и бодро. Искусно сотканный из отдельных блесток неизвестного нам металла, он нежно и мягко, но вместе с тем и плотно облегал все тело. Блестящая поверхность отражала максимум солнечных лучей, которые, казалось, совершенно не падали на наши головы.

— Не знаю, как вы, — заявил я профессору, — но я от всего этого в восторге и совершенно не желаю вернуться на Землю!

— А всего только полчаса тому назад собирались пустить себе пулю в лоб.

Сатурнит явно выражал намерение беседовать с нами: плавно двигая руками, он указывал поочередно на нас, на небо и почву, но все это было непонятно. Мы оказались менее сообразительными, чем они.

— Ба! — воскликнул, наконец, профессор. — Они спрашивают нас, откуда мы взялись и как сюда попали! Но как им объяснить это? Вот, действительно, задача!

Сняв чешуйчатую перчатку, профессор вынул карандаши и записную книжку. Несколько сатурнитов окружили его, ожидая, что он будет делать. В течение десяти минут профессор чертил геометрические фигуры и системы координат, желая внушить этим мысль о четвертом измерении. Окончив, он вопросительно взглянул на своих слушателей. Они безмолвно протянули руки, указывая на исписанные листки. Профессор тотчас же вырвал их и отдал. Сатурниты намеревались, очевидно, заняться их изучением.

Неизвестно, поняли ли они данные им объяснения, но во всяком случае временно удовлетворились. Спрятав листки, первый сатурнит издал несколько певучих звуков — «ái-úe-íи». Тотчас все остальные расступились, образовав две шеренги. Пройдя несколько метров, сатурнит обернулся, отошел в сторону и крайне вежливо уступил нам дорогу. Мы поняли и смело зашагали вперед. При этом мы забыли о своих вещах, но предупредительные друзья собрали их и взяли с собой. Я бросился назад и схватился за узел, не желая утруждать несшего их сатурнита, но он мягко отстранил мою руку. Это не ускользнуло от внимания проводника: он поднял руку, и узел был немедленно возвращен. Сатурнит решил, очевидно, что мы опасаемся за участь

своих вещей и, не желая вызывать никаких сомнений, приказал отдать их.

Нас подвели к одному из снарядов. Указав на открытый люк и на нас, проводник остановился в выжидательной позе; он отнюдь не заставлял нас войти, предоставляя право свободного выбора. Сатурниты были положительно лучше людей, и в течение четверти часа они целиком завоевали наше расположение и чувство глубокого уважения.

Итак, нам предлагали лететь на Сатурн. Это было необычайно заманчиво... Профессор оживился и воскликнул:

— Летим с ними, Брайт!

Несмотря на то, что оставаться здесь все равно было невозможно, меня охватили опасения...

— А не будем ли мы, — сказал я, — раздавлены там чудовищной силой тяжести и давлением атмосферы?

Профессор рассмеялся.

— Разве вы не видели, как легко и свободно они чувствуют себя на этой планете? Если бы в их среде было такое тяготение и давление, как вы думаете, они бы прыгали здесь, как кузнечики, и неминуемо разорвались бы на куски!

Вопрос был решен, и мы уверенно вступили в снаряд. Воздух огласился всеобщим музыкальным одобрительным — «й-и»!

12. Междупланетный полет

Черные блестящие грани были полупрозрачны, и в снаряде царил мягкий, ровный свет. Не разделенный на части эллипсоид походил на большой зал первого-классного трансатлантического парохода. Сложная, гармонично расположенная обстановка говорила о

большом вкусе его владельцев. Мозаичные подобию наших земных столов и кресел, а также десятки различных предметов и приспособлений поражали красотой и богатством форм. При повороте головы все меняло свой тон, искрилось и блестело мягко, не режа глаз. Впечатление завершалось неизвестными нам приборами, носившими те же признаки легкости и совершенства. Приятно-прохладный воздух был пропитан едва уловимым ароматом. И никаких следов машин.

— Какая прелесть! — воскликнул профессор. — Но где же машины? Не святым же духом они прилетели!

Лететь же они, по-видимому, еще не собирались: люк оставался открытым, и лучи солнца горячими струями вливались через широкий проход. Безмолвно наблюдая за нами, сатурниты следили за всеми нашими движениями, продолжая, очевидно, изучать нас. Одно нас радовало и возбуждало — некоторое чувство гордости: судя по нашему снаряжению, одежде и чертежам профессора, они не могли считать нас пришельцами из некультурной страны.

Обойдя помещение снаряда, мы остановились, считая осмотр законченным. Заметив это, сатурнит вышел наружу и, подавая нам знаки, указал на видневшуюся вдали тряпку. Мы поняли, что он хотел этим сказать, и, захватив с собой некоторые приборы, направились, к холмику. Все сатурниты толпой последовали за нами. Хотя это и не могло быть понятным, но, основываясь на данных в чертежах объяснениях, профессор вынул магнето и начал вращать его ручку. И вдруг послышались жужжание и свист, и в пространстве образовался черный зияющий провал, через который посыпались каскады искрящихся лучей... Я застыл, как вкопанный, магнето вывалилось из рук

профессора и с треском упало на почву... И сразу же все исчезло.

Из уст зрителей хором раздалось громкое и восторженное: «у-ва́-у!» Они были поражены так же, как и мы, увидев мир, откуда мы появились.

— Брайт! — закричал профессор. — Сколько событий в один день! Мы сможем вернуться домой и обо всем рассказать! Мы не отрезаны — мы прочно связали два мира! Но не теперь, — прибавил он, — мы полетим сначала с ними и изучим их край!

Затем, окинув взглядом величественную толпу сверкающих на солнца великанов, он медленно и торжественно произнес:

— Никогда еще, дорогой мой юноша, я не испытывал в жизни такого прилива гордости, как в момент этой невольной демонстрации трудов моей жизни перед этой достойнейшей аудиторией.

— И я горжусь перед ними, мистер. Брукс, но не собою, а вами и не жалею, что еще недавно был готов вместе с вами умереть!

Мы яростно пожали друг другу чешуйчатые металлические руки. Но, очевидно, и сатурниты пожелали выразить свою оценку происшедшему: двое из них приблизились, схватили нас и неожиданно подняли вверх. Прижав нас к своим мощным грудям, они пошли по направлению к снарядам, и вся толпа сопровождала их с громким пением: «И-вú-и!»

Солнца катились к горизонту.

Сатурниты быстро разместились по эллипсоидам, захлопнули люки и герметически завинтили крышки. Внутри было уже темно. Внезапно шестиугольные грани засветились мягким голубым светом, и предметы

приобрели фантастический оттенок, причудливо переливаясь голубыми тонами.

Все сели, прислонившись спинами к стенам. Один из сатурнитов подошел к центральному столу и повернул его крышку. Мы ощутили толчок и тяжесть в ногах и почувствовали себя крепко прижатыми к сиденью и спинке: снаряд поднимался, очевидно, с большим ускорением вверх. Все это произошло бесшумно, без малейшего звука мотора.

— Так вот где их машина! — воскликнул профессор. — То, что мы принимали за столы, является на самом деле аппаратами. Но нам так же трудно будет понять принцип их действия, как дикарю — устройство радиоприемника. Брайт, — прибавил он, с трудом потирая отяжелевшие руки, — сколько интересного предстоит еще впереди! Но посмотрим, однако, как далеко мы улетели от нашей луны.

Я повернулся, желая выглянуть через шестиугольные окошки, но ничего не увидел: испуская голубой свет, они потеряли прозрачность...

— Мистер Брукс, вы обратили на это внимание?

— Да. Этот принцип освещения куда лучше наших режущих глаза раскаленных нитей электрических ламп.

Поняв, что мы хотели взглянуть на покинутую планету, сатурнит повернул крышку своего стола, и семь окошек под ногами прекратили свечение и стали кристально-прозрачными. Огромный блестящий серп занял все поле зрения.

— Судя по видимой величине планеты, — сказал профессор, — мы удалились от нее уже на много сотен километров. При ускорении, необходимом для того, чтобы покрыть в течение нескольких минут это расстояние, недостаточно чувствовать только тяжесть в

ногах: очевидно, здесь фигурируют иные свойства тяготения этого мира или же, вернее, — специальные приспособления сатурнитов. Какая у них, однако, изумительная техника! Но подождите, мы все это узнаем!

Стоявший рядом с нами сатурнит деликатно взял нас под руки и подвел к одному из круглых столов. Затем он наклонил его доску, и мы увидели на темном фоне изображение Сатурна с четырнадцатью лунами. Представленные в натуральном освещении, т. е. огненно-желтыми, они двигались и вращались.

— Это — кинокартина, — высказал я было предположение, но сразу запнулся, заметив, что ни под столом ни над ним ничего нет... Он стоял совершенно изолированно, и никаких признаков механизма или связи с каким-либо аппаратом не было.

— Нет! — воскликнул профессор. — Под столом вы ничего не найдете. Я убежден, что это изображение транслируется сюда с их планеты при помощи радиоволны.

Обратив наше внимание на видневшийся в окошках серп, сатурнит указал на один из спутников Сатурна на изображении. Таким образом мы узнали, на какой именно луне мы находились.

— Интересно было бы проверить, действительно ли мы летим на Сатурн...

— Сейчас попытаюсь.

Я обвел руками помещение эллипсоида и протянул палец — сначала в пространство по направлению полета, а затем — к столу. Сатурнит, к моему удивлению, указал не на центральную планету, а на один из ее спутников...

— Неужели он не понял? — я вопросительно взглянул на профессора. Он засмеялся и ответил:

— Нет! Он понял и дал вам правильный ответ: мы летим именно на указанную луну! Я уже раньше предполагал это. Понимаете, в чем тут дело?

— Замечательно! — воскликнул я, сообразив. — Так вот чем объясняется, что сатурниты не страдали на покинутой нами планете от пониженного давления и тяготения! Да они — не с Сатурна!

— Совершенно верно.

Сатурнит внимательно прислушивался к нашим словам, и у меня возникла странная мысль...

— Вам не кажется, мистер Брукс, что он понимает, о чем мы говорим?..

— Возможно. Мы не знаем, что это за существа, и какие у них способности...

В этот момент «рулевой», поднял вверх руку, как будто о чем-то предупреждая, и двое сатурнитов обхватили нас крепко за талию. Затем с магическим столбом было что-то проделано, и снаряд внезапно опрокинулся «вниз головой»... Мы забарахтались, как пойманные лягушки, и почувствовали, что потеряли свой вес: тяготение было уничтожено — снаряд пересекал, очевидно, «нейтральную зону» между двумя планетами. Через несколько мгновений мы снова стояли на первоначальном полу, но теперь под ним была уже планета, к которой мы приближались.

Та ловкость и спокойная уверенность, с какой сатурниты проделали этот сложный междупланетный фокус, привели нас в восторг. Когда наши талии были освобождены, мы беспомощно повисли в воздухе, потеряв всякое чувство ориентировки. Потолок, стены и пол смешались, и мы застывали в пространстве в любом положении, а при малейшем движении — стремительно летели по всем направлениям.

— Мы падаем на планету с быстротой, равной ее «земному» ускорению, — рассуждал профессор, упираясь своей головой в мою и заняв по отношению ко мне перпендикулярное положение.

— Почему вы так странно «стоите», мистер Брукс?

— Я-то стою прямо, а вы зачем-то прицепились ко мне под углом!

Я хотел было привести профессора в параллельное себе положение, но при первой же попытке стукнулся носом о его ноги, и мы разлетелись в разные стороны. Ударившись по дороге о какого-то сатурнита, я благополучно достиг головою стены. Профессор же успел пока уцепиться левой ногой за потолок, в то время как правая барахталась в воздухе.

— Брайт! — послышался сверху его голос. — Зачем вы стали на голову?..

— Я думаю о том, — ответил я в тон, — почему резонатор начал вдруг действовать, а в этом положении удобнее всего размышлять.

— Это произошло оттого, — объяснял профессор, плавно покачиваясь, подобно баллону с водородом, вокруг своей ненадежной точки опоры, — что время по Эйнштейну относительно и различно протекает в разных мирах...

Я внимательно слушал, глядя на чешуйчато-блестящее темя своего собеседника.

— И моменты, — продолжал он, — двух одновременно происходящих событий на разных системах могут поэтому и не совпадать. Таким образом, понятие одновременности теряет в этом случае всякий смысл. Возможно, что резонатор пришел в действие немедленно после первого поворота ручки магнето, но для нас это было не одновременно! Времена различных систем могут иметь определенный кругооборот и периодичность с соответствующими совпадающими моментами. И каждый раз в эти моменты резонатор будет отвечать на призыв магнето, в прочие же — упорно молчать. Возможно также, — прибавил профессор, энергично взмахнув рукой и отлетев к противоположной стене, — что и первоначальная гипотеза не лишена некоторой доли истины. В таком случае остается пред-

положить закономерную кругообразность вращения планет и пространств с периодически совпадающими точками, и только в моменты этих совпадений возможен переход через границу миров.

Сатурниты привыкли, очевидно, к такого рода полетам: нисколько не смущаясь, они свободно «витали» в пространстве, делая все, что надо, и не испытывая, по-видимому, никаких неудобств. Большинство предметов было прикреплено к плоскостям, которые еще недавно назывались «полом», «потолком» и «стенами», фактически же таковых здесь не было — содержимое снаряда было равномерно распределено по всей его эллипсоидообразной поверхности. Все же неприкрепленные мелочи собрались под влиянием взаимного тяготения в одну кучу в центре пространства и при малейшей попытке достать что-нибудь разлетались во все стороны. У сатурнитов были для этой цели специальные удочки с крючками, и им не стоило ни малейшего труда «поймать» любой предмет.

— Я размышлял далее, — продолжал профессор, переворачиваясь на потолке на другой бок, — о первой гипотезе прекращения действия резонатора. Если она верна, мы сможем в будущем попасть на другие солнечные системы. Более того: перенеся оборудование на планету сатурнитов, мы перешагнем вторую границу миров и перенесемся в третье пространство... Брайт! Мы облетим с вами десятки миров четырехмерной вселенной!

Нет, профессор был прямо невыносим. Эта чудовищная идея была потрясающей. Охвативший меня бешеный восторг должен был вылиться в движениях. Не будучи в состоянии сдержать порыв, и совершенно забыв о «весе» своего тела, я стремительно бросился обнимать профессора.

— Осторожно! Тише! — закричал он. — Разобьете себе голову!

Но было уже поздно: кувыркаясь, я стремглав полетел в пространство, немилосердно размахивая безудержно болтавшимися руками и ногами. Неизвестно, чем бы этот «полет» окончился, если бы после описанных мною нескольких мертвых петель один из сатурнитов не подцепил меня ловко удочкой за ногу. Сняв свою поимку с крючка, он взял меня подмышку и усадил на какую-то стену. Голова моя тотчас же сама поднялась, а тело вытянулось по направлению к центру снаряда.

Убедившись, что все окончилось благополучно, профессор расхохотался.

— Висите спокойно и не шевелитесь, — приказал он. — Своей неудачной выходкой вы прервали течение моих мыслей!

Я не мог, действительно, не согласиться, что мой сентиментальный порыв окончился не совсем удачно, вылившись в несколько неожиданную форму...

— Я хотел только прибавить, — продолжал профессор, — что мы войдем в контакт с сатурнитами и будем в дальнейшем вместе работать. У них должны быть ученые, по сравнению с которыми мы окажемся школьниками. Мы воспользуемся их техникой и посвятим их в наши планы. Затем мы перенесем их снаряды на землю, и облетим всю нашу солнечную систему!

— М-да... — осторожно промычал я, стараясь всеми силами спокойно висеть. Богатый опытом, я на сей раз успешно сдержал свой восторг.

13. Два сюрприза

Наши тела начали снова тяжелеть, и все мы плавно опустились вместе с предметами на пол: ускорение падения, очевидно, уменьшалось.

— Наконец-то, я могу спокойно размышлять, — обрадовался я, — не рискуя разбиться головой о стену!

Параллельно со мною на ногах — и, притом, вверх головой — профессор. Но ввиду нашего малого веса, я все же предпочитал держаться от него подальше.

Один из сатурнитов указал на окошко под ногами, и мы увидели огромную, испускавшую яркий белый свет планету в фазе полнолуния; затем открыли новые семь окошек сбоку, в которых показался маленький желтый серп покинутой нами луны. Планета же, на которую мы стремительно падали, быстро увеличивалась, выходя за пределы поля зрения.

— Через несколько минут мы прибудем, — объявил профессор, держа в руках свой хронометр. — Сатурниты пересекают пространство с головокружительной и непостижимой для наших земных понятий быстротой.

Смешанные чувства волновали меня, и действительность опять показалась мне сном... А на «нашей» луне виднелись уже черные океаны и матовые материки.

— Чувствуете, как стало жарко? Температура все повышается, — заметил профессор.

— Да, мы находимся, очевидно, в сфере влияния тепла планеты.

— Неверно: это происходит вследствие трения снаряда о воздух. Вы забыли разве причины возгорания метеоров в земной атмосфере?

Едва профессор закончил последнюю фразу, как все сели. Мы сразу ощутили быстрое увеличение веса и

вторично оказались пригвожденными к сидению и спинке. Через несколько секунд почувствовался легкий толчок, а затем крышка снаряда отскочила на почву. Я зажмурил глаза от ворвавшихся ярких лучей солнца.

— Полет продолжался 6 часов и 23 минуты! — восхищенно воскликнул профессор. — Это изумительно и невероятно! Вы не оценили еще, Брайт, в полной мере их бесподобной, блестящей техники: междупланетный полет далеко не так прост, как это кажется! Я преклоняюсь перед ними: они — гении по сравнению с нами!

Сатурниты собрались у выхода, вежливо уступив нам первым дорогу. Наши отяжелевшие члены плохо слушались, но все же с волнением и трепетом мы вступили на почву новой планеты.

— И-и! — мелодичным хором раздалось снаружи из тысячи уст.

— У-ва́-у! — как эхо, ответили наши спутники.

Мы смущенно остановились, походя на привезенных в Европу дикарей.

На огромной блестящей площади стояли сотни граненых снарядов, которые, подобно бриллиантам, ярко сверкали в солнечных лучах. А кругом, кругом нас стояли залитые ослепительными лучами тысячи блестящих великанов. К нам подошли и заговорили с нашими провожатыми. Но нет, не заговорили, ибо вместо разговора послышалось пение. Нас оглядывали, и маленькие сатурниты, не более нас ростом, подбежали, взяли нас за руки, повели и усадили в небольшой открытый эллипсоид без верхней половины, вроде лодки. Один поворот столика — и аппарат поднялся в воздух, влетев через минуту в огромное здание. Мы не успели ничего рассмотреть, как стало темно. Еще одно мгновение — стена осветилась, мы увидели восходя-

щие солнца, и — изумлению нашему не было пределов — самих себя, сидящих в пустыне!.. Это было кинофотографией спутника, на котором мы находились, заснятого с этой планеты с увеличением во много тысяч раз...

В течение получаса перед нашими глазами разворачивались в последовательном порядке события того кошмарного дня, когда, изнемогая от голода, жары и жажды, жалкие, потерянные и несчастные, мы впали в отчаяние и готовились к смерти.

— Так вот зачем они прилетели! — закричал я. — Так вот почему они так быстро нашли нас! Теперь понятно, почему, выйдя из снаряда, они сразу же направились к нам!

В ответ на мое восклицание мелодично раздалось: у-ва́-у! Но этим дело еще не кончилось — в зале «рассветло», и нас вывели наружу.

— И-и! — слышалось на улице.

— У-ва́-у! — раздался неизменный ответ.

Нас пригласили пересесть в другой, закрытый и большой эллипсоид. Солнечный свет опять был заменен голубым. Поворот стола — и мы снова куда-то неслись... Прошло около получаса, снаряд замедлил полет и опустился на почву. Люк открыли, и мы вышли наружу. Здесь была уже ночь: восходил Сатурн, и сияло несколько лун.

— Брайт! — воскликнул профессор. — Мы в полчаса облетели половину планеты и находимся на противоположной ее стороне. Это равносильно перелету из Европы в Америку!

Нас ввели в колоссальное здание, освещенное тем же мягким голубым светом. Как и прежде, свет быстро

померк, и только где-то вдали виднелся яркий кружок. Нас осторожно подвели к нему.

— Брайт, смотрите...

В кружке отчетливо виднелась пустыня, а на ней... на ней холмик с привязанной нами сверху тряпкой!..

Я был ошеломлен. Что это значит?..

— Телескоп! — громко объявил профессор. — Телескоп, какой еще не снился астрономам земли!

— У-ва́-у! — послышалось снова в ответ.

Кружок померк, и прояснилось голубое свечение. Никаких ламп нигде не было, к чему мы уже успели привыкнуть: светил состоявший из шестиугольников круглый выпуклый потолок и верхние части стен. Мы находились в огромном цилиндрическом зале, напоминавшем собой Колизей. Это была обсерватория с целым рядом сложнейших приборов, помещавшихся не только на полу, но также и в пространстве, на стенах и потолке.

— А где же трубы? — спросил я, оглядываясь кругом.

Но таковых нигде не оказалось...

— Не ищите, — торжественно произнес профессор, — ибо ничего не найдете. После того, как я раз заглянул в это маленькое отверстие, не остается ничего иного, как выкинуть все наши телескопы в мусорный ящик!

Внезапно до моего сознания дошло ощущение сильной усталости.

— Я утомлен, — сказал я профессору, — и с трудом держусь на ногах.

— Сочувствую. Сообщим им это.

С помощью жестов я показал, что мы голодны и устали. Поняв это, сатурниты вывели нас наружу и усадили в открытый полуэллипсоид, который быстро взвился вверх.

Попав вскоре в новое здание, мы очутились в густом и прохладном тропическом лесу среди цветов, лиан и деревьев. Невидимая крыша утопала во тьме, а свет походил на фосфоресцирующий иней. Кругом искрились фонтаны, и раздавалась музыка (значение этой музыки мы узнали позднее). Я вспомнил далекое детство, вспомнил волшебный бал у сказочных гномов... А сквозь чащу деревьев, отливая цветами и оттенками спектра, сверкала чешуя сатурнитов.

Нам предложили умыться у фонтана руки. Мы подставили их под прохладную воду, и грязь, пропитавшая за все это время кожу, бесследно и быстро исчезла. Руки немедленно высохли, издавая легкий аромат.

— Волшебный фонтан! — пробормотал профессор.

Мы сели за один из накрытых для еды столов, утонув в глубоких и мягких креслах. Откинув назад свои блестящие каски, наши спутники впервые показали нам лица. Да! они были так же подобны нам, как и мы походим на пещерных людей. Все свидетельствовало о громадном расовом прогрессе и производило сильное и неизгладимое впечатление: орлиные носы, резко очерченный правильный профиль, высокие лбы, тонкие линии губ, длинные ресницы, спокойный, пронизательный взор карих сияющих глаз и гладко зачесанные назад блестящие черные волосы... Но что-то их отличало от нас и говорило о том, что они — не люди Земли. Быть может, тайна скрывалась в глазах, в их слишком длинных и узких разрезах, в этом неподвижном и странном, до жути глубоком нечеловеческом взгляде.

— Какие красавцы! — с восхищением воскликнул профессор. — Мы по сравнению с ними не более как обезьяны. По крайней мере, — я. Но кто это? Смотрите...

Взор профессора остановился на одном сатурните с более нежным овалом лица, несколько меньшей головой, точно так же зачесанными назад волосами, но более длинными и обвитыми наперед вокруг шеи. Из глаз струилось мягкое, убаюкивающее тепло...

— Это — женщина! — снова воскликнул профессор. — Их несколько с нами.

Да, это была женщина. Она уловила наш взгляд, поняла восклицание, улыбнулась и мелодично пропела:

— И-и.

— У-ва́-у, у-ва́-у!! — закричал я в восторге на весь зал и сразу же сконфузился... Все рассмеялись. О, они умели смеяться, но как благородно, спокойно, почти беззвучно.

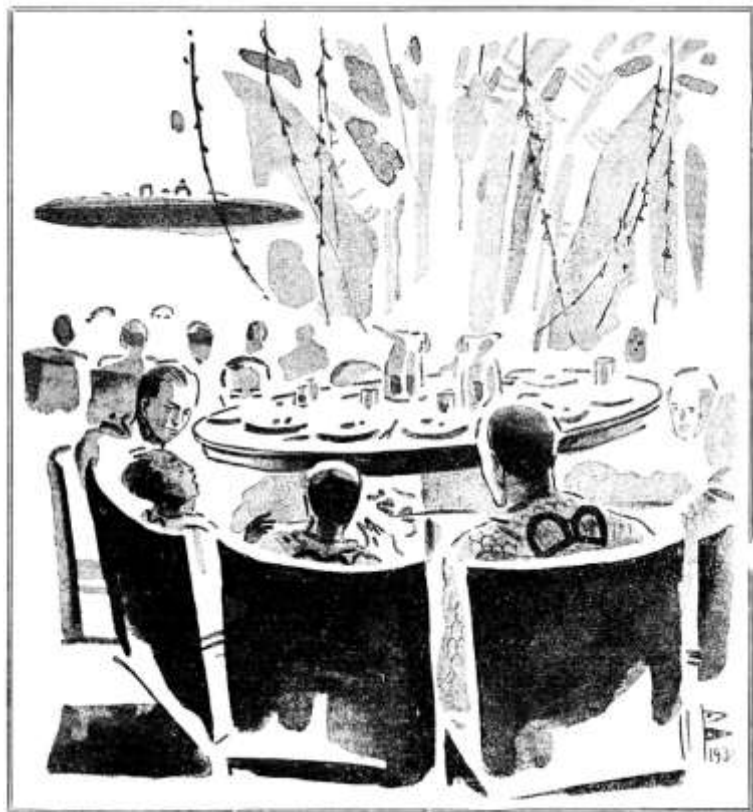
— Ешьте, невоспитанный мальчик! — осадил меня профессор.

Перед всеми стояли сосуды с фруктами, и лежали разного сорта и цвета булки — от оранжевых до снежно-белых. Сильно отличаясь от земного хлеба, они были необычайно нежны и приятны на вкус.

Когда все было съедено, крышка стола внезапно поднялась вверх и исчезла во тьме потолка. Удивленно следили мы за ее «полетом», пока смех сатурнитов не заставил нас опустить головы. А на поверхности стола осталось зеркало, в котором я увидел свое поглупевшее лицо... Через полминуты крышка опустилась на место, нагруженная всякого рода «вторыми блюдами», неизвестно из чего приготовленными. Они оказались, впрочем, превосходными. Им не уступали также и напитки — легкие, густые и ароматные.

— Нектар и амброзия! — воскликнул я.

Разноцветные граненые сосуды, ложки, вилки и прочее были прозрачнее стекла, но прочны, как металл, не разбиваясь даже о камни, и все это — необычайно тонкой, художественной работы.

Кругом нас ужинали сатурниты. Все время слышалось пение, тихая музыка и журчание фонтанов. Это был, очевидно, «ресторан», но без малейшего запаха кухни, без обычных шума и гама, звона подаваемой и убираемой посуды, снования прислуги и говора посетителей. Все спокойно сидели в удобных креслах, бле-

стя чешуей под мягким светом, струящимся со всех сторон. Я заметил, что никто ничего не заказывал, а уходя — не платил. Ужин окончился, и мы поднялись.

14. Две морали и ряд загадок

Нас провели в соседний зал-лес, в котором вместо столов стояло множество различных диванов, скамеек и кресел. Сатурниты отдыхали здесь и слушали музыку и пение. О нас везде уже знали и всюду приветливо встречали, обмениваясь певучими возгласами с нашими провожатыми.

Отдохнув немного, мы покинули зал, и, совершив небольшой полет, — попали в новое здание — огромный бассейн. Из воды выступали мраморные берега и скалы, заросшие растениями стены утопали в зелени, что придавало бассейну сходство с лесным озером. Все разделись и бросились в воду. Проплыв несколько метров, я вернулся на берег и опешил: с нами были женщины!..

— Не смущайтесь! — крикнул профессор. — Они не вкусили, очевидно, от «древа познания добра и зла» и не знают, «что они — наги». Поэтому нагота не является у них чем-то постыдным, как у развращенного человечества, смотрите, как прекрасно все они сложены!

— Вы правы, мистер Брукс, нас не должно смущать то, что является обычаем страны: ведь, все здесь так поступают. Прятать свою наготу — значило бы обратить на себя всеобщее внимание, и сатурниты должны были бы сделать в этом случае вывод, что мы — дикари с некультурными замашками.

— Совершенно верно! Земные нравы были бы им в этом отношении непонятны и казались бы смешными

и странными. Если бы мы рассказали им, какой на Земле, наряду с формальной стыдливостью, существует реальный разврат, они сочли бы нас вообще ханжами и фарисеями и были бы правы: постыдна отнюдь не нагота. Подумайте, Брайт, как это, по существу, нелепо — стыдиться своего тела, анатомии, своей природы!

Наблюдая за поведением сатурнитов, мы убедились в правильности своих заключений: совместное купание представителей разного пола было здесь таким же естественным делом, — как прогулка или ужин. Нагота оказалась естественнее изобретательных туалетов наших модниц, рассчитанных на максимум эротики. Мы быстро освоились с этим новым для нас обычаем и с отвращением вспомнили о лицемерной морали человеческого общества.

Пофилософствовав и придя к вполне удовлетворившим нас выводам, мы вышли из воды. Она содержала в себе, очевидно, тот же состав, что и «волшебный фонтан»: мы оказались совершенно сухими и чистыми.

Покинув здание бассейна, мы чувствовали себя легко и бодро. Искусственно воздвигнутая между полами граница отпала, и отношения, между нами и сатурнитками были просты и естественны. При этом у нас совершенно отсутствовало ощущение общества «дам», за которыми, согласно уставу так называемого «хорошего тона», необходимо, ухаживать, делать фальшивые комплименты и любезно лицемерить. Сатурнитки превосходили это общество во всех отношениях.

Вскоре мы очутились в здании, состоявшем из ряда небольших помещений. Оставив нас в одной из комнат, сатурниты ушли, произнеся на прощание свое ме-

лодичное «и-и!» Это была, очевидно, «гостиница». У стен стояли покрытые мельчайшей чешуей диваны, на которых лежали такие же подушки и одеяла. Пол и стены были устланы мягкой материей, причем все это производило впечатление исключительной чистоты, а на передней стене красовались громадные разноцветные изображения деревьев и животных.

— Это, вероятно, окна, — заметил профессор.

Состоявший из крупных шестиугольников потолок излучал голубой свет. В углу лежал наш узел с вещами. Я хотел было запереть дверь, но никаких замков или других подобных им приспособлений не оказалось. Профессор улыбнулся и заметил:

— В этом мире нет, очевидно, воров... И нет, как мне кажется, и собственности в нашем смысле этого слова. Я думаю далее, что сатурниты не вторгаются в жизнь своих ближних, и поэтому им не нужны ни замки, ни запоры.

Мы сняли с себя «одежду», бросились в «постели» и утонули в чем-то мягком: под нежной чешуей-простыней оказалась наполненная, по-видимому, воздухом перина. Такие же были и подушки.

— По показанию хронометра, — донесся голос профессора, — мы покинули Землю всего лишь одни сутки, 2 часа и 6 минут!..

— Но кажется, — удивился я, — что прошло не менее недели... Сколько, однако, уже пережито за этот короткий срок и как это все чудесно и невероятно!

— А помните, как вы читали в пивной мое объявление?

Мы рассмеялись и зарылись в одеяла. Согласно указанию сатурнитов, я повернул край стоявшего у постели столика, и свечение потолка медленно померкло... Причудливо выделялись лишь фигуры окон. В

комнате было абсолютно тихо: ни один звук не достигал до наших ушей ни снаружи, ни изнутри «гостиницы». Усталые до последней степени, мы сразу же заснули.

Когда я открыл глаза, деревья и животные светили своими разноцветными красками, откидывая на стены и пол радужные тени. Профессор бесшумно разгуливал по мягкому полу в своих чешуйчатых туфлях и брюках.

— Вы проспали, Брайт, восемь с половиной часов. Я встал полчаса тому назад и чувствую себя превосходно. Уже много лет я не отдыхал так, как здесь! А вы как спали?

— Как убитый. Самочувствие великолепное.

— Прекрасно. Но что мы будем теперь делать? Как позвать кого-нибудь?

— Очень просто, — ответил я в хорошем расположении духа: — оденемся, выйдем в коридор и поймаем за рукав первого попавшегося сатурнита. Мы всем здесь известны, и он уж доставит нас куда-нибудь.

Но в коридоре никого не оказалось. Тогда мы отправились на поиски и, привлеченные тихим пением и музыкой, забрели в большой зал-лес, где застали нескольких сатурнитов. Они приветствовали нас своим мелодичным «и-и!», один из них тотчас же встал и куда-то повел нас.

— Обратили ли вы внимание, Брайт, — сказал по дороге профессор, — на необычайную бедность их языка, совершенно не вяжущуюся с высокой культурой? Ведь, кроме нескольких звуков, мы ничего от них пока не слышали! Не знаю, как в других областях, но, судя по междупланетному полету, их познания в физике, механике и математике должны быть колоссальны. При такой бедности языка это совершенно непонятно!

— М-да... Они вообще удивительно молчаливы и почти что не говорят друг с другом. Я уже думал над этим. Не может ли это быть, мистер Брукс, что их социальный строй основан на тех же принципах, что и у муравьев, где каждый безмолвно выполняет свои общественные функции?

— Не думаю... Деятельность муравьев основана на инстинкте, и у них нет никакого прогресса. Сатурниты же — существа необычайно разумные с развитым мозгом. Помните их телескоп? Инстинктом его не построишь. Тут что-то не так... Мы стоим, Брайт, перед загадкой, и я не уверен, удастся ли нам ее раскрыть. У меня есть по этому поводу одно довольно фантастическое предположение, о котором, однако, умолчу, пока не попытаюсь проверить его. Но одно мне ясно: язык им не нужен, и они могут работать и выполнять общественные функции, обходясь без единого звука.

— Затем, интересно было бы знать, — кто эти невидимые рабы, которые все здесь воздвигли и которые изготавливают продукты потребления? Неужели какая-нибудь побежденная раса или же загнанный в подвалы рабочий класс? Ведь, ни в столовой, ни в этой гостиной мы не видели слуг. До сих пор мы встречали здесь только блестящих господ!

— Нет, мне чужется нечто совершенно иное: все это походит скорее на усовершенствованный общественный строй.

— Также и по этому поводу, — прибавил профессор с загадочной улыбкой, — я кое-что предполагаю, но опять-таки воздержусь от преждевременных догадок. Что же касается рабочего класса, то он не может находиться в подвалах уже по той простой причине, что пищу, как вы вчера за ужином видели, нам подавали не снизу, а сверху!

Рассуждая таким образом, мы попали в зал-бассейн. Так же, как и первый, он был из белого камня и в лесном стиле. Вода в нем имела зеленый цвет.

Через несколько минут освеженные мы возвращались в столовую. Провожатые безмолвно усадили нас за стол, на котором сразу же появилась свержу пища.

— Интересно знать, что будет дальше, — рассуждал я за завтраком. — Ведь, не будут же они только безмолвно всюду водить нас, кормить и купать! Постараются ли они отправить нас домой или же оставят у себя как редкие экземпляры? Как вы думаете, мистер Брукс?

— Ни то, ни другое. Если бы они намеревались отправить нас домой, то сразу бы сделали это, когда резонатор открыл в их присутствии люк. Но нет, они хотят ближе познакомиться с нами и узнать о нашей планете. Кроме того, они, несомненно, заинтересовались способом открытия пространства и намереваются проникнуть в нашу тайну.

Принимаясь после какой-то жидкости за нечто голубое, похожее на пудинг, профессор спросил:

— А вы не скушаете о ветчине, чае, кофе, яичнице?..

— Нисколько! Все это слишком вкусно здесь. Мне кажется, что пища сатурнитов очень гигиенична и, несмотря на ее легкость, чрезвычайно питательна. Не химическая ли она?..

— Не думаю. На Земле время от времени появляются в качестве курьеза идеи о химическом питании в будущем. Но с биологической точки зрения они не выдерживают никакой критики, ибо пищеварительный тракт должен иметь работу; в противном случае часть органических функций, в деятельности каковых и заключается процесс, именуемый жизнью, отпадает. Поэтому фантастические капли или пилюли, которые

сразу бы сделали человека сытым, принципиально неприемлемы и не являются разрешением проблемы питания человека в будущем. Я подозреваю, что сатурниты — вегетарианцы на основе как гигиенической, так и этической точек зрения. Они никого не убивают и не едят трупов. Обратили ли вы внимание на отсутствие кожи? Вспомните все, что мы видели в снарядах и зданиях: кожи нигде не было! Даже обувь сделана из металлической чешуи, что еще более подтверждает высказанную мною мысль.

В этот момент в столовую вошли наши вчерашние друзья. Они приветствовали нас: «й-и», и я гордо пропел им: «у-ва́-у»! Одна из сатурниток откинула каску и улыбнулась в ответ. Она была, по-видимому, довольна мною.

Когда мы окончили завтракать, сатурниты пригласили нас знаками последовать за ними наружу.

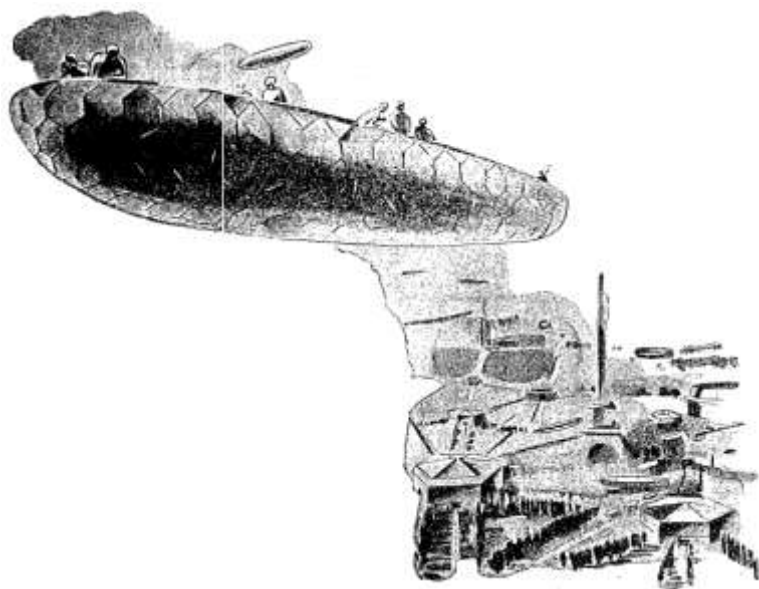
15. Математика и анатомия

Было уже около полудня. Ослепительно сияющие солнца раскаляли все попадающееся им на пути, что заставило нас одеть темные очки.

Нас усадили в громадную «лодку», воздушную «яхту». Быстро поднявшись на несколько десятков метров вверх, она застыла в пространстве на одном месте, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Профессор осмотрел ее внутренность и, не обнаружив ничего, объясняющего это явление, заметил:

— Вот видите, я говорил вам, что их техника и междупланетный полет, в частности, куда сложнее, чем это на первый взгляд кажется! Поднимаясь вертикально вверх, они неподвижно «повисают» в пространстве, держась каким-то непонятным образом в

воздухе!.. Желал бы я только знать, какой энергией они для этого пользуются!

Воздушная яхта застыла на одном месте.

Сатурниты подвели нас к «борту» и указали вниз. Мы находились, несомненно, над городом, совершенно непохожим на наш. Он представлял собою колоссальный сад-парк, чрезвычайно богатый цветами и зеленью. Обычные и, казалось бы, неизбежные в больших городах, в связи с ростом населения, небоскребы совершенно отсутствовали. Вместо них мы увидели среди деревьев огромные, блестящие круглые здания с выпуклыми, гранеными крышами, ослепительно сверкавшими на солнцах. Радиально от них исходили во все стороны дороги и тропинки, впадавшие в прекрасные ровные, широкие, параллельно и перпендикуляр-

но расположенные друг к другу шоссе. Эти своеобразные улицы и переулки были покрыты каким-то веществом, блестевшим, как металл. Далее бросались в глаза десятки равномерно распределенных площадей, усеянных разнообразнейшими летательными снарядами, частично стоявшими и на улицах. Широкая, покрытая мостами река перерезывала город пополам, а в середине его находилась высокая мачта, напоминавшая собой Эйфелеву башню.

Всюду двигались блестящие са-турниты, воздух кишел сотнями пассажирских и грузовых яхт, которые, спускаясь на здания, сдавали через крыши привезенные ими предметы. Зато совершенно отсутствовали трамваи, автобусы, автомобили, поезда и подземные дороги, наполняющие наши города дымом, копотью, шумом, вонью и бензинными парами. Царившие здесь тишина, чистота, изящество и спокойствие производили неизгладимое впечатление, сильно отличая этот замечательный город от наших грязных шумных и перенаселенных столиц-муравейников. И ко всему этому — никаких проводов, ни единого метра проволоки...

— Неужели же им неизвестно электричество? — пробормотал профессор. — Быть этого не может!

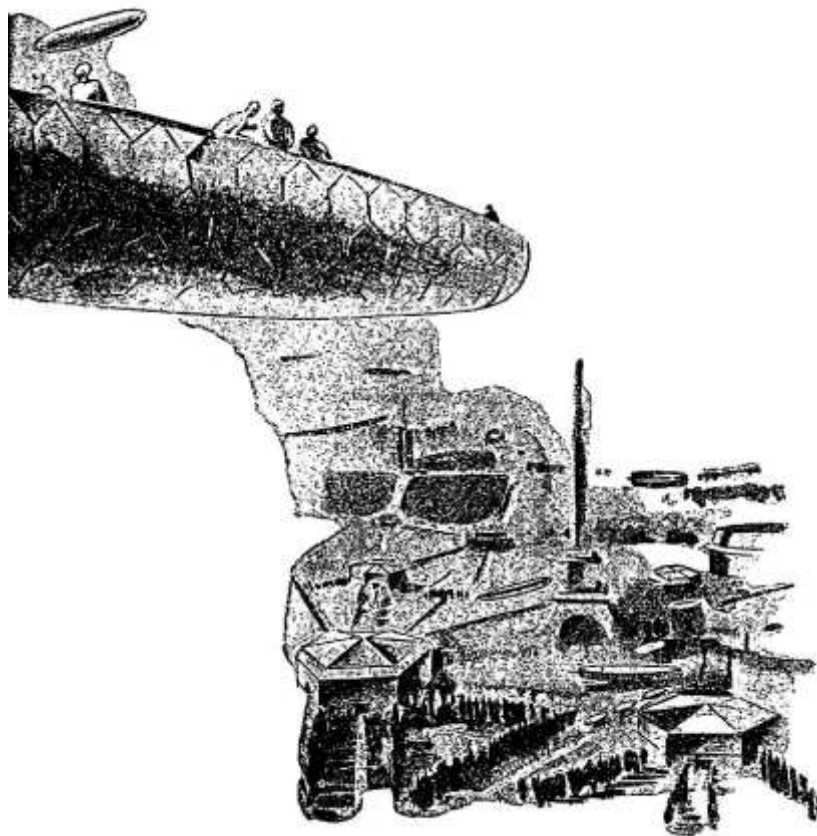
— Несомненно, известно, и притом в большей степени, чем нам, — решил я. — Но эпоха густой сети проводов так же канула здесь в вечность, как у нас — факельное освещение древнего Рима. Я убежден, что са-турниты обогнали проволоку, по меньшей мере, на тысячу лет.

— Каким же образом они добывают электричество?

— Думаю, что при помощи ветряных или же гидро-электрических установок, а может быть, и из атмосферы. Эта идея разрабатывается сейчас и на Земле.

— Возможно, — согласился профессор. — Кроме того, они используют, вероятно, и энергию своих щедрых солнц. Обратили ли вы, между прочим, внимание на видимое отсутствие заводов и фабрик?

Я оглянулся кругом, Но не обнаружил никаких труб, дыма, пара или хотя бы облачка над городом...

Воздушная яхта застыла на одном месте

Не было заметно ни малейших признаков не только сжигания горючих веществ, но и пыли: атмосфера была прозрачна, как кристалл.

— Какая прелесть! — вырвалось у меня невольно. — На Земле ломают себе голову над проблемой исчезающего топлива. Смотрите, как прекрасно они ее разрешили!

Сатурниты протянули нам изящные коробочки, приложив их предварительно к глазам. Коробочки оказались биноклями, увеличивающими изображения от десяти до пятидесяти раз при огромном поле зрения. С их помощью мы рассмотрели все подробности города и его окраины. За его пределами, подобно шахматной доске, расстилались обширные поля и луга, а вдали виднелись кругом другие города.

— Теперь понятно, — сказал профессор, — почему город не перенаселен и дома не представляют собою густо насаженных и неуклюжих небоскребов: на этой планете много больших городов. Обратите, далее, внимание на отсутствие сел, деревень и поселков. Я предполагаю, что здесь существуют только города этого типа, причем они приблизительно одинаковой величины и более или менее равномерно распределены по всей суше. Расстояния между городами не играют никакой роли, поскольку сатурниты победили пространство. А какого вы, кстати, мнения насчет трамваев или железных дорог?

— Полагаю, что некогда они существовали здесь, но давно уже ушли в область преданий, и дети узнают о них из курса древней истории или же по редким старинным гравюрам... Меня интересует, между прочим, политический строй государства, в которое мы попали: правит ли здесь король или президент, есть ли парла-

мент, каковы у них армия, полиция и т. д. Что вы по этому поводу думаете, мистер Брукс?

— Увидим, — ответил профессор, загадочно улыбаясь. — Надо дать им понять, что мы всем интересуемся и готовы изучить их язык, если таковой существует.

Заметив, что мы все уже осмотрели, наши провожатые подали знак рулевому, и плавно, но вместе с тем и очень быстро, наша яхта понеслась по горизонтальной линии. Казалось, что мы висим на месте, а все находящееся внизу бешено летит в сторону. Иногда движение специально замедлялось, яхта глубоко опускалась, и мы видели многочисленные полевые машины и орудия, пестрые огороды, целые фруктовые леса, сети каналов искусственного орошения и огромные, сверкающие в лучах солнц оранжереи.

— Это, — заметил профессор, — известный и людям способ выращивания хлебных злаков и овощей под стеклом: урожайность в таком случае повышается в десятки раз.

Всюду мы видели сатурнитов, одетых так же, как и мы, причем они совершенно не производили впечатления сгорбленно трудящихся на своих полях земледельцев, добывающих хлеб «в поте лица своего», как это заповедали земные боги. Наоборот: все стояли прямо, с поднятыми вверх головами и следили лишь за работой машин.

Через несколько минут мы повисли над следующим городом, а позднее — над третьим. Что нас всюду удивляло — это отсутствие каких бы то ни было ветряных мельниц и гидроэлектрических станций. Оставалось предположить только атмосферное электричество и солнечную энергию, но, несмотря на все попытки, нам не удалось обнаружить ни одного необходимого для этого сооружения или установки. Мы все время

ломали себе над этим вопросом голову, но ни к чему не смогли прийти и стояли, таким образом, перед величайшей загадкой науки и техники сатурнитов.

По окончании этой воздушной прогулки мы вернулись в город, в котором ночевали, и спустились на одну из площадей. Нас пригласили пересечь в другой меньший снаряд, и мы снова куда-то летели. Профессор весело посмотрел на меня и спросил:

— Куда теперь, как по-вашему?

— Я думаю, что после того, как нам дали возможность отдохнуть и прогуляться, сатурниты попытаются установить какой-нибудь способ взаимного понимания.

— Совершенно верно. Любопытно только знать, как они это сделают...

Яхта вскоре опустилась, и нас ввели в какое-то здание. Пройдя ряд коридоров, мы очутились в помещении, походившем на аудиторию.

— Это — университет! — обрадовался профессор, потирая свои чешуйчатые руки.

Помещение было уставлено небольшими столиками и креслами. Вокруг цилиндрической стены стояли диваны, сама же стена была увешана всякого рода анатомическими рисунками. Три двери, расположенные на расстоянии четверти окружности друг от друга, вели наружу; вместо же четвертой находилось нечто в роде кафедры, над которой возвышался экран. Между диванами стояли прозрачные шкафы, наполненные всякого рода экспонатами и приборами. Свет, как и всюду, проникал с потолка, состоявшего из шестиугольников.

Профессор удивленно оглянулся и пробормотал:

— Но почему же на медицинский факультет? Не собираются ли они нас анатомировать?..

Наши спутники скинули каски, посмотрели на профессора и... рассмеялись. Неужели же они поняли, что он сказал? Я вопросительно взглянул на него.

— Мистер Брукс... это похоже на то, что они... гм...

— М-да!.. — смущенно промычал он, с опаской косясь на своего соседа. — Надо быть, во всяком случае... несколько осторожнее...

Сатурниты взглянули на нас своими умными, проницательными глазами и опять рассмеялись. Все они были, по-видимому, еще очень молоды и, видя их веселые, сияющие радостью лица, не могли удержаться от смеха и мы. Профессор схватил одного из них за руку и, обращаясь прямо в упор, воскликнул:

— Скажите же, чорт побери, вы понимаете нас или нет?! Что это за шутки?

В ответ раздался взрыв хохота... В этот момент в аудиторию вошли пять сатурнитов и знаками пригласили нас последовать за ними на кафедру.

— Сейчас будет экзамен... — шепнул профессор, опускаясь в глубокое кресло.

Вошедшие откинули назад свои каски и, указав рукой на многочисленные экспонаты, улыбнулись. Они хотели, очевидно, сказать этим, что вовсе не собираются зарезать нас. Все опять дружно рассмеялись. Я обратил внимание на особенно высокие лбы, весьма серьезный вид, еще более глубокие глаза наших новых знакомых. Глядя, как солидно и внушительно они поднялись на кафедру, я и впрямь вспомнил период экзаменов.

— Это — профессура.... Держитесь, Брайт, сейчас вам поставят кол... — снова шепнул мне на ухо развеселившийся профессор. — Но что же все-таки сейчас будет? Я прямо изнемогаю от любопытства...

Один из «медиков» всунул руку в принесенный с собою мешочек и вынул оттуда не нож и не скальпель, а только маленькие белые кубики... Окончательно впад в школьный задор, профессор испустил при этом с комической миной глубокий вздох облегчения. Раздался новый общий взрыв хохота. Когда все успокоились, нам подали карандаши и бумагу. Это была самая настоящая бумага прекраснейшего качества — плотная, блестящая и с голубым оттенком.

Наш безмолвный лектор бросил на стол один кубик, затем два, три и так до шести. Затем он убрал их, опять положил один и указал на карандаши. Мы поняли, и профессор вывел на бумаге единицу. То же самое было сделано и с двойкой, тройкой и прочими цифрами. Присутствующие все записали, быстро усвоив наши числа и их десятичную систему. Таким же образом нам преподали цифры и числовую систему сатурнитов, которая оказалась двенадцатеричной. Не прошло и часа, как мы уже успели безмолвно сообщить друг другу все математические действия и символы.

Итак, первый мост между мозгами сатурнитов и людей был перекинут.

— Простая, но гениальная идея, — воскликнул профессор, — начать умственный контакт именно с математики! Если не ошибаюсь, этот способ предлагает Уэльс в романе «Первые люди на луне». Однако я сильно сомневаюсь, чтобы сатурниты читали его прекрасные произведения. Но, — прибавил он, — все еще остается непонятным, почему наши «занятия» происходят в анатомичке!

Вскоре мы поняли это: нам продемонстрировали ряд экспонатов и рисунков из области устройства сатурнитского тела, которое отличалось от человеческого. Так, напр., слепая кишка была значительно короче,

аппендикс отсутствовал, а спектр воспринимаемых глазом цветов был несколько шире. Но особенно отличалось устройство уха, наружное отверстие которого было больше, чем у нас. Оно представляло собой полостное кольцо, способное сильно расширяться и настолько сжиматься, что ухо совершенно закрывалось. Гамма слуховых волокон была значительно шире, а нервов — гораздо больше, чем у нас. Сатурниты слышали, очевидно, больше и лучше нас и несравненно лучше различали звуки.

Назначения одного органа мы совершенно не поняли. Это была находившаяся на передней части мозга нервная сетка, прилежавшая к лобной и прикрепленная к височным костям.

— Шестое чувство... — пробормотал профессор. — Вряд ли нам удастся постигнуть его: слепой от рождения — будь он гением — никогда не может понять свет. В этом именно и заключалось мое фантастическое предположение, о котором я говорил вам сегодня утром. Я думаю, что при помощи этого органа сатурниты непосредственно воспринимают мысли и намерения друг друга, обходясь, таким образом, без слов.

После «лекции» нас пригласили обедать.

16. Уроки музыки, пения и английского языка

— Зачем они все это показывали нам? — спросил я в снаряде у профессора.

— Я думаю, что они интересуются устройством нашего тела и хотят нас исследовать. Но чтя в нас ученых представителей человечества и пионеров, прорубивших окно в их мир, они решили ознакомить нас предварительно с их анатомией.

Вскоре мы сидели в огромной столовой, в роде вчерашней, но другой.

— Обратите внимание, — сказал профессор, — что они не пригласили нас к себе домой разделить с ними приготовленную их женами трапезу. Почему же они не сделали этого? Вероятно потому, что у них нет ни кухонь, ни дома, ни жен... По крайней мере, в нашем смысле этих слов. Все это наводит на довольно странные размышления...

Тотчас же после обеда нас опять «повезли», если можно так выразиться, в университет. По прибытии один из молодых провожатых сбросил с себя чешую и нам безмолвно продемонстрировали на живом теле данные объяснения при помощи рисунков и моделей. Затем сатурниты крайне вежливо предложили знаками раздеться и нам. Мы охотно согласились; нас побудило к этому не только понимание руководившего сатурнитами научного интереса, но также и тот исключительный такт, с которым они подошли к этому вопросу.

Когда осмотр закончился, мы опять вернулись к математике, но уже с другим уклоном: как только мы произносили какое-нибудь слово, сатурниты немедленно что-то записывали. При этом они прикладывали руки к ушам, показывая, что внимательно прислушиваются и записывают именно нашу речь. Мы поняли: они хотели изучить английский язык!

Мы полагали, что сатурниты, насколько можно было судить по их языку, состоявшему почти что исключительно из простейших гласных, с трудом смогут усвоить пару фонетически сложных английских фраз. Но к величайшему нашему изумлению, они в точности повторяли и с необычайной легкостью запоминали все сказанное!.. Мало того, они неподражаемо копировали

наши индивидуальные голоса!

— Мистер Брукс! Что вы скажете на этот уж никак не предполагаемый сюрприз? А?

— Слух, дорогой мой, — тысячу раз слух! У них замечательные уши и удивительно тонкая конституция слуховых нервов: вспомните, что они нам демонстрировали!

Поразительнее же всего была та быстрота и сообразительность, с какою они все на лету схватывали. Даже самые отвлеченные, абстрактные понятия оказались для них несколько не труднее конкретных...

— Ну, а это, как вам нравится?... — пробормотал не менее меня изумленный профессор.

— Я думаю, все наши понятия достаточно примитивны для них при их далеко ушедшей вперед культуре: им так же легко постичь наш несложный умственный мир, как нам — круг понятий папуаса. Затем, обратите внимание на их высокие лбы...

— Совершенно верно! Но вы упустили из виду еще один момент: быть может, они не столько понимают, что мы говорим, сколько непосредственно воспринимают то, о чем мы думаем... Они читают наши мысли, Брайт. Вот где секрет этой таинственной сетки! Теперь я уже уверен, что мы действительно все у них узнаем, потому что через несколько дней они будут говорить по-английски!

Высказанное профессором предположение весьма походило на истину: оно совершенно ошеломило меня.

Теперь понятно, почему молодежь так заразительно смеялась раньше. Еще пара уроков английского языка, и мы не сможем иметь от них никаких секретов, если они уже до этого не читали наши мысли... Все это из ряда вон выходящее!

Наши «собеседники» — их можно было уже так назвать — приветливо улыбаясь, внимательно прислушивались к нашим тирадам...

— Вы понимаете, о чем мы говорим? — взволнованно обратился я к ним.

— Да... не все... не совсем ясно... понимаем в общем...

— Обратите на них внимание, Брайт: среди этих пяти сатурнитов находятся представители различных научных дисциплин. Один из них определенно — медик, второй — математик, третий, как мне кажется, — естественник. Специальности четвертого и пятого мне не ясны, но думаю, что они связаны с психологией и языковедением.

— Вполне вероятно, потому что именно эти двое особенно внимательно прислушиваются к нашим словам! Кроме того, они успешнее остальных все схватывают и запоминают.

Вскоре урок английского языка окончился и один из сатурнитов встал и вышел. Мы с нетерпением ждали, что будет дальше.

— Согласно их системе, — решил профессор, — заключающейся в обоюдном обучении друг друга, они должны приступить теперь к преподаванию нам своего языка.

Сатурнит вернулся, держа в руках не что иное, как смычок и струнный инструмент типа скрипки... Когда-то я много играл на скрипке — и поэтому, увидев здесь музыкальный инструмент, живо напоминавший мне детство, тотчас же протянул к нему руку. Быстро освоившись с его строем, я начал импровизировать вариации и мелодии.

— Bravo! — воскликнул профессор, аплодируя. — Ваши знания и способности сослужат нам службу: это

очень важно для понимания их языка...

— Да, — подтвердили сатурниты и, протянув мне карандаш, сказали — писать.

Я изложил им нашу музыкальную письменность, после чего сатурнит, которого мы приняли за психолога, взял инструмент и правильно сыграл и спел все, что я ему написал... Даже самый гениальный человек не смог бы усвоить всего этого в такой непродолжительный срок! Затем сатурниты принялись обучать меня. Оказалось, что их гамма делится на 48 звуков различной высоты (полутонов), письменное обозначение которых походило на стенограмму, совершенно идентичную с записями наших речей...

— Из этого следует, Брайт, что музыка и речь у них вообще одно и то же. Они понимают свою музыку в буквальном смысле этого слова, и всякая их речь может быть выражена музыкой: фонетическая фраза совпадает с музыкальной.

— Действительно! — воскликнул я, пораженный выводом профессора, — этим именно и объясняется то, что они не говорят, а ПОЮТ, причем в их пении почти что отсутствуют согласные. Но как же они выражают сложные мысли и абстрактные понятия?

— Пользуясь музыкальными фразами, каковые можно комбинировать до бесконечности, интонацией и различными оттенками звуков, при их тонком слухе в этом нет ничего удивительного.

Предположения профессора целиком подтвердились. В течение часа сатурниты обучали меня игре, пению и языку, что действительно оказалось одним и тем же. Профессор похлопывал меня при этом по плечу, повторяя:

— В какие удачные руки попало мое объявление в «Вечернем Листке»!

Когда «педагоги» заметили, что я утомлен, они предложили нам осмотреть университет.

Мы увидели храм науки и искусства, гениально соединенных сатурнитами в одно неразрывное целое, как соединены были их мысли и музыка. Все колоссальное здание занимал один лишь естественно-медицинский факультет, походивший на роскошный и богатый музей. Он состоял из огромного количества грандиозных помещений, необычайно художественных как в смысле архитектуры и стиля, так и в отношении обстановки и оборудования. Каждый зал представлял собою совершенно законченную лабораторию для занятий по данной дисциплине, вследствие чего их число соответствовало десяткам наук, входящих в состав медицины. Здание было двенадцатизэтажным, и всюду бесшумно скользили равномерно распределенные, ни на чем не висящие лифты.

Наконец мы устали от этого великолепия и бесчисленных приборов и экспонатов и решили отложить дальнейший осмотр до завтра.

— Если здесь много подобных университетов, в чем я не сомневаюсь, — сказал профессор, выходя на улицу, — мы не скоро сможем вернуться домой...

«Языковед» ловил каждое произнесенное нами слово и вскоре вполне освоился с принципами построения английского языка. За ужином мы уже, правда медленно и с объяснениями, но все же беседовали. Мои же успехи в области их языка были несравненно меньшие; однако их хватило для того, чтобы сделать одно открытие: слышавшиеся постоянно в столовых легкая музыка и пение служили вовсе не для увеселения посетителей...

— Что вы так насторожились? — спросил профессор.

— Это — радио, мистер Брукс, — газета по радио! Я

слушаю сообщения, которые отделяются друг от друга звоном колокольчиков!

— Верно, — подтвердил языковед. — Слушайте, — и он начал переводить радиовещание, поскольку мог, на английский язык.

— Как бедна, однако, их газета, — заметил профессор. — Они говорят о каких-то открытиях и изобретениях, сообщают о научных экспедициях на иные планеты, о новых произведениях композиторов и литераторов, об успешной борьбе с немногими оставшимися болезнями... И ни слова о политике, о международных отношениях, постройке дредноутов, безработице, забастовках, займах для увеличения армии и флота, распространении цивилизации среди некультурных, колониальных народов и, наконец, ни слова о пацифизме, которыми так пылают сердца государственных мужей Европы!..

— Да, действительно... — пробормотал я, уловив в тоне профессора едкий сарказм. О чем-то думая, он продолжал иронически и даже презрительно улыбаться.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Брукс?..

— Я хотел сказать, — проговорил профессор, задумчиво глядя куда-то вдаль, — что политический строй сатурнитов... — но, не dokonчив эту мысль, он оживился и воскликнул — а в общем, человечество и в подметки им не годится! Я все более убеждаюсь в правильности одного моего предположения...

Сатурниты внимательно прислушивались ко всему тому, что мы говорили.

— Не понимаем всех слов, но понимаем, что вы говорите. Понимаем ваши мысли и поэтому узнаем значение слов. Скоро будем знать ваш язык и расскажем вам то, что вас интересует: нам известно это.

После ужина мы лежали в соседнем «зале отдыха» на диванах и, оживленно беседуя, не заметили, как мчалось время: солнца давно уже зашли, и наступила ночь.

— Не пора ли домой? — сказал профессор.

Все встали и вышли. Дойдя до двери, ведущей наружу, я остановился, как вкопанный: улицы, тротуары и стены домов испускали нежный голубой свет, и весь огромный город-лес кишел тысячами домов-светляков, прятаящихся среди черных, узорчатых силуэтов гигантских деревьев... Любуясь этим фосфоресцирующим морем, профессор воскликнул:

— Так вот почему здесь нет нигде фонарей! Вчера мы не заметили этого явления, так как легли спать до захода лун и Сатурна. Но смотрите, однако, какая сказочная красота!

17. Совершенная раса

Когда мы проснулись на другой день, все солнца были уже в сборе. Боясь проспять в этом мире лишнюю минуту, мы быстро вскочили с постелей, выкупались и отправились в столовую. Нажим на кнопку — и крышка стола улетела, тотчас же вернувшись с необходимыми для завтрака материалами. Процесс «заказывания» пищи в ресторанах сатурнитов чрезвычайно нравился мне, и профессор всегда уступал мне это удовольствие.

— А что, мистер Брукс, если с нас потребуют вдруг уплаты за все это? Чем мы сможем заплатить? Ведь, не шиллингами же, которых у нас, кстати, с собой нет!

— Ну, что ж — посадят вас в тюрьму, в отделение должников, и будете сидеть там, пока я не заплачу за вас, — ответил профессор, улыбаясь.

— Мистер Брукс, я не совсем понимаю, что здесь кругом происходит, вы же, по-видимому, раскусили, в чем дело, и ничего не говорите мне! — пристал я к нему. — Мистер Брукс, а?

— Я молчу, потому что только предполагаю; сегодня-завтра мы все узнаем. Я убежден, что мы увидим и услышим здесь вещи, о которых на земле рассказывают только в сказках...

— Добрый день! — слышалось из другого конца столовой. К нам подходили вчерашние знакомые, с которыми у нас тотчас же завязалась оживленная беседа.

Должен еще раз подчеркнуть ту невероятную быстроту, с какою сатурниты усваивали английский язык. Особенно отличался языковед: после вчерашней продолжительной беседы он понимал уже очень много (при этом необходимо, конечно, учесть способность сатурнитов понимать и без слов предшествующее речи мышление) и мог довольно прилично изъясняться. Его колоссальная память была действительно «нечеловеческой»: незнакомые и раз услышанные слова и выражения он твердо и навсегда запоминал. Что же касается меня, то я лишь изредка схватывал значение отдельных простейших звуков. Ограничусь по этому вопросу указанием, что язык у сатурнитов существовал, но они могли обходиться и без него, имея возможность обмениваться мыслями, кроме фонетического, также и непосредственным, «телепатическим» способом, подобно тому, как мы читаем книги вслух и «про себя».

Мои филологические размышления были прерваны восклицанием профессора.

— Брайт! Я мечтаю о том моменте, когда увижу этих гостеприимных хозяев в своей лаборатории. Правда, она жалка и бедна по сравнению с тем, что имеется здесь, но резонатором я смогу похвастаться:

такого у них еще не изобретено!

— Мы обязательно отправимся к вам, но сначала вам следует ознакомиться с нашей планетой: вы явились к нам первые и проведете здесь столько времени, сколько пожелаете.

— Мне здесь очень нравится, — сказал я, — и я не думаю еще о возвращении на Землю. Но, быть может, мы и вовсе не сумеем более попасть туда, если пробудем здесь слишком долго: несмотря на оставленную в коттедже записку, неосторожный осмотр людьми лаборатории может повлечь за собой порчу резонатора и проводки. Таким образом, мы навсегда будем отрезаны от земли.

Профессор рассмеялся.

— Вы не подумали, Брайт, об одной простой возможности: мы сумеем построить такой же резонатор и здесь!..

— Гм... Да, действительно, — пробормотал я, — «колумбово яйцо»...

— Разрешите, — обратился языковед к профессору, — подробнее ознакомиться с вашим замечательным открытием и изобретением, которым заинтересован весь наш ученый мир. Ваши объяснения заслушает мой коллега, я же буду помогать вам, если вы не сможете сговориться. Надеюсь, что моих языковых познаний для этого хватит.

— Вполне! — воскликнул я. — Усвоить столько в такой короткий срок является для нас неслыханным и непостижимым чудом. Этого не смог бы проделать даже самый гениальный человек, потому что люди не обладают слухом, подобным вашему, и мозговой сеткой.

— Помимо наличия мозговой сетки и острого слуха, мы воспитываем и упражняем память. Для этого суще-

ствуют соответствующие институты, с которыми мы познакомим вас. Мы давно уже пришли к заключению, что наука и знания должны находиться не столько в книгах, сколько в головах. С этой целью были созданы специальные школы по прохождению теории и практики памяти, внимания, концентрации и способности схватывать и понимать. Наши ученые обладают огромной памятью и силой сообразительности. Но позвольте познакомиться с вами. Уже с первого момента было, конечно, ясно, что вы — ученые представители неизвестной нам планеты. Это мнение подтвердилось, когда вы продемонстрировали у холмика действие вашего удивительного прибора. Мое имя Тао, а ваше?

— Джемс Брукс, профессор математики, а это — мой ассистент, инженер-электромеханик, Вилли Брайт.

— В таком случае, мы пятеро — тоже «профессора», причем считаемся наиболее видными учеными на этой планете в области многих наук. Моей специальностью является языковедение, народоведение и история мысли и культуры ийО.

— Что такое «ийО»?

— Это — мы и вся наша совокупность, то, что у вас «человек» и «человечество». Мои науки требуют наиболее сильно развитой памяти и способности понимать и вникать, так как я имею дело с прошлым, а не настоящим. Носители моих наук давно уже вымерли, вследствие чего я должен уметь воспроизводить в своей голове по книгам и письмам их культуру, быт, интересы, которыми они жили, обстановку и т. д. Поэтому мне необходимо было развить свои способности, о которых я уже говорил, до высшей степени, и я превзошел всех, до сих пор известных в этом отношении ийО.

Тао не раз поражал нас своей сообразительностью и быстротой, с которой он все схватывал и усваивал английский язык. Теперь же, когда мы узнали эти подробности, наше уважение к нему возросло до крайних пределов: мы поняли, что имеем перед собой крупнейшего и талантливейшего представителя ученого мира сатурнитов.

— Я изучил все существовавшие когда-либо у ийю языки, — продолжал он, — и помню все прочтенные мною в жизни книги.

— Позвольте теперь узнать, — обратился профессор к Тао, — историю нашего спасения.

— Она связана с астрономией. Вы уже знаете, что мы находимся на одном из 14 спутников огромной планеты с кольцами. Этот спутник называется Айю и является одиннадцатым по счету, вы же попали на седьмую, носящую название Вуйи, на которой сразу же было обнаружено загадочное появление двух неизвестных, но, по-видимому, культурных существ. Вскоре замечено было ваше бедственное положение в виду отсутствия на Вуйи воды и растительности. Помимо руководившего нами научного интереса, необходимо было оказать вам помощь. Для этого хватило бы и одного междупланетного корабля, но их набралось целых девять, поскольку нашлось много желающих полететь за вами: все это были представители различных научных дисциплин и молодежь. Я лично в экспедиции не участвовал.

Вспомнив, по ассоциации, услышанные нами первые звуки сатурнитов, я обратился к Тао с вопросом:

— Что значит «й-и» и «у-ва́-у»?

— Возгласы, выражающие одобрение, удовлетворение, приветствие и радость.

— Прекрасно! — сказал профессор. — А теперь я горю желанием изложить вам мою специальную теорию и изобретение.

Один из ученых взглянул на Тао, который тотчас же сообщил нам его мысль:

— Мой коллега — профессор математики и физики Кайя — считает, что ваше сообщение имеет совершенно исключительный интерес. Поэтому оно должно быть сделано в самом большом зале в присутствии всего ученого мира. Одновременно мы передадим вашу лекцию и чертежи по Айю, чтобы все ийю узнали о гениальном открытии.

— Вот новость! — воскликнул профессор, повернувшись ко мне. — Чертежи в процессе составления по радио!

— Не только чертежи, — прибавил Тао, — но также и вас вместе с кафедрой, на которой вы будете стоять: пусть все увидят великого ученого.

— А как же они поймут английский язык? — спросил я.

— Очень просто: читая лекцию, профессор будет при этом, конечно, думать. Особые аппараты передадут его мысли при помощи электромагнитных волн телефонам, которые превратят их в звуки нашего языка. Английский же язык здесь не при чем, ибо процесс мышления «интернационален» и существует вне языка.

— Ну, электромеханик, что вы на это скажете? — обратился ко мне, улыбаясь, профессор.

— Здесь я более не инженер, а невежда...

— Итак, если вы принимаете предложение, мы объявим об этом по Айю. Лекция может состояться сегодня после обеда.

— Обязательно! Мы не посвятили в наши работы никого из людей, но я с радостью готов открыть все ийю! А пока мне хотелось бы ближе ознакомиться с местными астрономическими и физическими данными.

— Коллега Кайя сообщит вам все, что вас интересует.

— Для этого было бы лучше всего отправиться в университет, — предложил Кайя.

Мы тотчас же встали со своих мест.

Приведенная беседа с учеными сатурнитами происходила в «зале-саду», куда мы перешли по окончании завтрака. При всех столовых как специальных, так и в общежитиях и гостиницах, находились подобные, предназначенные для отдыха помещения.

Выйдя из гостиницы, мы сели в яхту и полетели на физико-математический факультет. Обойдя ряд подавляющих своим богатством и великолепием грандиознейших лабораторий, мы попали в планетарий.

Он находился в огромном здании, представлявшем собою мир с млечным путем, звездами, планетами и системой Сатурна. Все двигалось и вращалось, звезды мерцали... Планеты являлись не изображениями, созданными, как у нас на Земле, с помощью проекционных фонарей, но свободно витавшими в пространстве телами. Это было абсолютной копией мира, идеальным воспроизведением действительности, торжеством искусства и техники над природой. Иллюзия и перспектива были изумительны: стоя в темноте на какой-то невидимой площадке, мы чувствовали себя одинокими и оторванными в междупланетном пространстве, вдали от солнц, среди вечной ночи...

— На чем же все это держится?

— Силой взаимного тяготения.

— Как?! А притяжение почвы, а влияние окружающих тел, а давление воздуха, который выталкивает все предметы наверх?..

— Притяжение Айю лун и прочих окружающих тел здесь уничтожено, — пояснял Кайя, — причем найдена равнодействующая между этими силами и влиянием атмосферы. Все точно отрегулировано, и система работает так же, как и в природе. Малейшие отклонения и нарушения автоматически компенсируются искусственно созданным силовым полем.

Вдруг профессор повернулся ко мне, пораженный, видимо, какой-то мыслью.

— Брайт! Вам ничего не приходит на ум?

— Н-нет, — ответил я, подумав.

— Посмотрите на систему Сатурна! Она ничего не напоминает вам?

— Н-ничего... Не знаю, что вы думаете.

— Да, ведь, мы же видели ее изображение в снаряде, — помните, во время полета на Айю? Вы еще искали тогда что-то под столом. Я убежден, что оно транслировалось туда именно из этого планетария!

— Совершенно верно, — подтвердил Кайя. — А теперь посмотрим солнца.

Мы вышли наружу и отправились на яхте в другой планетарий, в котором были представлены светящиеся солнца с планетами и их спутниками. Спутников солнц я насчитал 29, лун же — несколько десятков.

— Сийя, — продолжал Кайя свои объяснения, указав рукой на Сатурн, — оборачивается около одного из солнц, сами же солнца вращаются вокруг общего центра, являющегося точкой равнодействия их взаимных тяготений. Вы попали сюда в удачное время, когда все солнца в течение получаса по вашему хронометру восходят и в такой же срок и заходят. Но не всегда это

бывает так, в виду обращения Айю вокруг Сийя, Сийя — вокруг солнц и солнц — вокруг своего общего центра. В связи с этим времена года у нас несравненно сложнее, чем у вас, и одно и то же положение не повторяется в течение тысячелетий. У нас есть два рода лет: малый и большой год. Малый это время обращения Айю вокруг Сийя, большой — Сийя кругом своего солнца. Малый год продолжается около 63, а большой — 434 наших суток. Чему это равно по вашему времяисчислению?

— 387 земным суткам, — ответил профессор, — так как ваши сутки продолжаются по нашему хронометру приблизительно 21 час и 24 минуты.

— Необходимо заметить, — продолжал Кайя, — что продолжительность лет и орбита Айю, представляющая собой весьма сложную кривую, постоянно меняются, в зависимости от взаимного расположения Айю, Сийя и солнц. В связи с этим у нас бывают долгие периоды, когда на всей планете совершенно отсутствует ночь: не успевает зайти одно солнце, как появляется другое. Или же круглые сутки светят поочередно два из них: первое и второе, второе и третье и третье и первое.

В течение часа Кайя демонстрировал и излагал нам небесную механику тройной звезды.

Из планетария мы полетели обедать, а затем отправились на доклад профессора.

— Я смущен, — пробормотал он в замешательстве, когда мы вступили в колоссальную аудиторию, наполненную тысячами сатурнитов.

Она представляла собой круглый зал, в середине которого находилась кафедра с большим темно-синим шестигранным цилиндром. Устроенная амфитеатром, наподобие цирка, аудитория имела десятки дверей. На

стенах виднелись доски, сделанные, очевидно, из того же материала, что и центральный цилиндр. По земному обычаю, о котором сатурниты были уже осведомлены, нас встретили аплодисментами. Мы — двое маленьких людей и пять сатурнитов — торжественно прошли по широкой дороге и поднялись на кафедру.

— Здесь присутствует весь передовой ученый мир Айю, — сказал Кайя. — Одновременно вас будут слушать все ийо.

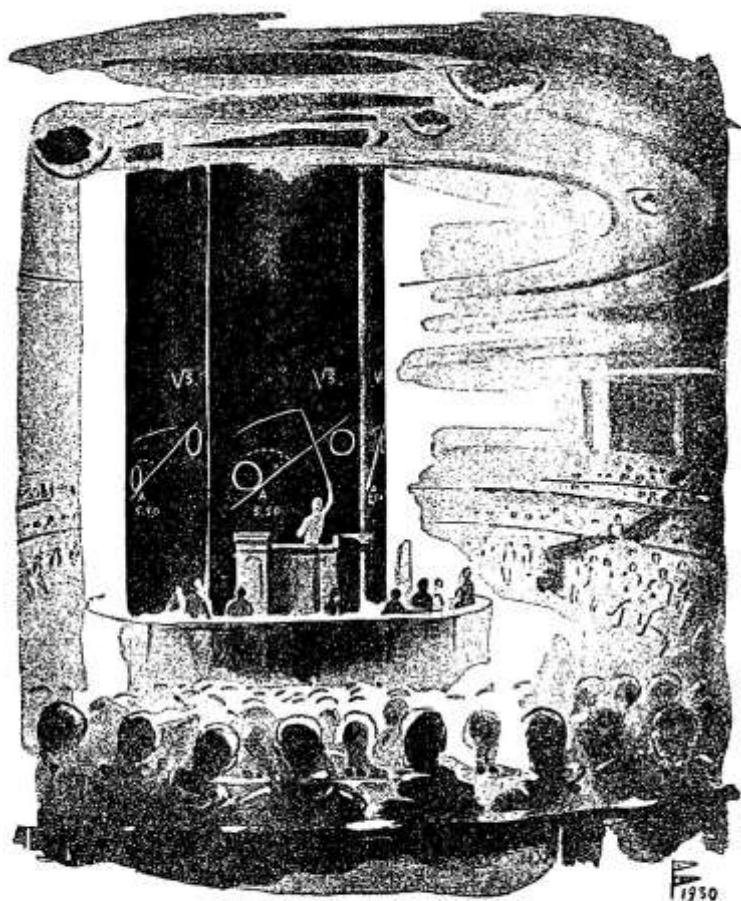
Вторично раздался в знак одобрения аплодисменты.

— Пишите на гранях цилиндра этой палочкой, — продолжал он, протянув профессору прозрачный стержень. — Когда чертеж не будет более нужен, нажмите кнопку. Если вы готовы, начните, — я включаю передатчик.

— Но я не представляю себе, — заметил профессор, — как мои мысли не затеряются в общем хаосе мыслящей аудитории!

— Во-первых, — ответил Кайя, — ийо умеют внимательно слушать, не думая и не мешая лекции не только разговорами, но и мыслями, и, во-вторых, передаваться будут при помощи вот этого прибора только ваши мысли, все же прочие — отражаются специальными рефлекторами.

Профессор занял свое место, провел рукой по волосам, откашлялся и заговорил, сначала робко и неуверенно, но вскоре речь его потекла плавно и твердо. Как только он собрался с мыслями, по всему залу зазвучала легкая, хорошо знакомая нам мелодичная музыка... Чертежи, выступая на темно-синем фоне ярко-огненными линиями, походили на светящуюся в темноте раскаленную проволоку. Едва профессор начинал чертить на одной из плоскостей призмы, как на ос-

Едва профессор начинал чертить на одной из плоскостей призмы, как...

тальных пяти, а также и на всех находящихся в зале досках автоматически вырисовывались те же линии, при нажмие же на кнопку все исчезало.

Лекция длилась около трех часов. Окончив, профес-

сор опустился в кресло, и бурные аплодисменты выразили оценку слушателей. Несколько сатурнитов поднялись на кафедру и приблизились к нам.

— Это, — представил их Кайя, — ученые-изобретатели. Они предлагают построить под вашим руководством большой резонатор.

— Прекрасно! Я готов. Начнем в ближайшие же дни!

Нас вынесли с почетом на руках на улицу и передали колоссальной толпе великанов.

— Ё-и! — раздалось снаружи хором.

— У-ва́-у! — отвечали наши спутники.

Была уже ночь. На небе сиял Сатурн и луны.

— Вы устали, — сказал нам Тао. — Отдохните, и завтра мы увидимся снова.

Нас усадили в огромную прекрасную яхту, и, сопровождаемые сотней сатурнитов, мы двинулись к дому. И всюду, когда мы медленно плыли над городом, тысячные толпы кричали нам снизу «ё-и».

— Успех превзошел все ожидания! — довольным тоном заметил профессор, входя в столовую.

— Я гордился вами, мистер Брукс! — ответил я, пожимая ему руку. — Я думаю над тем, каким бы это было для меня несчастьем, если бы ваше объявление не попало мне случайно на глаза!

Меня не смущало более бесплатное потребление продуктов и пользование общественными благами: в этом мире не было, по-видимому, денег.

— Подадим им идею о деньгах, — сказал я, смеясь, профессору. — Подобного изобретения у них еще, по-видимому, нет!

— Не беспокойтесь, — брезгливо ответил он: — они давно уже отказались от этой мерзости.

18. Нечто совсем не похожее на земное

Следующее утро мы провели за работой в университетской лаборатории.

— Наши хронометры функционируют здесь условно не так, как на Земле, — сказал профессор. — Все относительно, и Эйнштейн тысячу раз прав. Иная быстрота движения Айю, иное тяготение и магнитные свойства почвы, влияние планет и целый ряд других, не поддающихся учету факторов несомненно нарушают «правильную», с нашей точки зрения, работу часовых механизмов. Поэтому все добытые нами данные следует считать правильными только относительно показаний хронометров в местных условиях. Установить же разницу между работой механизмов у нас и на Айю совершенно невозможно.

— То же самое, — заметил я, — хотя и в значительно меньшей степени, но, вероятно, существует и на Земле, когда она приближается и удаляется от солнца. Быстрота движения и, быть может, тяготение планеты меняются, что может повлечь за собой нарушение работы приборов и изменение времени и мер длины и веса. Чем мы гарантированы, что все остается таким же?

— Ничем, — ответил профессор, — совершенно верно. Но, поскольку меняется все, вплоть до наших ощущений включительно, мы никогда не сможем ничего обнаружить. Вообще, нет ничего абсолютного, и нам не остается иного, как основываться на показаниях хронометров и счетной линейки.

— Мистер Брукс, — сказал я, измерив температуру атмосферы, — местная жара соответствует экваториальной на Земле. Удивляюсь, как мы до сих пор держали ее, не сгорев!

— Это объясняется рядом причин. Во-первых, тяготение на Айю меньше, чем на Земле, и поэтому, потеряв одну десятую часть своего веса, мы тратим здесь на движения меньше энергии. Затем, не забудьте замечательную чистоту и состав воздуха. Прибавьте еще к этому легкую вегетарианскую пищу, обилие кругом зелени, отражение нашей «одеждой», домами и улицами солнечных лучей и защищенные от них, специально приспособленные прохладные здания. Таким образом, вопрос становится ясным.

— А каковы ваши данные, мистер Брукс?

— Мои данные весьма интересны, но на них можно сломать себе шею. Благодаря сложности астрономической системы на Айю невообразимая путаница суток, лет, времен года и климата; последний на всей планете вечно тропический, с небольшими колебаниями. В этом участвуют не только греющие со всех сторон солнца, но и огромная так называемая «процессия»: ось Айю чрезвычайно быстро описывает в пространстве конус под большим углом, вследствие чего планета равномерно обогревается со всех сторон. Поэтому на полюсах Айю так же тепло, как и в прочих местах, и снег на этой планете не известен. Здесь царит постоянно жаркое лето, и вечно зеленая растительность постепенно и незаметно меняет свои листья, подобно тому как постепенно изменяется с течением лет население городов.

— Доброе утро! — приветствовал нас входящий в этот момент в лабораторию Тао.

Он привел с собой женщину изумительной красоты, с глубокими мечтательно-задумчивыми глазами.

— Афи, молодой талантливый мастер института памяти, — представил он нам ее. — У нее тоже огромная память и исключительная способность восприятия

и познания. Она будет понимать вас без слов, хотя и научится дня через два говорить по-английски.

— А... а где же она была до сих пор? — пробормотал я, уставившись на нее.

В подтверждение слов Тао, Афи тотчас же продемонстрировала свои способности: бросив пронизательный взгляд, она звонко рассмеялась мне в лицо. Понять, впрочем, было нетрудно: каналья прекрасно знала, как она хороша. Я смутился и опустил голову.

— Она вернулась только сегодня с десятого путника Сийя — Юйви — и привезла оттуда дурные вести.

— Что такое? — забеспокоился профессор.

— Кажется, что будет война, — ответил Тао. — Прошло уже более тысячи больших лет с момента окончания последней чудовищной бойни народов на Айю, после которой прочно воцарились радость и счастье. Ийо обратили свою науку и технику на благо и пользу, и войны уже более немыслимы здесь. Но не так обстоит дело на Юйви, население которой не дошло еще до степени нашей культуры: по сие время там еще властвуют тираны, и угнетенные протягивают к нам руки за помощью. Мы не вмешиваемся в жизнь других планет, но и не терпим несправедливости и хорошо известной нам из истории эксплуатации, ибо мы — потомки освобожденного класса рабов.

— Этим сказано все! — воскликнул профессор. — Горизонт, наконец, проясняется, и мои предположения оправдываются. Начинаете, Брайт, смекать, в чем тут дело? Значит, — продолжал он, обращаясь к Тао, — вам не чужды порядки, господствующие на Земле. Не зная этого, мы решили умолчать о царящем там хаосе и социальном аде, боясь упасть в ваших глазах.

Тао понимающе улыбнулся. Итак, история сатурнитов аналогична нашей, и они не отвернутся от нас, по-

тому что страдания и стремления порабощенного человечества понятны и близки им. Казавшиеся нам до сих пор холодными полубогами чуждого мира сатурниты сошли вдруг на землю, и от них повеяло человеческим теплом...

Взглянув на все еще улыбавшегося Тао, я убедился, что ему ясны и мои мысли, и чувства. «Как прекрасно, — подумал я, — что сатурниты понимают без слов».

— Не всегда, — возразил он мне. — Когда Афи прочла раньше вашу мысль, вам было это менее приятно. Вы хотели скрыть от нас, — продолжал он, — господствующий на земле социальный ад. Хотя вы и молчали, но не раз вспоминали о нем, думали и сравнивали и этого было достаточно. Но и без того вы, ваш мир, среда и эпоха совершенно ясны мне. Вам нечего рассказывать: я совершенно в курсе дел Земли.

— То есть как?!

— Очень просто: я изучил культуру сотен народов на протяжении четырнадцати тысячелетий. Поэтому для меня не представляет никаких трудностей схватить общие черты еще одного, особенно имея перед собой таких характерных представителей, как вы. Вас не должно удивлять это: вспомните то, что я сообщил о себе. Кроме того, с тех пор, как к вам приблизился на Вуйи первый ийО, ваше поведение и мысли не ускользают от нашего внимания, за исключением моментов, когда вы остаетесь совершенно одни. Мы тщательно изучаем ваш образ мышления и культуру, Делая это, конечно, незаметным для вас образом.

Ошеломленные услышанным, мы не сводили с Тао глаз: все это звучало почти что жутко...

— Пугаться вам совершенно нечего, ибо как видите, — при этом Тао улыбнулся, — мы отнюдь не посадили вас под микроскоп или в клетку. Наоборот, мы

предоставили вам, по обычаю этой планеты, полную свободу, какую пользуемся все мы и всякий, кто бы ни попал сюда. Нам легко постичь форму существующей в настоящей момент на Земле культуры потому, что мы уже пережили ее: мы опередили ее почти на тысячу лет. Вам же разобраться в современной стадии развития нашего общества несравненно труднее. Понимая и учитывая это, мы постепенно, последовательно и только с вашего желания знакомим вас с жизнью на Айю.

Напряженно прислушиваясь к словам Тао, мы не заметили, как все находившиеся в этом зале сатурниты окружили нас, дружелюбно и приветливо улыбаясь. От моего внимания ускользнуло даже и то, что Афи стояла тут же рядом, опираясь на ручку моего кресла. Профессор задумчиво произнес:

— В связи со сказанным вами у меня явилась масса вопросов.

— Пожалуйста.

— Не знаю, с чего начать... В общем, я хотел бы подробно ознакомиться с вашим социальным строем и его историей, но мы не умеем читать ваших книг.

— Я расскажу вам обо всем, о чем вы пожелаете.

— Прекрасно. Кроме того, нам хотелось бы осмотреть кое-что и видеть, как у вас здесь все устроено... Можно?

— Конечно. Мы покажем вам, если хотите, все «уголки» нашей планеты.

— Скажите, — спросил профессор с улыбкой, — а у вас не возникают по этому поводу какие-либо опасения? Ведь, человечество с его дурными наклонностями может использовать вашу науку и технику против вас же! Мы узнаем все ваши тайны, люди построят воздушные корабли и прилетят на Айю со своими смерто-

носными орудиями и ядовитыми газами.

Тао и все окружающие улыбнулись, а Афи закатилась своим серебристым смехом...

Я любовался ее неземной красотой.

— При современном состоянии нашей техники, — ответил Тао, — война более невозможна, ибо в течение одного вашего часа можно превратить целую планету в развалины. Если бы люди прилетели к нам с подобными намерениями, мы немедленно уничтожили бы их вместе с их кораблями. Это произошло бы в пространстве на расстоянии десятков километров от поверхности Айю, причем от всей эскадрильи не осталось бы ни обломков, ни трупов.

— Каким же это образом?

— Очень просто: мы разбили бы всю материю на атомы, превратив ее в облако невидимой космической пыли.

Профессор бросил на меня сияющий взгляд: дело уже слишком пахло его любимой физикой!

— Вы слышите, Брайт, а?

— Поэтому никакое нападение уже более немыслимо: положение нападающих абсолютно не выгодно. За последние тысячу лет наука и техника шагнули гигантским темпом вперед, но уже и до этого, то есть тысячу лет тому назад, борьба между государствами стала технически невозможной: охватившая тогда всю Айю война, к счастью, последняя в нашей истории, могла продлиться всего лишь одни сутки, в течение которых три четверти культурных благ было уничтожено. Потребовалось более двухсот лет упорного труда, чтобы разобрать создавшийся хаос и вновь отстроить разрушенное. Что же касается ваших опасений — как бы люди не обидели нас—вы увидите, если с Юйви будет война, какими средствами борьбы мы располагаем.

— У вас есть армия и полиция?

— Нет уже более тысячи лет.

— Кто же будет сражаться?

— Как — кто? Силловые генераторы! Достаточно немногих междупланетных кораблей с несколькими механиками в каждом, чтобы уничтожить с большой высоты все орудия войны. Детски-наивная военная техника юйвитян переживает младенческий возраст: они до сих пор еще пользуются аэропланами, пушками, стреляющими на сотни ваших километров, бомбами в несколько тонн весом, стальными крейсерами, эпидемическими болезнями, ядовитыми газами, подводными судами и прочими игрушками. При этом все государства хвастаются друг перед другом своей наукой и техникой, мнят себя великими изобретателями и вопят в газетах о пацифизме и культуре. В системе этой «культуры» существуют, однако, войны, рабство, угнетение отсталых рас, эксплуатация чужого труда и даже голод. Одним словом, совсем так, как у вас на Земле. Мы хорошо изучили жизнь на Юйви.

— Нам действительно нечего рассказывать вам о Земле — вы все уже знаете!

— Совершенно верно. Изучение истории и прочих наук показывает, что закон эволюции для всех планет один как для животно-растительных царств, так и для прогресса обществ разумных существ, начиная от уровня развития дикаря и вплоть до степени нашей культуры, а также, по-видимому, и дальше. Поэтому я прекрасно представляю себе положение на Земле и заявляю, что и у вас будет то, что у нас теперь. Но, — прибавил он, — пока человечество образумится, вам предстоят еще войны и длительная борьба; причем образумить его может только одно: это — революции, которые так же логически необходимы для прогресса

культурного общества, как очистка помещений от грязи.

— Разрешите один технический вопрос, — прервал его профессор. — Я все еще опасаюсь за благополучие прекрасной Айю, — от людей можно всего ожидать. Вы сказали, что ийо в состоянии уничтожить пролетающих на расстоянии многих километров от планеты. Но, ведь, и они же могут то же самое сделать?

— Я уже объяснил вам, что положение нападающих невыгодно. Если они даже и захватят с собою на тысячах кораблей максимум разрушающей энергии, мы сможем противопоставить им с места в миллионы раз большее количество. Из борьбы между огромной планетой и маленькими точками в пространстве победительницей выйдет, конечно, планета.

— А какая это, между прочим, энергия, о которой вы говорите? Ею же вы, вероятно, пользуетесь также и для полета кораблей, и всех прочих нужд: мы не обнаружили у вас до сих пор не только никаких горючих веществ, но даже и ветряных, гидроэлектрических или солнечных станций!

— И не обнаружите, ибо ничего подобного уже более нет. Мы пользуемся самым мощным видом энергии, какая только существует во Вселенной, — той самой, которая поддерживает на протяжении квадрильонов лет жизнь наших солнц...

Профессор широко раскрыл глаза.

— Это, — закончил Тао, — энергия, освобождающаяся в процессе распада атомов.

19. Юйви, 10-й спутник Сатурна

Молчавшая до сих пор Афи заговорила за обедом по-английски — правда, медленно и с посторонней помощью, но все ж таки!

— Я слушала разговор Тао. Я понимала его мысли. Поэтому я понимала все фразы. Теперь я могу немного говорить на вашем языке.

Тао подсказывал недостающие ей для разговора английские слова. Когда она кончила, он обратился к нам с предложением:

— Хотите видеть жизнь и существа на Юйви?

— Конечно!

— После обеда мы полетим в 1034-й город, из которого наблюдение этой планеты наиболее благоприятно.

— Мистер Брукс, города имеют у них номера!

— Совершенно верно, — подтвердил Тао, — кроме названий также и номера в целях более легкой ориентировки.

— В каком городе мы сейчас находимся?

— В 357-м.

— А сколько на Айю всего городов?

— Несколько тысяч. Все они построены приблизительно по одной и той же геометрической схеме и разделены, как вы видели, радиальными улицами и перпендикулярными шоссе на кварталы. И те и другие имеют свои номера. На письменных сообщениях мы указываем три номера: города, квартала и улицы. Итак, летим?

Мы встали и вышли на улицу. Солнца не было видно: грозные, черные тучи как бы свинцом залили все небо, и наши фигуры казались на темном фоне горизонта белыми, как мел. Казалось, что наступила ночь,

Низвергалась сверху вода. Фиолетовые молнии рассекали небо.

и через несколько минут стихийно разразилась великолепная гроза. Сплошным каскадом низвергалась сверху вода, густая сеть фиолетовых молний непре-

рывно расщепляла небо, и неустанно грохотал оглушительный гром. Не было слышно голосов друг друга, и невозможно было ничего различить в этом сером водяном тумане. В ушах стоял сплошной рев, а шум дождевых потоков, заливавших чешую, напоминал морскую бурю, под чешуей же было совершенно сухо.

Достигнув закрытой станции кораблей, мы отряхнулись, быстро разместились в снаряде и вылетели наружу. Прозрачная оболочка эллипсоида засверкала внезапно ослепительным светом. Мы сели и почувствовали толчок — снаряд поднялся.

— Зачем этот свет?

— Чтобы избежать в тумане столкновений.

Вскоре свет погас, и мы увидели сияющие солнца, а глубоко под нами грохотал гром, и молнии бороздили черную, как смола, густую мглу...

— Какая красота! — воскликнул профессор.

Мы улетали от солнц: они быстро закатывались у нас на глазах и одно за другим исчезли за горизонтом. Стало темнеть. Наступила ночь, появились звезды, а затем выплыл Сатурн и луны. В снаряде зажгли голубой свет. Подобно метеору, летели мы по темному небу, а внизу светились города с мириадами ярких точек — домами. По прошествии получаса снаряд опустился на станцию. Мы пересели в небольшую открытую яхту, в которой и достигли вскоре обсерватории. Десятки астрономов, занимавшихся наблюдениями и вычислениями, встали при нашем появлении со своих мест и приветствовали нас.

— Они слышали отсюда вашу лекцию, — сказал Тао, — и выражают свое одобрение.

Нам немедленно предоставили два «телескопа», за которыми мы и просидели всю ночь. Огромное увеличение и ясность давали возможность видеть жизнь на

Юйви, как в кино. Она весьма походила на земную. Утопавшие в тумане города, огромные небоскребы, закоптелые заводы, извергавшие густой черный дым трубы, и существа — поработители и порабощенные — представляли собой характерную картину, напомнившую нашу далекую родину... После прекрасной Айю она показалась нам отвратительной.

— Разрешите узнать, — обратился профессор к Тао, — устройство ваших телескопов. Какие удивительные должны быть там зеркала и линзы!

— Весьма удивительные! — подтвердил, улыбаясь, Тао. — Но еще удивительнее то, что их там вовсе нет. Если вас интересуют чудовищные зеркала и линзы, вы сможете осмотреть их в музее истории и техники, куда несколько сот лет тому назад были сданы последние телескопы.

Профессор покосился на заколдованные темные отверстия.

— Гм... А вот эти... как же сделаны?..

— Стекла нужны были для того, — объяснял Тао, — чтобы преломлять свет, мы же научились проделывать это и без них. Мы умеем теперь изгибать световые лучи, делать из них кружки и даже, если хотите, завязывать узлом.

— Брайт! Что вы на это скажете? А?

— Известно ли вам, что свет поддается влиянию тяготения?

— О, да! Величайший гений современной эпохи Альберт Эйнштейн создал эту гипотезу, которая при ближайшем солнечном затмении и была доказана: лучи звезд, проходившие близко от солнца, подверглись силе его притяжения, вследствие чего звезды казались смещенными.

— Прекрасно, теперь вам все уже будет понятно:

потоки атомов образуют в поле лучей мощные центры тяготения, которые и искривляют их. Вот и все — просто и ясно.

— Гениально! — воскликнул профессор. — Прямо гениально, Брайт!

Я вполне согласился с ним.

— Таким образом, мы получили ряд преимуществ. Во-первых, пропуская лучи через несколько «искривителей», мы достигли неслыханной до тех пор силы увеличения. При этом возросли, конечно, ясность и отчетливость изображений, ибо самые лучшие стекла задерживают свет, разлагают его на составные цвета, создают так называемую «абберацию». Все это теперь устранено. Затем оказались уже ненужными колоссальные установки для труб в десятки метров длиной, они заменены сравнительно небольшими компактными приборами. Не менее замечательно и то, что свет в искривителях одновременно и усиливается: это дало возможность обойтись без огромных объективов. Усиление происходит путем вливания мощного потока атомов в световой луч. Эти атомы приводятся в колебательное движение в унисон с волнами луча и, таким образом, превращаются сами в свет. Известен вам какой-нибудь аналогичный случай усиления в технике?

— Да, — ответил я, — усиление радиоволн в ламповом приемнике. Там происходит подобный процесс взаимодействия электронов.

— Совершенно верно. Это дало возможность увеличивать силу света во много тысяч раз, а также и охватить большое поле зрения при малом объективе. Вариацией же световых полей искривителей достигается различная степень увеличения в широких пределах. Вот и все.

— Знаете что, Брайт, — сказал профессор, — я уже не

боюсь более за благополучие Айю в случае колонизаторских попыток людей: обладая подобной наукой и техникой, сатурниты раздавят объединенную земную армию, как блоху!

Тао рассмеялся, а мы подвинулись к чудесным «искривителям» света.

— Помните, Брайт, как я уже в первый момент сказал вам, что, заглянув хоть раз в эту штуку, не остается ничего иного, как выбросить все земные рефлекторы и рефракторы в мусорный ящик...

И профессор был прав.

— Мы так и поступили, — сказал Тао, — но только — не в мусорный ящик, а в музей. Это был огромный переворот в астрофизике. При помощи приборов новой конструкции мы впервые увидели звезды, в то время как раньше они казались лишь светящимися точками...

Я не отрывал глаз от Юйви, внимательно рассматриваядвигающиеся улицы и вращающиеся площади городов, дома, поля, деревни... «Цивилизация» и «культура» Юйви обогнали, несомненно, земную. Это следовало не только из техники, но, главным образом, из огромной разницы между внешностью трудящихся классов и нетрудовых элементов общества. Она была в значительной мере большей, чем на Земле. Первые походили на рабов античного мира, вторые же своими круглыми, тучными фигурами, слитыми с телом головами без шеи и заплывшими глазками напоминали откормленных свиней. Все эти существа походили по типу на людей.

Вначале мне мешало то, что приходилось рассматривать все с «птичьего полета», но вскоре я с этим освоился. Я видел, как тысячи рабочих являлись и покидали фабрики — худые, изможденные, еле волочив-

шие ноги... Подобно муравьям, работали на полях сгорбленные существа под надзором надсмотрщиков, и всюду виднелась стража, напоминавшая нашу полицию и жандармов.

Мы наблюдали, с одной стороны, дикое веселье чистенькой буржуазии на курортах и парках, а с другой — черные поселки каменноугольных районов, с гниющими глубоко под почвой углекопами, и толпы грязных, оборванных и худосочных женщин и детей. Наряду с наличием многочисленных тюрем, на мрачных дворах которых торчали виселицы, на залитых солнечным светом спортивных площадках происходили танцы и игры. И всюду флирт, всюду пикники, прогулки, поездки на автомобилях и яхтах, гонки, спорт, состязания... И всюду полиция и жандармы, которые, как мы убедились, были действительно «необходимы» здесь: там и сям — на улицах, площадях и около заводов и учреждений — возникали столкновения и стычки.

Возбужденные группы, а иногда и целые толпы кидались вперед, но их быстро рассеивали верные слуги буржуазии, постоянно находившиеся на страже защиты интересов угнетателей. Они стреляли, ибо многие падали и оставались лежать с закрытыми глазами и страдальческим выражением лиц. Но павших быстро убирали, дабы «беспорядки» не омрачили настроение «мирного общества». Для этого немедленно появлялись специальные фургоны, куда их, как туши на бойне, наваливали, плотно закрывали черными покрывалами и увозили в особые огороженные места за город. Там их, приканчивали и закапывали.

С отвращением и ужасом отвел я глаза от искривителя и встретился с лихорадочным взглядом профессора.

— Вы видели, Брайт? — его голос дрожал от возмущения.

— Да, мистер Брукс. Этот кошмар, пожалуй, еще почище земного.

— Молчите, Брайт! Вы не знаете всего того, что творится на Земле: когда вы читаете в прохладном парке за чашкой ароматного кофе газету, вы не видите виселиц и не слышите стонов, здесь же вы наблюдаете сверху одновременно огромную часть планеты. Я уверен, что и в нашей Европе — она достаточно велика для этого — ежедневно и ежечасно происходят в различных местах подобные вещи. Но мы ничего не знаем о них: не ожидать же от «Дейли Телеграф» тюремных бюллетеней!

— Вы правы, мистер Брукс. Но какой, однако, контраст между только что виденным и жизнью на Айю! Это — небо и земля, рай и ад.

— Да, — ответил он, — сатурниты дали нам при помощи телескопа хороший урок: они показали нам наглядным способом больше, чем это могли бы сделать книги. Они представили как бы под микроскопом изнанку так называемой «культуры» и «цивилизации» отвратительной земной жизни во всей ее наготе и безобразии. И одновременно с этим они развернули перед нашими взорами другую — блестящую и светлую картину. Теперь выскажу вам мое предположение: я уверен, что на Айю — социализм. Таким образом, кроме чисто научного значения, наша экспедиция в этот мир приобретает еще и не меньшее другое — политическое: мы станем здесь политически просвещенными.

— Мне страстно хотелось бы, — сказал я, — привести на Айю и вот к этому телескопу, в частности, всех земных угнетателей: пусть они увидят всю мерзость своих

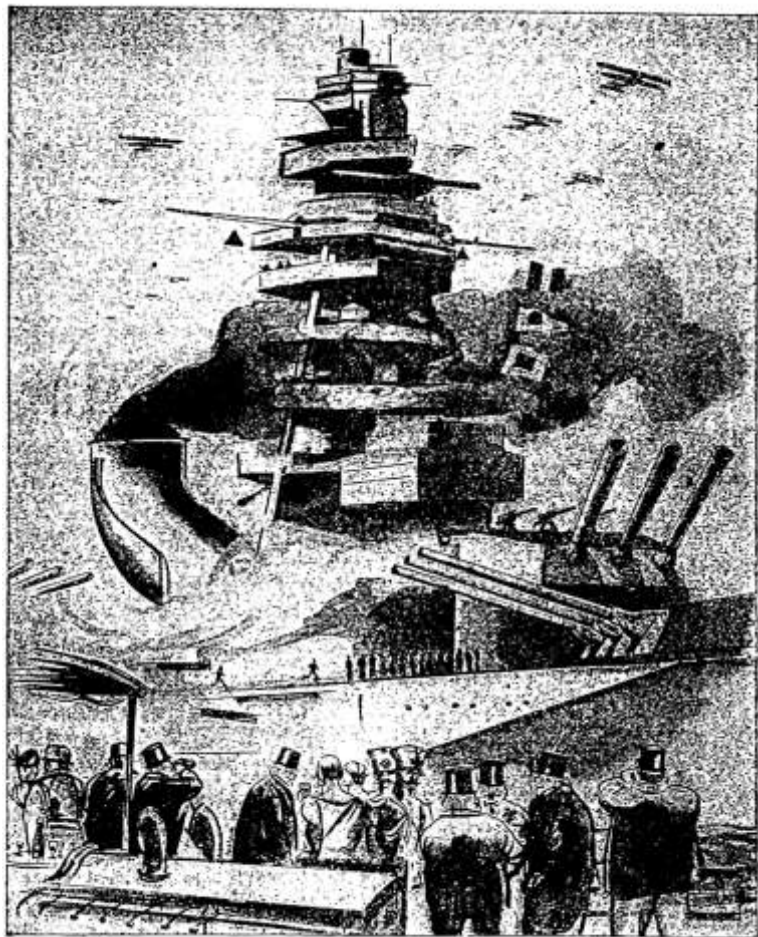
действий и своего строя. Это подействовало бы на них должным образом.

Профессор безнадежно махнул рукой.

— Вы молоды, Брайт, и идеалистически настроены. Вы верите еще в добродетель крокодиловых слез буржуазии на столбцах «Таймса», обогрЕННОго кровью колоний, рабочего класса и, хотя бы, ирландских крестьян. Вспомните об инквизиции, войнах, побежденных народах, подавленных революциях, тюремных застенках и т. д., и т. д. Целые библиотеки можно написать об этом. Нет, Брайт, исход только один — борьба. Опыт человеческого общества показал, что нигде, никогда и ничто, не давалось угнетенным без жестокой борьбы. Сердобольные короли встречаются только в детских сказках, созданных с агитационно-воспитательной целью в интересах защиты монархического строя. Возьмите хотя бы нашу знаменитую «Хартию вольностей», которой так кичится всякий англичанин, считая ее доказательством «необычайного» либерализма и добродетели монарха. Ведь так вы учили по учебнику в школе?

— Да.

— Ну вот. Но там ничего не говорилось об уме короля, — ядовито сказал профессор. — Будь он таким же кретином, как Людовик XVI, его постигла бы та же участь. Да будет вам известно, что «Хартия вольностей» была вырвана силой, под влиянием которой трон пришел в сильное колебательное движение. Король был знаком из истории с этим явлением и мгновенно стал «либералом». Для темных масс тотчас же написали манифест, а для детей составили учебники. Не обидели также и дураков: для них сочинили стихи и отслужили в церквах молебны, восхваляющие доброту короля.

Представители кубитанской буржуазии осматривали испанские дредноуты...

— Но элементарная справедливость и жалость...

— Бросьте, вы наивны, Брайт! Если бы буржуазия имела то, что вы так трогательно формулировали, так не было бы, по крайней мере, войн. Подумайте только о миллионах убитых, калек, слепых, вдов, сирот... Где

же ваша справедливость, где для нее место в этом сплошном, беспросветном ужасе?

— Вы правы, мистер Брукс, правы... Но где же выход из создавшегося положения?

— В революции, в одновременном и повсеместном восстании. И рано или поздно, но это будет. Это — неминуемо, это — непреложный закон кривой истории, которая определенно ведет к социализму; мы видим это на протяжении всей эволюции современного общества. Но эволюции недостаточно: в процессе эволюционного движения неизбежны, как показывает история, резкие столкновения экономических моментов и вытекающих отсюда классовых противоречий. Тогда эволюция перерастает свой темп, и напряжение переходит границы максимума, что дает быстрые скачки вперед, о которых говорит живший долгое время в Англии германский экономист Карл Маркс. Это — та критическая температура, которая превращает воду в пар, критическое давление, — имеющее своим следствием взрыв. Это — революция! — энергично закончил профессор.

— Правильно, — сказал Тао. — Именно так это было у нас и так же будет и у вас. Во время полета домой я расскажу вам о дальнейших событиях на Юйви и наших намерениях, пока же, не теряя времени, смотрите в телескоп, потому что через полчаса планета скроется за горизонт.

Мы повернулись к темным отверстиям и обратили внимание на постановку военно-морского дела. Было ясно, что готовилась всеобщая ожесточенная война: во всех государствах происходили грандиозные маневры. Огромные полчища войск, тучи аэропланов, исполинские крейсера и дредноуты, стаи подводных лодок, колоссальные дальнобойные орудия, несущие тонны

взрывчатого вещества, а также и многое другое — все это представляло собою слишком знакомую нам картину... И я подумал о миллионах несчастных существ, о которых только что говорил профессор. Леденящий ужас охватил меня при виде этих приготовлений, и, обращаясь к Тао, я порывисто воскликнул:

— Неужели вы допустите эту кровавую бойню?!

— Нет! — кратко отчеканил он.

Мы видели, как набирали рекрутов, как полиция и жандармы извлекали их из домов и таскали по деревням и улицам... Мы видели плачущих женщин и детей, хватавшихся за одежду своих отцов, которых они не надеялись больше увидеть. Их грубо отталкивали, отбрасывали и били, но они толпами бежали за уведенными. Женщины падали на землю, протягивали вслед уходящим свои тощие руки, а затем собирались группами и неподвижно застывали, обняв друг друга... Здесь царили стон и отчаяние. Мы видели, наконец, как всюду водили арестованных дезертиров и в присутствии войск немедленно их расстреливали.

— Я... не могу больше, — пробормотал я, отвернувшись.

Профессор встал со своего места, бледный и мрачный.

— Мы достаточно видели, Брайт. Хватит с нас. Мы не забудем всего этого.

Я взглянул на прекрасные, благородные лица сатурнитов и с чувством брезгливости представил себе отвратительные туши, толстые шеи и заплывшие салом свиные глаза юйвитянской буржуазии, с одной стороны, а с другой — жалкие и изможденные фигуры ее рабов. Эти три контраста представляли собой олицетворение совершенства, мерзости и страдания. Взволнованный виденным, я схватил Тао за руку и

умоляюще заговорил:

— Утешьте этих несчастных, сообщите им, что вы не допустите бойню! Смотрите, как они страдают!..

— Все уже сделано, — мягко ответил он. — У нас налажена междупланетная радиосвязь с главным революционным комитетом Юйви, который и обратился к нам за помощью.

— А не могут ли посторонние подслушать ваши переговоры? — забеспокоился профессор.

— Ни в коем случае: сигналы шифрованы, и на всей Юйви есть всего лишь один наш приемный аппарат, который находится в руках комитета. Я знаю, что вы хотите спросить. Отвечаю вам на это, что, если даже полиция и обнаружит этот аппарат, она не только не сможет им воспользоваться, но даже и не поймет его назначения. Быть может, правительства на Юйви и подозревают телефонную связь с нами «бунтовщиков», протестующих против буржуазных войн, но они ни в коем случае не смогут построить приемник для наших волн: мы опередили их науку и технику на сотни лет.

— А если аппарат испортится? Ведь комитет будет тогда от вас совершенно отрезан?

— Возможно, но мы тотчас же узнаем об этом. У вас на Земле аппараты посылают еще, вероятно, волны во все стороны, не зная, куда они идут, кто их принимает и принимает ли их вообще кто-нибудь. На наших же передатчиках индикаторы точно указывают, где, в каком направлении, на каком расстоянии и сколькими аппаратами волны принимаются. Выключение или порча одного из них немедленно показывается.

— Изумительно! Нам нечего бояться за них, мистер Брукс!

Профессор только промычал что-то в ответ.

— Итак, — сказал Тао, — наблюдение окончено и продолжать его сейчас уже более нельзя. Рекомендую отправиться домой.

Мы встали, распрощались с астрономами и покинули 1034-й город. Здесь уже был рассвет, но снаряд улетел от него к ночи. Понемногу стало темнеть, одна за другой зажигались звезды, а затем появились обратно зашедшие было Сатурн и луны.

— Смотрите, — сказал Тао, указывая на одну из них, — это — Юйви...

Луна — казалось, самая обыкновенная луна — бесшумно и безмолвно плыла по небу, поэтически озаряя своим лунным светом спящую ночь. И если бы запел еще в кустах соловей, влюбленные парочки смотрели бы на луну и вздыхали, и им казалось бы, что она вселяет в их душу любовь.

— Это та самая Юйви, — продолжал Тао, — на которой вы только что видели страдание и смерть. И кто мог бы догадаться по ее прекрасному, мирному виду, что здесь господствуют кошмары и ужас, — кто сказал бы, что за этим спокойным, поэтическим светом готовится бойня и скрывается зло?.. Сядем, и я расскажу вам теперь о наших взаимоотношениях с Юйви.

Скорость полета быстро возрастала. Стены снаряда вспыхнули мягким голубым светом и потеряли прозрачность. Мы опустились в кресла и приготовились слушать.

— Мы являлись к юйвитянам как друзья, и они встречали нас как гостей. Но они сразу же отвернулись от нас, как только узнали, какой на Айю общественный строй. Мы пробовали склонить правительства Юйви последовать нашему примеру, но вскоре убедились, что все эти попытки совершенно бесполезны. Отношения испортились, юйвитяне стали питать к нам не-

приятель и, наконец, — попросили нас оставить их в покое и прекратить свои полеты. Нашей же техникой они необычайно заинтересовались... К каким только ухищрениям они ни прибегали, чтобы все у нас выведать! Но зная, что они используют ее как новое и более мощное орудие эксплуатации и угнетения, мы ничего не открыли им. Мы не доверяем также и их ученым, ибо — сознательно или бессознательно — но все они поддерживают своей работой режим эксплуататоров.

— Вы слышите, Брайт? — воскликнул профессор. — Как это верно!

— В течение последнего года, — продолжал Тао, — мы заметили на Юйви всеобщую подготовку к войне, вызванную обострением международного положения. Несмотря на создавшиеся между нами и юйю — или «юйвитянами», как вы их называете, — натянутые отношения, ийю предприняли туда на днях научную экспедицию. В этой именно экспедиции и принимала участие Афи. Наши корабли были встречены на сей раз явно недружелюбно, и к ним тотчас же приставили так называемую «охрану».

— Но как же ийю не побоялись отправиться туда?

— Очень просто. Они прекрасно понимают, что нападение на нас повлечет за собой весьма неприятные для них последствия. Итак, они окружили наши корабли войсками и полицией якобы с целью их «охраны» от «черни» и «ненадежных элементов». Так это было объяснено многочисленными правительственными делегациями, которые немедленно прилетели из разных государств на аэропланах. Согласно традиции дипломатов, они были необычайно вежливы, фальшиво льстили и всячески заискивали. Они без конца извинялись за вызываемые на их планете

«низшими слоями общества» беспорядки, могущие обеспокоить таких «высокопоставленных» гостей, как мы. Все дипломаты жаловались на «неизбежность» надвигающейся войны, виновниками которой были, конечно, не те государства, представителями которых они являются, а всегда какие-то иные... Затем они много болтали о «вечном мире», который необходимо защищать, между прочим, с оружием в руках, о «покровительстве» и «цивилизации» отсталых и некультурных народностей и т. д.

— Совсем, как у нас на Земле! Не правда ли, Брайт? Как смешно и карикатурно звучит все это здесь — на Айю!

— Но вы поняли, конечно, для чего были приставлены к кораблям ийо войска?

— О, да! Чтобы изолировать ийо от народных масс, чтобы те не узнали о творящихся там безобразиях. Кроме того, под видом охраны они, несомненно, окружили ваши снаряды шпионами.

— Совершенно верно. Поэтому ийо сообщили им, что они явились на Юйви с научной целью и не боятся никаких нападений. Войска же, полицию и правительственных чиновников они просили немедленно удалить и категорически запретить им подходить к кораблям ближе, чем на определенное расстояние. невыполнение этих ультимативных условий будет рассматриваться, как объявление войны с вытекающими отсюда последствиями. Услышав это, дипломаты растерянно переглянулись, извинились, фальшиво улыбнулись, попрощались и удалились. Через десять ваших минут все поле кругом опустело.

— Блестяще! — воскликнул профессор, потирая руки.

— Слушайте дальше: в ближайшую ночь к нашим

кораблям пробрались, крадучись, два юйю... Они оказались представителями революционного комитета и подробно описали господствующее на Юйви положение.

— А ийо не боялись, что это — шпионы?

— Шпионство по отношению к нам, умеющим «читать» мысли, невозможно. Рассказанное явившимися юйю в сотни раз превосходит все те ужасы, которые вы видели в телескопе. Они сообщили, что не позднее как через несколько дней ожидается начало ожесточеннейшей международной войны. От имени пролетариата и крестьянства Юйви представители революционного комитета просили нас о помощи. Тут же был дан им радиоприемный и отправительный аппарат с обещанием ставить их в известность о принимаемых нами решениях. Мы же решили, конечно, предотвратить войну и помочь революции, как этого требует междупланетная пролетарская солидарность.

Пока Тао говорил, наш снаряд прибыл в 357-й город. Была полночь: темное небо переливалось мириадами ярких звезд, а в гуще садов и парков — светили голубоватые здания. Здесь царили мир и спокойствие. Мы проникли через не запирающиеся двери в дом и бесшумно прошли в столовую, где постоянно имеются для запоздалых путников пища и питье, механически поддерживаемые в горячем состоянии.

— Как прекрасен мир, — сказал профессор, — и в какую отвратительную, полную страданий клоаку превращают его люди и другие, им подобные «цивилизованные» гады!

20. Последняя война и революция на Айю

На следующее утро к нам явилась веселая компания молодежи с Афи во главе.

— Через два дня, — объявила она, — будет снаряжена военная экспедиция на Юйви. Вы примете в ней участие?

— Обязательно, хотя бы с опасностью для жизни, — заявил я. — После виденного мною в телескоп невозможно оставаться равнодушным к творящимся там ужасам.

Профессор вполне со мной согласился.

— Очень хорошо — меня это радует, — ответила прекрасная «великанша». — Но, между прочим, военная экспедиция не связана ни с какого рода риском или опасностью: это будет лишь интересной прогулкой и приятным развлечением.

— Хорошее развлечение... — пробормотал профессор, — с трехметровыми снарядами дальнобойных орудий...

— О чем вы там говорите?

— О пушках, аэропланах, ядовитых газах...

— Ах, об этом? Ну, это пустяки! — успокаивающим тоном произнесла Афи. — Ведь, все это очень легко уничтожить! Вы увидите, как это будет смешно и весело! Вы хотели ознакомиться с нашим общественным строем, но для этого вам следовало бы узнать предварительно его историю. Профессор Тао находится сейчас в историческом музее. Хотите к нему?

Мы тотчас же встали, вышли вместе с ийо наружу, сели в яхту и прибыли вскоре в музей. Я затрудняюсь, право, описать то богатство и совершенство, которое он собою представлял. Это был целый мир, для детального осмотра которого потребовалось бы несколь-

ко месяцев. Перед нами развевалась в экспонатах история общества, техники и всех наук и искусств вместе взятых, начиная с древних, доисторических времен и кончая настоящим моментом. Достаточно было изучить этот музей, чтобы сделаться ученым в области истории культуры, но это изучение потребовало бы годы.

— Теперь я понял, — сказал профессор, — почему у них так мало сравнительно книг: они изучают все в музеях.

— Совершенно верно, — подтвердил Тао. — Период наводнения книгами давно уже прошел, а газет у нас и вовсе не существует более: мы применяем теперь исключительно наглядный метод обучения. Всякий, кто желает изучить ту или иную область социальных или естественных наук, находит все — от начала до конца — в соответствующем музее или университете. Каждое из этих учреждений вмещает одновременно тысячи ийю. Итак, приступим к осмотру. Я обрисую вам создавшееся на Айю положение в течение последних довоенных лет, чтобы осветить те социально-экономические причины, которые привели ко всеобщей войне и вызвали революцию — тоже всеобщую.

Голова у меня кружилась, и я чувствовал себя затерявшейся бактерией в огромном, подавляющем своим величием и красотой зале, в котором мы в данный момент находились. Я смотрел по сторонам и вверх, и в глазах рябило от размещенных по всему его пространству бесчисленных картин, чертежей, схем, моделей, приборов, орудий, фигур и целых бытовых сцен.

— Сколько зал в этом музее?... — спросил я Афи.

— Кажется, около двухсот. Но здесь не весь музей — он занимает шесть зданий. Скоро будем строить седьмое. Вообще, 357-й город считается городом науки. По-

этому, между прочим, его и избрали местом для оказания вам гостеприимства.

— Я буду краток, — продолжал Тао, — потому что вы — существа образованные, и многое уже вам известно из истории земли и человечества. Закон прогресса для общества разумных существ, как я уже раз говорил, принципиально един для всех планет и периодов их существования. Вследствие этого я убежден, что виденная вами на Юйви мерзость превратится в благоденствие, которое вы застали на Айю. Это неминуемо. Поэтому я не буду сообщать вам из истории Айю того, что уже пережито на Земле.

Настал момент, когда империализм на Айю достиг своего высшего развития и интересы крупных держав в очередной раз столкнулись. Это привело ко всеобщей войне, захватившей большинство народов и ряд мелких государств, войне за рынки, колонии и капиталистическое первенство на планете. Война длилась около трех лет и окончилась фактически ничем, ибо как побежденные, так и победители в одинаковой мере пострадали от разрушений. Но вот что было ценно: в двух отсталых государствах вспыхнули революции. Естественно, что в отсталых, потому что в таковых именно должна существовать большая эксплуатация труда при значительно худшем общеэкономическом положении. Таким образом, культурный прогресс при буржуазном строе, как показала история, является революционно-социалистическим регрессом. Государства, о которых я говорил, образовали союз и, к великому удивлению и неудовольствию прочих, продолжали существовать под революционным флагом.

— СССР! — шепнул мне на ухо профессор.

— В связи с этим общеполитическая международная картина в течение ближайших лет резко измени-

лась: несмотря на хищнические поползновения по отношению друг к другу, все остальные державы понемногу объединились, образовав, в противовес революционному оазису, единый буржуазно-капиталистический фронт.

— Современная Европа! — вторично шепнул профессор.

— Я не буду описывать сложность создавшейся обстановки. Укажу лишь, что внешне сильные организмы империй разъедались океаном внутренних противоречий. При этом необходимо отметить, что также и в революционном союзе положение было далеко не блестящим, вследствие его обособленности, культурно-технической отсталости и наследий старого режима. Но одно было всем ясно: за ширмой лицемерно-мирных разговоров о пацифизме, сотрудничестве и дружбе народов назревала вторая ужасная война. Со времени же окончания первой и до момента, к которому относится мой рассказ, прошло уже более двадцати лет. Это были годы необычайного напряжения и отчаянной борьбы за существование революционного союза. Он мужественно держался и не дремал, успев склонить на свою сторону передовую часть рабочего класса Айю. Международная буржуазия, наблюдая этот весьма неприятный для нее процесс, не раз пыталась спровоцировать войну, но вместе с тем и опасалась восстаний пролетариата внутри своих государств. Когда же угроза всеобщей революции достигла крайних пределов, класс эксплуататоров решил, что единственной надеждой на выход из положения является немедленное уничтожение революционного союза. И вот, устроив дипломатический фокус и к чему-то придравшись, объединенная буржуазия предательски напала на союз. За истекшие с момента заключения

мира двадцать лет техника сильно шагнула вперед, и в четвертом корпусе музея вы сможете осмотреть экспонаты, представляющие последнюю войну. Поэтому я не стану описывать всех пережитых нашими несчастными отдаленными предками ужасов, а продолжу повествовательную часть.

Буржуазия, строившая всю кампанию на технике и мощности своих военных средств, жестоко ошиблась, однако, в расчете: в тот момент, когда весть о войне с патриотическим призывом «пролить свою кровь» за дармоедов разлетелась по радио, в одном из крупных государств империалистического блока вспыхнула революция. К сожалению, это произошло только в одном — иначе войны бы и вовсе не было. Войска взбунтовались и в полном составе перешли на сторону революционного союза, что еще больше ожесточило международную буржуазию. Немедленно были начаты военные действия, продолжавшиеся всего лишь около одних суток. Но это был кошмар, какого до тех пор не знала и никогда более не увидит история Айю. «Гуманисты» и «культуртрегеры» были чудовищно безжалостны и бомбардировали мирное население революционного союза взрывчатыми веществами, ядовитыми газами, зарядами бактерий, вызывавших ужасные болезни, огнем, сжигавших здания и ийо и т. д., и т. д. Война кипела на суше, в воде, под нею и в воздухе, в итоге чего десятки миллионов ийо были убиты, искалечены и лишились крова. В целях защиты, революционные армии принуждены были делать то же самое, что вызвало в неприятельских государствах смятение и привело к повсеместным восстаниям населения. Наступил второй все разрушающий момент, но на сей раз рушился старый мир — буржуазно-капиталистический строй — и притом до основания. Это было про-

изведено своими же, вернувшимися с полей битвы войсками. Они перебили все обманывавшее их так наз. «патриотизмом» военное управление, начав со своих ближайших командиров и окончив президентами и королями включительно. На всей Айю настал великий хаос и голод, ибо три четверти общественных и культурных благ было в течение роковых суток уничтожено: фабрики, заводы, дома, поля, имения, фермы, деревни и целые города. Всюду беспризорно бродили огромные толпы лишенных крова искалеченных воинов и обезумевших от горя женщин и детей. Вся поверхность планеты была залита кровью и усеяна убитыми и отдельными частями обезображенных трупов, разорванных в куски научными достижениями буржуазной культуры. Если ваши нервы выдержат, вы сможете увидеть все это в том же четвертом корпусе музея. Вот почему мы твердо решили воспрепятствовать войне на Юйви. Изучая эту темную эпоху, юношество содрогается и не понимает, почему наши предки давали столько времени обманывать себя и терпели милитаристически-эксплуататорский режим, не свергнув его тысячелетиями ранее. Молодежь не представляет себе всей той чудовищной темноты и несознательности, которою буржуазия окружила и в которой она в течение этих тысячелетий воспитывала народные массы.

Итак, когда восстания охватили одно за другим все государства, армия революционного союза тотчас же прекратила военные действия, явилась к трудящимся «неприятельских» стран и братски протянула им руку. Расправа со всеми разновидностями класса эксплуататоров была быстрой и краткой, вслед за чем наступила эпоха великого строительства. О, если бы видели ту огромную созидательную работу, тот энтузиазм и

энергию, которые поголовно всех охватили! Ибо работали не чиновники и не наймиты, а освобожденные члены всепланетного общества. Работали, не покладая рук, все — от мала до велика. Всякий старался сделать как можно больше и ревновал друг к другу общественное дело. Деньги и границы государств естественным образом исчезли без каких-либо предварительных решений. Эти твердыни капитала и империализма просто отгнили под напором дружного творчества ийю, ибо международный класс трудящихся, наконец, объединился, образовав одну семью. Несмотря на экономически тяжелое время, ийю, лихорадочно работая, мужественно и бодро переносили все лишения. Промышленность, индустрия и все виды хозяйства неизмеримым темпом росли, так что уже через несколько лет все были удовлетворены необходимым минимумом. На этом закончу обзор в общих чертах предпосылок современного строя. А теперь я предложил бы вам пройти по музею и посмотреть, как это все произошло и как протекала эпоха строительства.

— У-ва́-у! — хором пропели присутствующие.

— Если так будет дальше, — сказал я, полушутя, профессору, — мы вернемся отсюда большевиками...

— Это совсем уж не так нелепо, как думают в наших кругах, — серьезно ответил он, — в особенности после того, что мы узнали и видим на Айю. Это — живой упрек нам, людям, и ученым в частности. А вы размышляли, между прочим, когда-нибудь над идеями большевиков? Они далеко не так утопичны, какими их, якобы, считает английское консервативное общество. На самом деле оно вовсе и не считает этого, а просто не хочет выпустить из своих рук орудий угнетения — капитал и власть. Я окончательно убедился здесь, что коммунисты правы.

— Почему же многие рабочие и революционные партии не согласны с ними?

— Просто потому, что не доросли до них или же они фактически — вовсе не революционеры. Что же касается меня, то я уже не рассматриваю нашу экспедицию сюда, как интересный физический эксперимент: имея более существенное значение, она к чему-то обязывает. Поэтому по возвращении отсюда я решил прочесть в Англии ряд публичных лекций и, если меня за это не арестуют, поеду с докладом в Москву — в Коминтерн. А теперь, — прибавил он, улыбаясь, — займемся осмотром музея.

Мы решили систематически изучать его, пока же ограничились быстрым обходом некоторых зал. Деталь за деталью разворачивалась перед нами история классовой борьбы и шедшего параллельно ей внутреннего развала империй.

О том, что мы увидели в четвертом корпусе, я напишу когда-нибудь отдельную книгу; пусть она откроет глаза обманутым народам и наивным патриотам. Всякий человек, мало-мальски претендующий на право носить это название, не сможет не отшатнуться перед чудовищным, кошмарным ужасом, каковым была последняя война на Айю. Те же, чье сердце при этом не дрогнет, а равно и подстрекатели войн, вполне заслуживают участь, постигшую буржуазию на Айю. Рано или поздно, но и земной буржуазии не миновать ее, как это доказал нам с очевидностью Тао. Так не лучше ли сразу очистить человеческое общество от этих опасных гадов, пока они не успели еще обманом и хитростью втянуть ослепленные массы в новое нелепейшее побоище, торжественно именуемое «войной»?

— Брайт!.. — пробормотал, побледнев, профессор, когда мы, войдя в один великолепный зал, очутились

в центре военных действий. Иллюзия была настолько полной, что леденящий ужас сковал наши нервы. — Смотрите на эту мерзкую и пошлую изнанку империалистической механики!

Мы увидели залитые кровью поля, дома и улицы, груды ползающих слепых, тысячи ийю с оторванными членами, толпы корчившихся мучеников, зараженных болезнями и разъедаемых чудовищными ранами, отчаянную массовую панику, взрывы исполинских снарядов среди собравшихся в кучи до смерти перепуганных детей... И всюду горы каши живого мяса с текущими вокруг лужами крови... Излишне говорить о жуткой картине разрушений и горящих городов, а также и о том, что происходило на воде, под нею и в воздухе.

— Пусть будут прокляты, — прошептал дрожащим голосом профессор, — патриотизм, фальшивая военная поэзия, коварная, воодушевляющая музыка и ханжеские церковные богослужения! Революция, — продолжал он, повысив голос, — только революция! Лучше сразу очистить общество от тиранов, чем сделать это позднее, заплатив предварительно миллионами жертв и морем страданий!

Зато революция была прекрасна, и с огромным удовлетворением мы осматривали сцены возмездия. Она протекала здесь, как говорил Тао, очень быстро и обошлась совершенно без гражданской войны: забившиеся, как крысы, в подвалы правительства и буржуазия были просто переловлены и уничтожены. Это была очень быстрая, но грандиозная травля и вполне заслуженная даже слишком мягкая кара. И в тот же момент все, как один, объединились для совместной работы, не образовав никаких правительств или государств. Заниматься этим было более некогда; игра в

политические побрякушки окончились, и каждый делал только то, что было нужно, и максимум того, что мог. А работы хватало для всех... Картина общего положения стала настолько всем ясной, что работа могла уже протекать без каких-либо государственных органов власти и управления. Мы поражались пролетарской организованности и силе творчества и поняли, что и освобожденное человеческое общество сможет обойтись без своих «милостью божьей мудрых правителей».

Профессор был прав — нас просветили здесь и при этом весьма основательно.

21. Всемирная коммуна

Круг наших знакомых быстро увеличивался, так что в столовую мы отправились большой компанией. Обед протекал оживленно и весело.

— Скажите, — обратился я к Тао, — по окончании революции на Айю все же были восстановлены государства и государственная власть или, по крайней мере, управление?

— Нет, таковых здесь не существует, — все население Айю представляет собою одно единое общество.

— В таком случае — это хаос, анархия!..

— Быть может, анархия, но не хаос, — спокойно возразил Тао, допивая бокал какой-то изумрудной жидкости. — Как вы должны были заметить, у нас господствует, наоборот, полный порядок.

— Нет, Брайт, это коммунизм, — вмешался профессор, — тот самый коммунизм, к которому стремится на Земле III Интернационал!

— Называйте, как хотите, — дело от этого не меняется. Идеальный коммунизм разумных существ не

нуждается более во власти, и в этом смысле у нас анархия. Но, с другой стороны, подобная анархия возможна только при коммунизме. Коммунизм — это строй, а анархия — принцип отсутствия власти. Оба эти понятия, в конечном итоге, совпадают и сливаются. Вот и все.

— Но позвольте... Это все-таки непонятно... Ну, вот, например, вы намереваетесь послать на Юйви войска. Каким же верховным — органом это было решено, и кто издал соответствующий указ или приказ?

— Никаким и никто, — последовал короткий ответ.

— Ничего не понимаю!

— Сейчас все будет понятно. Допустим, что вы с профессором идете по улице и вдруг замечаете злоумышленника, готовящегося напасть на гуляющих детей. Как бы вы поступили в этом случае?

— Мы немедленно бросились бы на него.

— Без предварительного обсуждения вопроса?

— Конечно.

— А разве вы не стали бы ждать соответствующих указов или приказов?

— Н-нет...

— Почему?

— Потому что, — ответил я при общем хохоте, — было бы совершенно ясно, как следует поступить!

— Так что же вы от меня хотите?

Таким образом вопрос приобрел до смешного примитивную форму... Спрашивать было уже, казалось, более не о чем, но мои испорченные воспитанием «государственных благодетелей» мозги никак не могли примириться с этим простым решением проблемы. Тогда я еще не представлял себе, чтобы «великую государственную систему», такую важную и необходимую, как нам внушали это в наших буржуазно-

иезуитских школах, можно было бы свести к притче о разбойнике, детях и двух благородных джентльменах...

— Вот видите, Брайт, — наставительно произнес профессор, — что значит политическая безграмотность! На Земле вы считаетесь человеком с высшим образованием, а здесь вас приходится учить на примерах, как школьника. Я уверен, что любой ребенок ийо смыслит в этих делах больше, чем вы.

И все же, большое государство не умещалось еще в маленькой притче, и я опять обратился к Тао с замаскированным вопросом:

— Кто будет главнокомандующим и командирами экспедиции?

— А у вас были главнокомандующие и командиры, когда вы напали на злоумышленника?

— Нет, потому что нас было только двое.

— А если бы вас было сто?

Все опять рассмеялись. Я поднял вверх голову, размышляя над причинами, делавшими в притче о разбойнике не нужным военное управление, но не мог найти удовлетворительного объяснения: любой ответ немедленно был бы разбит. Было ясно, что дело не в количестве «войска».

— На потолке ничего не написано, — сказал профессор. — Я отвечу за вас. Мы не нуждались бы ни в каких командирах и приказах: сознательность и общность взглядов организовали бы нас лучше любого приказа, и мы действовали бы настолько согласованно, что могли бы обойтись без всяких командиров. И, наконец, коммунизм и свобода настолько всесторонне развиваются, что ийо никак уже не могут нуждаться в начальстве!

— Совершенно верно, — подтвердил Тао. — Вы дали исчерпывающий ответ, лежащий в основе нашего социального строя.

— Но кто же, все-таки, лично решил отправить военную экспедицию на Юйви, кто захотел это? — не унимался я.

— Да хотя бы я, Афи, все участники экспедиции и, наконец, — вы сами! Ведь вы же говорили Афи, что не можете оставаться равнодушными и, невзирая на опасность, считаете себя обязанными предотвратить на Юйви войну! Ну вот вы и займетесь этим делом.

— А если все прочие ийю не согласятся с этим решением?

— Ну, что ж, те останутся дома.

— А не может ли большинство запретить меньшинству экспедицию, протестуя, например, против пользования для ненужных, по его мнению, целей кораблями, которые могут при этом пострадать, траты энергии и так далее?

Тао с улыбкой выслушал и внушительно ответил:

— Окружающая нас молодежь внимательно слушает и учится на вас истории: вы и ваша психология напоминают нам эпоху на Айю веков десять тому назад. Тогда тоже бесконечно много рассуждали, запутывая извращенным мудрствованием простейшие вещи. В частности, буржуазия (бедная!..) «никак не могла себе представить», как коммунизм и безвластие при нем практически возможны. Твердо и раз навсегда усвойте себе, что ни один ийю никогда, нигде и ничего не может запретить другому: все мы свободные и равноправные члены единого общества.

— Как, ничего? — продолжал я. — А если он захочет обидеть его, побить, забрать его вещи, вторгнуться в его личную жизнь и так далее?

— Скажите, а вы на Земле били своих соседей, грабили их, вторгались в их личную жизнь?

Все засмеялись. Мой же вопрос опять поставил меня в глупое положение.

— Нет...

— Так тем более можем вести себя так мы; все ваши вопросы задаются на основе буржуазного строя.

— А как же ийо с дурными наклонностями, эгоисты, преступники?

— Таковых у нас не существует.

— Неужели совсем?

— Ни одного. Все это — исключительно плоды капитализма, и у нас нет для них места: преступление при коммунизме так же нелепо, как кража воздуха. Эгоизму же не на чем вырасти и негде проявить себя. Поразмыслите над этим, постарайтесь-ка быть у нас эгоистом — вряд ли это вам удастся. Тем паче дурные наклонности, которые давно уже исчезли. Подумайте только: новые поколения и коммунистическое воспитание в течение тысячи лет!

Я подумал: «Да, это, действительно, все объясняло!»

— Ну, а лентяи и дармоеды, наконец, есть у вас, я надеюсь?

Все опять рассмеялись.

— Увы, и таковых не имеется: мне положительно нечем порадовать вашу земную фантазию. Во-первых, их нет уже потому, что вообще не существует подобных понятий. Это опять-таки — фразеология режима, при котором заставляют работать из-под палки. Рассуждая формально, все мы, в том числе и вы, «дармоеды», поскольку ничего за пищу не платим. Во-вторых, коммунистический строй и воспитание создали новый тип ийо, для которых бездействие совершенно не яв-

ляется идеалом. Вспомните представленную в музее эпоху строительства: заметили ли вы хотя бы намек на лень в этом огне энтузиазма? В-третьих, ийо высоко развиты и общественно сознательны. В-четвертых, у нас царство освобожденного труда, который является скорее радостью, нежели проклятием, как это было при буржуазном режиме: каждый выбирает себе работу по вкусу, способностям и призванию. В-пятых, для производства необходимых для общества продуктов каждому ийо при современном состоянии нашей техники приходится работать, в среднем, менее одной десятой части суток. Это не так уж много и, кроме того, работа легка и сводится, большей частью, к управлению машинами. Фактически же все работают гораздо больше, потому что свободный труд является творческим наслаждением. Можно было бы, например, прекрасно обойтись и без той архитектуры и прочих искусств, незначительную часть которых вы здесь видели: все это создано по личной инициативе отдельных групп ийо, которые искали применения своей творческой энергии. В-шестых, что вы, собственно говоря, подразумеваете под понятием «дармоедство» и «лень»? Я уверен, что вы не отдаете себе в этом отчета, иначе не задали бы подобного вопроса. Постараемся представить себе, как это выглядит. Один какой-нибудь член общества встает утром, кушает и идет гулять. Потом ложится спать, встает, опять кушает, гуляет, спит и т. д. Так, что ли?

Все рассмеялись.

— Так проходит день, два, три, десять, сто... Но, ведь, это ненормально, это ужасная болезнь со смертельным исходом от скуки... И если бы у нас нашелся такой ийо, мы старательно лечили б и жалели его, ибо

во всех нас кипит жизнь, энергия и жажда деятельности.

— Но он мог бы не спать, а заниматься играми, спортом, посещать зрелища и вообще предаваться исключительно удовольствиям... — пытался я робко защитить свою позицию.

Но Тао был неумолим; он не только разбивал мои мелкобуржуазные доводы, но и выставлял меня перед всеми на посмешище.

— Прекрасно! — сказал он. — Изменим вариант, внеся в понятие «лень» предложенные вами «существенные» поправки. Посмотрим, что из этого получится. Спорт, вы говорите, зрелища, удовольствия? Хорошо! Значит, утром ваш «лентяй» встает, завтракает и играет по вашей программе с такими же лентяями, как и он сам, в футбол. Вспотев, как загнанные лошади, они принимают за волейбол. Когда же у них начинают трещать руки, они решают отдохнуть, но к ужасу своему замечают, что скоро уже пора обедать, а «программа лентяя» далеко еще не выполнена. Волей-неволей приходится сыграть еще пару партий в лаун-теннис, затем попрыгать через веревку и козла, проделать гимнастику, проплыть несколько километров и покататься на лодках. Наскоро пообедав, они спешат прогуляться, а затем бегут толпой в кино, из кино — на концерт, с концерта — в театр...

Общий дружный хохот наградил оратора, а я лишь смущенно почесывал себе затылок... Тао же невозмутимо продолжал:

— Не выполненная часть программы остается на завтра. Несчастные «лентяи» встают с рассветом и принимаются за футбол...

Хохот усилился, и Тао пришлось повысить голос:

— ...и происходит принципиально то же самое, но с

рядом технических изменений, потому что «удовольствий» на свете много. Так проходит еще один день, два, три, четыре, пять...

Хохот еще более усилился, а Тао продолжал считать:

— ...девять, десять, двадцать, тридцать, год, два, три... Но сколько же времени, наконец, может эта нелепица продолжаться? Желали ли бы вы для себя полную подобных «удовольствий» жизнь? Скажите сами, не прямой ли это путь для умственно-развитых существ в психиатрическую лечебницу?

Хотя я и был разбит наголову, но, когда взрыв хохота улегся, я схватился за последнюю соломинку:

— Ну а если он будет исключительно заниматься науками, не производя общественно-полезных продуктов и существуя, таким образом, за счет чужих трудов?!

— О, это очень хорошо! — одобрительно ответил Тао. — Многие так и поступают — нам нужны ученые. Благодаря им, норма общественно-полезной работы сократилась до одной десятой части суток на долю единичного ийю, и вся жизнь на Айю превратилась в благоденствие. Творчество ученых и художников наиболее плодотворно, и они быстро проявляют его, ибо без творчества не может существовать ни одно разумное, здоровое существо: это биологический закон. Кроме того, нам необходимы в большом количестве ученые преподаватели и воспитатели детей и юношества. Пусть себе на здоровье учатся — общество не нуждается в их технической работе! Такие приносят еще большую пользу, и все их уважают.

Теперь Тао окончательно уничтожил меня, и я воскликнул:

— В таком случае, у вас — рай, а сами вы — боги!

Афи нажала одну из боковых кнопок...

— Отнюдь нет, — спокойно ответил он. — Чтобы войти в этот «рай», не было необходимости сделаться самим богами: для этого оказалось достаточным уничтожить лишь богов буржуазии.

— Да, — заговорил молчавший до сих пор профессор, — в музее мы убедились, что вы не с неба таким упали и не фальшивые буржуазные боги ввели вас в

этот поистине «земной рай»: вы купили его не легкой ценой молитв, но кровью и героической борьбой ваших предков. А вы, — строго сказал он, повернувшись в мою сторону, — перестаньте спорить! Задавая элементарные вопросы, вы только утомляете профессора Тао, и смешите своей наивностью слушателей. Эти идеи известны даже на Земле, и вы сможете прочесть о них в десятках популярных книжек: в моей библиотеке есть подобная литература. Здесь же мы можем только спрашивать о существующем положении, а не вступать в дискуссии: факты сами говорят за себя!

Обед окончился, и все встали со своих мест.

— Мне хотелось бы, — обратился профессор к Афи, выходя наружу, — осмотреть кухню и способы приготовления пищи.

— Прекрасно, войдите в снаряд.

Яхта поднялась на коническую крышу столовой. Вся ее поверхность была покрыта десятками выпуклых кругов, представлявших собой механически открывающиеся крышки. Афи нажала одну из боковых кнопок, вследствие чего ближайшая крышка поднялась, образовав нечто вроде колодца. Заглянув вовнутрь, мы увидели на дне его массу крупных розовых овощей, напоминавших собою картофель.

— Через все эти отверстия, — объясняла Афи, — выгружаются по сортам привезенные на склад продукты и предметы. Сейчас вы увидите.

С этими словами она подвела нас к центру крыши и открыла большой люк с неглубоким плоским дном, на которое все мы и стали. Нажим кнопки — дно опустилось, крышка захлопнулась, и мы очутились в колоссальном зале. На его пол опускались из всех отверстий крыши прозрачные колонны, наполненные всевозможными молочными продуктами, яйцами, овощами,

фруктами, маслами, посудой и рядом других известных нам предметов и веществ. Внутренние стены большинства колонн омывались водой, причем продукты медленно спускались вниз.

— Куда они поступают? — спросил я.

— На кухню. А это, — сказала Афи, указав рукой на воду, — холодильная жидкость: каждый продукт содержится в соответствующей температуре, предохраняющей его от гниения. Едем дальше.

Еще один нажим на кнопки, и мы опустились в следующий этаж, повиснув на своей площадке под потолком в воздухе. Со всех сторон доносилось едва уловимое, легкое жужжание.

— А теперь — смотрите вниз.

Я ожидал увидеть усовершенствованную кухню с массой поваров в белых колпаках и халатах, вытяжные навесы над плитами, тщательно поглощающие пары вентиляторы и прочее кухонное оборудование. Но ничего подобного там не оказалось. Вместо этого, мы увидели такой же огромный и очень светлый зал с рядом находившихся на полу круглых отверстий, уходящих куда-то вглубь. Десятки закрытых блестящих машин принимали из прозрачных колонн продукты и сообщались между собой снизу и сверху двумя густыми сетями конвейеров.

Вместо же поваров в колпаках и халатах, по залу разгуливало трое ийю в универсальном облачении, т. е. в чешуе, как и все мы.

Время от времени они приходили к распределительным доскам, на которых поворачивали различные рычажки и рукоятки.

Здесь было настолько тихо, спокойно и светло, что все это совершенно не походило не только на кухню,

но даже и на фабрику. Не заметно было никаких трансмиссий, ремней или приводов, и абсолютно не чувствовалось ни малейшего запаха или присущей кухне жары. На досках загорались зеленые кружки, и в отверстиях пола появлялись знакомые нам крышки столов с пустыми тарелками и блюдами. Крышки поднимались несколько выше уровня пола, и их края опускались, вследствие чего вся посуда немедленно сползала на конвейеры и уносилась в ряд специальных машин. Разгрузившись, крышки выпрямлялись и опять сравнивались с полом. Тихо скользя на конвейерах, подкатывались к ним со всех сторон из разных машин тарелки, ножи, вилки, ложки, бутылки, хлеб, плоды и полные вазы и блюда. С помощью остроумных приспособлений все это немедленно и без единого звука размещалось по своим местам, опускалось вниз, и зеленые огоньки угасали. Машины убирали грязную посуду, мыли тарелки, приборы, фрукты и овощи, очищали их от шелухи, изящно резали на части, передавали друг другу полуфабрикаты для дальнейшей обработки, варили и жарили, нагружали блюда различными яствами, разливали суп по вазам и, наконец, накрывали на стол. Каждая машина выпускала определенный вид производственного ассортимента или же выполняла одну законченную функцию.

Хотя мы с профессором и успели уже кой к чему привыкнуть на чудесной Айю, но эта удивительная «кухня», если можно так выразиться, привела нас в совершенный восторг. Не проронив ни слова, мы долго любовались со своей площадки этим стройным и сложным механическим миром, наблюдая, как разнообразнейшие продукты, посуда и готовые блюда ловко сновали между машинами, разгуливая в два этажа на

конвейерных змейках по всему огромному помещению. Виденное походило более на наборную машину линотип, чем на кухню, а «повара» — на наборщиков, с той лишь разницей, что они преспокойно прохаживались по залу, ничего не делая: все набиралось и разбиралось совершенно автоматически и притом быстро и бесшумно. Воздух благоухал, и вместо обычных говора, гама, лязга посуды и шипения котлов и сковород, здесь царила полнейшая тишина. Первым прервал молчание профессор.

— Ну и кухня!.. — пробормотал он. — Что вы на это скажете, Брайт? А?

— М-да... — промычал я, не найдя более подходящего ответа.

— Все это, в достаточной мере, замечательно, — продолжал он, — но одно маленькое обстоятельство ставит меня совершенно в тупик. Посмотрите хорошо на машины и постарайтесь угадать.

— Отсутствие приводов и трансмиссий, — сказал я.

— Нет, с этим мы уже теоретически знакомы — беспроволочная подача энергии в каждую машину отдельно.

Я подумал с минуту, но не мог угадать.

— Отсутствие вытяжных труб! — воскликнул он. — Мы не видели таковых на крыше, их нет также и здесь. Известно, что ийю не пользуются ни каменным углем, ни газом. Допустим, что они получают тепло электрическим путем. Но, ведь, варка пищи и масел должна же дать испарения и угар? А тут — никаких вытяжек и ни малейшего запаха! В чем дело, Афи?

— Ни труб, ни вытяжек более не существует. Дело обстоит гораздо проще, чем вы думаете: все испарения и угар химически поглощаются внутри машин.

Профессор хлопнул себя пальцами по лбу.

— Мы должны сами догадаться, чорт побери, но все эти фокусы лишили нас способности соображать!

— А каким образом добывается тепло? — спросил я.

— Путем распада атомов, как и все виды энергии на Айю.

— Мне не понятна еще одна вещь: на кухне обычно жара, а здесь прохладнее, чем на улице. Даже машины, по-видимому, не нагреты.

— Тепло концентрируется только в тех закрытых духовках, где готовится пища, все же прочие тепловые излучения тщательно поглощаются холодильниками, которые в состоянии понизить температуру почти до абсолютного нуля.

— На чем же основан принцип их действия?

— Это очень сложная физико-химическая штука. Спросите профессора Кайя, он объяснит это лучше меня.

— Сколько ийо посещают в течение дня столовую?

— Несколько тысяч.

— А сколько здесь обслуживающего персонала?

— Не более четырех ийо одновременно.

Мы переглянулись и улыбнулись.

— Но я не вижу никаких термометров и прочих приборов, — сказал профессор. — Разве не нужно регулировать температуру варки пищи?

— Нет, машины настроены определенным образом, и все здесь делается, как вы видите, совершенно автоматически. Окончив какое-нибудь блюдо, посетители нажимают внизу кнопку, крышка стола поднимается, и остальное происходит уже само собой. Персонал же регулирует только темп работы машин и количество производства в зависимости от числа обедающих. Машины не могут пока еще знать, сколько внизу посетителей, но я думаю, что со временем будет и это.

Мы спустились в зал, и «повара» показали нам отдельные части машин, их холодильники и замечательное внутреннее устройство. Затем они открыли топки, которые обдали нас невыносимым жаром. Совершенно восхищенные, мы вернулись на крышу, сели в яхту и помчались дальше.

— После волшебной кухни было бы сейчас уместно осмотреть некоторые заводы, — предложил я.

— Прекрасно, — сказал профессор. — Так и сделаем. В связи же с кухней остается только выяснить причины вегетарианского питания.

— Вы уже давно угадали их, — ответила Афи. — Строго говоря, мы не вегетарианцы, потому что, как вы видели, употребляем в пищу молочные продукты и яйца — мы не кушаем только мяса и рыбы. Во-первых, из гигиенических соображений: мясо тяжело переваривается, быстро разлагается, засоряет организм и перегружает желудок, сердце и почки. С тех пор, как ийо отказались от мяса, они стало значительно бодрее, здоровее и выносливее. Кроме того, увеличилась продолжительность жизни.

— Сколько лет, между прочим, ийо живут?

— До ста двадцати. В среднем, около ста десяти, в то время как в древние эпохи эксплуатации средний возраст рабочего равнялся сорока пяти годам, и лишь немногие доживали до шестидесяти пяти лет.

— А какова у вас смертность среди детей?

— Очень незначительная. Мы рассматриваем эти случаи как исключения. Прежде более половины всех детей умирало в возрасте до четырех лет, в особенности среди рабочих. Причины здесь в основном, конечно, социально-экономического характера, но не меньшую роль сыграло также и вегетарианство, если принять во внимание, что детская смертность процветала,

главным образом, на почве желудочных заболеваний. Недоброкачественное мясо опасно, а рыба — ядовита, гнилым же плодом, овощем или молочным продуктом вы никогда не отравитесь. Испорченное молоко, например, дает сметану и простоквашу. С отказом от рыбы и мяса у нас совершенно исчезли некоторые болезни, например тиф. Кроме того, мы стали иммунны по отношению к туберкулезу и всякого рода лихорадкам. Это — первая причина. Во-вторых, мы совершенно не нуждаемся в мясе благодаря нашей легкой работе, гигиеническим условиям жизни и теплему климату. И наконец, третья причина — чисто этическая. При нашем эстетическом развитии мы считаем отвратительным как убой животных, так и поедание их трупов и крови. Подумайте сами, как бы это выглядело при всей той красоте, художественности, гармонии и всеобщем счастье, которые вы нашли на Айю! Бойня и стоны несчастных животных были бы здесь резким диссонансом.

— Но в таком случае, — заметил я, — животные и звери размножатся до бесконечности и наводнят всю планету. На земном шаре люди съедают ежедневно миллионы свиней и быков, и все же их не становится меньше.

— Этого нам опасаться нечего. Путем безболезненных прививок и особого питания мы научились, во-первых, выращивать любой пол. Таким образом, мы имеем девяносто девять процентов самок, дающих молоко и яйца. Во-вторых, мы повышаем их производительность почти до конца их жизни, и в-третьих, мы пресекаем излишнее размножение животных тем же путем особого питания и аналогичных прививок самкам. Не считая удоя, они нигде на Айю не работают, ибо давно уже заменены машинами. Им здесь не хуже,

чем нам, потому что ийо любят своих животных и живут с ними в большой дружбе. Ну, вот мы и пришли на завод чешуи.

Завод этот, так же как ряд других производств, которые мы посетили, уже более не удивляли нас. Они немногим отличались от кухни: все эти огромные помещения были залиты солнечным светом, и всюду господствовали та же тишина, чистота и спокойствие. Ремни, трансмиссии, приводы, запахи и пр. заводские атрибуты, как и на кухне, полностью отсутствовали. Машины были всюду закрыты, что делалось, как нам объяснили, в целях безопасности, тишины и гигиены. С земной точки зрения все это походило, скорее, на выставки и музеи, нежели на заводы. Производство, протекало, конечно, совершенно автоматически, включая также и очистку машин, в которые вливались для этого какие-то жидкости, растекавшиеся, как по кровеносной системе, по всем их частям. Рабочие празднично разгуливали по залам, поворачивая изредка рычаги на распределительных досках. Кроме «рабочих», мы заметили на всех заводах группы молодых ийо. Они открывали машины, что-то внутри рассматривали и крутили. Глядя на все это, мы только улыбались. Двери заводов были открыты и вовсе не имели замков.

— Здесь, Брайт, — заметил, смеясь, профессор, — «вход посторонним лицам» не запрещается!

— Нигде и никому на Айю, — гордо заявила Афи, — вход не может быть никуда запрещен! Это было только в эпоху эксплуатации труда насильственно поработанных. Теперь же двери всех дворцов труда открыты, и кто хочет, пусть придет и работает!

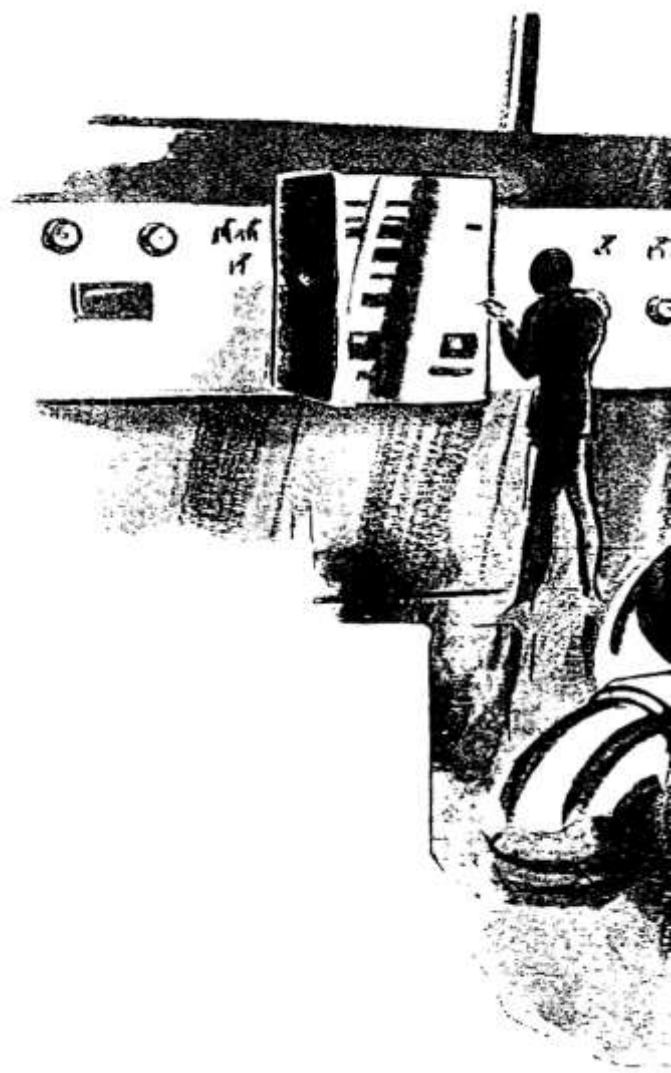
— А бывает, что в какой-либо день случайно никто не придет?

— Вы опять начинаете ваши штуки! — строго оборвал меня профессор.

— Я вам задам! — сказала Афи...

— Сейчас я вам задам! — пригрозила Афи. — Разве вы не заметили на заводах десятков ийю, которые осматривают машины? Это — «безработные», они ходят и выдумывают, что бы такое изобрести. В связи с этим в нашей истории наступает новая эпоха — «междупланетная», как ее называет Тао: ийю начинают путешествовать по другим планетам с целью их заселения и организации культурной жизни там, где ее еще нет. Но это не будет, конечно, империалистической «культурой» захвата колоний и угнетения отсталых народов. Ближайшей же задачей является помощь

— Я вам радаю!— сказала Афи...

населению Юйви в деле организации строя, аналогичного нашему. Вы удивлялись, как охотно мы оказываем вам гостеприимство и «бесплатно» снабжаем вас всем. Вы считали, что это ложится на кого-то бременем и что вы живете здесь, таким образом, за счет чужих трудов. Не так ли?!

— Да, мы полагали так раньше.

— Ну вот. Теперь же вы видите, что нам гораздо проще «даром» кормить вас, нежели дать вам работу. Если бы вы вздумали «отработать» то, что вы нам «стоите», иио принуждены были ответить: Пока вы скромно вели себя здесь, т. е. только ели, пили, спали и гуляли, мы были вполне довольны вами, но когда вы начинаете предъявлять нам нелепые требования, мы принуждены, к сожалению, предложить вам улететь домой и работать там, сколько угодно: нам не нужно таких.

Мы удивленно переглянулись и расхохотались. Для наших отсталых и некультурных земных понятий это звучало необыкновенно и дико...

— Наше счастье, Брайт, — пробормотал профессор, — что мы не вздумали платить или же попытаться самим прокормить себя — нас немедленно выставили бы отсюда.

— На Земле как раз наоборот, — сказал я, — вас терпят до тех пор, пока вы нужны, причем дешевые работники всюду желанны. Те же, которые не могут получить работу, обречены на голодную смерть...

— Знаю, все хорошо знаю! — прервала меня Афи. — И у нас был подобный нелепый, возмутительный строй. Несмотря на объяснения величайшего авторитета Тао, я все же не могу понять, почему наши предки в течение тысячелетий терпели на своей шее вампи-

ров! Неужели же они не понимали этого? Ведь угнетенных было подавляющее большинство, и для того, чтобы свергнуть угнетателей, достаточно было только объединиться! Во всяком случае, современное положение на Айю является прекрасной агитацией для этого!

— Я не считаю себя сагитированным, — сказал я. — Я просто просвещен. На Земле есть большая революционная литература, которую я намеревался было сначала читать, но теперь необходимости в этом уже более нет: то, что мы видим здесь, говорит больше книг. Вопрос совершенно ясен, и по возвращении на Землю я решил вступить в английскую коммунистическую партию.

— И прекрасно! Возникновение коммунистических партий, считает Тао, знаменует начало новой эпохи: никакой капиталистический строй, как бы жизнеспособен он внешне ни казался, не в состоянии противостоять им, и, кроме того, он таит в себе причины своего собственного разложения и упадка. Самым характерным доказательством являются войны, без которых кровавая империалистическая буржуазия не может существовать, хотя и понимает, что в этом — ее гибель и полная смерть.

— У меня есть один... несколько щепетильный вопрос... — замялся профессор.

— У ийо не существует щепетильностей.

— Прекрасно, тогда я спрошу прямо: почему вы совершенно не стесняетесь наготы? Вы побороли ложный стыд или же вам вообще не известно это чувство?..

— Ни то, ни другое: оно существовало, и было до революции сильно развито; но, несмотря на это, процветали, однако, баснословный, утонченный разврат, половые болезни и чудовищная проституция. Все это

— логические и органические украшения капиталистического строя.

— Я говорил вам! — воскликнул профессор, обернувшись в мою сторону.

— То же самое происходит и на Юйви и умрет только вместе со старым строем. Наиболее лицемерная часть буржуазных предков ийо организовывала благотворительные общества борьбы с проституцией, которая лишь увеличивалась от этого. Как показал исторический опыт, никакие средства не в состоянии искоренить ее, пока существуют деньги, богатство и голод. Наше же «бесстыдство» имеет чисто историческое происхождение. Вы уже видели в музее, какой жалкий вид имело несчастное, нищее ийо после войны и революции: города были разрушены, и здания превратились в развалины, так что только в немногих из них можно было жить, да и то с риском для жизни — они ежеминутно грозили обвалом. Толпы оборванных ийо ютились среди груд камней, на полях и в лесах, а кругом валялись бесконечные трупы и кости и безгранично царили горе и стон. Вы понимаете, что сентиментальности, жеманству и щепетильности в этой обстановке не было места. К тому же прибавьте еще окончательно обветшавшую вскоре одежду, которая превратилась в лохмотья и едва прикрывала тело. А позднее уже и совершенно не во что было одеваться... Несчастье. Нужда и отчаянная борьба за существование связали и породнили всех. Не до глупостей и ложного стыда тут было, когда болезни и лишения косили по порядку детей и уносили в могилу половину взрослых. Так началось наше «бесстыдство», вошедшее вскоре в обычай. Родившееся и выросшее в нищенских условиях новое поколение уже совершенно лишено было чувства **этой** стыдливости; а процесс развития коммуни-

стического общества создал новую мораль: постыдно не нагое тело, но антиобщественные поступки и кража чужого труда. Вот и все. Мне даже странно теперь, что это могло быть когда-то иначе.

— Приветствую! — сказал профессор. — Хотя и непривычно для нас, но все же я принципиально вполне согласен с этим. Теперь скажите, как обстоял и обстоит у вас при данном строе вопрос различия языков.

— Очень просто, потому, что языком, как вы заметили, мы мало пользуемся, но все же до войны существовали сотни наречий. После революции начался период их смешения, который продолжается и до сих пор. Можно сказать, что в настоящее время на Айю почти что один общий язык, представляющий собой в большей или меньшей степени комбинацию и жаргон всех прежних.

— Нечто вроде английского, — заметил профессор, — который является смесью немецкого, французского, фламандского, кельтского и других.

— Таким образом, — продолжала Афи, — еще через несколько сот лет остатки различий, несомненно, сгладятся, и язык ийо станет абсолютно единым. Процесс этот протекает радикально под влиянием смешанных браков и средств транспорта и идет параллельно со смешением рас.

— Как вы полагаете, — обратился я к профессору, — является ли также и на Земле ужасная всеразрушающая война необходимой предпосылкой всеобщей революции, как это было на Айю?

— Нет, я думаю, что возможны и другие пути. То, что произошло на Айю, следует принять, как исторический факт, но не делать из этого обобщающего исторического закона.

— Как вы себе практически мыслите это?

— Например, чересчур агрессивная политика буржуазии по отношению к пролетариату или экономический кризис, который рано или поздно, но непременно настанет. Это — комета капиталистической системы, которая, как ее верный спутник, периодически возвращается к ней. Коммунистические партии на земном шаре стихийно растут, и Коминтерн крепнет. Поэтому я считаю, что при первом же достаточно сильном щелчке по больному капиталистическому организму припадок может окончиться роковой апоплексией: вспыхнет революция. Это произойдет еще не теперь, но в том, что это произойдет вообще и притом в ближайшие десятилетия, я совершенно уверен. Таким образом, революция может миновать войну.

— Вполне возможно, — согласилась Афи с мнением профессора. — Кроме того, народы Земли могут использовать опыт ийю и не допустить нелепую, кровавую бойню и истребление трудящимися самих себя.

22. Дворцы воспитания

На следующее утро я встал рано, чтобы систематизировать полученную вчера массу сведений: я вел по поручению профессора «дневник экспедиции», усердно и тщательно записывая, все то, что мы видели и слышали за день. Сам же профессор взял на себя научную часть, и я был уверен, что по возвращении на Землю он выпустит ряд ценных ученых трудов. Кроме того, мы регулярно вели земной календарь, принимая каждые отсчитанные по хронометру 24 часа за сутки.

Едва мы закончили свою работу, как явилась Афи с молодежью.

— А, земные джентльмены, — сказала она, по обыкновению, смеясь, — не угодно ли [*так в журнале — фраза не окончена*].

— С удовольствием!

Мы тотчас же сели в яхту, и минут через пять опустились в лесу около нескольких круглых зданий. Живописно расположенные на поляне, они утопали в цветах и богатой тропической зелени. А кругом — кругом вся местность, лес и кусты кишели сотнями весело щебетавших ребятишек, перекликавшихся между собой мелодичными звуками языка сатурнитов. На них были только блестящие туфли. Я крикнул им: *й-и!* — и они тотчас же сбегались, со всех сторон окружили нас и стройным хором пропели — *у-ва́-у!* Профессор взял самого маленького на руки и посадил его на дерево. Малютка сорвал несколько крупных ягод и бросил нам в руки.

Мы вошли в помещение. Первое, что нас поразило, была гигиеническая сторона дела. Назвать это просто «чистой» было бы недостаточно. Здесь не могло быть даже и пыли. Лес, максимальная вентиляция прозрачных, залитых светом помещений, отсутствие орнаментов, — карнизов, углов, постельного и нательного белья и тому подобных материй, а также отсутствие в этой местности проезжих дорог уничтожили возможность какого бы то ни было загрязнения.

Сначала мы попали в огромный муравейник маленьких и грудных детей. Одни сидели на руках у многочисленных воспитательниц, другие шевелились на постельках, а третьи кучами ползали по полу. Пол, постели и ряд других приспособлений не походили на наши земные, представляя собой совершенство удобства, практичности и безопасности. Отрадно и забавно было наблюдать эту картину с балкона, на который нас

привели. Тут же находилась зелень и небольшие огороженные бассейны с теплой проточной «всеочищающей» водой, где детей дважды в день купали.

— Кто эти воспитательницы и мамы, — спросил профессор.

— Женщины, интересующиеся детьми, и многие матери этих детей.

— Как же они узнают и находят своих детей? Ведь, в этой массе нетрудно потерять или перепутать их!

— Бывают и такие случаи, — смеясь, ответила Афи, — но при нашем строе это не имеет значения. Даже в «детском вопросе» мы прогрессируем по линии от частной к общественной собственности. Эти женщины, которых вы здесь видите, любят ребят вообще — как своих, так и чужих. Индивидуальное чувство заменяется у нас понемногу общественным.

— Какие горизонты эволюции раскрывает революционизированное, коммунистическое общество, Брайт! То, что сейчас сказала Афи, понятно мне и вам, потому что мы уже многое успели видеть и слышать на Айю. Нам это не кажется уже более какой-то невозможной и «бессмысленной утопией», но попробуйте заговорить об этом где-либо на Земле: вас высмеют!

— Вполне естественно, — ответил я, — ибо наше общество зиждется на более или менее сознательном или подсознательном эгоизме. «Хорошая» земная мать не в состоянии представить себе, как можно поручить уход за своим «собственным» ребенком «чужой» женщине, которая сделает это, конечно, за плату. Быть может, она вовсе не умеет и не хочет этим заниматься, но ей нужны деньги.

— Совершенно верно. Наше несчастье заключается в экономически закрепощенном труде, здесь же всеми руководит не голод и палка, а призвание и любовь к

данному роду деятельности. Что может быть лучше этого? Земные социальные «методы» давно провалились, но люди — одни по глупости и несознательности, а другие из эгоизма и подлости — продолжают упорствовать. И не помогают им ни суды, ни кодексы законов, полиция, тюрьмы, контроль, штрафы и другие формы насильственного внедрения на Земле добродетели. Хотя это и дает, как будто, некоторый эффект, но существующий на почве угрозы внешний порядок еще более подчеркивает непрочность, малоценность и несостоятельность буржуазного строя. При малейшем экономическом кризисе его необходимо поддерживать с помощью пулеметов, в то время как религия, церковь и гуманитарная литература лицемерно вопят о морали. Будучи здесь, я особенно сильно и ясно ощущаю, как это все мерзко, дико, смешно и нелепо.

Пока мы стояли на балконе и беседовали, снизу доносился тысячеголосый писк.

— Обратите, однако, внимание, — сказал профессор, — как весело ребяташки возятся, причем никто из них не плачет. На этой сотканной из радости планете дети рождаются, очевидно, уже счастливыми.

Афи улыбнулась.

— Да, это так, — сказала она. — Большинство из них находится в этих Дворцах воспитания, которыми Айю изобилует, чуть ли не со дня рождения. Но это не обязательно — родители могут держать их и при себе. Характерно для нашего строя то, что помещение детей в эти «пансионы» совершенно не носит того трагического характера, как это было в буржуазном обществе. Наоборот, все они с величайшей радостью идут туда!

Дворец представлял собой маленькую коммуны — *статус ин статус*. Мы обошли ряд аудиторий, мастерских, художественных ателье, лабораторий, кабинетов,

спортивных площадок; посетили музей, ботаническую и зоологическую коллекцию, аквариум, присутствовали на занятиях, играх. Грандиозность масштаба и универсальность этого «молодого коммунистического общества» уже сами по себе производили достаточно сильное впечатление, но самым поразительным была та неограниченная свобода, которою пользовались все члены коммуны без различия возраста. Дети остаются там приблизительно до пятнадцати лет, но могут уйти, когда им угодно, и делать все, что угодно. С учебой их не торопят, учиться никого не заставляют, уроков не задают, экзаменов нет, наказаний не существует, т. е. полное отсутствие дисциплины!

Все это было слишком непривычно. Я с недоумением оглядывался кругом, оглядывался на этот чуждый и не понятный мне мир, чувствуя себя дикарем, попавшим сюда из века кулачной расправы. А кругом все шумело, сверкало и давило своим великолепием, и в тысячах существ ключом была молодая жизнь, бурно кипевшая радость бытия.

Я вопросительно взглянул на красавицу Афи — высокую, блестящую, прекрасную. Ее темные, глубокие глаза улыбались с едва уловимым налетом иронии.

— Я вижу, — сказала она, — что у Брайта назревает вопрос о лентяях и бездельниках, которых необходимо сечь. Так знайте же, что на всей Айю нет ни одного ийю, который не прошел бы добровольно среднего курса наук и не специализировался бы в одной и более областях. Это называлось прежде «высшим образованием». Ребенок интересуется окружающим его миром, потому что каждому разумному существу, когда оно начинает сознательно жить, свойственна жажда знания. Наше преподавание и воспитание основаны на принципе удовлетворения этой жажды и посвящения

в устройство природы. В дореволюционных же школах все это калечилось режимом и тотчас же убивалось, как только начиналась палка обязательности. У нас нет установленного курса наук, который должен был бы быть пройден в определенный срок, и нет поэтому в школе классов. Мы не втискиваем учеников в рамки программы, как это было раньше, но даем им возможность самим входить в разные области, и притом постольку, поскольку это соответствует уровню развития и умственным запросам в данный момент.

Нас окружила группа юношей и девушек. С любопытством оглядывая нас, они внимательно прислушивались к английской речи Афи.

— Смотрите, — продолжала она, указав на них, — вот вам группа, образованная, как и все прочие, путем совершенно естественного и свободного отбора, — это вместо прежних классов. Каждый ребенок может посещать или не посещать любую группу, но он идет, конечно, туда, где ему понятнее и, тем самым, интереснее. Мы убеждены, что искусное преподавание делает все области в одинаковой мере интересными.

— А бывают... лентяи? — робко спросил я.

— Да, но мы совершенно не рассматриваем их как таковых. Случается, что ребенок несколько и даже много дней не посещает занятий. Значит, он устал, не чувствует в данный период к этому влечения или же занят чем-нибудь другим. Никто его не контролирует и не принуждает. Опыт показал, что подобные дети при нашей свободной школе не только не отстают от своих товарищей, но и перегоняют их впоследствии. «Отгуляв» свое время и освежившись, временные «бездельники» с утроенной энергией приступают к учебе и гигантским темпом идут вперед. Скажу вам даже больше: как правило, все дети неаккуратно посе-

щают занятия, но, несмотря на это, все они успевают — и притом в гораздо большей и лучшей степени — пройти в течение семи лет то, на что раньше тратилось более десяти, потому что жизнь у нас легка и радостна, а учиться интересно. И здоровье учащихся при этой системе совершенно не страдает, а если бы вы знали, как дело обстояло прежде!

— Мы знаем, — сказал профессор, — бледных и болезненных детей в школах Земли, уроки, задания, наказания, экзамены, зубрежку...

— Ничего подобного у нас, конечно, не существует. Мы преподаем только методику упражнений и усвоения, а уроки учащиеся могут задавать себе сами. Роль преподавателя сводится к собеседованиям в лабораториях, музеях, университетах и самой природе. При этом он отвечает на все вопросы и столько раз повторяет одну и ту же тему, сколько ученики требуют. Но, благодаря их внимательному отношению и интересу, ему никогда не приходится делать этого для одних и тех же лиц более двух раз. Этому не мало способствует также весьма развитое групповое, товарищеское самообучение: более сильные помогают слабым, спрашивают и советуются друг с другом и вместе занимаются. Достигнув пятнадцатилетнего возраста, молодым уже нечего более в школе делать, и они перестают понемногу посещать ее.

— Куда же они деваются? — спросил я.

Все улыбнулись.

— Вы все еще не освоились с коммунизмом, и поэтому ваша постановка вопроса в корне неправильна. Они никуда не деваются, а просто живут и наслаждаются бытием. Питаются они в любой столовой и занимают любое свободное помещение, которое могут менять, сколько им угодно. Помещений у нас достаточно,

когда же их становится мало, инициативные группы ийо организуют постройку новых. Обращаю внимание на то, что уход из современных школ не носит характера «окончания» в прежние времена. Тогда юношество вырывалось как бы из тюрьмы на свободу, в настоящую же эпоху оно так же свободно и в школах.

— Что же они все-таки делают?

— Как, что? То же, что и все мы, т. е. занимаются науками, искусствами, исследованием природы и частично исполняют общественные обязанности, которых, кстати, очень немного.

— А не стала ли жизнь для широких масс скучной при такой незначительной рабочей нагрузке? — спросил профессор.

Наши провожатые рассмеялись.

— Вопреки проповедям древних буржуазно-религиозных приспешников мы считаем, что ийо создано природой вовсе не для того, чтобы работать. Тяжелая работа при капитализме была лишь неизбежным злом, и только в последние столетия мы познали в полной мере радость бытия. В дореволюционный же период, т. е. при прежнем строе и состоянии науки и культуры ийо имело лишь слабое представление о том, насколько прекрасны, богаты и разнообразны природа и жизнь!

— Но мы уже знаем, — пробормотал профессор, — как прекрасны ваша планета и общественный строй.

Оживленно беседуя с Афи и с ее помощью, с прочими бывшими с нами ийо, педагогами и юношами, мы неутомимо ходили, осматривали, изучали. Десятки раз поднимались мы на лифтах и забирались во все уголки, с неослабевающим интересом наблюдая сложную,

но вместе с тем и такую простую жизнь коммуны. Дети сами всюду водили нас и все охотно показывали. Я продолжал размышлять над великой проблемой труда, которая потеряла на Айю не только свою остроту, но и реальность, превратилась в какой-то миф, приняла сказочно чудесные, невероятные формы. На меня — человека Земли, объятый кровавой борьбой поработанных, — это производило давящее впечатление — ощущение, испытываемое, когда мы сталкиваемся с неуловимым и непостижимым, но великим явлением. И я обратился к Афи с вопросом.

— Но как же у вас все-таки находят работу, т. е. эти самые... «общественные обязанности», когда кончают, т. е. не кончают, а... гм... уходят из школы?

— Как? Очень просто. Во всех столовых, как в наиболее посещаемых местах, имеется так называемое у вас радио, при помощи которого в числе прочих сообщений объявляется, что там-то требуются работники. Запросы исходят от производственных центров и инициативных групп ийю, организующих какое-либо предприятие или постройку. На долю каждого ийю, как вам уже известно, падает, в среднем, часть общественных обязанностей, выполняемая в течение одной десятой части суток. Но, в общем, работы у нас мало, потому что многие «жадные» ийю работают больше. Я уже призналась вам, что и у нас... «безработица», — иронически прибавила Афи.

— Но у вас, — порывисто воскликнул я, — работа не есть борьба за существование и насущный хлеб, безработные не умирают с голода, у вас нет эксплуатации труда, при которой выжимают из людей соки за счет безделья бесящейся с жиру буржуазии, у вас нет ютящихся в подвалах больных детей! У вас идеальное об-

щественное устройство, о котором едва ли смеет мечтать на Земле страждущее человечество!

— Да, идеальное, — спокойно ответила Афи. — Мы знаем и сознаем это, мы счастливы и ценим это, мы чувствуем и гордимся этим. Поэтому мы хотим помочь другим и защитить наших страдающих соседей. На вопрос Брайта о возможном запрещении со стороны общества военной экспедиции на Юйви Тао дал вчера лишь теоретический ответ. Практически же дело обстоит еще проще, и теперь вы уже в полной мере поймете это: все ийю, как один, за эту экспедицию, и никто не только не может, но и не захотел бы протестовать против нее. Объясняется это не узостью, рутиной или штампованностью наших взглядов, но тем, что все мы представляем собой одно монолитное общество. Всякая мораль определяется эпохой и характером данного социального класса. Наша же эпоха характеризуется высоким культурным развитием, и, так как мы представляем собою один лишь общественный класс, мораль у всех нас едина. Множественность форм морали и притом несовершенных может существовать лишь при буржуазном строе, ввиду наличия многих классов, интересы которых сталкиваются и противоречат друг другу. Поэтому совершенная мораль, с нашей точки зрения, — это такое мировоззрение, при котором все члены универсального общества могут быть в максимальной и одинаковой мере счастливы. Все мы живем в масштабе планеты, как одна семья, и если вы зададите тысячам ийю тысячи вопросов из области морали и мировоззрения, то получите от всех них один и тот же ответ. Я хочу вам продемонстрировать это. Задавайте молодежи вопросы, только ясно формулируйте в голове свои мысли. Я буду переводить их ответы.

— Не надо! — воскликнул я. — Разве можем мы — ничтожные люди — подвергать ваши слова сомнению?

— Дело, конечно, не в сомнении, — возразил профессор. — Я просто с удовольствием побеседую с молодежью. Готовы ли вы с опасностью для жизни помочь пролетариату Юйви? — спросил он их.

— И-и! — одновременно пропели все хором (знак одобрения, да).

— Какими способами могут люди добиться на Земле коммунизма?

— Путем революции.

— А не возможны ли соглашение и парламентаризм?

— Ни в коем случае!

— Что такое личность?

— Часть общества.

— А коммуна?

— Общее пользование всеми благами жизни.

— Кто может создать коммунистический строй?

— Только сами трудящиеся.

— Что такое частная собственность?

— Общественное зло.

— Что бы вы сделали, если бы попали на Землю?

— Истребили бы угнетателей.

— Что такое зло?

— Войны и эксплуатация чужого труда.

— А скука?

— Один из тупиков буржуазного строя.

— А что такое буржуазный строй?

— Помимо мерзости — нелепейшее идиотство.

— Что такое мораль?

— Учение о всеобщем благе.

— А что такое труд?

— Радость творчества.

— Скажите вы теперь, Брайт, что такое труд?

— Неприятная обязанность и кормление дармоедов, чтобы самому не умереть с голоду, — ответил я.

Все рассмеялись.

— Да! — сказал профессор. — Взгляды ийо на вещи весьма своеобразны для наших земных понятий, и вся эта молодежь произносила в унисон хором одни и те же звуки. Я понимаю, конечно, что они отвечали так, как их учили и воспитывали в школах, но в этом-то именно и заключается великий секрет вашего общества: вы создали не только новый строй, но и воспитали новых людей, т. е. не людей, а ийо.

— Совершенно верно. Итак, вышедшие из школы ийо начинают организовывать новые фермы, обогащать музеи, строить здания и корабли; становятся учеными, артистами, музыкантами, художниками, писателями и т. д. Но это все еще ничего. К сожалению, находятся такие «бездельники», к удовлетворению Брайта, которые начинают... изобретать. Хуже всего то, что это делается из-за угла, и поэтому нет никакой возможности своевременно принять против них меры. Сидит себе какой-нибудь ийо в лаборатории или мастерской и учится, и никто его не трогает. Когда же он начинает там слишком долго засиживаться и рассеянно бродить, все начинают подозревать, что он задумал что-то недоброе... И действительно, через более или менее продолжительный срок разражается катастрофа: в один прекрасный день он выкидывает какую-нибудь штуку, в итоге которой «безработица» еще более увеличивается...

Тао поставил меня вчера, благодаря моему политическому невежеству, в глупое положение, а Афи реши-

ла доконать теперь иронией. Но я, конечно, не мог на нее обидеться и только рывкнул в восторге:

— Дай и нам побольше таких бездельников!

— Тише, Брайт! — остановил меня профессор. — Вы так орете, что ийю с их нежными ушами могут оглохнуть!

Они забросали нас плодами...

— Но, помилуйте, мистер Брукс! Как же здесь не выйти из себя и не закричать? Теперь я вижу, как глупы были все мои вопросы и опасения по поводу бездельников, лентяев и прочего. У них все совершенно иначе, чем у нас на Земле, — абсолютно все, но мои тупые человеческие мозги никак не могли себе этого представить!

— Дело не в том, что мозги человеческие, вы просто не дошли еще до этой эпохи, — ведь, и на Земле будет то же самое, — хладнокровно возразила Афи.

Третье солнце перешло уже свой зенит, когда осмотр Дворца воспитания был закончен. Провожаемые толпою маленьких коммунаров, мы двинулись к яхте, которую они забросали плодами. Под градом посыпавшихся со всех сторон ягод и громким хором «у-ва́-у!» мы взвились плавно вверх.

— Куда теперь? — спросила Афи.

— Теперь желательно было бы посетить какой-нибудь колледж, — сказал я, не подумав.

— Таковых не существует, на Айю только один тип школы, аналогичный виденной вами сейчас.

— А университеты?

— Университеты находятся на том же положении, что музеи и театры.

— А именно?

— Да, ведь, это же вытекает из предыдущего, — вмешался профессор. — Здесь нет, по-видимому, особой «касты» студентов, эквивалентной профессиям инженеров, музыкантов, бухгалтеров, сапожников и т. д. У нас на Земле надо специально «поступать» в университет, причем поступивший должен непременно оставить свои прежние занятия и стать исключительно студентом. У них же в университеты просто являются, притом, когда угодно и сколько угодно. Кроме

того, всякий может совмещать учебу с работой, которая длится всего лишь одну десятую часть суток, но может также, если хочет, только учиться и вовсе не работать: ведь никто и ничто его к этому не принуждает! Таким образом, на Айю нет студентов, как таковых. Так это на самом деле?

— Именно так, — подтвердила Афи, — вы правильно схватили принцип нашего строя.

Пролетая в этот момент над главным университетом, мы решили спуститься.

— Понятно, — сказал я, — но возникает следующий вопрос: как в таком случае обстоит дело с окончанием университета и оценкой способности данного лица нести ответственность за выполнение им той или иной работы? Ведь, без этого клиенты врачей будут умирать, мосты инженеров проваливаться и т. д.

— Для этого существуют, очевидно, какие-нибудь нормы и формы проверки, — решил профессор, вопросительно взглянув на Афи.

Она улыбнулась.

— Никаких. Вообще знайте, что на всей Айю не существует никаких видов экзаменов, ревизий, проверок, контролей и т. п.

— Тогда я не понимаю, — признался профессор, — в чем же заключается гарантия доброкачественности предметов производства и добросовестного выполнения работ.

Войдя в большой лекционный зал исторического отделения, мы застали Тао, окруженную группой учащихся. Приняв участие в нашей беседе, он ответил профессору:

— В характере и социально-психологических основах нашего строя. Несмотря на отсутствие универси-

тетских и профессиональных аттестатов, которыми, по-видимому, наводнена ваша Земля, как это некогда было и на Айю, наша продукция теперь совершеннее чем когда-либо прежде. Ваше недоумение вытекает часто из неправильной постановки вопросов и применения капиталистических мерил закрепощенного труда. В каком случае инженер мог построить плохой мост или же врач плохо лечить больных? Только тогда, когда он не умел, не хотел, не интересовался работой и т. д., но был принужден это делать с целью заработка. Что же принуждало его к этому? Во-первых, необходимость прокормить себя, а подчас и свою многочисленную семью; во-вторых, погоня за легким заработком при минимальной затрате энергии и, в-третьих, желание разбогатеть. Этим, кажется, исчерпываются все возможные причины, не правда ли?

— Да.

— Ну, вот. У нас же не существует экономического принуждения — это раз, необходимости заработать на хлеб — два, многочисленной семьи, которую нужно кормить, — три, и богатств — четыре. Мы все богаты, и никто не стремится к минимальной трате энергии за счет качества работы потому, что может и вовсе не тратить ее, а преспокойно лежать в садах-столовых, пока это не надоест ему. Когда же ийо принимается лечить и строить? Только тогда, когда он хочет и интересуется этим, и тогда, конечно, он уже всецело отдается своему делу. Вспомните, что я говорил вам о нашем отношении к деятельности.

— Но он может очень хотеть и интересоваться и все же не уметь! — заметил я.

— Это немедленно же выявится. Инженер строит мост не в одиночку, а в группе других ийо. То же самое и в отношении врачей. Кроме того, к плохому врачу

никто не станет обращаться. А разве прекрасные бумажные аттестации с печатями являлись при буржуазном строе доказательством умения, когда большинство ийо принуждено было заниматься тем, к чему у них не было ни способностей, ни охоты, ни призвания? Не только великий учитель опыт, но и примитивное рассуждение говорят нам о том, что освобожденный труд является неизмеримо большей гарантией добросовестного отношения к любой работе, нежели экономический нажим. Поэтому на Айю нет почвы для обмана, корысти, мошенничества и прочих украшений капиталистического храма. Всякая деятельность ийо есть искусство для искусства — ийо не работает, а творит! Вследствие этого у нас нет фактически плохих врачей, инженеров и т. п., они могут быть лишь более или менее учеными или искусными, причем каждый стремится к максимуму умения и знания.

— Изумительно, блестяще! — воскликнул профессор. — Буржуазно-бюрократический строй окончательно и бесповоротно разбит! Никаких сомнений принципиального, технического и психологического характера более не остается! Да здравствует всеобщая коммуна на Земле!

— У-ва́-у! — пропели все присутствующие.

— Да! — подхватил я восклицание профессора, вспомнив виденное на заводах и во Дворце воспитания. — Теперь я окончательно почувствовал, что политическая, экономическая и стоящая в связи с этим психологическая основы коммунистического строя являются наиреальнейшей гарантией доброкачественности работ и добросовестности выполнения взятых на себя отдельными членами общества обязательств!

23. Коммунизм и искусство

В течение второй половины дня мы посетили ряд ферм. Мы знали уже, что на Айю совершенно не было ни деревень, ни крестьян, и понимали социальные причины этого явления. Лица, занимавшиеся сельским хозяйством, представляли собой тот же единый тип населения, как и все прочие ийю. Они работали, конечно, не с целью добывания средств для личного существования, но, как выразился Тао, «из любви к искусству». Контраст между буржуазным и коммунистическим строем был особенно разительным и резким именно в этой области, так как на Земле крестьянство является самой отсталой частью общества: наши отдаленные первобытные предки, перейдя от кочевого к оседлому образу жизни, занялись земледелием как наиболее примитивной формой производства необходимых продуктов. Здесь же все без исключения ийю были высоко образованными и квалифицированными специалистами: агрономами, садоводами, лесоводами, животноводами и инженерами, управляющими огромным механизмом машинного и химического аппарата сельского хозяйства.

Профессор объяснил мне разницу между социализмом и коммунизмом, которая заключается в следующем: при первой общественной системе каждый пользуется предметами производства лишь соответственно затрачиваемому им полезному труду; коммуна же, не считаясь с пропорциональностью между работой и потреблением, удовлетворяет всех своих членов по потребностям, используя их труд по способностям. Коммунизм, таким образом, как дальнейшая стадия развития социализма, является высшей формой обще-

ственного строя. Мы поняли, что ийо оставили уже позади и этот социальный этап, достигнув абсолютного, как нам казалось, совершенства. Побуждением к работе при социализме все еще является личная экономическая необходимость, вытесненная в коммуне сознательностью и нравственным удовлетворением всех ее трудящихся членов. Ийо же превзошли этот идеал общественно-производственных взаимоотношений и работают именно из любви к искусству. Вся их деятельность является творчеством свободных художников: они соединили ставший наслаждением освобожденный труд и любовь к красоте и прогрессу в одну общую гармонию, при которой работа является неотъемлемой сущностью бытия. Таким образом, они дали миру идеальный, органический синтез общественности труда, науки и искусства. Вот почему нигде на Айю, как мы позднее убедились, не было технических работников как таковых: все творили, все созидали. Волна радости и трепет преклонения охватил нас, когда мы заглянули в эту глубину и в полной мере оценили потрясающее величие гения разума и бесконечность возможностей, открывающихся перед обществом разумных существ.

— Коммунизм, — сказал профессор, — есть не что иное, как углубленный социализм, но то, что мы застали здесь, является дальнейшей стадией усовершенствования общественного строя. Лозунгом социализма является — «каждому сообразно вложенному им полезному труду», а коммунизма — «с каждого по способностям и всем по потребностям»; принцип же политической системы ийо я сформулировал бы следующим образом: «свободное творчество при неограни-

ченном пользовании для всех всеми общественными благами».

— Совершенно верно! — согласилась Афи. — Так это именно и есть!

— Теперь мне окончательно ясно, — продолжал профессор, — почему Айю изобилует продуктами и изделиями, несмотря на отсутствие власти и экономического нажима. Не совсем понятен только непомерно короткий рабочий день. Я сделал приблизительный подсчет, сравнив затрачиваемую обществом энергию на Земле и здесь. В итоге оказалось, что для производства виденных нами у ийю культурных богатств одной десятой части суток все же недостаточно. Дело, очевидно, не только в научных и технических достижениях.

— Конечно! Вы не учли, вероятно, некоторых побочных, но не менее актуальных факторов. В настоящее время совершенно отсутствует, например, весьма развитая при буржуазном строе индустрия роскоши. Подсчитайте, сколько энергии тратило общество на добычу и обработку драгоценных камней, металлов и материй и на дикие и нелепые прихоти богачей? Затем примите во внимание причиняемые периодическими войнами разрушения, чего уже нет у нас более тысячи лет; стоимость военной индустрии и промышленности; поддержку так называемых «дипломатических» и «мирных» отношений между государствами; содержание армии, королей, правительств, полиции, судов и тюрем; учтите легионы чиновников, массу ненужных и вредных учреждений и коммерческих предприятий, бесконечное количество ничего не производящих эксплуататоров, торговцев, спекулянтов и прочих разновидностей паразитов социального организма, рекламу, огромную буржуазную литературу, газеты и т. д. Я

могла бы перечислять вам до вечера все то, чего у нас нет, но думаю, что и этого достаточно.

— Вполне! Все это старо и давно уже известно, но я просто упустил многое из виду: мозги здесь как-то иначе работают, и среди окружающих нас красоты и счастья поневоле забываешь о мерзостях...

— Этого одного было бы уже достаточно, чтобы построить еще одну такую же планету, но есть и другие причины. Так, например, прочность и высокое качество нашего производства уже сами по себе значительно сокращают рабочий день, помимо наличия прочих факторов. Мы работаем теперь, как вы знаете, не за страх и даже не за совесть, а из любви к делу и процессам производства. Ни один ийю не выпустит из рук работы, пока не добьется наилучших результатов, окончательно его удовлетворяющих. Наиболее веским доказательством сказанного является урожайность, которая повысилась в сотни раз. Затем мне кажется, что вы все-таки недооцениваете нашу технику, где решающим моментом в экономии работы казалась проблема энергии. Миллионы ийю занимались прежде организацией, добычей, транспортом и обработкой горючих веществ и использованием ветра, воды и солнечного тепла. С открытием способов утилизации внутриатомной энергии все это отпало: для обслуживания немногих мощных станций, снабжающих всю Айю и корабли светом, теплом и двигательной силой, достаточно всего лишь нескольких сот ийю. А отсюда выводы: полное упразднение морских судов, электрических и паровых подземных и надземных железных дорог и соответствующих служб, а также тяжелой индустрии.

— Значит, у вас существовали поезда, паровозы, трамваи, пароходы?..

— Конечно. Тысячу лет тому назад Айю была изрыта тоннелями. и покрыта густой сетью проводов, рельс и мостов и закопчена клубами черного дыма... Но мы давно уже очистили нашу планету от всего этого хлама, и теперь она блестит, как новенькая. Не правда ли, ведь, вы видели ее сверху?

Мы переглянулись и рассмеялись: шутливый тон, с каким Афи говорила о величайшем перевороте в технике, как будто вопрос шел о паре пустяков, был, по меньшей мере, забавен!

— Особенно отличается в этом отношении один город. Если хотите, мы можем сегодня вечером полететь туда и зайти, кстати, в театр.

— Конечно хотим! Но разве у вас только в одном городе театры?

— В каждом, но я хочу показать вам специальный город «красоты и искусства», как он называется.

— Хорошее дело... — пробормотал я в недоумении, взглянув на профессора. — Интересно знать, какие сюрпризы ожидают нас там, если все то, что мы до сих пор видели, не является еще, в достаточной мере, красотой и искусством!

Афи улыбнулась.

— Этот город интереснее прочих: он построен в другом стиле и заключает в себе большое количество картинных и скульптурных галерей и театров. Ну, а теперь оставим этот хлев и двинемся дальше.

Мы удивленно оглянулись и расхохотались: беседа действительно происходила в «хлеву», но разговор настолько поглотил нас, что это обстоятельство не доходило до сознания. Дело было, конечно, не только и увлекательности тем: мы сидели все время на мягком диване в огромном круглом помещении. Оно имело двенадцать больших окон, изображавших прозрачными красками перспективу полей, лугов и лесов. Высокий, сферический потолок пропускал зеленый свет, причудливо отражавшийся на спинах животных. Пол и стены были покрыты растительностью. Если бы не рогатый скот, который спокойно ел что-то из больших блестящих чанов, я никогда не догадался бы, где мы именно находились. Это была насмешка над хлевом и пощечина законным грабителям труда, если бы они не потеряли способности испытывать чувство стыда: не одна загнанная у нас в подвал рабочая семья была бы счастлива поселиться в этом «хлеву». О чистоте, механизации и практичности устройства и оборудования говорить, конечно, не приходится. Но что нас поразило — это полное отсутствие запаха — явление, с которым мы уже неоднократно сталкивались и в других местах.

— Неужели же весь секрет в вентиляции? — спросил я.

— Нет, не только: есть так называемые «контрвещества», уничтожающие всевозможные запахи. Кроме того, воздух искусственно насыщается своими составными элементами. Эти три способа применяются также и во всех публичных местах: университетах, столовых и т. д.

— Многие люди с удовольствием согласились бы стать коровами, чтобы жить в таком хлеву, — заметил я выходя.

— Да.... — пробормотал профессор, — на Земле случается, что люди живут в хлевах, а скоты занимают виллы...

Мы прогуливались по золотистым нивам и бархатным лугам, покрытым высокой и мягкой травой, густо усеянной цветами. Хлебные злаки походили на земные, но с той лишь разницей, что между ними находилось более двух дюжин искусственно созданных разновидностей. Я любовался крепкими стеблями высотой в человеческий рост, которые не гнулись под тяжестью чудовищных колосьев, наполненных десятками огромных зерен. Значительные площади полей и огородов были застеклены. Овощи и ягоды отличались от земных своими крупными размерами и многообразием сортов. Их величина зависела от искусственного удобрения и богатого ультрафиолетовыми лучами белого солнца.

Мы осмотрели, далее, полевые орудия и ознакомились со способами обработки молочных продуктов, зерна и муки и выпечкой хлеба. Все это производилось совершенно автоматически фабричным путем, при помощи многочисленных машин, связанных конвейера-

ми. Под конец мы попали на колоссальную ферму, оглашаемую хором многих тысяч разноразных птиц. В центре фермы находилась научно-исследовательская станция.

— Обратите внимание, мистер Брукс, на то, что никто в этом пернатом царстве не боится нас: птицы слетаются со всех сторон, садятся на плечи и сами лезут в руки. Я поймал уже несколько штук.

— Это потому, — объяснила Афи, — что у них совершенно атрофировалось чувство боязни живых существ иной породы, так как ни мы, ни какие-либо животные никогда не причиняют им ни малейшего зла.

— В связи с этим я только теперь заметил, Брайт, что за все время своего пребывания на Айю мы ни разу не видели собак или кошек. В таком случае, птицам здесь действительно некого бояться. Разве, Афи, у вас не существует домашних животных этого типа?

— Только в зоологических коллекциях в качестве редких экземпляров, так как после войны все они были тщательно поедены. И не только они: благодаря «патриотическим» войнам, нашим голодным предкам пришлось поневоле очистить планету от крыс, мышей и ряда другого мелкого зверья. Питалась всем, вплоть до насекомых.

— Мистер Брукс! — крикнул я, стараясь перекрыть кудяхтанье, гоготание и писк. — Я обнаружил еще одно замечательное обстоятельство; вам не хочется курить?

Профессор взглянул на меня и рассмеялся.

— В этом мире не замечаешь часто того, что на Земле было необходимым, обязательным и естественным. Покинув ее, мы забыли захватить с собой папиросы и сигары, но самое замечательное это то, что мы ни разу с тех пор не вспомнили о них и не ощутили потребности! На Айю курение, вероятно, неизвестно.

— При буржуазном строе курили, — сказала Афи, — пьянствовали и вообще употребляли всякого рода наркотики, распространяемые буржуазией в целях одурманивания народных масс. Одни бесились с жиру, а другие старались отвлечь свои мысли от жалкой и тяжелой действительности. После же войны все наркотики исчезли и более уже не появлялись: новое поколение не нуждалось, а старое — отвыкло, ибо все думали тогда, как вы знаете, только о хлебе, жилищах, одежде и спасении от смертоносных болезней.

Беседуя таким образом, мы покинули птичник, сели в яхту и вернулись в 357-й город.

— Посетим теперь Тао на его частной квартире, — предложила Афи.

Мы с удовольствием согласились, пересели в небольшой городской снаряд и полетели дальше.

Тао работал у себя в кабинете.

— Добрый день! — приветствовал он нас.

Мы с любопытством осматривали помещение.

— Вас интересуют, я вижу, — продолжал он, — «частная квартира» и «частная жизнь» на Айю. Можете все осмотреть, хотя похвастаться мне нечем: замки буржуазии были шикарнее.

Однако, несмотря на это скромное замечание, кабинет представлял собою целый музей, коллекцию, библиотеку и одновременно картинно-скульптурную галерею разных эпох. Он давал, кроме того, максимум удобств, располагая к научной и умственной работе. О художественности и изяществе обстановки говорить не приходится. За одним из столов сидела женщина, которую мы и прежде встречали в обществе Тао.

— Это — моя «жена», — сказал он, — вы уже знаете ее. Она занимается тем же, чем и я, и мы сошлись с ней много лет тому назад, как коллеги, работающие в

одной и той же области. В целях наиболее полной информации о «частной жизни» спешу сообщить, что у нас есть взрослые дети и внуки, которые гуляют сейчас в городе.

— Сколько им лет?

— Четыре и шесть.

— А с кем они гуляют?

— Одни.

— Слышите, Брайт? Попробуйте-ка отпустить таких детей одних в город на Земле! Их переедут, расшибут им носы или же что-нибудь в этом роде. А заблудиться они не могут?

— Могут, но они знают свое имя и любой ийо доставит их в этом случае в школу-интернат.

— А почему они сейчас не в школе? — спросил я.

— Мы соскучились и взяли их на несколько дней к себе.

Спальня походила на помещение, занимаемое нами в гостинице, а третья комната представляла собой нечто вроде приемной и столовой. Среди различной мебели мы обнаружили «универсальный шкаф», в котором нагревалась вода, готовилась пища и механически мылась посуда. Кухни не было. Тао жил в большом общежитии ученых, где каждый из них имел такую же квартиру.

Нас усадили и угостили свежими плодами, холодными яствами и горячей жидкостью, соответствующей земному кофе.

— Дома, обычно, никто не кушает, — сказал Тао за столом, — и большинство ийо не живет в таких квартирах: они довольствуются одной удобной комнатой, в роде вашей, предпочитая квартире общежитие. Лица же, занятые исключительно умственной работой, при-

нуждены уединяться. Иногда я настолько увлекаюсь работой, что неделями не выхожу на улицу. В таких случаях, как видите, есть возможность приготовить пищу и дома.

— А кто занимается покупкой, впрочем, не покупкой, а... «добычей» продуктов, так сказать? — спросил я.

Тао улыбнулся.

— У нас все легко достается или вовсе приходит само. Кроме ресторана, у меня есть еще три удобных способа добывания пищи: во-первых, в этом доме имеется буфет, в котором в любое время дня и ночи можно все достать и покушать. Он никем не обслуживается, не считая доставки продуктов. Во-вторых, в домах ученых постоянно вращаются молодые ийю, которые предупредительно натаскивают массу вещей, всячески стараясь сберечь нам время. Они свободно проникают в столовую, ставят все на стол и даже варят нередко кофе: уже более тысячи лет, как вы знаете, на Айю нет замков, запоров, задвижек и прочих капиталистически-собственнических приспособлений. И в-третьих, мы заходим, в крайнем случае, к соседям, открываем шкаф и кушаем на месте или же берем с собой, что и сколько нам угодно.

— Дешево и сердито! — заметил профессор. — Но если мы расскажем это на Земле, все обвинят нас во лжи.

— Потому, что буржуазно-капиталистическая гниль, — сказал Тао, — засорила человеческие мозги и отучила их просто и естественно мыслить.

— И все же у нас гораздо интереснее! — как бы обиженно возразил профессор. — Право собственности у нас свято и не попирается ногами, как у вас! Попробуйте-ка украсть таким нахальным образом что-

нибудь на Земле! Сразу же соберутся со всех сторон соседи и приведут несколько полицейских: они арестуют вас и торжественно отправят в тюрьму. В тюрьме вас будет стеречь ряд стражников, с целью охраны «честного» общества от опасных преступников. После немногих месяцев любезного обращения и совершенно бесплатного питания следователи будут допрашивать вас и изучать ваше преступление и *curriculum vitae* (историю жизни), доведшую вас до этого. Секретари и стенографистки запишут это, а машинистки и писаки зафиксируют материал для истории. Тогда десяток жандармов доставит вас в «*Palais de Justice*» — «Дворец справедливости», в котором один обвинитель, несколько защитников, дюжина судей и ряд второстепенных чиновников совершат над вами правосудие в присутствии полного зала добродетельных граждан. Официальные лица часами будут говорить, спорить, совещаться, писать и, быть может, еще не один раз приведут вас сюда: времени никто не жалеет, когда вопрос касается нарушения священных основ капиталистического строя, и правосудие и справедливость не замедлят, конечно, восторжествовать. Поэтому — в назидание потомству и для защиты банкирского общества — вас вернут на основании ряда мудрых параграфов в тюрьму: пусть всякий знает, что порок всегда наказуется! По истечении установленного судом срока тюрьма и священник с библией несомненно исправят вас: выйдя оттуда и ознакомившись на своей шкуре с уголовным кодексом, вы уже не будете воровать у отдельных граждан, найдете «честные» и законные способы обкрадывать тысячи...

Все рассмеялись и встали.

— Летим теперь в театр — пора уже, — предложила Афи.

Мы распрощались с собственниками квартиры, из которой, однако, всякий может вынести, что ему вздувается, и отправились на станцию дальних кораблей.

... Засиял голубой свет, мы сели в вагон и почувствовали толчок: снаряд отделился от почвы. Через полчаса он опять опустился, крышка отскочила, и мы вступили в «Город красоты и искусства». Нас пригласили пересест в открытую яхту, чтобы осмотреть его сверху. Он казался покрытым золотом и, как в огне, горел в море лучей заходящих солнц. Мы увидели огромную коллекцию всех видов зданий, какие нам когда-либо приходилось встречать на Земле. Мы долго смотрели в бинокли, изучая детали и любясь тонкостью и изяществом отделки, сложным многообразием стиля, великолепием красок и французской легкостью архитектуры. Здесь было все, начиная от античного мира и кончая современным Парижем, но несравненно богаче, грандиознее и совершеннее. Геометрическое однообразие и схематичность полностью отсутствовали: план города был как бы импрессионистически набросан рукою искусства, а здания — рассеяны кистью художника. Но апофеозом искусства и чудом архитектуры был главный театр, который сразу же привлек наше внимание.

Он походил на огромную снежно-ледяную глыбу неправильной, естественной формы, покрытую как бы крупно-игольчатым инеем и состоявшую из ряда возвышавшихся, также игольчатых, готических выступов различной величины. Проникнув через боковую щель во внутрь этого оригинального здания, мы очутились в колоссальной сталактитовой пещере, без обычных потолка, стен и пола: сверху свешивались сложные узоры северного сияния и всюду причудливо выступали

Мы вошли в театр...

лишь сталактиты, которые, искрясь и сверкая, наполняли пещеру фантастическим светом. Но это не был мертвый и резкий свет электрических ламп! Нет, мягкий и подернутый легкой дымкой, он жил и дышал, витая в пространстве и переливаясь, при малейшем движении глаз, всеми цветами радуги.

Ряды стульев, кресла, ложи, балконы, галереи, эстрада, занавес... — ничего этого, конечно, не было: одни только сталактиты в строго выдержанном стиле и несравненно прекраснее, чем это могло бы быть создано самою природою.

Сотни блестящих ийо скользили по тропинкам и забирались на горы сталактитов, в гроты и на гроты, располагаясь там, в разнообразных позах. Десятки ущелий вели на улицу, причем устланные какой-то мягкой материей тропинки и места для сидения и лежания совершенно не были заметны, идеально гармонируя с общим стилем и цветом пещеры. Легкая дымка сгущалась к центру зала в широкое облако, в котором плавали отдельные перистые тучки, обволакивавшие и открывавшие попеременно где-то вдали звезды и плывущую луну. Скользя с одного места на другое, лунный свет падал на различные утесы, освещая их наподобие морских скал.

Луна внезапно поблекла, скалы начали медленно тускнеть, облака — рассеиваться, и в центре пещеры, как бы из тумана, прояснилось то, что у нас зовется эстрадой. Мелодично и тихо зазвучала во всех уголках неизвестно откуда исходившая музыка. Быстро нарастая, она развернулась вскоре, подобно прибою морскому во время бури, и разразилась во всем своем величии, на которое способно это искусство, отвоеванное у мифических богов свободными ийо.

Ощущение сказочной красоты сковало узами очарования все мое существо, и теперь, когда я пишу на Земле эти строки, мне кажется, что эта прекрасная сказка была лишь сном...

— Афи, почему вы до сих пор не привели нас сюда? — спросил профессор каким-то подавленным голосом.

— Ведь вы на Айю всего лишь несколько дней, — тихо ответила она, — и все это время были заняты другими делами.

Остатки тумана окончательно прояснились и началось действие. Оно происходило внизу, в центре пещеры, на неправильной формы стильной площадке, хорошо видимой из любого места. Несмотря на вечер, откуда-то сверху ворвались яркие лучи солнца, оставлявшие впечатление, что действие происходит днем под открытым небом. Оно выражалось в театре, конечно, не в мыслях, а при помощи речи, и в первый раз я услышал, как ийо говорили между собой на полном языке.

Бытовая драма и комедия на Айю, конечно, отсутствовали, ибо совершенный общественный строй не давал им для этого пищи. Однако здесь существовала драма историческая, как отголосок тех времен, когда театр отражал социальные конфликты противоречащих явлений, интересов и чувств. В настоящий же момент происходило нечто новое, совершенно нам не доступное, от чего мы отставали, по крайней мере, на тысячу лет... Хотя Афи и объяснила значение и роль современного театра и сообщила нам содержание пьесы, мы все же недостаточно поняли ее. Бесконечно развитая и утонченная духовно-художественная сфера ийо сделала их драматическое искусство не постижимым для нас, и именно в театре мы почувствовали тот контраст и пропасть, которые отделяли нас, людей Земли, от «Следующего Мира». Одно нам было ясно: действие изображалось символически, причем театр давал синтез символизма и реальности: вселенная, как символ, и символ, как реальность. Символически развертывалась перед нами кривая бытия, отображая ис-

торически-социальные этапы прошлого и кидая перспективы их дальнейшего развития в эпохах будущего.

Я сделал в этот вечер замечательное открытие: драма и опера не были у ийо разными видами искусства, ибо их говор выражался в пении и всякое пение, таким образом, приобретало словесный смысл. Вместе с тем я постиг тайну их языка, но только постиг, конечно, а не изучил... Я понял, наконец, невероятную сложность фонетики ийо и изумился остроте их слуха: в то время как гласные человеческого языка состоят из тридцати, приблизительно, различных звуков, у ийо существуют сотни произношений и масса неизвестных нам и не различимых нашими ушами оттенков. То же самое относится и к немногим, на первый взгляд, согласным, которые выговариваются на десятки ладов. К тому же прибавляется ряд комбинаций, перемежающихся ударений и многообразие меняющих смысл интонаций, вследствие чего язык ийо настолько же сложнее нашего, насколько наш превосходит издаваемые животными однообразные звуки. Затем я обнаружил наличие сотен видов музыкальных инструментов, отличающихся друг от друга тембром и формой звука. Таким образом, большой оркестр, вторя пению, воспроизводит смысл и значение слов. Далее: чем выше и глубже содержание мысли, тем прекраснее выражающие ее музыка и пение, и наоборот, дисгармоничная музыкальная фраза имеет дурной смысл, а брань и по-давно звучала бы резким диссонансом в буквальном смысле этого слова. Поэтому композитор на Айю является одновременно поэтом и мыслителем, ибо эти три понятия не отделимы друг от друга.

24. Идеальное общество

Мы не зависели больше от умеющих говорить по-английских ийо: быстро освоившись с новыми условиями, мы и одни совершали прогулки пешком или же подходили к любой яхте, и управлявший ею ийо «вез» и водил нас, куда мы хотели. К тому же появилось много новых друзей. Беседовать с ними, правда, мы еще не могли, но то, что они умели воспринимать наши желания и мысли, оказалось достаточным для взаимного понимания.

Обходя общественные и производственные центры, мы обнаружили ряд неизвестных на Земле организаций. С другой стороны, многих из существующих у нас институтов и учреждений здесь не было — при коммунистическом строе они оказались совершенно излишними и ненужными...

Церкви отсутствовали, религия исчезла, не замечалось социально-общественной разницы между мужчинами и женщинами, и не обнаружено было никаких национальных особенностей: мы всюду встречали один и тот же тип ийо.

— В каком же положении находятся у вас национальный и женский вопросы? — обратился профессор к Тао.

— Ни в каком: после революции и исчезновения буржуазно-нетрудовых элементов все нации смешались вследствие братского сотрудничества народов, падения государственных границ и, позднее, — быстрого развития средств передвижения. Искусственно питаемая буржуазией среди трудящихся национальная рознь бесследно исчезла, что привело к смешанным бракам. Таким образом, эволюция завершила дело революции.

Хотя в настоящее время и существуют еще остатки национальных и расовых признаков, но и они через несколько сот лет окончательно сгладятся, благодаря нивелирующей тенденции нашего строя.

— Позвольте, — вставил я, — строй не на все может воздействовать, например, на климат. На Земле есть резко отличающиеся друг от друга расы: негры, германцы, китайцы и др.

— На всей Айю, как вам известно, климат приблизительно одинаков, но не в этом суть. Ваши негры жили миллионы лет на одной территории, а китайцы — на другой, не смешиваясь друг с другом, ввиду разделявших их огромных дистанций. На Айю же транспорт уничтожил расстояние: сегодня мы здесь, а через час можем быть на противоположной стороне планеты, занять там любое помещение и остаться жить. В настоящее время население всей Айю быстрее и легче, смешивается, чем когда-то жители одной улицы. Ясно?

— Исчерпывающе.

— Что же касается «женского вопроса», — продолжал Тао, — не могу вам, к сожалению, ничего сообщить. Существуют два рода ийю, которые анатомически отличаются друг от друга. Больше — мне ничего не известно.

— Мало! — усмехнулся профессор. — На Земле гораздо веселее. У нас есть «женское движение», «уравнение в правах», «раскрепощение женщины» и т. д. с целой литературой и всякого рода идеологическими обоснованиями «за» и «против».

— Подобные направления существовали когда-то и здесь, но все эти «идеологии» сразу же рухнули с провалом одной из них — буржуазной.

Тао был прав — провал буржуазной идеологии до неузнаваемости изменил физиономию общества, а совершенный транспорт победил расстояние. Мы быстро летали по Айю, и, как в калейдоскопе, развернулись перед нами быт и повседневная жизнь Великой коммуны. Города сменялись городами, дни и ночи смешались... Сутки, мерно дробящие нашу жизнь на равные части и являющиеся на Земле мерилом труда и исходными пунктами начал и концов человеческой деятельности, потеряли значение: в течение получаса вечера заменялись утрами, а ночи изгонялись сияющим днем.

Очарованные симфонией коммунизма, мы в течение двух суток совершенно не спали, продолжая с лихорадочным рвением и неослабевающим интересом изучать изумительный строй идеального общества. Всюду открытые двери, «бесплатные» поездки и питание, а также высокоразвитое население планеты сделали нашу задачу простой и легкой. Паспорта, границы, таможни, полиция, армия... Такими смешными и дикими показались нам здесь все нелепые, ненужные атрибуты капитала, отвратительно усложнившие жизнь и наполнившие Землю слезами и кровью. Мы ушли от них на столетия — они были забыты здесь и утонули во мраке, покрывшись пылью веков.

Отсутствовал суд, законы и вообще все институты так называемой «юстиции».

— Суды бесследно канули в пропасть истории, — сообщила нам Афи. — Несколько сот лет тому назад бывали редкие случаи применения третейских и товарищеских судов, но и они давно уже отжили свой век: между ийю никогда не бывает никаких конфликтов или ссор, разве только мирные, научно-философские диспуты. Во всех нас максимально развито социальное со-

знание и чувство гражданства. Мы настолько уважаем личность и свободу друг друга, что давно уже не существует не только каких бы то ни было столкновений, но, даже, и любовных драм. Они могли возникать только на почве капиталистического крепостничества или же морально-общественного несовершенства, т. е. эгоизма и недостатка уважения к свободе личности.

В связи с разрушением искусственно воздвигнутых границ буржуазной морали и мировоззрения, отпали фарисейские формы и пошлый культ «законного брака». И любовь на Айю стала прекрасна — так прекрасна, как смеют лишь мечтать об этом поэты Земли. Мы всюду встречали счастливые пары.

Задумчиво глядя на них и улыбаясь, профессор бормотал:

— Папеньки, маменьки, тетушки, дядюшки, кумушки... Океаны страданий, миллионы исковерканных жизней... Деньги, сословия, классы, попы... Сколько мук, сколько слез сколько разбитых сердец они стоят молодежи Земли...

Юноши держали подруг своих за руки, их прекрасные лица смеялись, глаза сияли любовью, излучаемой ими на все окружающее. Они были свободны, как могут быть свободны лишь счастливые жители этой совершенной земли.

Мы убедились, что ийо живут действительно не для того, чтобы работать, — вот одна из замечательных особенностей коммунистического общества. В течение большей части жизни трудящиеся тратят у нас всю свою энергию на борьбу за существование, гонимые же вечно прогрессирующей алчностью нетрудовые элементы — на накопления, которым нет ни предела, ни меры. Тяжелая и изнуряющая работа поглощает и тех, и других: первым не хватает прожиточного минимума,

вторым — миллионов. Вот что составляет «замечательную особенность» или, вернее, дьявольскую свистопляску капиталистического строя.

Но ни борьбы за существование, ни болезни накопления в коммунистическом обществе нет. Поэтому освобожденные огромные массы энергии разумных существ устремляются на деятельность высшего типа — на изучение и проявление творчества в бесконечной области наук и искусств. Это — первое и главное занятие ийо. И этим объясняется то, что на всей Айю нет ни одного ийо, образование которого не соответствовало бы нашему высшему: оно стало стопроцентным достоянием масс.

Пользование плодами наук и искусств, не знающая преград счастливая любовь, путешествия по Айю и на другие планеты, спорт, состязания и многое другое — все это раскрывает перед свободными ийо свои безграничные возможности. На таком фоне легко и радостно было выполнение общественно-производственных обязанностей, которые, будучи распределенными по специальностям и призванию, тесно связаны с наукой и искусством, с соревнованием и творчеством.

— Вот где темное сделалось светлым, а сложное — таким ясным и простым... — сказал я профессору.

— Да, Брайт, их раса и строй настолько совершенны, что к ним нельзя уже подходить с мерилami: «солидарность», «товарищество», «мораль»... Они достигли социального абсолюта, малейшее отклонение от которого было бы здесь просто смешным и нелепым. Поэтому нечего поражаться их идеальной согласованности и спайке: бесконечные разногласия и споры — атрибуты извращенности и множественности буржуазной культуры. Из многих решений вопроса только одно является наиболее целесообразным и ра-

циональным, но понимание целесообразности относительно и зависит от культуры и принадлежности к тому или иному социальному классу. Ийю же стоят в этих отношениях на одной и той же и притом однородной ступени развития во всех частях своего общества. Вот почему вопрос об антивоенной экспедиции на Юйви был «решен» так просто, так непостижимо примитивно для нас!

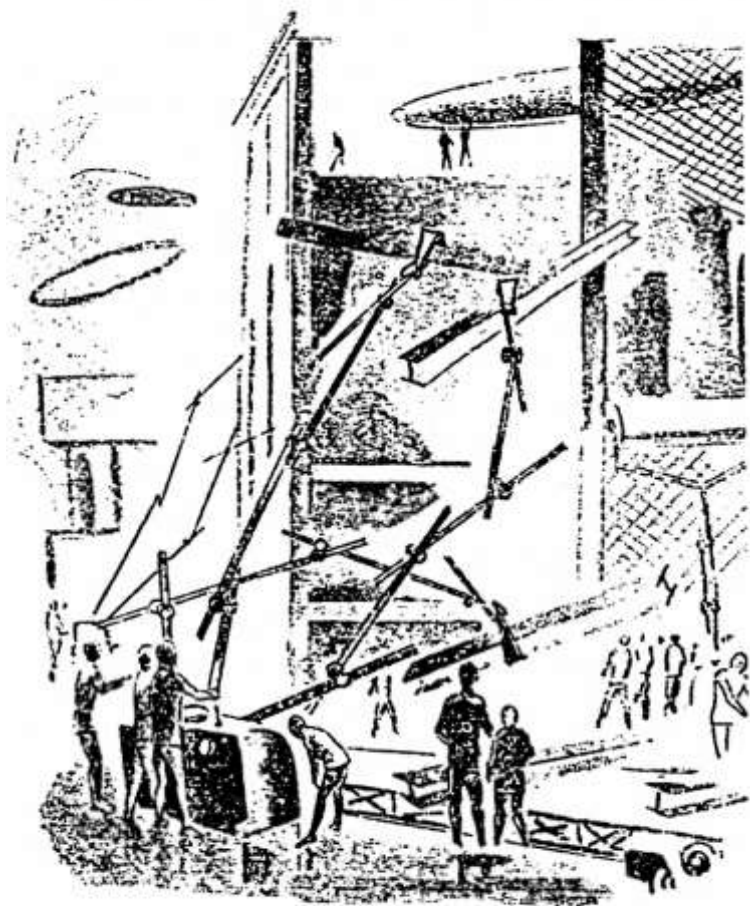
Мы видели однажды, как строился дом — они вырастают здесь, благодаря изумительной технике, в течение нескольких дней. Десятки яхт доставляли стройматериал и части машин, монтируемых при помощи машин же. Как бы играя, безмолвно управляли ими ежечасно меняющиеся блестящие «рабочие», создававшие мощные гиганты металла. Получался огромный завод — тысячерукая гидра, послушно и быстро воздвигавшая здание.

Бодрость, жизнерадостность, жажда деятельности и энергия ийю поражали нас. Дети не отставали от взрослых, а старики не уступали им, так что в этом мире не заметны были ни старость, ни дряхлость.

— И все это потому, Брайт, что отпала палка обязательности; в десятый и сотый раз мы убеждаемся в этом. Буржуазия считает, что стимулом работы является борьба индивидуумов за существование. Поэтому она выставляет нелепейший довод в защиту своего строя против коммунизма: «Обленятся все и замрут культура и жизнь! Опасность для человечества!»

— Лучше бы ему и вовсе не быть, нежели влачить подобное жалкое, страдальческое существование...

— Нет, вы неправы, Брайт. Не прекратить свое существование должно оно, но бороться за лучшее будущее. Нет такой жертвы, которой не стоило бы ради него принести; особенно сильно это чувствуется, когда

Мы видели, как строился дом

сравниваешь наш земной со «следующим миром». И человечество завоюет его, в чем я твердо уверен. Чему вы улыбаетесь?

— Мне смешно, я вспомнил, каким наивным я был еще неделю тому назад. Я полагал, что при «мифическом» коммунизме, осуществись он каким-либо «чудом», замрут все стремления: не к чему будет стремиться, поскольку всего будет вдоволь! И тогда начнется разложение общества от бездействия, инертности...

— Бедная жертва буржуазной софистики, — прервал меня профессор, — стремления не ограничиваются желудком! Это пока только так, поскольку полуголодные, погрязшие в бескультурии и поработанные кучкой негодяев пролетарские и крестьянские массы должны заботиться о насущном хлебе. До сих пор я не видел, по крайней мере, ни одного человеческого общества, в котором было бы столько разнообразных стремлений высшего порядка, как у ийО. Но смотрите, однако, как они моют улицы!

Мы находились в снаряде. Я перегнулся через борт и выглянул вниз: весь город был покрыт тонким слоем блестящей воды, которая текла из центров по радиальным улицам, затем впадала в шоссе и уносилась к окраинам. Улицы имели небольшой уклон, а площади — выпуклости, почти не ощущаемые пешеходами, но достаточные для стока воды. На наиболее высоких местах находились расположенные в ряд отверстия, откуда били фонтаны. Таким образом, в течение нескольких минут весь город был полит и вымыт. Сотни разнообразных фонтанов поливали одновременно растительность садов и парков. Обслуживающего персонала нигде не было видно: работа производилась автоматически, одним поворотом рычага на централь-

ной станции водопровода. Водопроводные отверстия находились тоже и на зданиях под крышами. Жители домов открывали ежедневно соответствующий кран, и все здание мгновенно, и обильно поливалось. Дойдя до низа, вода стекала по определенным руслам под тротуарами, чтобы не мешать пешеходам, не создавать луж и воспрепятствовать занесению сырости и следов в помещения.

Яхта опустилась на огромной площади-парке у центрального здания, в которое мы и вошли. Здесь издается единый на всей Айю «Бюллетень науки». Печатаемый ежедневно в количестве многих выпусков — в сотнях тысяч экземпляров каждый, этот бюллетень рассылается по университетам, музеям и школам планеты. Он суммирует все достижения ийю: открытия, изобретения, исследования и прочие научные труды. Каждый выпуск посвящен одному вопросу той или иной науки. Поэтому для того, чтобы узнать, например, что сделано по математике за последние сто лет, нет необходимости рыться в библиотеках среди массы книг и журналов: вы мгновенно получаете подобранный комплект соответствующих номеров «Бюллетеня» и читаете все подряд в последовательном порядке. Если данный вопрос относится к области нескольких наук, то выпуск кладется в несколько комплектов.

Издается этот «Бюллетень» в 357-м городе, носящем название Города Науки, комиссией крупнейших ученых Айю. Поступающие от отдельных ийю первичные данные прорабатываются предварительно в университетах. Подобный же бюллетень существует и для искусства. Издается он в Городе Красоты и Искусства.

За обедом мы встретили Тао. Беседуя с ним о бюллетене, профессор спросил, почему на Айю нет газет.

— Просто не о чем писать.

— Совершенно верно! Это, действительно, чрезвычайно просто! Подумайте, Брайт, какой чепухой наполнен «Таймс» и сотни ему подобных: внутренней, международной и колониальной политикой, финансово-торговыми делами, парламентскими речами, дипломатическими выступлениями, рекламой, объявлениями, модами...

— И, вероятно, происшествиями, которых у нас уже тоже более не существует.

— А как же извещают, — спросил я, — о новых организациях и различных предприятиях, в роде, например, полетов на другие планеты?

— По радио по столовым, школам и фермам. Это — самый верный способ оповестить всех ийю, о котором вы уже осведомлены.

— Да, конечно... — пробормотал я, обратив внимание на тихую музыку, пение и звон колокольчиков. Я все еще не освоился с фактом отсутствия газет.

— В данный момент сообщают, например, о небольшой «небесной» прогулке. Если хотите принять в ней участие...

— Мы не можем не хотеть! — вырвалось у меня. — Как просто и легко все делается здесь, мистер Брукс!

Один из сидящих с нами за столом ийю поднял правую руку.

— Коллега Найи устроит это: он предложит одному из 24 отправляющихся кораблей залететь сюда за вами.

Найи тотчас же встал. Мы немедленно последовали за ним, желая ознакомиться с телефонами Айю, но, к сожалению, почти ничего не увидели: Найи снял висевшую у входа зеленую пластинку и приложил ее на мгновение ко лбу — вот и все, что мы заметили.

Я разочарованно посмотрел на профессора.

— В этой-то простоте и скрыта вся гениальность, Брайт. Найи передал мысль! Дикарь, увидевший, как в Лондоне говорят по телефону, был бы удивлен не менее нас: он также ничего не обнаружил бы, что могло бы объяснить ему технику дела!

После обеда мы отправились за город. В поле нас высадили, Найи скинул каску, приветливо улыбнулся, и яхта быстро исчезла. Мы остались совершенно одни.

— По-видимому, — сказал профессор, — это условленное место.

— Мне не верится как-то, чтобы «телефонный разговор», при котором мы присутствовали, мог бы подействовать...

Профессор рассмеялся.

Глубоко в небе сверкала быстро увеличивающаяся точка, выросшая через минуту в огромный корабль. Он плавно опустился, крышка отскочила, и, как и на Вуйи, к нам направилась группа стройных великанов. Но мы не боялись их более; гордо блестя чешуей, мы побежали навстречу. Они скинули каски, что является у ийо знаком приветствия, окружили нас и, весело смеясь, воскликнули «и-и!». Все были молоды, большинство из них — девушки. Они взяли нас за руки, повели к кораблю, и мы с наслаждением вступили в знакомый полумрак эллипсоида.

Прошло около часа. Голубое свечение померкло. Снаружи было темно, а вся поверхность снаряда казалась усеянной крупными, блестящими искрами.

— В чем дело, что это?..

— Звезды, — ответил профессор. — Мы находимся сейчас в весьма интересной точке межпланетного пространства: солнца и некоторые спутники скрыты за Сатурном, на других — затмение, а на прочих, очевидно, новолуние. Снаряд прозрачнее стекла. Крепко дер-

житесь, Брайт, и любуйтесь этим изумительным видом Вселенной.

Сверху, с боков и снизу расстился бесконечный и бездонный океан сверкающих бриллиантов. Подобно жемчугу, были рассыпаны мириады мелких звезд, и, как серебряные нити, разбросаны созвездия. С Земли они кажутся слабо светящимися, мерцающими точками, отсутствие же атмосферы придает им необычайную величину и яркость. Неподвижно и тихо наблюдали и Ио этот величественный символ бесконечного, и звезды светились в их черно-бархатных глубоких глазах.

Вскоре звезды — померкли, вспыхнул верхний левый край Сатурна, и выпуклость колец засверкала ослепительным светом. Затем начали появляться луны, и через минуту из-за исполинского черного силуэта планеты выплыло огромное багровое солнце. Внезапно ноги у меня подкосились, и я еще крепче вцепился в скобки стола. А Сатурн вместе с тремя лунами и солнцем пришли вдруг в... вращательное движение!

Я вздрогнул.

— Что это за фантасмагория?!

Длинный профессор, взмахнув неуклюже руками, мягко шлепнулся на пол.

— Все в порядке... — промычал он, стоя на четвереньках и ища, за что ухватиться, — и все находится на установленных небесной механикой местах: это только снаряд вращается, в результате чего я и пал жертвой...

Молодежь схватила профессора за голову и ноги и поставила на пол.

— Однако они жонглируют своими снарядами, как цирковой велосипедист, — смущенно бормотал он, поддерживаемый ими подмышки. — Не знаешь еще всех этих фокусов, ну, вот и попадаешь в положение

Архимеда, ищущего точку опоры... К счастью, благодаря малому весу, ушибиться здесь невозможно.

Видя, что все окончилось благополучно, молодежь рассмеялась. Одна из девушек, внимательно прислушивающаяся к нашим словам, заговорила вдруг по-английски:

— Будет еще один «фокус».

«Погоуляв» несколько времени в межпланетном пространстве, мы вернулись на Айю и полетели по горизонтальной линии. Вдали сверкал океан. Снаряд быстро приблизился к нему, и под нами развернулась широкая водяная зыбь. Рулевой резко повернул колесо и остановил его... Я почувствовал, что теряю вес и почуву под ногами: снаряд молниеносно упал и с треском ударился о поверхность воды... Гул раскатился в ушах, вихри брызг разлетелись во все стороны, и горы белой морской пены каскадами закружились и забурили вокруг прозрачных стен... Затем все стихло — мы быстро тонули. Все это произошло мгновенно — я и ахнуть не успел и, лишь сильно вздрогнув, вцепился в рукав своей соседки. Она улыбнулась, — все было, очевидно, в порядке — это не что иное, как обещанный трюк. Через полминуты мы опустились на дно, мягко стукнулись и замерли на месте.

— Bravo! — воскликнул профессор. — Их корабль — колесница богов! Они летают в нем не только между звездами, но и прорезают, подобно Нептуну, глубины морей! Да здравствует наука и гений разума!

Это была, действительно, необычайная картина: огромный, прозрачный эллипсоид на дне океана, внутри него блестящая толпа великанов, а кругом стаи рыб и морские чудовища! Пилот занялся рулем, и мы начали бороздить океан. Снаряд то всплывал, то нырял, то врезывался в стаи акул... Это было восхити-

тельно, это было еще замечательнее, нежели межпланетный полет!

Снаряд то всплывал, то нырял, то врезывался в стаи акул...

Мы заметили, что многие ийо работали какими-то вделанными в стены снаряда приборами. Они оказались фотоаппаратами, при помощи которых производилась киносъемка морской флоры и фауны.

— Расскажем на Земле, Брайт, что мы летали и плавали в фотографической камере!

Часа два продолжалась эта бесподобная подводная экскурсия. Мы встречали целые коралловые леса, груды блестящих жемчужин, сказочную морскую растительность и десятки видов невообразимейших животных, величина которых превосходила размеры китов и слонов. Хищные акулы кидались на снаряд, и штук двадцать чудовищно-гигантских осьминогов присосались к его стенам. Облепленный спрутами, снаряд быстро прорезал километры морской толщи и, вылетев подобно бомбе из воды, мгновенно взвился высоко в пространство...

Снаряд то всплывал, то нырлял, то врезывал

Часть осьминогов сорвалась и шлепнулась в воду, остальные остались висеть. Рулевой нажал какую-то кнопку, стены вспыхнули на мгновение голубым светом, и... все спруты исчезли.

В этот момент раздалась музыка и послышалось мелодичное пение под аккомпанемент знакомых мотивов. Позднее мы узнали, что это было сообщением времени отлета антивоенной экспедиции на Юйви.

Нас доставили на станцию больших кораблей какого-то города. Одна из участниц «прогулки» безмолвно

предложила нам пересечь в междугородный снаряд. Как и ряд других, он был полон «народу».

— Как вы думаете, мистер Брукс, куда «повезут» нас сейчас?

— Не знаю. Во всяком случае, не для простого осмотра города, — решил профессор. — Для этого здесь слишком много ийо.

Стаей огромных птиц поднялись снаряды в пространство. Голубой свет защитил нас от солнца. Стало прохладно. Все скинули каски. Бессонная ночь дала знать о себе, а нарастающая скорость по-

э стан акул

лета сковала все тело томным ощущением усталости.

Ко мне приблизилась «межпланетная спутница», — я помню ее смеющееся лицо, игру лукавой улыбки в глазах, излучающих теплую ласку... Ийо понимают без слов — их отношения

Часть осьминогов осталась висеть

просты, как только просты они могут быть в этом свободном от жеманности мире. Девушка села и, склонив мою голову к себе на плечо, обняла меня блестящей рукой. Она тихо пропела «Ли-ай-ю», и в голове зазвучала «Симфония миров».

Убаюканный плавным движением снаряда, я быстро уснул.

Мне снился театр. Он таял. Озаренная ореолом, стояла на снежной вершине красавица Афи. Над нею сияли Сатурн и звезды. А театр все таял, превращаясь в потоки воды... Я метался, я хотел закричать, но не мог.

Грохот... Театр рухнул — снаряд опустился на почву: сквозь открытую крышку ворвалось яркое багровое зарево.

— Несчастье? Пожар?.. — бормотал я, протирая глаза.

Рядом со мной серебристо смеялись. Профессор улыбнулся.

— Не думаю, чтобы на Айю могли быть пожары: это, вероятно, какой-то новый фокус ийю...

Выйдя наружу, мы очутились на колоссальной площади незнакомого города. На черном небе слабо мерцали зеленоватые звезды, а почва представляла собой море огня, который играл на чешуе десятков тысяч собравшихся ийю. Исполинское кольцо обрамлявших площадь зданий пылало, как факел, переливаясь волнами ярко-красного пламени. Малиново-огненными языками продолжали слетаться стаи снарядов. Оживленно двигаясь, толпы смешивались, как жидкий, раскаленный металл.

Это было необыкновенно фантастическое зрелище, как во сне. Боясь потерять профессора в этом океане огня и существ, я схватил его за руку.

— Что это, куда мы попали?

— Н-не знаю, не понимаю... — задумчиво прошептал он, не отрывая глаз от грандиозной картины.

Десятки трибун поднялись над площадью, движение масс прекратилось, и слышались мелодичные речи ораторов.

— Похоже на демонстрацию, но для чего и перед кем?..

Мощное «и-и» прозвенело в пространстве, толпа быстро влилась в снаряды, и мы снова куда-то неслись. Вскоре корабли опустили на поле. Три луны заливали серебром чернеющий лес, а вдали сверкал фосфоресцирующий город. Корабли продолжали слетаться, и массы неимоверно росли, вливаясь широким потоком в блестящее голубое шоссе. Окруженные тысячами ийО, мы направились к городу, а навстречу нам двигалась светящаяся фиолетовая волна — это были знамена, горящие огнями «св. Эльма» в десятках тысяч рук. Шедшие приблизились, смешались с нами, атмосфера огласилась стройным «у-ва́-у», и откуда-то сверху зазвучала музыка.

Вступив в сверкающий город, мы на мгновение замерли: сферические крыши зданий, походя на исполинские факелы, горели зеленым огнем, излучавшим серебристое облако. Пространство пропиталось пеленой тумана — он вспыхнул и, ярко засветившись, превратился в грандиозную арену войны: мы увидели борьбу на суше и море, под водой и в воздухе, услышали оглушительный грохот и вопли, отчаянные крики, взрывы, стоны...

— Какое-то изумительное звучащее небесное трехмерное фото-радио-кино... — пробормотал профессор.

И — действительно — мы видели все не на плоскости, а в пространстве, уходящем глубоко в небеса.

Картины быстро сменялись, раскрывая бесконечный невыносимый ужас войны. Затем мощная музыка сотрясла атмосферу, страшный гул раскатился по миру, облако вспыхнуло багровым заревом, и на момент все смешалось: началась революция, а за нею последовал Великий период строительства.....

Рассвет. На горизонте появляется первое солнце и начинается грандиозный «разлет» кораблей.

Нас усадили в снаряд и быстро доставили в «город авиации» — тот самый, в который мы прибыли с Вуйи на Айю. И мы снова увидели сверкающий океан кораблей. Солнца приближались к зениту.

На станции нас встретила Афи. Я закидал ее вопросами. Выслушав мой сбивчивый рассказ, она с улыбкой ответила:

— Вы были в двух древних «городах революции» и участвовали в празднестве, организованном в день годовщины революции и окончания последней войны. Частично виденные вами торжества связаны, на сей раз, кроме того, с предстоящей антивоенной экспедицией на Юйви. Аналогичные празднества устраиваются и другими городами в честь науки, искусства, культуры и т. д. Вот и все.

Я взглянул на профессора.

— Пустяки — «все»...

В городе царил необычайное оживление, и всюду кипела работа: тысячи ийО возились у снарядов.

— Что это?

— Мобилизация, — ответила Афи.

— Сколько кораблей летит на Юйви?

— Все имеющиеся, в количестве 432.

— А ийО?

— Сколько поместится, т. е. не менее двадцати тысяч.

Мы поднялись на одну из аэродромных площадок, чтобы взглянуть на происходящее сверху. Мы застали там Кайя.

— А не может ли случиться, — спросил профессор, — что юйвитяне разобьют нас в пух и прах?.. Я наблюдал в телескоп их чудовищные орудия и необычайно развитую военную технику.

— Сейчас вы увидите, возможно ли это.

Сойдя вниз и пробравшись сквозь лес гигантских эллипсоидов, Кайя подошел к одному из них и сказал:

— В этом корабле мы летим. Вместе с вами будут и все друзья: Тао, Афи и другие ийо, с которыми вы знакомы. Осмотрите его наружность.

Мы обошли снаряд кругом, но ничего особенного не обнаружили. Его поверхность была самой обыкновенной, какую мы много раз уже видели, за исключением вделанных в стену нескольких десятков кружков. Они были ярко-красного цвета, как рубин, и имели в диаметре не более пяти сантиметров.

— Я чувствую, — произнес профессор, косясь на них, — что эти безобидные на вид камешки в состоянии произвести в течение часа социальный переворот или превратить планету в развалины...

— Вы не ошиблись, — подтвердил с улыбкой Кайя. — Над ними именно и работают уже в течение трех суток тысячи ийо. Это наше единственное скромное оружие... Ничем другим, как видите, мы не располагаем.

Недоверчиво взглянув на улыбающегося Кайя, профессор пробормотал:

— Воображаю скромность этих дьявольских лучей...

— Каких? — спросил я.

— Излучаемых этими камнями: ведь не стрелять же ими будут, Брайт! Эти «рубины» — объективы мощных генераторов атомной энергии, находящихся внутри снаряда.

— Совершенно верно, — подтвердил Кайя.

— Владельцы одного снаряда с такими генераторами, — продолжал профессор, — могут навести на все государства ужас, завоевать их, свергнуть правительства, сделаться господами планеты...

— Мы так и поступим, но только не ради господства, а с целью искоренения зла.

— Какое счастье, Брайт, что это адское орудие находится в руках революции, а не буржуазии! Иначе эта последняя установила бы кровавый террор не только на Земле, но и на всей солнечной системе!

— У нас нет революции, — поправил Кайя.

— Но зато была — последняя, решительная и всепланетная!

Афи улыбнулась.

— Вот что, — сказала она, — по прошествии двенадцати часов экспедиция вылетает отсюда на Юйви. Она продлится более суток, а вы, кажется, давно уже не спали. Поэтому предлагаю вам отправиться в свою комнату в Город Науки, в котором сейчас, кстати, ночь, и хорошо отдохнуть.

И опять мы в снаряде...

— Каков «денек», Брайт, а?

— Любопытный... А как вам нравится их «мобилизация»?

— Забавная! Но завтра, вероятно, нам предстоит уже нечто совершенно, так сказать, сногшибательное...

25. Война планет

Это было бесподобное зрелище... Но не буду забегать вперед — расскажу все по порядку. Дело было так: утром этого замечательного дня явился к нам Тао.

— Только что получены сведения от революционного комитета, — сообщил он, — что два империалистических блока Юйви объявили друг другу войну. Поэтому медлить более нельзя. Прошу поторопиться: через час экспедиция покидает Айю.

Мы тотчас же отправились на станцию кораблей и полетели в Город Авиации. Дорогой Тао показал нам голубой листок, испещренный знаками, походившими на арабское письмо.

— Это объявление, — сказал он, — отпечатано на наиболее распространенном языке Юйви. Вчера мы усеяли им всю планету. Слушайте английский перевод.

Я тут же дословно записал продиктованное.

«НАРОДАМ ЮЙВИ

Мы, население Айю, решили воспрепятствовать готовящейся у вас всепланетной империалистической войне — этому массовому истреблению трудящимися самих себя в интересах буржуазии и капитала, которая принесет пролетариату и крестьянству голод, разруху и смерть.

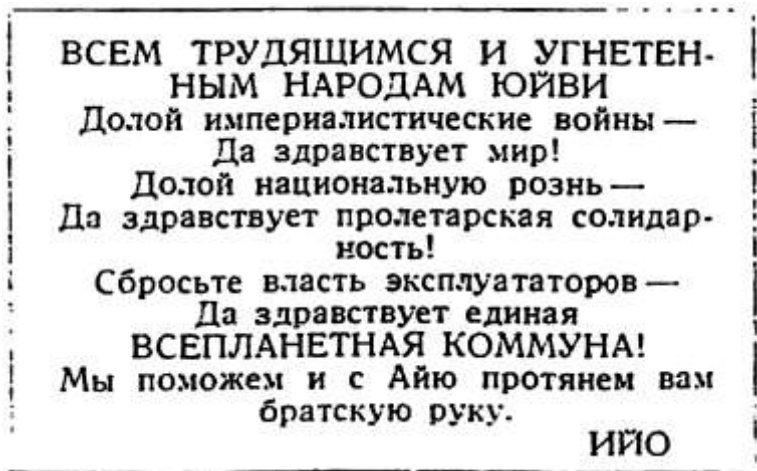
Поэтому мы уничтожим все военные орудия и средства.

Наши действия начнутся в 124-й день вашего года в 32 часа по первому меридиану и продлятся одну четвертую часть суток.

Предупреждаем, что все попытки сопротивления со стороны империалистов окажутся бесполезными, причем ответственность за последствия падет на самих же нарушителей.

ИЙО»

Затем Тао вынул другой листок с крупными светящимися знаками.

— Протянули бы заодно и на Землю... — пробормотал профессор.

— Постройте резонатор, — кратко ответил Тао.

Снаряд опустился на почву. Мы вышли наружу. В океане кораблей отражались Сатурн и луны. Как муравейник, кишело огромное поле, а над ними раскатилось громогласное радио.

— Военный оркестр, — сказал с улыбкой профессор.

— Нет, призыв занимать места и отправиться в путь.

— Значит, у вас все же имеется какое-то военное управление...

— Нисколько. Просто настал рассчитанный момент, о чем и сообщает дежурный радиостанции. Это, пожалуй, весь наш «генеральный штаб»...

Со всех сторон слетались стаи яхт. Толпы потоками вливались на станцию и скрывались в снарядах. К нам приблизились в группе знакомых ийо Афи и Кайя, и мы вместе вошли в эллипсоид. Завинтили крышку. Все молча сели. Зажгли голубой свет. Пилот занял свое место. Для кого-то зловеще повернул он руль, и снаряд плавно отделился от почвы.

Пилот занял свое место.

Прошло около четверти часа. Во всем теле ощущалась неимоверная гнетущая тяжесть. Мы — профессор и я — два маленьких, затерявшихся в мощном и блестящем мире человека — сидели, погруженные в глубокие думы. Слишком необычайно было все пережитое до сих пор... Сила, великолепие и совершенство давили нас. А что предстояло еще впереди? Не менее, как война планет! Признаюсь, что я сильно волновался... Заметив это, Афи с улыбкой спросила:

— Что вы так грустны и печальны? Уверяю вас, что это будет только весело! Мы не жестоки — мы не дадим лишь проявить свою жестокость другим. Коллега Кайя! — крикнула она. — Развлеките немного физикой земных джентльменов, а то они впадут в сплин!

Кайя указал на превратившегося во внимание пилота и забывшего, казалось, весь мир. Затем он протянул руку к какому-то прибору с параболически изогнутой пружиной. Ничего не поняв, профессор флегматично спросил:

— Ну, и что же?

— Ничего. Я хотел только сообщить, что мы летим со скоростью в 18 километров в секунду.

Этого было достаточно, чтобы мигом вывести нас из состояния равновесия.

— Брайт! — воскликнул уже менее спокойно профессор, ударив меня по плечу. — Понимаете ли вы, что это значит? Мыдвигаемся немногим медленнее земного шара в пространстве!

— Понимаю... — пробормотал я. — Это значит, что в несколько часов можно перелететь на их корабле с Земли на луну! Удивляюсь только, как мы не превратились в лепешки...

— Вы обязаны этим искусству наших высококвалифицированных пилотов. Они прекрасно знают небесную механику; в совершенстве изучили нашу солнечную систему; принимают во внимание расположение солнц и планет и каждый данный момент наизусть помнят их размеры, время обращения, массу и силу тяготения; освоились с индивидуальными свойствами данного корабля; виртуозно владеют рулем...

Внезапно зазвучала музыка. Кайя смолк, все притихли и насторожились... Через несколько минут напряженного молчания радиопередача прекратилась.

— Случилось то, что и следовало ожидать, — мрачно, но спокойно произнес подошедший к нам Тао. — Радио принесло следующее сообщение революционного комитета: под влиянием наших объявлений, в особенности призыва ко всеобщему восстанию, враждующие буржуазные правительства временно примирились и объединились; на всей планете объявлено военное положение; производятся повальные обыски, аресты и расстрелы; рабочие приводятся и содержатся на заводах при помощи сильных нарядов полиции; сфабрикованы гигантские орудия для стрельбы по нашим снарядам на высоту свыше ста километров; химики покрывают верхнюю часть атмосферы густыми ядовитыми облаками; во избежание возможной революционной организованности все войска переформированы и переброшены на новые места; тысячи солдат и целые полки разоружены и взяты под стражу. Революционный комитет предупреждает нас не приближаться к планете более, чем на 150 километров.

— Значит, все пропало, и мы не сможем помочь им?.. — спросил я упавшим голосом. Во мне кипели злоба и возмущение.

— Наоборот, — хладнокровно ответил Кайя, — теперь необходимо более, чем когда-либо, поспешить.

Он подал нескольким ийо знак. Они приблизились к пилоту и окружили его.

— Крепко держитесь за поручни.

С этими словами Кайя подвел нас к медленно сжимающейся параболической пружине.

— Двадцать два километра в секунду. Двадцать три... двадцать четыре... — медленно считал он.

Все в снаряде стихло. Часть ийо внимательно следила за движениями впившегося в колесо пилота, другие же, издавая изредка возгласы, не сводили глаз с наблюдательных окошек. Я схватил профессора за руку и, затаив дыхание, оперся на его плечо.

Мы были прикованы к полу. Парабола все больше сжималась.

— Двадцать семь... двадцать восемь... — мерно продолжал отчеканивать Кайя. — Двадцать девять... тридцать... тридцать один...

Организм отяжелел, и кровь застывала в жилах от этого бешеного ускорения. Натягивавшаяся парабола готова была, казалось, лопнуть;

— Тридцать три... тридцать четыре... тридцать пять...

— Суй-и! — воскликнули наблюдатели.

Сжатая парабола застыла в одном положении.

— Тридцать шесть, и достаточно! — объявил Кайя и смолк.

Мы сразу же потеряли вес, и стало легко. Цепляясь за предметы, к нам пробиралась со своей вечной улыбкой Афи.

— Часа через два, — сказала она, — скорость начнет стремительно падать. Держитесь тогда изо всех сил, чтобы не разбиться о стены. Никогда мы еще не лете-

ли с такой сумасшедшей скоростью: корабль движется быстрее планет.

— Каков же план дальнейших действий? — спросил профессор Кайя.

— Придется принять некоторые меры предосторожности. Заняться сразу уничтожением того, что было объявлено, мы не сможем, поскольку всюду находятся живые существа. Это кончилось бы миллионами жертв. Но теперь тем более следует привести все угрозы в исполнение: необходимо продемонстрировать ослепленному властью врагу нашу мощь и внушить ему самое серьезное отношение к каждому нашему слову.

Привыкшая к расправе со слабыми и безоружными буржуазия наивно готовит против нас пушки и дым, но она еще пожалеет об этом.

— Как же вы поступите?

— Ясно как: уничтожим и то, и другое.

— Ай-сью! — послышался возглас пилота.

Все ийо собрались к одной из стен снаряда и легли на специальные койки. Мы последовали их примеру. Всех нас тотчас же сильно прижало друг к другу: полет быстро замедлялся.

— Извините мою голову, Брайт, — промычал профессор, — за то, что она давит вам на живот: я не в состоянии повернуться — уберите ее сами. Мы, очевидно, легли неправильно.

Я сделал попытку протянуть руки, но не смог оторвать их от места: они были как бы налиты свинцом. Сердце замирало, дышать становилось все труднее... К счастью, это вскоре прекратилось. Как пьяные, мы встали на ноги и принялись расправлять одеревеневшие члены.

Прошло несколько минут, и снаряд остановился. Голубой свет померк, и сквозь прозрачные стены ворвались яркие лучи солнц. Пространство было усеяно множеством точек, а глубоко под нами расстилалась плотная черная мгла.

— Кругом — наши корабли, — пояснил Кайя, — а внизу — дым, которым неприятель пытается замаскировать свое вооружение. Он надеется, что, натолкнувшись на это «непреодолимое» препятствие, мы испугаемся их военной техники и, пока целы, поспешим улететь; если же мы осмелимся спуститься, нас тотчас же перебьют из сверхмощных орудий. О, они хорошо подготовились и предвкушают это наслаждение, за которым, несомненно, последует кровавая расправа с пролетариатом! Но, — прибавил Кайя, — жестокая и погрязшая в преступлениях буржуазия не знает, какими средствами борьбы мы располагаем! Возьмите бинокли и пользуйтесь телескопами в стенах корабля. Мы начинаем военные действия.

Большинство ийо — без команды и управления — безмолвно стали у своих немых приборов. Жуткая тишина повисла в снаряде, и ни единый звук не прорезал пространство. Лихорадка трясла меня, и я чувствовал, что сейчас разразится стихия — разрушится мир.

Кайя повернул какой-то рычаг, и в находившемся под нами облаке мгновенно образовалась широкая зияющая впадина. То же было проделано, очевидно, и в прочих снарядах, ибо вся атмосфера сразу очистилась.

Я увидел океаны, города, леса, луга и миллионные армии: пехоту, артиллерию и кавалерию; стаи витавших в пространстве цеппелинов и аэропланов, усеянные гигантскими судами берега и моря и чудовищные полевые орудия, низвергавшие густые клубы смолистого черного дыма.

Огромные тяжелые орудия исчезли

С молниеносной быстротой развернулись последующие события — я едва успевал уследить. Все только что дышавшие дымом огромные тяжелые машины почти одновременно исчезли, оставив, вместо себя, блестящие лужи...

Затем вспыхнули аэропланы, и, как мыльные пузыри, лопнули цеппелины. Поднялся переполох... Подобно улью, закишело в воздухе — панически спешили все спуститься, но лишь только они садились на почву, как их постигла та же участь. Через, две минуты воздушный флот был уничтожен.

— Браво! — воскликнул профессор.

Я вздрогнул от его прорвавшего напряженную тишину восклицания.

— Смотрите, Брайт, как гениально они это делают!

Я подошел к ближайшему ийо. Он тотчас же отодвинулся в сторону, и я увидел на его плотно закры-

том аппарате два окуляра. В центре светового поля был натянут паутиновый крест.

— Видите уцелевший на опушке леса цеппелин? — спросил подошедший ко мне Тао.

— Вижу.

— Возьмитесь левой рукой за находящийся под аппаратом рычаг и вращайте окуляр, пока крест не совпадет с цеппелином.

— Есть!

— Неподвижно держите рычаг и нажмите правой рукой кнопку.

Я нажал... Раздался едва уловимый треск, и в поле зрения вспыхнул на мгновение фиолетовый свет. На месте, где находился цеппелин, оказалась пара лохмотьев.

— Мистер Брукс! — закричал я. — Я воюю!

Афи схватила меня за руку и строго сказала:

— Тише! Смотрите лучше в бинокль, а не то мы оглохнем от вашего крика! Разве так воют? Видите, как спокойно ведут себя ийо? Ведь это не игра в мяч, а серьезное дело. Поэтому прошу не шуметь и не мешать нам работать.

Профессор сиял.

— Ну, а что дальше? — спросил он, потирая руки.

— О, теперь мы поиграем с ними! — ответил Кайя с усмешкой.

Он подал пилоту знак, и корабль наш начал падать прямо навстречу зияющим жерлам орудий... Становилось уже не на шутку страшно. Я до боли вдавил в лицо свой бинокль... Как только мы спустились достаточно низко, неприятель открыл по нам адский огонь, но все же снаряды не достигали нас.

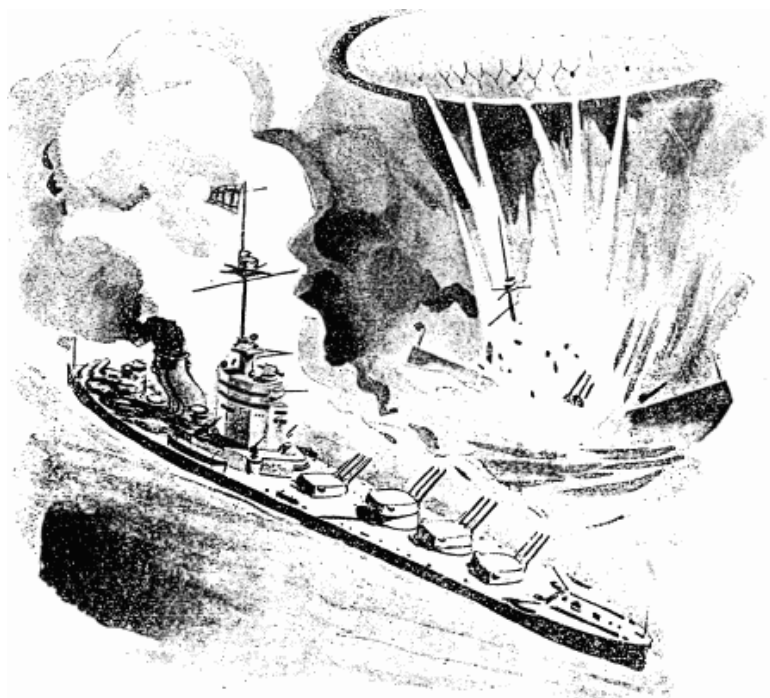
— Сейчас им будет показано, как нас обстреливать: мы прочно и раз и навсегда их отучим от этого!

Прошло не более трех минут — пушки последовали за газовыми машинами, и тысячи луж засверкали на солнышке... Я изумился быстроте, с какой работали ийо.

— Смотрите на море! — раздался голос Кайя.

Едва я успел навести бинокль, как самый большой броненосец эффектно взорвался, вспыхнув наподобие фейерверка... Быстро рассеялся дым, и лишь немного секунд кипели каскады воды. Затем волны разгладились, и все успокоилось.

— Но, ведь, так же погибнут тысячи жизней! — воскликнул профессор.

Дредноуты, крейсера взрывались и исчезали...

— Не беспокойтесь, — ответил Тао. — Это была лишь небольшая демонстрация. Вы увидите, как быстро соберутся суда к берегам, и моряки выйдут на сушу, — только тогда военный флот будет потоплен. Мы предупреждали, но они осмелились применить против нас свои привычные методы угнетения слабых. Империялисты не послушали разумного совета и не поверили нашим слова. Поэтому приходится доказать им на деле, что мы умеем держать обещания. К тому же, — прибавил Тао с иронией, — броненосец принадлежал какому-то «императорскому величеству», а команда состояла из верноподданных слуг — палачей рабочего класса. Пусть сидят теперь «милостью божьей» на дне.

Расчет Тао в точности оправдался — «небольшая демонстрация» дала должный эффект: сотни судов спешили к суше, и объятые ужасом моряки быстро высаживались в лодки. Опустевшие дредноуты, крейсера, авиаматки, миноносцы и прочие суда мгновенно взрывались и исчезали, не оставив следа... Только вода немного пенилась.

— Теперь мы разоружим войска, — объявил Кайя.

Едва он произнес эти слова — и миллионы регулярных войск, как по мановению волшебного жезла, побросали оружие... Как заразу, содрали они с себя амуницию, подняв в отчаянии руки и искаженные диким ужасом лица. Затем они разорвали у шеи одежды и, жалкие, попадали ниц... Мне казалось, что они молили о пощаде.

Мы были совершенно ошеломлены.

— Что случилось? Как вы это сделали, чорт побери?!

— Понятно! — отрывисто ответил Кайя. — Им душно, горячо стало держать, обожгли себе руки: мы обдали их 23-м видом лучей.

Они были видимы — эти магические лучи зеленова-

то-лилового цвета... Окруженные бледно-фиолетовыми ореолами эффектно светились наши снаряды, шевелившие своими огромными, зелеными щупальцами... Разрезая пространство, эти щупальцы быстро скользили по почве, и все живое бежало, объятые страхом.

Одно за другим продолжали взрываться покинутые суда, а обезумевшие толпы, ничего уже более не видя, бешено бежали, опрокидывая друг друга и налетая на горы жалких остатков бывшего военного величия.

Поднялась невообразимая паника. Как разоренный муравейник, кишели города и поля. Сновали автомобили и рассыпались полки кавалерии — всадники не смогли удержать разъяренных животных. Они срывались, падали, и все смешалось в один общий хаос безумия.

Закончив свое дело, зеленые лучи угасали. В тот момент я заметил, что один из снарядов начал быстро падать с явным намерением опуститься на почву...

— Что это?! — воскликнули мы, недоумевая. — Неужели они не боятся после всего того, что натворили?

Афи рассмеялась.

— Вы — плохие психологи: неприятель прекрасно усвоил уже, что при малейшей попытке сопротивления мы мгновенно превратим его в кашу. Кроме того, у него нет уже более оружия. Товарищи направляются в революционный комитет, и вы увидите, как «миролюбиво» их встретят теперь.

С любопытством и волнением следили мы за эллипсоидом. То, что случилось в дальнейшем, превзошло предсказания Афи. Заметив опускающийся снаряд, обезоруженные войска в замешательстве остановились и замерли, но, все еще находясь во власти беспредельного ужаса, тотчас же разбежались, куда кто

мог. Огромная площадь, на которую опускался снаряд, была мигом очищена. И в тот же момент сверху излились каскады золотистого света, плотным кольцом окружившие эллипсоид.

Мы широко раскрыли глаза.

— А это что такое?!

— Лучи 31-го вида на случай провокационного выстрела, — ответил Кайя. — Всякое тело, попавшее в их среду, немедленно распадается на атомы.

Ию, между тем, вышли наружу, и одновременно из какого-то здания появилась группа юйвитян, спокойно и уверенно направившаяся к снаряду.

— Революционный комитет!

Когда пришедшие приблизились к световой преграде, в ней образовался провал. Таким образом, они беспрепятственно проникли к ию и оживленно заговорили с ними. «Ворота» тотчас же снова заплыли лучами, и послышалось пение радио.

— От имени пролетариата Юйви... — переводил Тао.

Заметив, что опустившийся корабль не принес никаких новых «сюрпризов» и что соплеменники мирно беседуют с прилетевшими, народные массы начали понемногу возвращаться. Из домов показались женщины и дети, и вскоре тысячи существ уже стремительно бежали по направлению к небесному столбу огня, который покрылся внезапно розовой оболочкой.

— А это зачем? — восхищенно спросил профессор.

— Палящие лучи 27-го типа, — спокойно объяснил Кайя. — Они задержат бегущих и предохранят их от гибели в золотистых потоках.

И действительно. — достигнув розовой оболочки, толпы замерли и попятились назад.

Внезапно из окон ближайшего великолепного здания высунулись руки и головы, и десятки мелких

предметов полетели по направлению к снаряду. Попад, однако, в зону золотого каскада, они бесследно исчезли...

Афи рассмеялась.

— Видели? Это — страшные ручные гранаты с большим радиусом действия. Они разрывают материю вдребезги, поражают легкие, вызывают паралич сердца, наносят ужасные раны и мгновенно выедают глаза. Но золотые потоки превратили их в космическую пыль!

Снова вспыхнула паника. Знакомые на практике с действием гранат, все мгновенно вскочили на ноги и дико ринулись в сторону. Под влиянием стадного чувства обезумевшая толпа никого не щадила: началась отчаянная давка... Ийо проскользнули вместе с комитетом в снаряд и быстро взвились вверх.

Розовая оболочка и золотые потоки исчезли.

Профессор дрожал от негодования.

— Я лично задушил бы их своими руками... — хрипло пробормотал он, сжав кулаки.

— Мы только этого и ждали, — холодно произнес Кайя. — Гранаты брошены слугами буржуазии из дворца. Они произнесли этим собственный приговор, и участь их решена. Коллега Брукс, — прибавил он, повысив голос, — прошу к аппарату.

Профессор направился твердыми шагами вперед. Я впился глазами в бинокль. Прошло не более десяти секунд — легкий треск сухо пробил тишину, и великолепное здание рассыпалось, как пепел сигары...

Десятки существ в белых одеждах выползали из-под обломков, мечась во все стороны, спотыкаясь, падая и опрокидывая друг друга. Они вскакивали в уцелевшие на огромном дворе автомобили, пытаясь спасти свою жизнь... Но — спасения не было. Удар профес-

сора послужил, очевидно, сигналом для прочих снарядов: каскадами низвергались потоки разноцветных лучей, преследуя и легко настигая бежавших. Медленно шевелились в пространстве гигантские щупальцы и, как бы танцуя и играя друг с другом, мягко хватали чистеньких гадов. Как шерсть на огне, сгорало их тело, и одна за другой взрывались машины, оставляя лишь кучки золы...

— Bravo! Bravo! — закричал профессор. — Но это не война, это — игра кошки с мышью, травля, избиение младенцев...

— Палачей! — поправил Тао. — Палачей, которые миллионы существ ввергали в войну; калечили, убивали, душили и ослепляли; гноили в тюрьмах и в ссылках и до смерти пытали мучеников; избивали, расстреливали, вешали, оставляя миллионы вдов и сирот без куска хлеба; тысячелетиями держали рабов в оковах террора, замуровывая голодный пролетариат на заводах и шахтах; веками расточали грошовый труд и дешевую жизнь миллионов на бесконечные прихоти! Обездоленные гибли ради них в ядовитых цехах, в огне, на дне океанов, на высоких постройках и от ужасных болезней. В безумной погоне за наслаждениями, которым нет никакого предела, их сердца очерствели. Они никогда никого не щадили и не ощущали ни малейшего чувства жалости, когда сотни тысяч детей чахли и гибли в глубоких подвалах... Вы правы, это — не война, это, вернее, дезинфекция планеты. Мы уничтожаем лишь страшнейшее зло.

Я не мог более оставаться спокойным.

— Афи, милая, дайте мне пострелять немного из этой штуки!

— При условии, если вы не будете шуметь. Прежде всего успокойтесь. Будем «воевать» вместе, иначе, не

зная, что разрушать, вы натворите бед. Я буду наводить, а вы — включать лучи и наблюдать в бинокль результаты своей военной доблести.

Я с удовольствием согласился, и мы взялись за дело.

Из какого-то большого здания на прекрасном авеню высыпалась кучка существ с гранатами в руках.

— Раз! — скомандовала Афи.

Я нажал кнопку, и гранаты взорвались. Ослепленные и израненные своим же оружием, слуги юйвитянской буржуазии остались лежать на улице.

Снаряд отодвинулся в сторону и повис над окраиной города.

— Смотрите — это политическая тюрьма.

Взглянув по указанному направлению, я заметил тяжеловесное, монументальное здание с железными решетками. На большом дворе, окруженном толстой, высокой и глухой каменной стеной, находился ряд гильотинообразных машин. Тут же виднелись покрытые рогожами ямы и несколько существ, одетых в черное. Не участвуя в общей панике, они чувствовали себя спокойнее за тюремной стеной.

— Палачи!.. — брезгливо прошептала Афи.

Она подала знак стоящим у прочих аппаратов ийо, и вокруг стены вспыхнул розовый круг, внутри которого излились золотые каскады: участь тюрьмы была решена. Медленно расползаясь, розовые лучи теснили назад находившихся поблизости юйо.

— Раз! — скомандовала Афи, передвинув вниз аппарата рычаг.

Я нажал кнопку — один из палачей упал и скорчился, а рабочие ударились в бегство.

— Два, три, четыре, пять!

Я яростно давил кнопку, вонзая в гадов зеленые стрелы.

— Браво, Брайт! Вы давите эту мерзость совсем, как клопов!

Афи переключила рычаг на другие лучи. Я дрожал от нетерпения.

— Раз!

Я нажал — рухнула часть стены, исчезнув в золотистых потоках.

— Не отпускайте кнопку!

Фиолетовый язык облизал каменный круг, превратив его в груды золы и развалин...

— Чистая работа... — пробормотал профессор.

Неподвижно стояла у розовой стенки густая толпа. Большинство были женщины и дети, отцы которых томились в темнице.

— Долой орудия пытки!

Одна за другой рассыпались в прах машины убийств, и не слышимые для нас волны восторга пробежали в стремительных движениях масс. Тогда было снято лучистое кольцо (*veto*), и толпа кинулась к непроницаемым стенам, стуча кулаками о камни и в железные двери...

Грандиозная панорама развернулась перед нашими глазами: рассыпались дворцы и низвергались чертоги, а с ними — строй тирании. Смятение и замешательство растерзали ряды вековых властелинов: с воплем отчаяния бежали гордые вершители судеб в кварталы обездоленных и, как крысы, пытались забиться в подвалы. Но увы! Убежища не было — все пути оказались отрезанными. Мы поражались, как быстро и организованно работали ийО.

Внезапно все прекратилось: лучи мгновенно угасли, сразу же замерли повсеместно царившие грохот и гул.

«Санитары» завершили свое дело — «дезинфекция», очевидно, окончилась.

— Конец, — сказал профессор, опустив свой биннокль.

— Первой части, — прибавил Кайя. — Сейчас наступит вторая и более важная — заключительная.

Мы с любопытством ожидали дальнейших событий. Один из снарядов опустился на центральную площадь столицы, и, высадив группу юйю, поднялся в пространство. Это был революционный комитет. Из широко раскрытых ворот заводов, распахнутых дверей домов рабочих кварталов разлилась мощная волна пролетариев по огромному городу. Быстро смяв остатки полиции, она направилась стремительным потоком к ревкому.

Снаряды бездействовали.

— Революция! — воскликнул профессор. — Мы не примем участия?

— Нет, — ответил Тао. — «Сделать» революцию мощной рукой извне нельзя и не должно. Такая революция не имеет цены. Только сами трудящиеся должны и могут освободить себя. Принципиально мы ничего не изменили. То, что вы видите, произошло бы, в силу законов истории, и без нас. Но, помешав всепланетной войне, мы ускорили наступление всеобщей революции.

— Жаль только, — сказал я, — что пришлось разрушить столько культурных благ...

— Ничего, — перебил меня Тао, — ибо никакая жертва не является слишком большой для завоевания свободы. Свобода таит в себе неограниченные возможности. Ценой нескольких тысяч зданий сотни миллионов обездоленных избавились от вековой системы насилия. Они еще дешево отделались, нашим предкам

пришлось несравненно тяжелее. Творческая энергия освобожденного пролетариата огромна: через какой-нибудь год все будет отстроено, и вы не узнаете Юйви. Мы помогли юйо свергнуть империализм, капитал и эксплуатацию, и, как из-под земли, у них вырастет вскоре, подобный нашему, блистающий мир.

Я взял бинокль и приступил к наблюдению.

Мир Юйви клокотал и кипел. Мощная волна энтузиазма объединила разрозненные части трудящихся масс. Огромные толпы запрудили города и деревни, слушая речи ораторов; они охватили и зажгли миллионы. Организованные рабочие патрули, раскрывая дома заточения, освобождали тысячи узников. Производя повальные обыски, они вытаскивали из дворцов и убежищ главарей буржуазного строя — пухленькие «сливки общества», офицерство, полицию и прочих приспешников системы рабов и насилия. Их обезоруживали и сажали по тюрьмам.

Вскоре дошла очередь и до политической тюрьмы, ограду которой мы уничтожили. Прибывший туда отряд вооруженных рабочих бригад был встречен бурным ликованием толпы.

— О, как мне хотелось бы быть теперь там, слышать их счастливые возгласы и переживать с ними восторги и радость! — воскликнул я.

Взглянув на мое лицо, Афи улыбнулась, подала пилоту знак, и через минуту мы опускались у огромного здания тюрьмы. Заметив падающий снаряд, бригады оттеснили толпу, образовав для посадки свободное место. Афи перекинула мне через плечо аппарат с эластичным рукавом и рубиновым наконечником.

— Будьте крайне осторожны: это — аккумулятор с шестью видами лучей. Вы поможете освобождать заключенных.

Отвинтили крышку, и все вышли наружу. Я вступил на чужую планету.

Масса пела революционные гимны. Это чувствовалось в подъеме и ритме, свойственном, очевидно, пролетариату всех миров. Затем из толпы послышались бурные крики, и бригады, подняв свои правые руки, вплотную приблизились к ийо. Произошло братание населения различных планет: классово угнетенного, но вступившего на путь завоевания свободы, и уже свободного, бесклассового, совершенного.

Сверкнула синяя молния, хрустнул замок...

Тао поднял руку и громко заговорил. Когда он кончил, толпа отодвинулась, бригады образовали шеренги, а мы вернулись в снаряд. Пилот коснулся руля, корабль поднялся и повернулся параллельно фасаду тюрьмы. Ийо заняли места у приборов. На мгновение вспыхнули яркие фиолетовые лучи, и с оглушительным грохотом обрушились тяжелые железные двери. Из впадин посыпались десятки тюремщиков с гранатами, которые тотчас же взорвались у них же в руках. Двойной вопль потряс атмосферу: боли раненых и ликования толпы. Поднявшееся ядовитое облако было уничтожено розовыми лучами. Я хотел уже выскочить наружу, но Афи схватила меня за руку.

— Стойте — возможна засада.

Несколько ийо, покинув снаряд, прошли мимо трупов и с группой рабочих проникли в тюрьму. Вторично раздались взрывы и вопли...

Путь свободен!

Мы вышли и вместе с бригадами вступили в мрачное здание. Толпа рванулась за нами.

Я приблизился к ближайшей камере и поступил, как научила Афи. Сверкнула синяя молния, хрустнул массивный замок, и дверь отворилась. Мы заглянули внутрь и вскрикнули: в темноте и вони копошилась на протухшем сене кучка немых гниющих существ... Их тотчас же вытащили на воздух и свет. Я не берусь описать увиденный ужас. Кроме всего, несчастные были еще плотно закованы в кандалы. Одного за другим освобождал я своими лучами, но они не в состоянии были двигаться.

— Хуже, чем на Земле... — пробормотал я, дрожа всем телом.

— Молчите! — раздраженно крикнул профессор. — Вы просто не знаете всего того, что там творится!

— Идемте дальше, — тихо сказала Афи. — Им будет оказана помощь.

В течение получаса мы раскрыли вместе с юйю сотни камер и освободили узников. Их немедленно выносили на двор, отдавая на попечение санитарных отрядов и дружно работавших медиков обеих планет.

Вскоре тюрьма опустела.

— Уничтожим этот позорный притон буржуазной культуры! — воскликнул Тао на трех языках: Айю, Юй-ви и Земли.

И представители трех планет, хором ответив на разных наречиях, тотчас же подняли руки:

— Единогласно!

Все удалились, мы сели в снаряд и поднялись над зданием. Крыша тюрьмы осветилась на мгновение лучистой радугой, затем раздался оглушительный взрыв, взвилось облако быстро рассеявшейся пыли, и на месте колыбели страдания и мук осталась груда золы и развалин...

Бурное выражение восторга, мощно прорвавшее тысячи уст, огласило пространство...

Затем бригады, окруженные сверкающими на солнца великанами, поднялись на место бывшей тюрьмы.

Подняв руку, Тао произнес короткую фразу, и вторичный взрыв ликования, смешанный с мелодичным «у-ва́-у», потряс атмосферу.

— Что он сказал?

— Построим коммуны на развалинах старого мира. Наши корабли будут посещать вас, — продолжал Тао, — и содействовать вашей созидательной работе: помогать техническим руководством и снабжать вас необходимыми продуктами и орудиями производства. Вы сможете побывать на нашей планете и научиться все-

му тому, что умеем и мы. Мы — потомки освобожденного класса рабов — заключим союз между Юйви и Айю!

Тысячи рук поднялись вверх, и под громкие крики мы плавно покинули почву.

Солнца заходили.

Все смолкли и сели. Пилот повернул колесо, и в ноги ударилась тяжесть. Снаряд быстро поднялся над Юйви. Планета, на которой мы произвели в течение одного дня переворот, стремительно падала в бездну... Я едва успел кинуть на нее последний прощальный взгляд, как шестиугольники эллипсоида засияли мягким голубым светом.

— Сколько видов лучей вы открыли? — обратился профессор к Кайя. — Это особенно интересует меня после того эксперимента, который вы так наглядно продемонстрировали сегодня на Юйви.

— Около пятидесяти.

— Однако! Затем, я хотел бы знать, кто эти двадцать тысяч «солдат», которые «воевали» с войной и ее вдохновителями.

— Представители той или иной отрасли науки. Начиная от знаменитых ученых и кончая учащимися, все они имеют самостоятельные научные исследования — открытия и изобретения. Объединенное ийо предоставило выполнение великой миссии достойнейшим членам своего общества.

— Брайт! — воскликнул профессор. — Вы видите, какой здесь «милитаризм» и кто эти «солдаты»? У них воюют ученые! Теперь мне понятно, почему они произвели в один день переворот в целой планете... Это смогла сделать лишь блестящая армия науки!

Завязалась общая оживленная беседа, и часы быстро летели. К тому же Афи все время дразнила меня

фразами, в роде «храбро нажимающий кнопку воин», так что я и не заметил, как мы прибыли в Город Авиации. Там была уже полночь, и ярко сияли Сатурн и луны, но никто еще не спал: все население встречало нас на улицах и станции междупланетных кораблей.

Один за другим опускались при громком хоре «у-ва́-у» наши голубые светящиеся на ночном небе снаряды. Все они, как оказалось, были полны детьми с Юй-ви, которых набралось свыше тридцати тысяч. Их немедленно пересаживали в яхты и увозили во дворцы воспитания. Через полчаса корабли были уже в сборе, и станция погрузилась в ночную тишину.

— Останемся здесь ночевать, — предложил Тао.

Все согласились, и, оживленно беседуя, мы направились группой по пропитанной цветочным ароматом аллее к ближайшему месту ночлега. Это было находившееся в конце парка здание, залитое зеленоватым светом Сатурна.

Мы зашли в столовую-сад и тут только вспомнили, что сутки не ели. В моем утомленном мозгу, как во сне, проплывали образы минувшего дня.

26. Возвращение на Землю

Когда я открыл на следующее утро глаза, профессор задумчиво шагал по комнате. За завтраком он сидел молча, погруженный в свои мысли.

— Вы нехорошо себя чувствуете, мистер Брукс?

— Нет, — ответил он. — Я хотел бы обсудить с вами один вопрос... Кстати, мы сейчас одни. Дело вот в чем. Мы находимся здесь около восьми с половиной местных суток...

Я перестал жевать и пристально посмотрел на профессора. Неужели же он решил уже вернуться, и эта сказка рассеется, как сон?..

— Причем мы успели за этот сравнительно короткий срок пережить здесь больше, чем на Земле за десять лет. Гм... — Профессор запнулся, взглянул на меня и с улыбкой прибавил: — Я научился у ийо читать мысли, и мне кажется, что вы струхнули... Пожалуйста, продолжайте кушать и не волнуйтесь. Я хотел только сказать, что поверхностное знакомство с общими чертами Айю можно считать законченным. Мы не только много видели здесь, но и получили огромные познания в смысле расширенного понимания вещей, природы, явлений и, главным образом, общественной жизни. Мы необычайно выросли здесь: нас обновили и сделали совершенно иными людьми, по сравнению с тем, что мы представляли собой до этого. Мы пережили нечто изумительное и приобрели богатейший опыт, какой никогда не выпадал еще на долю смертных. Мы оказались избранными счастливыми.

С тревогой следил я за словами профессора... Кушать я более не мог — тяжесть сдавила мне грудь, и становилось тошно от мысли, что, вернувшись в земной ад, быть может, никогда уже более не придется увидеть этот прекрасный мир лучезарных солнц и всеобщего счастья... А это было гораздо страшнее, чем смерть на Вуйи.

— Но что же с вами, наконец, Брайт? Вы побледнели, и руки дрожат у вас!

— Я опасаюсь, — глухо ответил я, — что вы решили вернуться на Землю... Я могу, конечно, порвать с вами и остаться здесь, но я ни за что не сделал бы этого. Вы ввели меня в этот мир, и, кроме того, я обязан вам жизнью.

Профессор раскрыл широко глаза и расхохотался.

— Да ничего подобного! — воскликнул он. — Я уже говорил вам — не пугайтесь! Ничего дурного у меня на уме нет. Вы пока перебили ход моих мыслей. Я хотел только сделать из сказанного вывод, что все это к чему-то обязывает нас, а именно: громогласно сообщить всему человечеству — слово в слово, от альфы до омеги — все то, что мы видели и слышали здесь!

Тяжелый камень упал у меня с сердца, и все муки мгновенно превратились в восторг...

Я стремительно вскочил, опрокинул в порыве сосудов с каким-то какао и восхищенно воскликнул:

— Блестящая, достойная вас идея, мистер Брукс! Вы — первый подумали о наших несчастных соплеменниках! Именно так это и должно было случиться!

— Готов это признать, за исключением опрокинутого стакана, — спокойно ответил профессор, едва сдерживая улыбку.

Ввиду позднего времени, зал был, к счастью, пуст.

— Но пересядьте на сухое кресло и слушайте дальше. Пить, есть, спать и опрокидывать стаканы, — прибавил он в шутовском тоне, желая, очевидно, компенсировать меня за испуг, — ограничиваясь только этим, было бы не достойно нас, в особенности после полученных здесь поучений. Нет! я считаю лишь, что предаваться исключительно наслаждениям и развлечениям, хотя бы в роде того, — тут уж он решил, по видимому, окончательно dokonать меня, — каковое вы проделали сейчас с неподражаемой ловкостью нельзя!

Я слушал, не шелохнувшись. Профессор прервал на мгновение свою речь и, став совершенно серьезным, вдохновенно произнес:

— Среди окружающих нас красоты и счастья мы не должны забывать, что земной шар объят кровавой

борьбой двух классов — поработанных и их угнетателей.

Я опять вскочил на ноги.

— Вижу по выражению вашего лица, — быстро говорил профессор, — что вы собираетесь повторить свой удачный эксперимент! Сядьте, я не вызывал вас на бис! — воскликнул он, поспешно отодвигая свой стакан.

Мы рассмеялись.

— Теперь подойдем к вопросу практически, но, конечно, не вашим методом... Есть три возможности: отправиться временно на Землю мне, вам или же нам обоим вместе. Сделать это мне, предоставив вам возможность завтракать здесь в одиночестве, по некоторым причинам не рекомендуется... — пробормотал он, покосившись на стекавшую со стола коричневую лужу.

— Решено! — воскликнул я. — Я отправлюсь один, но вы должны обещать мне, мистер Брукс, что, в случае затруднений с открытием дверей пространства, вы вытащите меня с Земли, если даже и придется опрокинуть всю Вуйи!

— Обещаю «опрокинуть», но при условии, если вы дадите мне предварительно еще пару уроков...

В этот момент в зал входила в полном составе группа наших «военных» спутников. Они отбросили каски и, приветливо улыбаясь, поздоровались с нами. Подойдя к столу, Афи сделала большие глаза, с недоумением глядя то на меня, то на лужу...

— А это что же такое?..

Профессор рассказал, о чем мы беседовали и как я на это реагировал. Ийю расхохотались, в особенности Афи. Когда все успокоились, мы подошли к фонтанам и легли под деревья.

— Дорогие коллеги, — сказал Тао, — все мы одобряем ваше решение и всемерно поддерживаем его. Мы желали и ждали, чтобы вы поступили так, но сами, конечно, не намекнули бы на это. Поэтому мы рады, что вы по личной инициативе пришли к высказанному решению. Наилучшей формой проявления с вашей стороны оценки виденному на Айю будет повесть о нас на Земле. Мы хотим служить всем мирам примером, и признание, что здесь идеальный общественный строй, при котором действительно господствуют свобода и всеобщее счастье, является для нас величайшей наградой!

— Итак, — сказал профессор, — я надеюсь, вы не откажете в любезности предоставить нам корабль для полета на Вуйи.

— О, даже более того — все мы, присутствующие здесь, проводим вас и сейчас же объявим по Айю, что человек — один из двух к нам пришедших — намерен вернуться на Землю, чтобы рассказать там о нас. И всякий, кто пожелает, отправится с вами.

— Я тронут и благодарю. Когда же мы сможем осуществить это?

— Когда пожелаете.

Профессор вопросительно взглянул на меня.

— Сегодня же! — сказал я решительно.

— Прекрасно. После обеда летим.

— Но, — предупредил я, — мне необходимо вернуться предварительно в город, чтобы захватить с собой дневник и земную одежду.

Все тотчас же встали и отправились на станцию междугородных кораблей. Через час мы находились уже в своей комнате. При прощании ийо обещали к обеду зайти за нами, хотя это следовало бы назвать

скорее ужином, поскольку в 357 городе был в это время вечер.

— Итак, — сказал профессор, — вам поручаются три дела. Во-первых, займите мой кабинет, пригласите стенографистку и продиктуйте ей подробнейший отчет о всей нашей экскурсии. Деньги вы получите у мистера Нортон, я дам вам сейчас доверенность. Рукопись передадите какому-нибудь популярному органу, который смог бы издать ее и распространить по всему земному шару. Один экземпляр захватите на обратном пути с собой: я хочу прочесть то, что вы напишете. Правильно, что эта работа будет проделана вами: вы моложе меня, и в вас кипят энтузиазм и восторг, я написал бы несравненно суше. Сколько времени может занять эта работа?

— От двух до трех недель.

— Прекрасно — через три недели мы встретим вас. Во-вторых, закупите ряд приборов для научных работ, так как местные единицы измерения не дают нам никакой возможности ориентироваться. Я приготовлю список. И, в-третьих, точно заметьте момент перехода границы миров, который сравните впоследствии с часами первого пояса. Несмотря на совершенно исправную работу наших хронометров, вы обнаружите, я уверен, некоторую разницу во времени. Чрезвычайно важно установить ее: она послужит базой для ряда интереснейших исследований в этой области. Вот и все. Займитесь теперь приготовлениями к дороге, а я напишу письмо, которое дам вам с собой на Землю.

Я быстро привел в порядок свои вещи и отправился гулять. На небе сиял уже Сатурн и две луны. Встречавшиеся в садах и парках ийо останавливались и мелодично приветствовали меня: они знали, что я отправляюсь на Землю.

Когда я вернулся домой, профессор передал мне открытый пакет с надписью — «Коллегии профессоров при Государственном университете» — и сказал:

— Опубликуйте это письмо вместе со своим отчетом.

Вскоре явилась чуть ли не целая толпа ийю, которые торжественно повели нас «обедать». Никто не произносил пошлых и напыщенных речей, как это делается на Земле. Ввиду предстоящих событий, в столовой было просто товарищески весело. Все присутствующие пытались говорить со мной, и я чувствовал себя героем дня. Когда «прощальный банкет» был окончен, все поднялись и мелодично пропели музыкальную фразу.

— Это — напутствие, — объяснила Афи. Она взяла меня за руку, и все вышли из зала.

Покидая 357-й город, я увидел внизу огромную, залитую светом Сатурна блестящую толпу с высоко поднятыми руками. Нас провожали десятки снарядов.

— Каково, Брайт, а? — сказал профессор. — Вы видите, как вас провожают? Из-за одного этого стоит уехать! Но давайте побеседуем. Я хочу дать вам некоторые указания, в каком духе составить отчет.

Беседовать пришлось, впрочем, недолго, так как вскоре мы спустились на станции межпланетных кораблей.

— Пересядьте в этот корабль, — сказала Афи, — он приготовлен для вас.

Окружавшие его ийю расступились и стали в шеренги.

Высоко на небе сияли солнца.

Твердыми шагами прошел я меж двух рядов блистающих великанов, приблизился к крышке снаряда, остановился и оглянулся назад.

— Войдите, — сказала Афи.

— Я хочу бросить прощальный взгляд на прекрасную Айю.

За мной последовал профессор, Афи, Кайя, Тао и прочие друзья.

Все безмолвно сели. В последний раз закрутили крышку. Раздавшийся в тишине хорошо знакомый легкий шелест прошуршал у меня по спине. Зажегся мягкий голубой свет. Профессор Кайя стал у руля.

— Что это значит? — спросил я смущенно.

— Это значит, — ответила Афи, — что величайший ученый в области физики будет первым пилотом, который поведет вас с Айю по направлению к вашей родине.

Кайя повернул руль, и мы быстро покинули почву: планета Совершенства стремительно падала в бездну.

Еле сдерживая волнение, я отвернулся от Афи.

— Брайт, — твердо сказал профессор (в его тоне чувствовались металлические нотки). — Я понимаю вас, но все то, что вы в данный момент переживаете, не должно служить пищей для сентиментальных чувств. Думайте о том, что вы отправляетесь на Землю с наиболее важной миссией, чем все те, которые выпали когда-либо на долю так наз. «пророков», а именно: вы обязаны рассказать человечеству, как прекрасен коммунистический строй. Вот и все. Более мне нечего прибавить к этому — в этом все те инструкции, которые я намеревался дать вам.

— Правильно, — тихо заметила Афи. — Эта короткая фраза заключает в себе все.

— Поговорим о науке, — предложил я.

— Прекрасно. Сейчас я попрошу сюда Кайя, и он побеседует с вами.

Афи подала знак второму пилоту, и Кайя тотчас же приблизился к нам.

— Невежественные пришельцы с Земли, — обратился к нему с улыбкой профессор, — просят сообщить, какими «чудесными» силами вы витаете в межзвездных пространствах.

— Напрасно вы называете себя «невежественными»: ведь земная техника переживает сейчас «век электричества», т. е. ваша физика отстала от нашей всего лишь на одну эпоху.

— Чем же знаменуется у вас современная эпоха? — спросил я с любопытством.

— Вы уже знаете — лучами, которые мы получаем в десятках видов путем разложения атомов. Лучистая энергия открыла нам тайну тяготения, которой мы и овладели. На ней именно и основан принцип полета кораблей. Материя определенной структуры, «насыщенная», так сказать, тем или иным видом лучистой энергии, становится «тяжелее», «нейтральной» или же «отрицательно-тяготеющей».

— То есть как?

— Не притягивается, но отталкивается телами. Вся поверхность эллипсоида распределена на участки. Каждый участок изолированно сообщен с аккумуляторами, которые пропитывают его разными видами «тяготеющей» световой и тепловой энергии. После того, как крышка корабля завинчивается, пилот поворотом общего рычага...

Кайя долго и подробно объяснял технику полета, а затем, пригласив нас к столу, принялся чертить магнитные поля и выводить сложнейшие математические формулы. Признаюсь, что я мало понимал в стихии атомов и электронов, но зато профессор все время слушал с неослабевающим вниманием.

— А как поддерживается в корабле тепло? — спросил он.

— Довольно просто, — ответил Кайя. — Казалось бы, что температура междупланетного пространства должна была бы равняться абсолютному нулю, но это неверно: пустота не может быть холодной, ибо она не обладает никакой теплоемкостью. Корабль теряет в этом случае лишь сравнительно незначительную часть своей теплоты путем излучения.

Яркий полукруг Вуйи между тем занял уже все поле зрения. Остаток пути незаметно протекал в оживленных беседах с Афи и Тао.

Внезапно все стихли. Кайя стал у руля.

— Я доставлю вас сейчас на планету, — сказал он, — через которую вы проникли в наш мир, — и вскоре мы плавно спустились на Вуйи.

При абсолютной тишине была отвинчена крышка. Все отодвинулись, предоставив мне первому выйти на почву. Затем последовал профессор, Тао, Кайя, Афи и все прочие ийО. Вокруг нас садились корабли, которыми было усеяно небо.

Я отошел от снаряда и оглянулся кругом.

Высоко стояли солнца, заливавшие ослепительным светом хорошо знакомую нам раскаленную равнину, а в разных частях неба, отливая серебром, сияли исполинский Сатурн и несколько лун.

Один за другим продолжали спускаться снаряды, из которых без конца выходили прилетевшие провожать меня ийО. Безмолвно становились они вокруг нас концентрическими кругами, производя впечатление грандиозного парада войск.

Когда последний снаряд опустел, Тао объявил:

— Все вышли. Нас более десяти тысяч.

Это была блестящая армия могучих великанов, особенно ярко сверкавших на солнцах безоблачной атмосферы Вуйи.

Профессор красноречиво посмотрел на меня.

— Пройдемтесь, Брайт, по тем местам, где мы страдали.

Мне показалось, что с тех пор прошли уже годы...

— Идемте и вы с нами! — обратился я к ближайшим друзьям.

Афи взяла меня за руку, и мы молча направились к знаменитой горе.

— Здесь, — сказал я, остановившись, — доведенные до степени крайнего отчаяния мы решили покончить самоубийством...

Все молчали.

— Мистер Брукс, подойдемте... к нашему холмику.

Мы повернулись, ийо расступились, и вдали открылась полуразвалившаяся кучка камней с покривившейся черной палочкой... Я быстро двинулся вперед и вскоре достиг обгоревшей тряпочки, от которой остались одни лишь лохмотья.

Подойдя, я повернулся, поднял руку и, чувствуя, что невольно бледнею, произнес:

— Я готов, друзья мои.

Профессор стал рядом со мной. Слева приблизилась Афи. Вплотную подошли также Тао и Кайя. Один, из ийо протянул мне узел с вещами. Я вынул магнето. Все стихло. Сердце мое неистово билось, и дрожащей рукой я начал крутить рычажок.

...Жужжание и свист прорвали тишину, и из зияющей черной впадины пространства посыпались каскады пенящихся искр.

— И-и! — мелодично прозвучало из тысячи уст.

— Нам повезло... — натянуто улыбнувшись, сказал профессор. — А мы уже готовы были остаться здесь несколько дней. Бодрее, Брайт! Переоденьтесь — раз-два! Чем быстрее, тем легче вам будет!

Снопы лучей продолжали ласково искриться, но мрачная, мгlistая пропасть пугала меня.

Я начал быстро разворачивать узел... Минуты через три я стоял уже в своем темном, тяжелом, засаленном и неуклюжем земном одеянии, а легкая и блестящая чешуя, сверкая на солнцах, лежала у ног.

— До свиданья, друзья! — крикнул я окружающим меня иЙО и в тот же момент стремительно бросился в пропасть.

.....

Весь мир закружился и перевернулся. Стихия подхватила меня, с предельной быстротой завращала и мгновенно перебросила через всю Бесконечность. Раздался оглушительный взрыв, сознание угасло, и я погрузился в мрак. Молниеносно пролетев темное царство полусмерти, я снова был выброшен могучей волной в бытие и пространство. Ударившись и почувствовав боль, я осознал, что живу. Раздался еще один взрыв, и узел с вещами скатился мне на ноги. Над головой жужжал резонатор. Я с трудом приподнялся, держась за стол и шатаясь, как после припадка...

.....

Я находился в коттедже. Было темно. Оправившись, я нащупал на стене выключатель. Вспыхнул резкий электрический свет. Ухватившись за рычаг резонатора, я бросил прощальный взгляд на «Следующий мир». В последний раз промелькнула где-то вдали блестящая ладонь профессора и освещенное солнцами прекрасное лицо Афи, с глубокими, смеющимися глазами... Хронометр показывал 1 час и 16 минут дня.

Я решительно повернул рукоятку: резонатор смолк и угас... Поблекло отверстие и, как призрак, рассеялось. Я остался один — совершенно один, заключенный меж четырех стен. Чувство щемящей тоски сдавило мне грудь, и я вспомнил... я вспомнил чудесную сказку. Она незаметно и тихо ушла, и громко вступила Реальность. Первое было — неприятный и затхлый воздух Земли. Затем резко скрипнул отпираемый снаружи замок, дверь распахнулась, и в коттедж вскочили три полисмена. В руках они держали направленные на меня револьверы.

В коттедж вскочили три полисмена.

— Стоп! Ни шагу вперед — или мы будем стрелять!
Что вы тут делаете?

— Я только что прибыл.

- Откуда?
- С другой планеты.

Полисмен недоверчиво посмотрел на меня.

— Как вы попали сюда? На окнах ставни, двери закрыты и все под замком. Мы неотлучно дежури́м у коттеджа, и никто вас не видел входящим сюда. И что это за взрывы вы устроили здесь? Прошу дать объяснение.

— К сожалению, не могу — вы не поймете этого. Но я готов тотчас же разъяснить все коллегии профессор при государственном университете, куда и прошу вас доставить меня.

Полисмен пронизывающе взглянул мне в глаза. Затем, повысив тон, он медленно отчеканил:

— Именем закона вторично требую немедленно же, дать мне объяснение! Не забывают, что вы не в какой-либо Советской России, а имеете дело с представителем британской полиции!

О, я хорошо это понял и ответил:

— Я прибыл из следующего мира, попав сюда из иного пространства через четвертое измерение. Поэтому ставни и двери остались неповрежденными.

Полисмен взглянул на меня уже с явной угрозой.

- Это все?
- Да.
- Больше вам нечего сказать?
- Нет.
- Прекрасно!

Он сунул револьвер в кобуру и достал карандаш и записную книжку.

- Ваше имя?
- Вилли Брайт.
- Профессия и род занятий?
- Инженер-электромеханик, ассистент профессора

государственного университета мистера Джемса Брукса.

— О-чень хорошо-с!.. — медленно процедил он с кривой усмешкой, пряча книжку в карман. — А не будет ли вам угодно, сэр, — продолжал он саркастически, повысив голос, — сообщить мне, где находится сейчас труп того самого мистера Брукса, о котором вы только что изволили упомянуть, смотря мне прямо в лицо? А?

Я подскочил, дико вытаращив глаза... Волосы зашевелились у меня на голове и леденящий холод разлился по жилам. Я мгновенно все сообразил: меня подозревают в убийстве профессора и сокрытии его тела... И вдруг, как из царства сна, в моем воображении вырисовалась сталактитовая глыба, залитая огнем восходящих солнц, и в ушах зазвучала «Симфония Миров»... Я еще острее почувствовал, что нахожусь на старой, родной, знакомой Земле...

Вперив в меня испытующий взгляд, полисмен ядовито улыбался. Он был, видимо, доволен своим искусством сыщика-психолога, выведшего преступника на «чистую воду».

— Ну-с, сэр, — торжественно и с расстановкой произнес он, забавляясь моим смущением, — именем закона покорно прошу вас последовать за мной!

Я молча взял узел, и мы вышли из коттеджа. Дверь заперли на замок. Воздух снаружи был хотя и лучше, но все же неприятен, и мне казалось, что от полисменов разит падалью.

Наше единственное тусклое земное солнце заходило, мрачно и слабо освещая унылое поле. Было пыльно, грязно и душно... Чернея, шумел позади жидкий лес, а профессор сидел в это время с блестящими ийо в голубом эллипсоиде: витая меж звезд, он летел на

прекрасную Айю. Где-то вдали грустно прозвучал заводской гудок.

За свою участь я не боялся: со мной были письмо и доверенность профессора, и, кроме того, я мог продемонстрировать суду действие резонатора. От всего этого было только противно и гадко, и чувство непреодолимого отвращения до тошноты наполняло все мое существо.

Вскоре мы достигли деревни и вошли в знакомую гостиницу. Мне показалось, что она сильно изменилась: всюду было мрачно, грязно и шумно. Узкие и тесные помещения давили меня; в воздухе стоял тошнотворный туман от сигар и трубок, смешанный с угаром жареного на каком-то отвратительном масле мяса; в ушах неприятно отзывался звон посуды и пивных бокалов, а кругом сидели одетые в темную и грязную одежду пьяные люди с узкими лбами и каким-то тупым и зверским выражением лиц. Я закрыл на мгновение глаза и увидел блестящую армию Великой коммуны совершенного мира.

Когда меня ввели под конвоем в столовую, селяне вскочили с мест и зашептались: они узнали меня.

— Я голоден, — обратился я к полисмену. — Разрешается мне законом покушать?

Не поняв иронии, он спросил:

— А деньги у вас есть?

Я порылся в карманах и достал несколько случайно застрявших там серебряных монет.

— Можете, — снисходительно разрешил он, убедившись, что у меня есть самое важное, дающее в земном мире право на жизнь. — Прошу сесть и не покидать это помещение! Я сообщу о вас комиссии по расследованию дела об убийстве профессора Джемса Брукса! — прибавил он многозначительно. — Вы аре-

стованы и находитесь под наблюдением моих помощников.

Пьяный шум раздражал меня, а от вони я прямо задышался. Резкие, хриплые голоса резали ухо. Опустившись на кривой и жесткий стул, я кликнул кельнера.

— Сделайте яичницу, — сказал я, кинув монету.

Вместе со мной уселись за стол оба полисмена.

— Какой сегодня день и число?

— Четверг, 15 апреля.

— А который теперь час, точно?

Полисмены вынули часы и ответили:

— 8 часов и 24 минуты, но больше вам разговаривать не полагается.

«По закону», — подумал я, усмехнувшись. Я взглянул на свой хронометр и убедился, что профессор был прав: земное время отстало от показываемого на 17 часов и 47 минут.

Вскоре старший полисмен вернулся и торжественно объявил:

— Комиссия выехала на место происшествия.

— Очень рад! — громко ответил я.

Посетители снова зашептались.

На стол поставили грубый хлеб, а затем подали, наконец, и яичницу. Она была чем то засалена, но голод превозмог отвращение.

«Я вернусь туда, будь это связано с величайшим риском для жизни!», — думал я за едой.

Через некоторое время слышался шум подъехавшего автомобиля, и в комнату вошел высокий джентльмен. Посетители заволновались, полисмены вскочили, стали во фронт и взяли «под козырек».

Джентльмен быстро подошел ко мне, протянул руку и произнес:

В комнату вошел высокий джентльмен.

— Оскар Беркленд, председатель комиссии по делу профессора Джемса Брукса.

Этим словами заканчивалась рукопись мистера Вилли Брайта.

IV. Письмо профессора Брукса ученому миру

Айю, 15 апреля.

Бывшие коллеги! Вопреки вашим чаяниям, я оказался не только не сумасшедшим, но даже и не фантастом. Невероятная теория блестяще оправдалась на практике, о чем вы подробно узнаете от моего ассистента и товарища мистера Вилли Брайта. Не являясь ученым, он все же оказался единственным человеком, не будь это вам в обиду сказано, поверившим моим идеям и глубоко переживавшим со мной все мои неудачи и радости. Оставаясь верным и преданным до последней минуты, он не отступил от меня даже и тогда, когда благодаря моей «опасной авантюре», нам — одиноким и выброшенным за пределы мыслимого мира, — казалось, неминуемо грозила мученическая смерть. Публично приношу ему — Вилли Брайту — мою благодарность и признательность и заявляю, что написанный им отчет составлен по моему поручению, в моем духе и согласно моим инструкциям. Поэтому я беру на себя все вытекающие отсюда последствия, за которые лично отвечу по возвращении на Землю. А пока, уважаемые коллеги, я хотел бы сказать вам несколько слов по существу нашей экспедиции.

Считая вначале этим «существом» математику и физику, я позднее, однако, убедился, что есть вещи выше и шире. Наука, как и все то, чем разумные и неразумные существа занимаются, имеет своей целью стремление к благополучию за счет уменьшения страдания. Таким образом, величайшей наукой из всех является учение о всеобщем благе. Эти школьные истины трактуются в элементарных учебниках, но я осмеливаюсь преподнести их вам, ибо вы, не понимая этого, лишь увеличиваете зло.

Вы наивно удивляетесь, и мои слова возмущают вас. Но позвольте спросить, не своими ли руками мы сбросили углекопов в глубокие шахты, приковали рабочих к машинам на фабриках и открыли человечеству тайны массового и мученического истребления друг друга? Кто, как не мы, выдумали динамит, дредноуты, аэропланы, ядовитые и ослепляющие газы и способы заражения масс эпидемическими болезнями? Мы старательно лечим дряхлые единицы и одновременно калечим здоровые миллионы. Вы ответите, что мы не входили во все это, работая только ради чистой науки! Тем хуже для нас! Мы не убивали, но создавали орудия преступления, зная, как они будут использованы. Мы должны были входить в это и, нося почетное звание ученых, не могли не знать, что мы способствуем рабству. Мы умывали руки от последствий наших ученых трудов, но это не может умыть нашу совесть. Сидя на вершинах своих кабинетов, мы затыкали уши и закрывали глаза перед действительностью, но это далеко еще не снимает с нас ответственности.

Поддерживая своей пассивностью режим эксплуататоров, мы привели к возникновению в наш век — век небывалого расцвета науки — совершенно невероятных возможностей. Рекордной из них является извлечение из-под затхлой плесени средневекового бескультурья мошеннически-лицемерных «идей» о крестовом походе — этом позорнейшем пятне в истории человечества против начинателя великой социалистической культуры — СССР. Поэтому я публично отказываюсь впредь от подобных путей, в доказательство чего не опубликую более в буржуазных государствах ни одного из моих трудов. Я скрою от буржуазных ученых полученные мною на Айю знания, чтобы империалистиче-

ские державы не затеяли новых войн и не превратили бы другие планеты в колонии рабов.

Не подумайте, однако, что я проповедую Руссо и Толстого. Нисколько! Я стою за современную цивилизацию, но считаю, что она не должна служить целям закрепощения, угнетения и взаимного истребления. А для этого трудящиеся должны исключить из своего общества подстрекателей войн и легионы эксплуатирующих их бездельников, которые обкрадывают их труд.

Вы считаете науку аполитичной, но вы не можете не понимать, что та дьявольская цель и пошлая форма, в какой знание преподносится нашими школами, делает его могучим орудием господства класса над классом. Поэтому всю свою будущую деятельность я свяжу с научными центрами СССР и им только сообщу все то, что узнал здесь. Ибо СССР — единственная на земном шаре страна, совершившая величайший в истории человечества перелом и положившая твердое начало к осуществлению того, что я застал здесь — на Айю.

Вы спросите меня: «Что же нам делать?» Отвечаю: громко заявить во всеуслышание объединенный протест и присоединиться к борющемуся пролетариату. Ибо только он вопреки вашей тормозящей деятельности даст человечеству свободу и возможность культурного развития.

И не помогут любезно преподносимые вами классу насильников аэропланы, пушки, бактерии и ядовитые газы... Время убьет консервативную буржуазную формулу: «Пока жив человек, будут существовать войны и классы богатых и бедных». Пролетариат сам отвоевывает кровавые дюймы свободы, и кривая истории непреложно ведет из царства тьмы и насилия к свободе и свету. Социальные процессы нарастают в «скач-

ки»: революции форсируют эволюцию, и каждый скачок разбивает новое звено цепей человечества.

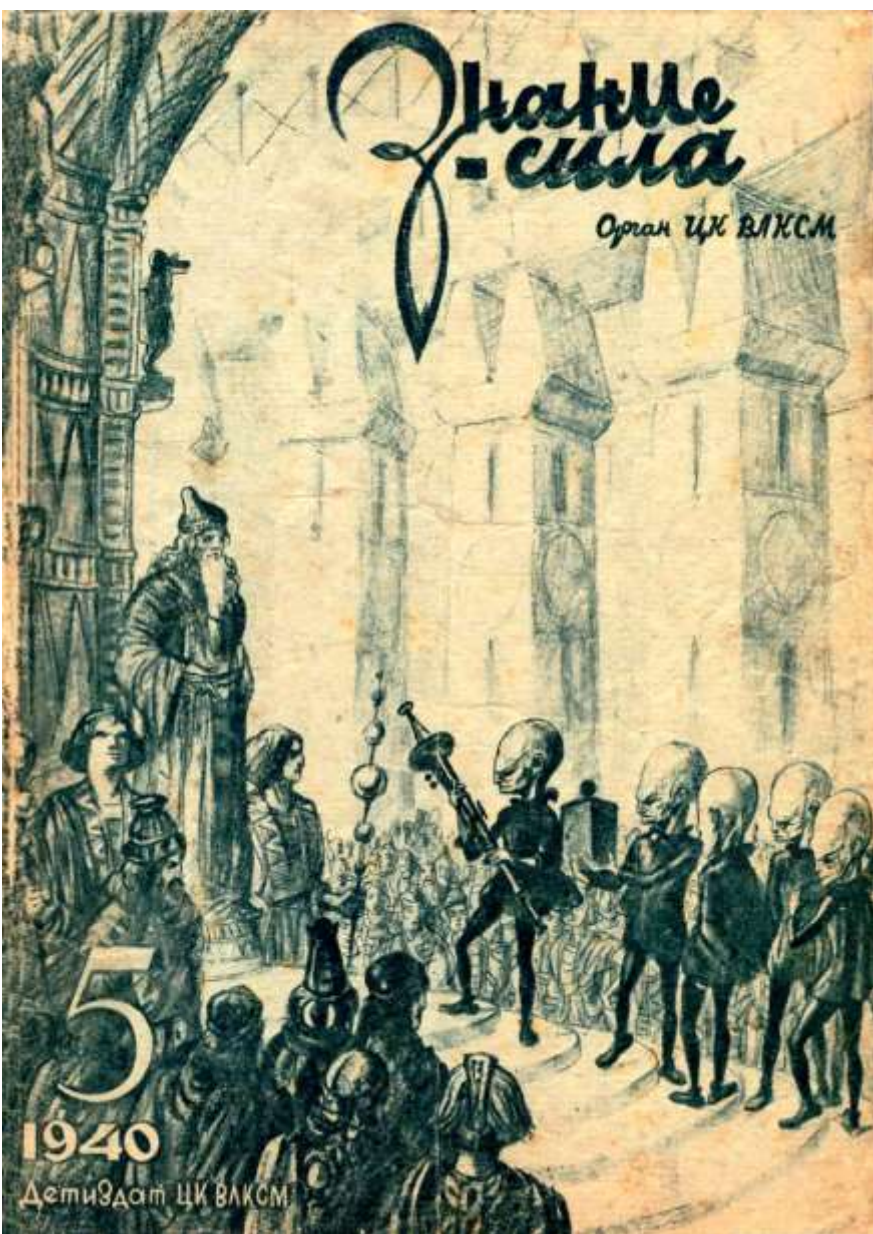
Твердыми шагами грядет коммунизм.

Джемс Брукс

«Следующий мир»
скоро выходит от-
дельной книгой в
издании «Молодой
Гвардии».

Жаңғыл -суда

Орган ЦК ВЛКСМ

5
1940

ДетиЗдат ЦК ВЛКСМ

БОРИС АНИБАЛ

МОРЯКИ ВСЕЛЕННОЙ

Научно-фантастическая повесть

Иллюстрации художника Л. Эппле

Журнал «Знание-сила», №№ 1-2, 3, 4 и 5, 1940

*Научно-фантастическая повесть Бориса Анибала
Иллюстрации художника Л. Энгле*

Глава первая ПЕРЕД СТАРТОМ

*Большая птица... начнет полет, наполняя вселенную изумлением, молвой о себе все писания и вечной славой гнездо, где она родилась.
Леонардо да-Винчи*

Первая ракета, на которой человек начал летать, как ни наивна теперь, в конце XX века, кажется ее конструкция, воочию показала, что ни дальность, ни высота ракетоплавания не ограничены. И если полеты на любое расстояние не так скоро осуществились, то лишь потому, что не было такого горючего, которое давало бы при горении достаточно высокую скорость вытекания газов, толкающих ракету.

Над разрешением этой задачи упорно работали физики и химики нескольких стран. Многие, вероятно, еще помнят, как во время опытов, связанных с поисками горючего для ракеты, в Оксфорде взлетела на воздух лаборатория профессора Стэнли, погибшего при

взрыве вместе со своими сотрудниками. Прошло еще несколько лет, была принесена еще не одна жертва, пока наконец такое горючее не было найдено. Его открыл инженер Ракетостроя Лукин, одно время работавший у Стэнли.

В водородно-кислородных ракетах скорость частиц газовой струи не превышала 5 километров в секунду. А горючее Лукина, которое он назвал гелиолином, в десятки раз превышало эту казавшуюся тогда предельной скорость. Впрочем, только очень немногие знали, какую именно скорость давал газовой струе гелиолин и каков его состав. Открытие Лукина, ввиду особой его важности для хозяйства страны и для оборонных целей, было засекречено, а Лукину присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Упорно, в течение многих лет работая над проблемой сверхскоростного горючего, после тысячи опытов и проб Лукин чувствовал, что близок к ее разрешению, но долго не мог найти того ответа, который потом казался ему таким простым. И вот однажды утром, когда он, нагнувшись с кровати, надевал свои огромные ботинки, ему неожиданно подумалось: «А что, если применить в расчетах формулу Лаперузо? Формулу реакции желтых звезд...» Он долго сидел неодетый с записной книжкой в руках и страницу за страницей покрывал знаками формул. Да, идея была верна: все реакции бурно ускорились!

Теоретические обоснования были найдены, оставалось проверить их на практике. Через несколько месяцев он уже рассматривал в колбе золотистый гелиолин. Одной капли его было достаточно, чтобы вздрезбги разнести всю лабораторию.

В заграничной печати, чрезвычайно заинтересованной открытием советского инженера, высказыва-

лись самые разнообразные предположения о составе и свойствах гелиолина. Доктор Геце в мюнхенской «Ди Натур» высказывал, например, мысль о том, что тут используется внутриатомная энергия, превращение материи в энергию, но все эти высказывания так и остались в области догадок и предположений.

Получение гелиолина в лаборатории Ракетостроя было решением самой трудной задачи. Это горючее открывало пути звездоплаванью.

Через пять лет после того, как Лукин впервые высоко поднял и сосредоточенно посмотрел на свет колбы с гелиолином, наступило великое противостояние Земли и Марса. Обе планеты сблизилась, их разделяло менее 60 миллионов километров.

20 августа 19.. года весь мир был поднят на ноги необыкновенным сообщением. Оно привело в действие всю радиотрансляционную сеть земного шара и жирным шрифтом печаталось на первой странице всех газет пяти материков. О нем говорили незнакомые люди, останавливая друг друга на улице, его читали одинаково жадно и под горячим солнцем Африки и среди вечных снегов Арктики, и все с нетерпением ждали подробностей. Несмотря на свою краткость и сдержанность, характерную для всех советских сообщений, это сообщение было самым необыкновенным из всего того; что когда-либо слышали и видели человеческие уши и глаза.

В немногих строках, переданных телеграфным агентством Советского Союза, говорилось:

«Правительство СССР одобрило разработанный сотрудниками Ракетостроя — инженером-конструктором, Героем Социалистического Труда т. Лукиным, летчиком-испытателем т. Кедровым и астрономом т. Малютиным — проект первого межпланетного перелета на

ракете по маршруту Земля-Марс-Земля с кратковременной высадкой на Марсе.

Перелет начат сегодня, 20 августа, в 3 ч. 59 м. с верфи Ракетостроя № 3 на звездолете «РС-7».

Экипаж корабля: первый пилот Герой Социалистического Труда т. Лукин, второй пилот и бортрадист т. Кедров, штурман т. Малютин.

Цель перелета — испытательная и научно-исследовательская».

Так оповещалось человечество об этом беспрецедентном событии. Как в обосновании звездоплавания Циолковским, так и в практическом его осуществлении мировая пальма первенства принадлежала русскому народу.

Кто же были эти трое, что отправились в столь необыкновенный перелет? Почти на всех фото, которые после отлета заполнили газеты и журналы мира, Лукин был в рабочем комбинезоне, его характерная седая голова с молодым лицом запоминалась сразу. Кедрова снимали то с теннисной ракеткой, то в кабине ракетоплана, и видно было, какой он крепыш. Малютин был снят у карты Марса; его глаза внимательно и прямо смотрели из-под очков.

Фотографам удалось схватить основную черту каждого. Итоги пространных фельетонов и еще более пространных очерков о членах экипажа сводились к следующему.

Лукин был воплощением кипучей деятельности. Он всегда был занят: конструировал самолеты, дирижабли, ракеты и среди многих дел сделал еще большее — открыл гелиолин. Он, даже отдыхая, не мог сидеть спокойно — копался в саду, придумывал систему его орошения, строил и перестраивал свою дачу.

Прямой противоположностью ему был Малютин,

предпочитавший размышления и наблюдения действию. Начав работу археологом в экспедиции Тураевского института, той самой, которая открыла знаменитый ливийский папирус, он заинтересовался древнеегипетскими зодиаками. В процессе работы Малютину пришлось заняться астрономией, он увлекся и оставил науку о древностях. Работы Малютина о Марсе были известны за пределами Советского Союза. Специалисты упоминали его имя наряду с именами Скиапарелли, Лоуэлла, Антониади.

Кедрова знали как замечательного летчика и спортсмена. О его скоростном перелете на ракетоплане из Москвы в Москву, через оба полюса, три года тому назад писала вся мировая печать.

Ночью, за сутки до отлета, Малютин сидел в обсерватории у большого, заваленного бумагами стола и, согнув худую спину, проверял графики полета.

На графиках весь путь звездолета был разбит на часовые отрезки с обозначением пройденного расстояния, угловых величин Земли и Марса и тех неподвижных звезд, между которыми должны быть видимы обе планеты.

За креслом Малютина, как пушка, поднимал свое жерло огромный ультрателескоп, поблескивавший медью и никелем колес и сочленений. В тишине обсерватории вслед за легким шелестом раздалось характерное щелканье дверей лифта. Малютин отложил циркуль.

Вошли Лукин и Кедров. Оба были возбуждены и грязны, с руками, черными от машинного масла. Высокий, крупный Лукин со словами: «Как бы чего не испачкать!» осторожно присел на поручень одного из кресел и спросил:

— Ну, Алексей Андреевич, какие новости?

Лукин рассматривал в колбе золотистый гелиолин.

— Все хорошо! — ответил Малютин. — Еще раз проверял графики. Можно лететь.

— И у нас все готово, — сказал Кедров, подходя к ультрателескопу, — мы только что кончили генеральный осмотр. Инженеры, механики уже пошли спать, остались только дежурные.

— И нам пора, — произнес Лукин, — второй час. Надо выспаться... Только вот еще — хочу в последний раз посмотреть на Марс.

Малютин кивнул лохматой головой и одну за другой нажал три кнопки с правой стороны стола. Купол обсерватории открыл черную щель. Ультрателескоп, медленно поднимая жерло, казалось, сам нацеливался в невидимую мишень. Как только движение его прекратилось, в обсерватории потух свет, а на стене вспыхнул небольшой экран, в центре которого на темно-синем фоне висел дрожащий оранжевый диск, покрытый странными тенями.

На экране висел дрожащий оранжевый диск, покрытый странными тенями.

Все трое молча смотрели на далекий, неизвестный мир. В обсерватории опять стало тихо, только слабое постукивание механизма, не выпускавшего планету из поля зрения, нарушало безмолвие.

Когда изображение становилось отчетливым, выступала полярная шапка и смутные, с темными узлами, синевато-серые моря. Планета была чужой, невероятной, и странен был для человеческого глаза слабый рисунок теней на оранжевом диске. То, что они видели, больше походило на старинную волшебную картину, чем на действительность, и, вглядываясь в нее, каждый отыскивал суживающийся треугольник Большого Сырта и ту точку на нем, на которой предполагалось в случае возможности сделать посадку. Почти не верилось, что этот небольшой мерцающий диск — на самом деле огромный шар, на котором их тяжелый звездолет будет меньше блохи на глобусе.

— Ну, идемте, — сказал Лунин и, как бы подводя итог тому, что думал каждый, заметил: — Через пять суток мы должны быть там, и наша Земля оттуда будет казаться такой же невероятной...

Когда они вышли из обсерватории, все было погружено в сон и мрак. Над головой горели звезды, Млечный путь рассыпался серебряной пылью, на юге пылал красный Марс.

— Хорошо на Земле! — вздохнул Лукин, останавливаясь и прислушиваясь к тишине. — Все спит, но все живет...

— А какая красота над нами! — откликнулся из темноты Малютин. — Мы только ее не замечаем.

— Но эта красота также принадлежит Земле. Весь мир наш, — сказал голос невидимого Кедрова.

Глава вторая

ОТЛЕТ

*Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
М. Ломоносов*

Верфь № 3 Ракетостроя со своими эллингами, мастерскими, лабораториями, ангарами, аэро- и ракетодромами, раскинувшись на много километров, лежала в долине между двумя городками — Прилуками и Красным. Железнодорожная ветка связывала ее с крупнейшей северной магистралью страны, широкая и глубокая Пеленда — с Волгой. Кругом верфи, закрывая ее, шли хвойные леса.

В ночь отлета еще издалека, из окрестных колхозов, как белое зарево, было видно сияние над верфью. Десятки прожекторов заливали светом ракетодром, людей, озабоченно снующих туда и сюда, десятков пустых автомобилей и на горке взлетной дорожки — огромный, тяжелый, похожий на крылатую рыбу звездолет.

Провожающих было немного, их легкие самолеты с потушенными огнями стояли на соседнем аэродроме или покачивались лениво на Пеленде. Со своими родными и близкими трое путешественников простились еще вечером и сейчас досыпали последние минуты перед отлетом...

На ракетодроме все было полно напряжения и ожидания. Наконец кто-то крикнул: «Едут! Едут!» Поднялась суетня, забегали, заторопились люди; кинооператоры, расставив ноги, нацеливали свои аппараты. Над ракетодромом показался летающий автомо-

бил, снизился, сложил крылья, побежал по земле. Лукин, Кедров, Малютин и начальник штаба перелета профессор Чижевский вышли из машины около звездолета, и сейчас же с гулом и говором к ним придвинулась толпа провожающих.

Из открытого люка звездолета показалась голова главного механика; к нему по трапу поднялись Кедров и Малютин. Малютин нес большую папку графиков и карт, Кедров — четырех белых мышей в клетке (после отлета в газетах были опубликованы их имена — Венера, Луна, Комета и Плутон). Высокий, большой Лукин, оглядываясь, словно боясь кого-нибудь раздавить, сдерживал яростный натиск корреспондентов. Он возвышался над ними, как башня, о которую разбивались их суетливые волны.

— Пойдите, пойдите, — спокойно говорил он, снимая кожаный шлем и обнажая седую голову. — Не все сразу. Я могу сообщить следующее: мы летим на звездолете «РС-7» конструкции коллектива верфи № 3. Он построен по опытному образцу, на котором в течение двух лет мы проводили испытания...

— О! — не выдержал толстый, задыхающийся корреспондент агентства «Антарктика». — А мы, простофили, ничего не знали!

— В нашем звездолете, — продолжал Лукин, щурясь в фиолетовом свете прожекторов, — конструктивно соединены ракета и самолет. До нижних слоев стратосферы мы поднимаемся, как на обыкновенном аэроплане, и там включаем ракетный двигатель. Ракетных двигателей у нас два — прямого и обратного действия. Первый, наиболее мощный, установлен в хвосте звездолета и предназначен для подъема и набора необходимой скорости. Второй двигатель, ракетная группа которого вмонтирована в крылья корабля, предназна-

чен для торможения при спуске и в том случае, если скорость на каком-либо участке пути окажется более предвычисленной. Горючее звездолета — гелиолин. (Тут корреспонденты насторожились, но напрасно.) Корпус корабля построен по принципу термоса, и мы, находясь в герметически закрытой кабине, избежим резких колебаний температуры, даже вылетев в мировое пространство. Тем не менее, смотрите, мы одеты тепло: в замшевые комбинезоны на беличьем меху с гагачьим пухом и в великолепные унты. Но вы меня так стеснили, что вам, конечно, ничего не видно.

Тут, как бы вспомнив что-то, Лукин пошарил в кармане и вытащил необыкновенно толстую папиросу. Сейчас же со всех сторон к нему протянулись руки с зажигалками.

— Хочу накуриться, — сказал он, выпуская густой клуб дыма. — Еще неизвестно, когда снова придется закурить. — И, улыбаясь серыми глазами, добавил: — В звездолете нельзя, а на Марсе, быть может, это совсем не принято.

«Последняя папироса перед отлетом. Марсиане не курят», лихорадочно, сбив шляпу на затылок, записывал в своем блокноте корреспондент «Американ Таймс».

— А позвольте... — выступил вперед маленький, желтый и очень вежливый корреспондент телеграфного агентства Китайской республики, — позвольте один вопрос...

— Да, пожалуйста!

— Вы сказали, что в течение двух лет испытывали звездолет. Не будет ли правильным сопоставить его полеты с таинственной «маленькой Луной», о которой в течение двух последних лет появилось несколько сообщений крупнейших обсерваторий мира?

Натянув шлем, Лукин стал подниматься на корабль.

Лукин не успел ответить, как в иллюминаторе звездолета показался Кедров.

— Иван Дмитрич, — напомнил он, — мы вас ждем!

— Простите!.. — сказал Лукин корреспондентам и, натянув шлем, стал подниматься на корабль.

Корреспонденты разочарованно смотрели на его широкую, обтянутую замшей спину.

Все было готово. Профессор Чижевский и главный механик с масленкой в руке спустились из звездолета. Кедров поднял трап и захлопнул люк. Высунувшись из

иллюминатора, путешественники по очереди пожимали высоко поднятые руки провожающих.

— Мы полагаем, — обратился Малютин к корреспондентам, — что на Марсе не должно быть ничего фантастического. Мы живем не только на Земле, но и во вселенной, и по тому, что мы уже знаем о ней, нельзя ожидать каких-либо особенно удивительных открытий на другой планете. Но наш полет, быть может, разрешит давнишний спор: есть на Марсе жизнь или нет...

— Ну, пора! — сказал Лукин и, приветственно помахав рукой, закрыл иллюминатор.

Провожающие молча смотрели на огромный серебряный звездолет, раскинувший короткие толстые крылья. Наглухо закрытый, он казался гигантским снарядом, который вот сейчас с ревом и свистом ринется в небо. Наступили последние, томительные минуты. Из-под колес убрали колодки. Высоко над ракетодромом рассыпалась красная сигнальная ракета — звездолет готов! Седой как лунь профессор Чижевский взглянул на часы и вдруг, схватив лестницу, с юношеской живостью приставил ее к звездолету. Все с тревогой следили за ним. Поднявшись, он согнутыми пальцами постучал в стекло. В иллюминатор высунулся встревоженный Лукин. Чижевский ничего ему не сказал, только обнял дрожащими руками и, быстро отстранившись, спустился. Ни к кому не обращаясь, он проговорил:

— Мой ученик, способный, очень способный человек...

Трехлопастный винт корабля качнулся и, все ускоряя свое движение, слился в сверкающий круг. Провожающие медленно отступали. Взвилась зеленая ракета. Корабль тронулся. За стеклом мелькнуло бледное

лицо Малютина. Все ускоряя свое движение, звездолет, покачиваясь, бежал по взлетной дорожке и почти у самого конца тяжело оторвался, повис на мгновение в воздухе и пошел в небо.

Вот он засверкал в луче прожектора. Провожающие, вскинув обнаженные головы, следили за ним. Сторожа окрестных колхозов, опираясь на свои бесшумные мотоциклы и колхозные доярки, молча стояли на спящих улицах сел и деревень и также следили за ним. В широком световом луче прожектора, поднятом, как меч, в темное небо, он летел все выше и выше. Его очертания уже были неразличимы, виднелось только серебряное мерцание; наконец, и оно погасло.

.....

Лукин указал рукой на восток: огромный красный диск солнца выкатился из-за горизонта, земля была далеко внизу.

В кабине звездолета царил порядок: все было укреплено неподвижно, вплоть до графиков полета, прижатых зажимами к штурманскому столику. Стены и потолок, словно одеяло, покрывала стеганая кожа, пол был выстлан пробковой массой, покрыт пушистым ковром. В стенах и над щитом управления сияли три иллюминатора. Зеркальные ставни были подняты. На стеганой обшивке покачивались ременные поручни.

— Приготовьтесь! — сказал Лукин, поднимаясь с пилотского кресла, и через плечо посмотрел на Малютина.

Чтобы разорвать цепи земного притяжения, звездолет должен был развить скорость не меньшую 11,2 километра в секунду. Гелиолин давал большие скорости, но задача их плавного нарастания еще не была разрешена, ускорение шло толчками и переносилось тяжело даже лежа.

Три раскладных кресла звездолета были превращены Малютиным в койки и установлены под прямым углом к линии полета. Кедров, взглянув на показания приборов, сказал в микрофон:

— Земля! Слушайте! Говорит «РС-7». Четыре часа сорок минут. Высота пятнадцать тысяч семьсот. Включаем ракетный двигатель. Ждите возобновления связи.

Далекий голос Чижевского проговорил в наушниках:

— Радируйте через полчаса...

Вслед за этим все трое улеглись на койки, пристегнувшись к ним ремнями. Пилотское кресло раскладывалось непосредственно перед щитом управления, и Лукин, даже лежа, мог управлять звездолетом.

— Включаю! — крикнул он и нахмурился.

Взглянув на часы и высотомер, он выключил самолетный мотор и быстро повернул реостат ракетного двигателя. Наступившую на минуту тишину разорвал взрыв. Звездолет глухо заревел, сделал огромный прыжок. Непомерная тяжесть навалилась на моряков вселенной, сдавила грудь, плечи, живот. Корабль дрожал, взрывы следовали один за другим, сливаясь в громоподобный рев. Ощущение тяжести все нарастало, грудь расплющивалась, дышать стало невозможно. Казалось, такое состояние продолжалось нестерпимо долго. Малютин ощутил металлический вкус крови на языке, хотел сделать глотательное движение и не мог. Лукин пытался что-то проговорить. Внезапно все трое почувствовали резкую перемену — невыносимая тяжесть исчезла, ее сменило ощущение падения: под ложечкой замирало, кружилась голова. Звездолет проваливался в бездну, иллюминаторы быстро чернели, рев ракеты сменила мертвая тишина.

Поборов тошноту, Лукин легко отстегнул ремни и вдруг всплыл в воздухе над койкой. Он дышал еще тяжело и озабоченно проговорил:

— Впереди больше четырех суток полной невесомости. Двигайтесь осторожно, берегите головы и колени!

Малютин повернул голову. Его черепаховые очки соскочили с переносицы и поплыли по воздуху.

— Придется привязать их веревочкой! — сказал он, протягивая руку и ловя колеблющиеся, словно паутина, очки.

*Путешественники, покачиваясь в воздухе, смотрели
сквозь толстый прозрачный иллюминатор.*

Путешественники, хватаясь за ременные поручни, осторожно подтянулись к иллюминатору. Как рыбы у стекла аквариума, не касаясь ногами пола и покачиваясь в воздухе от малейшего движения, они смотрели сквозь толстый прозрачный иллюминатор.

Огромной вогнутой чашей над ними висела Земля, закрывая весь горизонт. Края ее туманились, середину, как снежное море, покрывала бесконечная пелена облаков, в просветах виднелись бурые пятна и, казалось, голубело небо.

— Атлантический океан, — сказал Малютин.

Звездолет мчался в черной бездне, пронизанной колючими лучами звезд. Они засекали тьму кругом — и над головой и под ногами, как зерна, или роились огненными пчелами. Солнце, не затмевая их блеска, полыхало косматым голубым шаром. В кабину вливался нестерпимый свет, и Малютин опустил зеркальный ставень.

Кедров, выпустив поручень, подошел, вернее подплыл, к радиотелефону. Но тщетно он давал позывные: Земля не отвечала. В наушниках потрескивало, и слышались далекие шумы.

— Молчит! — повернулся он к своим спутникам, повозившись над аппаратом. — Связи нет... Связь прервана...

Глава третья ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА МАРСЕ

*Мы постепенно вникнем в характер
этой планеты и постигнем самую сущность ее.*

Персиваль Лоуэлл

Далеко во тьме, черной, как тушь, висел гигантский оранжевый апельсин, покрытый странным сплетением серо-синих пятен и легких теней. Их непривычные очертания лишь отдаленно напоминали те карты, которые везли с собой путешественники, и, чем ближе звездолет подходил к Марсу, тем более не похожим становился он на эти карты. Его почва была испещрена множеством темных узлов и неправильных клеток, нежно-серые пространства тянулись между ними, моря напоминали шкуру леопарда. Пятые сутки полета подходили к концу. Марс был близок.

После очередной вахты Малютин, просунув всю кисть в поручень, висел у потолка, словно летучая мышь. Вдруг он почувствовал — какая-то все нарастающая сила тащит его вниз и ставит на пол.

— Наконец! — сказал он, делая шаг и не отделяясь больше от пола. — Мы вступили в сферу притяжения Марса. Готовьтесь идти на посадку!

Мир путешественников перевернулся вверх ногами: до сих пор Марс был над ними, теперь он оказался под звездолетом.

Малютин и Кедров, стоя на коленях, смотрели в нижний иллюминатор, до этого скрытый под ковром. От напряжения их шеи налились кровью. Марс, увеличиваясь с каждой минутой, мчался навстречу. Тени морей становились резче, на материках вспыхивали

огненные пятна. Огромное лицо планеты, разрастаясь, приближалось к ним. Это было страшно.

Зашипели тормозные ракеты — они должны были погасить излишнюю скорость звездолета. Гнетущая сила толкала путешественников вперед. Кедрова, не застегнувшего на себе ремни, швырнуло с койки к щиту управления. Когда звездолет, падая со все убывающей скоростью, проник в атмосферу Марса, Малютин приложил ладонь к иллюминатору — стекло было теплым.

Звезды померкли, небо стало темно-синим. Под звездолетом, насколько хватал глаз, во все стороны расстилалось изрытое ветрами песчаное море. Оранжевый песок лежал плоскими холмами, и сверху эта пустыня представлялась громадным кладбищем, усыпанным могилами. От пустыни и солнца шел красный свет, и оттого ли, что солнце было маленькое, а небо низкое, мир Марса казался тесней и темней мира Земли.

Кедров, сменив Лукина, сел за штурвал. Лукин и Малютин, возбужденные, стояли у иллюминаторов.

— Вот он, Марс! — проговорил наконец Малютин. — Все мертво!

Слова его, казалось, говорили о разочаровании, но глаза горели жадным блеском.

— А лететь легко, — сказал Кедров, взглянув на счетчики, — гелиолина идет в два раза меньше, чем на Земле. Взгляните, под нами как будто высохшее русло не то реки, не то канала. Дно занесено песком. А вон холмы, песчаные холмы, как наши дюны...

Горизонт был ровен, сверкали пески, и по ним летела фиолетовая тень звездолета. Прошел час, но ничто не оживляло безрадостного ландшафта, как будто звездолет парил над одним и тем же местом.

— Под правым крылом! — неожиданно крикнул Кедров, снижаясь и переходя на самую малую скорость.

Там, по оранжево-красной равнине, тянулись какие-то серые полосы. Когда подлетели ближе, увидели разбросанный неправильными кучками чахлый кустарник. Сверху он казался мертвым. И вдруг впереди блеснула вода. Это был большой круглый водоем — может быть, озеро, может быть, пруд — на самом дне стояла красноватая вода. От водоема, теряясь среди кустарников, шел высохший проток.

Когда матрос Колумба увидел с мачты долгожданную землю, он, вероятно, закричал об этом не громче, чем теперь закричали сразу все трое:

— Вода!

Вода, по земным понятиям, значит жизнь. Кустарник и вода свидетельствовали об этой жизни.

Кедров повел звездолет дальше на север. Перед ними открылась обширная область, покрытая серо-зеленой растительностью, среди которой изредка поблескивала вода. То снижаясь, то набирая высоту, они летели до тех пор, пока не прошли над занесенными песком руинами.

— Развалины! — воскликнул Лунин.

— Город! — сказал Кедров.

— Мертвый город! — поправил Малютин.

В песчаном море, как остовы погибших кораблей, прошли под звездолетом обломки развалившихся стен. В расселинах каменных плит гнездилися кустарник. Одиноко вставала разрушенная башня, обнажая черные ребра. На ней, как водоросли, висели космы какой-то растительности. Если это и был город, то город запустения.

— Садимся? — спросил Кедров, развертываясь над развалинами.

— Надо искать площадку, — ответил Лукин. — Тут завязнешь!

Площадку нашли километрах в пяти к востоку от развалин. Это красное большое поле с воздуха казалось твердым и ровным. Кедров несколько раз пролетел над ним, изучая грунт, и под очень пологим углом, на минимальной скорости, пошел на посадку.

Звездолет коснулся почвы, сделал скачок и пошел прыгать и бить хвостом по жесткому грунту.

— Шасси!.. — закричал Лукин, держась за поручень и мотаясь от толчков из стороны в сторону.

Кедров, вцепившись в штурвал, трясся в пилотском кресле. Наконец звездолет остановился.

— Все! — сказал Кедров вставая. — Я никогда еще так плохо не садился...

Все вещи в кабине были разбросаны, ящики раскрыты. Тут и там валялись скафандры, теплая одежда, оружие, кислородные аппараты, мешки с провизией, карты. Кабина еще была герметически закрыта, и по-прежнему ритмично постукивали аппараты по очистке воздуха и выработке кислорода. Можно ли было открывать люк, и без скафандров спуститься из звездолета? Ответ на это должны были дать мыши. Они тихо сидели в клетке, поблескивая бисеринками глаз. Наружный термометр и барометр лопнули при посадке.

Кедров пересадил двух мышей из клетки в толсто-стенную металлическую камеру, вделанную в пол звездолета. Крышка и дно камеры герметически закрывались.

— Смотрите, — сказал он и, нажав пружину, закрыл крышку и откинул дно.

Лукин и Малютин, лежа на полу головами друг к другу, смотрели в иллюминатор. Они видели, как откинуло дно камеры и оттуда выпали два белых комочка. Это были Луна и Плутон. Они упали прямо на розовые лапки и, подобравшись, затаились.

— Живы? — спросил Кедров, в свою очередь ложась к иллюминатору.

— Живы, — ответил Лукин, — а вдруг подохнут...

— Нет, — возразил Малютин, — глядите!

В этот момент оба мышонка, точно по уговору, встав на задние лапки, стали оглядываться. Потом шустрый Плутон белым шариком выкатился из-под звездолета, пробежал несколько шагов, остановился и снова побежал, пока его не скрыла из глаз неровность почвы. Толстая Луна походила около звездолета и, умывшись, уселась в тени крыла.

Воздух на Марсе был, можно было выходить даже без кислородных аппаратов. Лукин отвинчивал люк. Он волновался. Его пальцы с побелевшими от усилий ногтями соскакивали с крышки. Как из бутылки с газированной водой, из кабины с шипением выходил воздух, более плотный, чем наружный. Наконец в круглом отверстии люка открылось синее небо. Лукин, помедлив, высунул голову.

— Дышать можно... Выходим! — оглянув кабину, сказал он и, откинув трап, стал спускаться, на минуту заслонив своим телом синий круг открытого люка. За ним последовали Кедров и Малютин.

Впервые за пять долгих суток путешественники стояли на твердой почве, на почве чужой планеты и, щурясь от резкого солнца, безмолвно озирались во круг.

Звездолет остановился на краю красного, глинистого поля. За полем сверкали пески с низкорослым

кустарником. Горизонт был все такой же плоский, небо низкое, темно-синее. Необыкновенная тишина поражала слух. Все было недвижно, даже ветер не шевелил кустарника.

— Ну? — Лукин вопросительно посмотрел на спутников. — Вот мы у цели... — И голос его прозвучал неожиданно слабо.

— Прилетели, — сказал, улыбаясь бледной улыбкой, Кедров.

— Да, прилетели! — проговорил Малютин. — Первые люди на Марсе...

Небритые, с красными глазами, усиленно дыша, они стояли около своего корабля и молча поглядывали друг на друга. Потом так же молча обошли его кругом. На солнышке было жарко, в тени веял холод. В ушах покалывало, голоса звучали слабо, и дышалось с трудом, но двигаться было необыкновенно легко, и эта легкость в движениях облегчала дыхание.

*В песчаном море, как остовы погибших кораблей,
виднелись обломки развалившихся стен.*

Только теперь они увидели, насколько неровна посадочная площадка. Красная глина была как камень и вся, словно древними морщинами, исчерчена кривыми трещинами, пропадавшими в глубоких выбоинах. Серебристый фюзеляж звездолета потускнел, покрылся ржавым налетом, как будто звездолет прошел сквозь пламя. Там и сям на фюзеляже и крыльях змеились тонкие черные царапины, может быть это были следы космических лучей. Одно из выхлопных сопел, сделанное из прессованного угля, лопнуло.

— А мне хочется курить, — сказал Лукин, доставая папиросу. — Но что вы делаете? — крикнул он Кедрову.

Тот отошел от звездолета и предостерегающе поднял руку, потом разбежался, сделал огромный прыжок, пронесся над хвостом корабля и упал по другую его сторону.

— На Земле бы так прыгать! — сказал он, встав на ноги. — С разбега на четыре метра.

— Ну что же, — заметил Малютин, — вы здесь весите почти в два раза меньше, и такой прыжок — прямое доказательство этого.

Лукин походил по площадке, постоял, послушал и сказал, возвращаясь:

— Встречать нас как будто некому, а времени у нас мало. По графику, через трое суток мы должны вылететь обратно. Давайте приниматься за работу!

Скоро около корабля раскинулся лагерь: мешки, ящики, инструменты были выгружены на площадку. Лукин и Кедров начали детальный осмотр звездолета.

Малютин помогал им, потом, когда увидел, что и без него справятся, вооружился большим сачком, карманным пулеметом и пошел побродить около площадки.

С осмотром, смазкой механизмов, сменой сопла и подсчетом запасов гелиолина Лукин и Кедров провозились до сумерек. Пора было ужинать, а Малютин все не возвращался. Они стали уже выказывать признаки беспокойства, как вдруг увидели Малютина. Яростно размахивая сачком, он показался на окраине площадки. Он бежал, вернее, скакал за кем-то, делая большие прыжки, как кенгуру. Перепрыгнув через кустарник, Малютин снова скрылся из глаз. Над кустарником, словно флаг, на секунду взлетел зеленый сачок, и Малютин выбежал опять на площадку, направляясь к звездолету. В завернутом на сторону сачке что-то болталось.

— Кого-то поймал! Какого-то зверя!.. — говорил он запыхавшись. — Значит, животные на Марсе есть... Давайте скорей что-нибудь куда посадить!

Оба пилота заразились его нетерпением. Кедров подставил стеклянную банку, Малютин тряхнул сачком, и в банку вывалился рыженький зверек, все с интересом склонились над банкой.

— Мышонок! — вдруг закричал Кедров. — Наш мышонок, Плутон! — И оба они с Лукиным весело засмеялись.

Малютин был сконфужен. Теперь он сам видел, что это мышонок.

— Почему же он стал рыжим? — нерешительно проговорил он, поправляя очки.

— Да в песке, должно быть, или в этой красной глине копался...

Солнце садилось, становилось холодно. Лукин нарубил веток кустарника, исцарапав руки о его колючки, зажег костер. Кустарник горел плохо, только дымил, и ужин разогревался на примусе. Плутон ужинал вместе с ними, восседая на колене у Кедрова.

Обернувшись на закат, Малютин поднял руку и, показывая на яркую звезду, загоревшуюся на закатном небе, сказал:

— Земля!

И каждый посмотрел на сверкавшую влажным блеском звезду, каждый вспомнил то, самое близкое, что олицетворяло для него родную Землю.

В сгустившихся сумерках они сидели на голом поле чужой планеты вокруг потухшего костра и тихо разговаривали.

К ночи стало так холодно, что спать пришлось в меховых мешках. Лукин, в меховой курке в унтах, остался на вахте. Странная была ночь. Тишина была полная. Планета казалась мертвой. Над головой возвысились знакомые созвездия, но среди них, навстречу друг другу, плыли две маленькие луны. Над горизонтом ясным белым светом сверкала Земля. К утру поле покрылось инеем. Стоял настоящий мороз.

Глава четвертая

МАРСИАНЕ

*...Согласиться ты должен,
Что существуют иные земные миры во вселенной,
Также иной род людей и другие породы животных.
Лукреций*

Утром, как только солнце согнало ночной иней, пришельцы с Земли открыли свой лагерь. На высоком бамбуковом удилище заиграл в синем небе красный советский флаг.

После завтрака Лукин и Кедров отправилась на разведку. Они шли вооруженные, с заступами, кинокамерой, радиотелефоном; рюкзаки были набиты множеством необходимых для похода вещей. Пески начинались сейчас же за посадочной площадкой. Тут и там пучками торчал колючий кустарник, словно вырезанный из жести.

Километра через полтора начали попадаться отдельные деревья, и скоро путешественники шли в сером кривом лесу. Марсианский лес не давал тени. Плакучие ветви, как змеи, были покрыты синеватыми чешуйками, издали ветви казались голыми. Ни шелеста листвы, ни пения птиц — это был немой лес. Низкорослые деревья далеко отстояли друг от друга, и заблудиться в таком лесу было трудно. Впрочем, он скоро кончался.

За лесом опять открылась песчаная равнина с холмом посередине. На вершине его темнел одинокий пик. Лукин и Кедров шли молча, вглядываясь и запоминая

— Зловещий лес! — сказал наконец Лукин.

— Здесь все так странно! — ответил Кедров. — Эта тишина... Пустыня...

И опять они шли молча, время от времени поправляя на ходу свое снаряжение.

— А жарко становится... — проговорил Кедров. — В сапогах у меня песок...

— Но смотрите, — обернулся Лукин, — мы нагружены, а оставляем в песке совсем неглубокие следы! Вот что значит, уменьшение тяжести вдвое.

По дороге они набрали на водоем, обросший колючками. Ничто не оживляло его спокойной поверхностью, затянутое ржавой пленкой. Лукин набрал в бутылку красноватой воды, попробовал и сплюнул.

— Горькая соль, — сказал он, — хуже английской!

Перед ними возвышалась огромная статуя, крылатая и загадочная...

Когда они поднялись на холм, то, что издали было принято ими за пик, оказалось огромной статуей. Наполовину занесенная оранжевым песком, она воз-

вышалась перед ними, крылатая и загадочная. У нее было два лица, обращенные в разные стороны. Станные, нечеловеческие лица, нависшие лбы и невидящий взгляд устремленных вдаль совиных глаз! Удивленные до крайности, Лукин и Кедров стояли как вкопанные, молча взирая на это чудо среди пустыни. Одно лицо статуя казалось юным, другое пересекали суровые морщины. Острые крылья вздымались за плечами, в каменных глазницах лежал песок.

— Что это? — проговорил Лукин. — Что это может быть? Неужели марсиане такие?

Закинув головы, они медленно обошли статую. Кедров перевесил кинокамеру на грудь, взялся за ручку.

— Вероятно, — сказал он, — сделана она марсианами, но по их ли образу и подобию, сказать трудно.

— А что, если марсиане такие огромные? — воскликнул Лукин. Он сам был большой и любил все большое. — Во всяком случае, в какой-то мере эта статуя должна их напоминать. Вспомните сфинксов: наполовину они люди.

— Может быть, это какой-нибудь марсианский бог — двуликий, как Янус, и крылатый, как Хронос?

Так они стояли, разглядывая статую и перебрасываясь редкими фразами. Лукин посмотрел на часы.

Они спустились с холма, даже позабыв вытрясти песок из сапог.

Солнце пекло все яростнее, песок горел, слепил, но тени не было. Путешественники шли, нахлобучив шлемы на глаза. Не успели они пройти полкилометра, как Кедров схватил Лунина за рюкзак:

— Смотрите, смотрите, Иван Лукич! — и показал вперед.

Из песка торчала рука, рука скелета, со сжатыми в кулак костяшками пальцев, как будто тот, кто был погребен в сыпучем море, погибая, последним усилием хотел схватить воздух. Лукин остановился.

— Откопаем! — сказал он, отстегивая от ремня заступ. — Вот видите, одно идет за другим: после статуи эта рука. Что мы еще найдем на Марсе?

Сняв все свое снаряжение и раздевшись до пояса, они взялись за заступы. В такт их работе у ног путешественников сгибались и выпрямлялись короткие фиолетовые тени. Постепенно из песка выступил черный, похожий на ладью остов, металлический, из палых изогнутых трубок и, по-видимому, очень легкий. С левого борта выдавалась широкая плоскость.

— Похоже на летательный снаряд, — проговорил Кедров, опираясь на заступ.

Лукин продолжал работать и вдруг закричал:

— Марсианин!

Песок, осыпаясь, открыл наконец маленький, жалкий скелет с огромным черепом и птичьей грудью. Он лежал, скорчившись на дне снаряда, вытянув кверху сжатую в кулак руку.

С минуту они рассматривали его, потом Кедров проговорил:

— Почему он такой маленький?

— А череп, смотрите, какой мощный череп, вдвое больше нашего!

— Может быть, это ребенок?

— Не думаю, скелет окостенел полностью, швы черепа срослись плотно. Потом, смотрите, строение скелета очень напоминает ту статую.

— Возможно, он потерпел аварию?

— Но все кости целы. Тут что-то другое...

— Что мы с ним будем делать? — спросил Кедров.

— Покажем его завтра Малютину. Что он скажет? В свое время он занимался археологией.

Несмотря на зной и усиленную работу, полуобнаженные тела путешественников были сухи. Закрыв скелет куском прорезиненной ткани, они сделали небольшой привал и затем отправились дальше.

По песку идти друг за другом, след в след было легче. Впереди шел Лукин. Солнце жгло, двигались они тихо и, чтобы не глотать пыли, соблюдали между собой довольно большую дистанцию.

Неожиданно Лукин пошатнулся и стал быстро погружаться в песок. Даже не вскрикнув, он взмахнул руками и исчез.

«Зыбучие пески! — со страхом подумал Кедров, делая шаг вперед и останавливаясь. Он рисковал уйти в зыбучую трясину, тогда ни о какой помощи не могло быть и речи. — Вызвать Малютину? Но телефон у Лукина... Что делать?» — лихорадочно соображал он, ложась на песок и осторожно подползая к тому месту, где скрылся Лукин.

Он не находил этого места. Казалось, пески сомкнулись и навсегда похоронили начальника первой экспедиции на Марс, изобретателя гелиолина.

— Иван Лукич! — закричал Кедров, но крик прозвучал слабо, и ответа не было.

Приподнявшись на руках, он тщетно всматривался в оранжевые волны и снова полз, пока перед ним не открылся темный провал. Недоумевая, он осветил его фонарем. Глубоко в провале, на куче песка сидел Лукин, раскачиваясь из стороны в сторону, тер спину. Он кряхтел от боли.

— Иван Лукич! — радостно вскричал Кедров. — Я думал, вас и в живых нет!

— Кой черт! — откликнулся Лукин. — Я только провалился. Всю спину расшиб. Дьявольская дыра!

Он провалился на лестницу, которую затянули ползучие растения, а сверху их занесло песком. Пересчитав боками и спиной несколько каменных ступенек, он задержался на площадке. Рюкзак спас его позвоночник.

— Послушайте, — позвал Лукин из ямы, — идите сюда. Посмотрим, куда ведет эта лестница среди пустыни.

Слева и справа громоздились странные машины, обросшие желтым плющом пыли.

Кедров спустился к нему и помог встать. Лукин прихрамывал. Они зажгли фонари. Два ослепительных луча света поползли по ступенькам. Лестница скоро кончилась. Перед ними был высокий, погруженный в кромешную тьму зал. Справа и слева, открывая проход, громоздились странные машины, обросшие желтым плющом пыли. Пришельцам с Земли они казались

хаосом заломленных и распластанных рук и ног. Многочисленные трубы и трубки, подобно запутанной кровеносной системе, извиваясь, ползли и пропадали в этом хаосе.

Лунин, и Кедров удивленно рассматривали нагромождение рычагов, суставов и труб, пытаясь найти в этом нагромождении какую-либо закономерность. Было похоже, что перед ними одна бесконечно сложная машина. Светя фонарями, путешественники прошли вперед, но дорогу преградил рухнувший свод; из песка и глиняных глыб торчали металлические балки, погнутые рычаги, исковерканные трубы.

— Темно, а попробуем все-таки заснять, — сказал Лукин. — Поставим наши фонари так, чтобы осветить как можно ярче хотя бы отдельные детали. Вон те рычаги совсем похожи на человеческие руки...

Закончив съемку, они собрались было подняться на поверхность, как вдруг услышали не то шорох, не то глубокий вздох. Лукин повернул фонарь. В углу по рухнувшему своду стекала тонкая струйка песка.

— Нет, ничего, — сказал, он, прислушавшись, — идемте! Оставим здесь часть своей поклажи, чтобы не носить ее взад я вперед с собой: завтра мы пойдем с Малютиным этим же путем.

Когда путешественники выбрались наконец на поверхность, солнце уже склонялось к закату. Они повернули к лагерю. Чем ниже склонялось маленькое солнце, тем острее веял холодок. Нескоро в темнеющем небе они увидели красный флаг.

Конец дня и вечер заняли рассказы и обсуждение виденного. Перед ужином Малютин сказал:

— А знаете, я вам должен кое-что показать!

Оглянувшись, точно боясь быть смешным, как вчера, Малютин вытащил из-под хвоста звездолета заты-

нутую марлей банку, в которой вчера сидел мышонок. В банке, упираясь вывороченными лапами в стеклянные стенки, вытягивалась рогатая ящерица. В оранжевых складках ее кожи и полужакрытых глазах было что-то старческое.

Глава пятая

БАШНЯ МЕРТВОГО ГОРОДА

...Сокровища лежат там до сих пор... Песок перегоняется по песчаным откосам через стены мертвого города и с каждым годом увеличивает свою толщю...

П. К. Козлов

На следующий день, с рассветом, Лукин и Малютин направились к Мертвому городу. После вчерашнего падения Лукин прихрамывал, пока не разошелся. Ночной иней исчезал на глазах, становилось тепло. Довольно скоро, насколько это было возможно, двигаясь по песку, они проделали уже знакомый Лунину путь и поднялись на холм. Малютин со смешанным чувством удивления и недоверия долго рассматривал статую, время от времени переступая в сыпучем песке, как бы в поисках большей устойчивости, и наконец сказал:

— Молодое лицо обращено на восток, старое — на запад. Длинные острые крылья указывают на быстроту полета. Но что все это может обозначать? Боюсь, что мы ничего не придумаем, и двуликий крылатый бог останется для нас загадкой...

Скелет марсианина заинтересовал Малютина еще больше. Склонившись над ним, он внимательно изучал весь костяк.

— Я не антрополог, — сказал он, снимая очки и присаживаясь на край лодки, на дне которой лежал скелет, — но, даже не будучи антропологом, можно утверждать, что с человеческим скелетом он имеет лишь общее сходство и резко разнится в важнейших своих частях. Поглядите: череп, острая грудь, непропорционально длинные кисти, отсутствие хвостовых позвонков... У человека от его предков, хвостатых обе-

зьян, сохранилось по четыре-пять копчиковых позвонков, у марсианина их нет. Черепная коробка необыкновенно велика. По весу их мозг может быть вдвое тяжелее нашего. И смотрите, — воскликнул он, опускаясь перед скелетом на корточки, — на ногах у них только по четыре пальца, наш мизинец отсутствует!.. Какие же выводы можно сделать из всего этого? — продолжал Малютин, тихо пересыпая красный песок из одной ладони в другую. — Да пока никаких, мы только начинаем наблюдать, но думается, что на Марсе все в прошлом...

— А как давно, по-вашему, погиб этот марсианин? — спросил Лунин.

— В таком сухом воздухе и песке он мог пролежать тысячелетия, но, может быть, это было и не так давно. Сказать трудно.

Осмотр машинного зала не дал ничего нового. Но оставленный здесь вчера рюкзак был растерзан в клочья. На том месте, где его положил Кедров, виднелись странные звездообразные следы, инструменты были затоптаны, продовольствие исчезло. Лукин вытащил из песка кедровский ножик. Костяной черенок покрывали частые, похожие на булабочные уколы зазубрины.

— Значит, на Марсе существует не видимая и не знаемая нами жизнь, — сказал Лукин оглядываясь. — Надо быть осторожней...

С чувством невольного страха, выбравшись на поверхность, они направились к развалинам. Местность стала понижаться, растительность становилась разнообразнее, кое-где в высыхающих водоемах поблескивала вода, однако ни рек, ни ручьев не встречалось.

Наконец, над кустарником выросла полуразрушенная башня.

Они вышли в открытое место, и перед ними раскрылась унылая панорама.

Разбросанные на большом расстоянии друг от друга, полузанесенные песком, одиноко вставали обломки стен. По уступам гнезвился чахлый кустарник и склонялся под ветром. Всюду было запустение и смерть. Одна башня сохранила треугольное основание, но вершина ее обрушилась, и в синем небе четко вырисовывались черные ребра каркаса, с которых, как водоросли, печально свисали бурые космы растений.

— Ничего, ничего не осталось, — после долгого молчания сказал Лукин, — все похоронили пески... — и медленно двинулся вперед.

Они бродили среди руин, останавливаясь и рассматривая огромные каменные глыбы.

— Попытаемся проникнуть в башню! — сказал Малютин, опуская к ногам кинокамеру и рюкзак. — Вон та щель вверху, должно быть, осталась от засыпанного входа.

Подняв облако красной пыли, они около часа усиленно работали заступами, пока не прорыли узкой лазейки. Лукин зажег фонарь, вынул карманный пулемет и с трудом пролез в нее первый. Малютин последовал за ним. Под струями осыпающегося песка они протиснулись в темное сводчатое помещение с широкой дверью в нише. Дверь была заперта, они открыли ее заступами. Перед ними открылся длинный покатый коридор с черными провалами боковых входов.

— Куда? — спросил Малютин.

— Прямо! — решил Лукин.

Пройдя опускавшийся под уклон коридор, они оказались в квадратном зале. Он был пуст, без окон, шаги ложились неслышно. Пахло сухим песком. Лукин осветил, увидел под ногами серые плитки, перевел луч

фонаря, подошел к стене, покрытой черными прямоугольниками, постучал согнутым пальцем — звук был гулкий.

— Светите! — сказал он Малютину, тщательно исследуя каждый прямоугольник.

Неожиданно один из них открылся так, как открывается дверца шкафа. Вверх и вниз уходили круглые золотые цилиндры, подобные ступенькам отвесно поставленной лестницы. Оси цилиндров покоились в боковых гнездах; слева над каждым гнездом они увидели загадочные красные знаки — ромбы, эллипсы, ломаные.

Лукин протянул руку — цилиндры легко вынимались. Он вынул один, постучал, встряхнул; из цилиндра выскользнул синеватый рулон. Малютин поймал его на лету, развернул перед фонарем широкую ленту. По ленте цепочкой тянулись такие же геометрические знаки. Лукин смотрел через его плечо.

— Книги! — воскликнул Малютин. — Марсианские книги! — и поспешно стал совать в свой рюкзак один цилиндр за другим. — Вот находка! Кто бы мог подумать... — бормотал он. — А эти цилиндры, как те мембраны, в которых римляне хранили свои свитки.

— Да, очевидно, мы попали в книгохранилище, — согласился Лукин.

Его поразила необычайная легкость марсианских свитков и золотых футляров, в которые они были заключены.

— Если бы, — сказал он, — цилиндры были тяжелее, я бы сказал, что они действительно золотые... Но не набирайте так много, — обернулся он к Малютину.

Все стены библиотеки закрывали черные прямоугольники свиткохранилищ. Среди них путешественники разглядели наглухо закрытую, едва заметную

*Малютин развернул перед фонарем широкую ленту
с цепочкой геометрических знаков.*

дверь. Она не поддавалась их соединенным усилиям. Тогда Лукин снова пустил в ход свой заступ, и в гулкую тишину посыпались частые удары.

— Это не дерево! — заметил Лукин, рубя с плеча. На пол летели звонкие осколки.

Одна половина двери покачнулась, помедлила и с треском рухнула в темный провал соседнего покоя. За ней открылось нагромождение странных предметов, напоминавших мебель.

— Баррикады! — удивился Лукин. — Кому понадобятся здесь баррикады? Держите фонари! — сказал он Малютину и быстро расчистил заступом проход.

Два белых широких луча света, то скрещиваясь, то расходясь, ударили во мрак.

Из кромешной тьмы то там, то здесь выступали колонна, ниша с круглым шаром, уступ карниза. В каждой из архитектурных деталей по-особому были нарушены привычные человеческому глазу соотношения. Это не было некрасиво, но казалось чужим и странным, как будто они смотрели сквозь невидимое стекло, чуть искажавшее привычные предметы.

Они стояли в огромном овальном зале, в одном из фокусов которого возвышалась статуя двуликого крылатого бога, в другом — колонна, увенчанная голубоватым мерцающим шаром. Прозрачный потолок зала сверху был занесен песком; в одном месте, где потолок обвалился, песок образовал на полу высокий холм. В нишах по стенам круглились испещренные цветными пятнами шары, их было девять.

— Планеты! — поразился Малютин. — Смотрите!.. Это планеты, а в фокусе зала Солнце и опять этот бог...

Сейчас он был виден с головы до ног, сверкал в лучах фонарей. Он весь казался воплощением стремительного полета.

Малютин перевел световой луч на голубой шар с зелеными и желтыми пятнами.

— Вот наша Земля! — сказал он, подходя к нише и осторожно касаясь шара.

К их удивлению, шар качнулся и стал тихо поворачиваться на невидимой оси. В изображении марсиан Земля сохраняла знакомые очертания материков и океанов, но у северо-западного берега Африки, покрывая собой Канарские острова и остров Мадейру, лежал большой незнакомый остров, далеко вдаваясь в океан.

— Атлантида! — почти беззвучно проговорил Малютин. — Это Атлантида!..

Лукин взглянул на своего спутника и одним движением руки остановил вращение глобуса. Теперь два луча, сливаясь, освещали изгибы береговой линии, рельефные выступы прибрежных гор.

Да, это была легендарная Атлантида. Марсианские астрономы видели этот исчезнувший остров задолго до того, как он погрузился в океан. Земная легенда становилась действительностью на другой планете.

— Знаете, — сказал наконец Малютин, вынимая записную книжку и карандаш, — заснимем и зарисуем все это. И вы, и я. Так будет вернее. Как бы мне хотелось увезти этот глобус с собой, но ведь он в два обхвата! — И, как будто обращаясь к каким-то невидимым противникам, блеснув в полумраке очками, Малютин продолжал: — Вот вам свидетельство того, что Атлантида существовала, — ее точные очертания и положение. Это — во-первых. А во-вторых, бесспорно, что более семи тысяч лет назад марсиане уже обладали совершенными астрономическими инструментами...

Лукин вслушивался в его слова, быстро набрасывая в записной книжке северо-западное побережье Африки и около него впервые увиденный остров.

Скелет сидел, уронив череп на стол, вытянув вперед руки...

— Более семи тысяч лет назад! — Тут Малютин поднял палец и выронил карандаш. — Это бесспорно... — сказал он, нагибаясь и шаря на полу около себя, но карандаша не было. Он повернулся, световой луч его фонаря, описав почти полный круг, заиграл на белых костях скелета.

— Марсианин! — воскликнули оба одновременно.

Скелет сидел, уронив голый череп наподобие низкого стола, вытянув вперед руки, на плечах его висели бурые лохмотья истлевшей одежды.

Он был совсем близко от Малютина, рядом с нишей Земли, и только из-за темноты они до сих пор его не заметили.

— Вот кто забаррикадировал дверь этого зала! — сказал Лукин. — Но зачем?

— А ведь он мало похож на скелет того марсианина, который мы только что видели, — заметил Малютин. — Он крупнее, череп меньше. Если бы мы были не на Марсе, я бы сказал, что это человеческий скелет...

— Постойте, — перебил Лукин. — Что это под ним?

Действительно, сквозь желтые ребра грудной клетки, лежавшей на столе, что-то просвечивало. Может быть, это были такие же лохмотья истлевшей одежды. Лукин осторожно коснулся скелета; он рассыпался с тихим шумом, череп, как бильярдный шар, откатился в сторону и, оскалившись, устоял в темноту пустыми глазницами. Тогда, сдвинув кости, они увидели синеватый, покрытый ржавыми пятнами, полуразвернутый свиток. Он был из такой же бумаги или ткани, как и марсианские книги, но отличался от них тем, что был написан на два столбца: справа шли уже виденные ими геометрические знаки и обрывались в самом начале, слева сплошной полосой шла мало на них похожая клинопись.

Малютин наклонился, рассматривая свиток. Лукин видел, как он неожиданно покраснел, все лицо его покрылось капельками пота, а лохматая голова все ниже и ниже склонялась над свитком.

— Что с вами? — спросил Лукин.

— Это человек! — негромко сказал Малютин, выпрямляясь и строго смотря сквозь очки на Лунина.

— Человек?

— Человек. Атлант. Начало этого манускрипта написано на двух языках — на языке атлантов и на языке марсиан, дальше — только на языке атлантов.

— Но позвольте... — недоверчиво начал Лукин и вздрогнул от неожиданности: за его спиной раздался резкий звонок радиотелефона.

Это Кедров беспокоился их долгим отсутствием. Быстро переговорив, Лукин выключил радиотелефон и снова обратился к Малютину:

— Погодите! Как это может быть? Если это, — он указал на рассыпавшийся скелет, — если это человек, то как он сюда попал?

— Не знаю. Я думаю, мы все узнаем, прочитав манускрипт.

— А откуда вам известен язык атлантов? Впрочем, постойте: вы участвовали в экспедиции, которая обнаружила ливийский папирус, он дал ключ к языку атлантов...

— Совершенно верно! — ответил Малютин, бережно разглаживая манускрипт. — Беда в том, что я давно забросил археологию и многое перезабыл. Все же полагаю, что сумею если не полностью расшифровать манускрипт, то, по крайней мере, понять его содержание. Во всяком случае, на Земле его переведут точно.

— Все так невероятно, необыкновенно... — еще колеблясь и не доверяя, сказал Лукин. — А Впрочем, раз-

ве обыкновенно то, что мы на Марсе? Я уже не могу больше удивляться, предел удивления далеко позади... Но, сколько времени вам потребуется чтобы разобрать содержание манускрипта? Он может объяснить многое...

— Трудно сказать... Вероятно, несколько дней.

— Досадно! — сказал Лукин. — Досадно! По графику мы должны вылететь завтра. С каждым часом Земля все дальше уходит от Марса. — Он взглянул на хронометр. — А теперь пора возвращаться в лагерь. Скоро будет смеркаться.

Они быстро собрались и, миновав покатый коридор, закрыли за собой дверь, засыпали вход в башню песком. До лагеря они почти бежали, унося с собой завернутые в прорезиненную ткань скелеты марсианина и атланта. Малютин прижимал к груди манускрипт, бережно заключенный в один из золотых цилиндров. Лукин, едва двинувшись в путь, включил радиотелефон и, не сбавляя шагу, заказал Кедрову ужин, описав ему в общих чертах сегодняшние находки.

Спускались сумерки. С востока и запада поднимались навстречу друг другу две маленькие багровые луны, веял острый холодок, всюду была печаль и тишина. Малютин задыхался от быстрой ходьбы и отставал, удобнее прилаживая свое снаряжение. На одной из таких остановок, обернувшись, он увидел две странные тени, быстро приближавшиеся к нему по сумеречной пустыне... Они мчались, припадая и переваливаясь, и издали показались ему похожими не то на гигантских лягушек, не то на барсуков. Он не мог понять, что это такое, но ему стало не по себе, и он окликнул ушедшего вперед Лукина.

Клубами вздымая тонкий песок, Лукин пробежал мимо него, прямо навстречу этим полу-лягушкам, по-

лу-барсукам. Малютин видел, как из его карманного пулемета сверкнула дугообразная молния, но еще до этого странные животные стремительно повернули и пропали за небольшим холмиком.

Они мчались, припадая и переваливаясь, похожие не то на гигантских лягушек, не то на барсуков.

— Что это? — спросил он запыхавшегося Лукина. — Мне даже показалось, что у них птичьи клювы...

— Думаю, такие же звери, как и те, что растерзали наш рюкзак в машинном зале. Они покушались напасть на нас. Больше не отставайте.

Еще не скоро они подошли к лагерю. Лукин первый увидел над темными песками огненный, в отблесках костра, фюзеляж звездолета.

— Ну вот, наконец! — встретил их Кедров с ложкой в руке. — Я уже начинал беспокоиться. Показывайте свои трофеи!

Находки удивили Кедрова меньше всех, быть может потому, что он был предупрежден о них. Тем не менее, присев перед костром на корточки, он долго рассмат-

ривал скелет атланта, марсианские книги, манускрипт и в заключение решил, что ростом атлант был не меньше Лукина.

Ночь наступила и прошла быстро. Приготовления к отлету потребовали такого внимания и горячей работы всех троих, что Малютин мог лишь бегло просмотреть весь манускрипт, но он подтвердил свои первоначальные выводы. Манускрипт сохранился хорошо; лишь в отдельных местах его покрывали ржавые пятна, разъедавшие текст.

Последние часы на Марсе летели незаметно. Путешественники торопились, но каждый из них время от времени окидывал взглядом красную площадку, стараясь навсегда запомнить колючие кусты за ней, низкое темно-синее небо с маленьким солнцем, весь унылый, мертвый ландшафт.

Под флагштоком, на котором весело играл красный флаг, они закопали жестянку, положив в нее краткую записку о своей экспедиции. В конце записки, составленной Малютиным, Лукин приписал: «Мы еще сюда вернемся!»

Погода, все время тихая, начинала их тревожить. С утра дул легкий ветер, к полудню, сметая с площадки песок, он усилился. На небе не было ни облачка, но красная муть в северо-восточной части горизонта росла.

— Будет песчаная буря, — предупредил Малютин. — Надо торопиться!

Но и без того они работали быстро. Наконец все было готово. Когда Лукин последним собирался подняться на звездолет, задул жестокий ветер, вздымая песчаные тучи. День померк, воздух наполнился багровой мутью, лицо кололи раскаленные иглы летящего песка.

— Скорей! — крикнул Малютин, захлопывая люк.

Кедров запустил мотор. Звездолет побежал, качаясь, как пьяная птица. Вот и конец площадки. Огромная машина взмыла над кустами и камнем пошла вниз. «Падаем!» подумал каждый. Кедров убрал газ и бешено работал рулями. Казалось, только усилием воли он вытянул звездолет на площадку, подрулил к стоянке. За иллюминаторами неслись багровые космы песчаной мути; стемнело, как вечером. Еще разбег! Полный газ, звездолет в воздухе, и вдруг Кедров почувствовал — машина снова проваливается. Каким-то неуловимым последним движением руля он удержал падение.

Вырвавшись из плена песчаной бури, звездолет шел в чистое небо.

Глава шестая

МАНУСКРИПТ АТЛАНТА

Вестник смерти — на пороге. Готовясь умереть, повествую людям свою злую судьбу. Молю Океана, владыку веков, чтобы мое завещание нашел человек с прекрасной Земли. О ней не забываю никогда. По вечерам выхожу из башни любоваться ее блеском на горизонте. Смотрю, плачу и удивляюсь, как я еще жив — один на этой мертвой планете.

Но изложу по порядку, как меня учили тому марсиане.

Зовут меня Симей. Я родился на Земле, на прекрасном острове, называемом Атлантидой. Ребенком лишившись родителей, я рос у дяди при храме Океана, в котором он был жрецом. С детства помню этот храм с золотой крышей и в нем, под куполом из слоновой кости, серебряную статую грозного Океана, правящего шестью крылатыми конями. Я рос без родителей, но детство мое было счастливым. Дядя готовил меня заступить его место в храме. Он обучил меня чтению, письму и счету и посвятил в те священные тайны, которыми владели жрецы. Я учился охотно и к двадцати годам знал созвездия, движение планет, превращения Луны и путь Солнца в разные времена года. Я мог предсказывать погоду, делать измерения и толковать восхождение планет. Пройдя искусы и посвящение, я был введен в святилище храма и поставлен вести счет времени.

Изредка, по поручениям дяди, я отлучался в город. Город был сердцем острова, и не было ему равного в мире. От акрополя, на вершине которого стоял храм Океана, на все страны света расходились каналы. По ним плыли корабли и барки. Через мосты к четырем

гаваням тянулись караваны слонов и верблюдов с орихалком¹⁾, вином и кедром. На рынках сновала разноязычная толпа: тут были чернокожие с Черного Берега, молчаливые обитатели Желтой Пустыни и бледные люди Сумеречных Стран. Великий Город шумел, в него стекались народы всей земли. Три стены делили город на три Круга, и стены эти имели блеск огня: одна из них была окована орихалком, другая — латунью и третья — медью. Над стенами возвышались дворцы и храмы из белого, красного и черного камня. За городом простирались плодородные равнины, вечнозеленые рощи, леса, и дальше были горы. За ними вздымал свои волны могучий океан, извечный и беспредельный.

В одну из своих отлучек в город в Южной Гавани я встретил девушку и полюбил ее. Звали ее Риам. Отец ее, начальник сотни, вместе со всем войском давно отплыл на восток, далеко за Столбы Восхода, в поход против варваров. Мы ждали его возвращения.

В то время жрецами были замечены дурные знамения: на сверкающем лике Солнца появились черные знаки, потом с запада пришла звезда с хвостом, подобная огненному мечу. По вечерам она стояла над городом, люди дивились на нее и ужасались. Все предвещало беду. Не ждали, что поход на варваров кончится благополучно и царь, правитель Великого Города, вернется живым, а равно и бывшие с ним в походе другие цари. Риам тревожилась о своем отце. Но скоро другие события заставили забыть это. Они были началом моих несчастий.

Однажды, отметив время, я вышел из храма и остановился на ступенях. День был на склоне, небо

1) Орихалк — металл, подобный золотой бронзе, добывавшийся в Атлантиде.

было чисто, кругом была тишина, и вдруг я услышал над головой шум, подобный шуму океана. Он встревожил меня, и я подал голос. Жрецы и прислужники вышли из храма, стали рядом и слушали этот шум, но также не знали, откуда он происходит. И вот мы увидели высоко в небе как бы плывущие песчинки. Они росли, гром катился по небу, и многие склонились на ступени, закрыв головы одеждами, но я превозмог страх, остался стоять и все видел. Три темных яйца необыкновенной величины, раскинув, как птицы, крылья, пали на город, и гром прекратился. Настала тишина, и мы не знали, что делать. Тогда Ксанаксамандр, верховный жрец, прислал нам сказать: «Идите и узнайте». И мы пошли в город, но народ уже бежал навстречу, звал нас и показывал, куда идти.

Я увидел их на поле. Кругом стоял народ и ждал чуда, и все боялись подойти. Одно яйцо распалось, и народ закричал, а женщины заплакали и поспешили увести детей. Из яйца вышел человек. Он был безобразен и мал ростом, с большой головой, без волос. Он задыхался и еле двигался на тонких ногах. Я мог его убить одним ударом кулака. Из других яиц вышли такие же безобразные люди, всего числом девять. Они были хуже обезьян. Они показывали на небо и на землю и что-то говорили тонкими голосами, но никто их не понимал. Я увидел, что бояться нечего, подошел близко и, зажав их закланием Океана, обратил к ним свои ладони, чтобы они видели, что я не держу камня против них. Они смотрели на меня, и я смотрел на них, и мы не понимали друг друга, и старший жрец, подошедший за мной, тоже не понимал ничего. Но мы знали, что это посвященные, превосходящие нас, смертных, ибо кто другой может сойти с неба? Тем временем народ осмелел и двинулся, сминая стражу. Только щи-

тами и копьями удалось задержать толпу. Под охраной мы повели сошедших с неба в храм. Они дышали тяжело и не могли идти; тогда мы посадили их на носилки по двое, как детей, и понесли.

Всю дорогу они поворачивали большие, как тыквы, головы из стороны в сторону, но молчали, только делали друг другу какой-либо знак. Я шел рядом с первыми носилками и заметил, что больше всего они смотрели на деревья и воду.

Прибыв ко храму Океана, мы ввели их к верховному жрецу. На время похода ему была вручена власть царя Великого Города. Ксанаксамандр стоял на возвышении, облаченный в голубые одежды. Тем временем пал вечер. Первый вышедший из яйца приблизился к окну и движением руки подозвал нас. Он обратил наши глаза на красный Марс, который в то время всходил над священной рощей, и знаками показал, что они оттуда, с той планеты, которая посвящена хищному волку и светит зловещим светом. Если бы они сказали, что спустились прямо с неба, им бы поверили, но это превосходило все, ибо кто мог тогда знать, что можно жить на малой блуждающей звезде, подобной светильнику? Никто из нас им не поверил, но простой народ, узнав, поверил и шумел за оградой.

Посланцы неба принесли верховному жрецу удивительные дары. Это не были ткани, ни золото, ни драгоценные камни, ни ароматные масла, которые приносились всеми. Сами они были одеты бедно, в короткие куртки и штаны, и не имели никаких украшений. Они принесли в дар две простые трубы, малую и большую. Тогда я еще не знал, для чего они. Ксанаксамандр удивился и сошел с возвышения, но гости с небес показали ему, как обращаться с трубами, и он долго смотрел в них, выставляя то одну, то другую в окно. Потом за-

клял жрецов не прикасаться к этим трубам, сам запер их в ларь кедрового дерева и благословил небесных посланцев. Ксанаксамандр объявил их священными, им были отведены лучшие покои при храме, приставлена охрана, даны прислужники и рабы. Сверх того, к каждым трем из них был послан сопровождающий из жрецов. Меня послали к тем, среди которых был первый вышедший из яйца.

Весь тот день я провел на ногах, устал и, ложась спать, снова увидел звезду с хвостом. Подобно огненному мечу, она стояла над акрополем, затмевая свет ущербной луны, и, казалось, приблизилась еще больше.

Ночью меня разбудил черный мальчик. «Вставай, — сказал он, — тебя ждет госпожа!» Я встал и пошел. На земле были сон и тишина. В священной роще промычал буйвол. У ограды я увидел женщину. Она сбросила полосатое покрывало — то была Риам. Мы пошли по берегу канала царя Ниата, и я говорил ей о посланцах неба. По темной воде плыла барка, на носу горел огонь. Сквозь ставни некоторых домов пробивался свет и доносились песни. По мосту с факелами прошла стража. У башни на мосту сторож, гремя цепью, затворял ворота. Мы притаились под пальмами. В тот вечер я обнял Риам в последний раз. Прощаясь, я заглянул в синие глаза любимой. В ее зрачках, как и в небе, горела огненная звезда.

Следующие дни я не мог отойти от сошедших с неба и видеть Риам, как мы условились, и сердце мое тосковало. Я не знал, что никогда больше ее не увижу.

Сошедших с неба с утра выносили за медную стену города. Сойдя с носилок, они собирали растения, брали воду, землю и камни и все относили в яйца, которые были их кораблями. Они скоро уставали, отдыхали в

кедровой роще и снова принимались все собирать. Мы ловили для них птиц, мелких животных и насекомых. Они были тихие, почти не говорили, всегда дышали тяжело и только показывали знаками, что нужно.

По улицам метались люди, как муравьи в развороченном муравейнике.

Я не заметил, как подошел тот день, который повернул всю мою жизнь, отторг от родины и любимой и бросил умирать под чужими небесами. В тот день мы отправились к океану. Было душно, но ясно. Вышли за город и сделали привал в кедровой роще. Пока отдыхали, с океана взмыло облако. Оно наливалось на глазах, раскатывалось громом. Поднялся горячий ветер. Мы бежали из рощи, а впереди нас выбегали козы и прыгали кролики.

Сошедшие с неба направили нас к своим кораблям. Подобно крылу ворона, облако закрыло Солнце, воздух наполнился тьмою, и вдруг красная молния разорвала небеса. Страшный удар грома повалил нас с ног, земля заколебалась, небо загорелось над нами. Все бежали, бросив носилки. Один я остался с теми, кого сопровождал. Ветер, валил их с ног, они хватались за меня и подталкивали к кораблю. Не думая, я вошел. Они замкнули вход и привели яйцо в движение. На Земле, на моей Земле, был ужас; я не знал, что делать, и закрыл глаза. Не знаю, сколько времени прошло, как сошедшие с неба растолкали меня и указали на пол. Я взглянул, в полу засветилось окно, и в нем, как на картине, был Великий Город. Улицы заливал багровый дрожащий свет; по ним метались люди, как малые муравьи, когда палкой разворошишь их муравейник. Я взглянул второй раз и увидел — с океана катилась на город волна, подобная черной горе. Свет померк в моих глазах, я закричал и упал на то окно.

Не помню, как прибыли на Марс. Болезнь вошла в мое тело, и дух мой много дней и ночей боролся с недугом. Но настало время, я встал с постели и вышел. Чужая земля была под ногами, чужое небо надо мной, и в том небе, подобно птичьим стаям, летали лодки и корабли. Я сел и поник головой, и марсиане молча об-

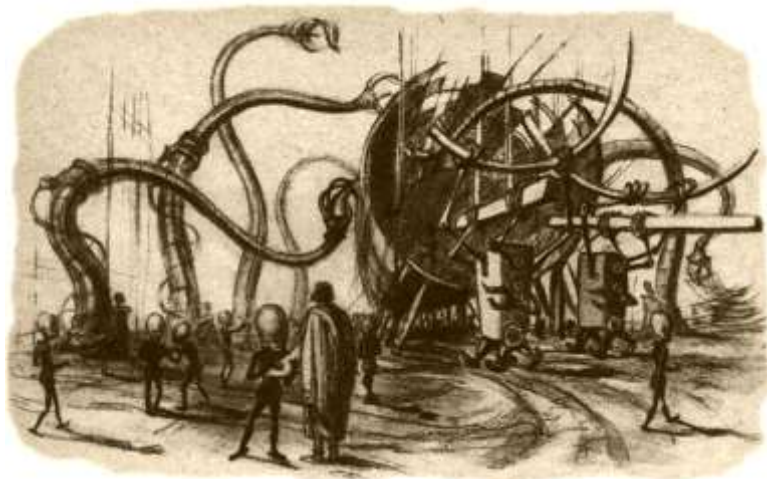
ступили меня. Так началась моя жизнь на Марсе, который здесь называли планетой Ор.

Я не знал, за что приняться. Сердце мое смутилось, сердце мое оставило мое тело, оно влекло меня на прекрасную Землю. Марсиане не утешали, но заботились обо мне. Тот, который на Земле первым вышел из яйца, ходил вместе со мной, возил меня в летающей лодке, все показывал и, что я спрашивал, объяснял. Его звали Лиск. В лодку поначалу я боялся войти. Раскинув крылья, она летала сама. Лиск управлял ею только движением руки. Это было как волшебство. Сверху я увидел неземные страны. Навстречу нам летели другие лодки и корабли, и мы плыли по воздуху, как по воде.

Планета Ор была великой пустыней, и в ней, подобно оазисам, города. Океан Марса высох много веков тому назад, осталось немного рек, озер и три моря. Воды не хватало, и марсиане гнали ее по каналам с юга и севера, когда там таяли снега. Ее нагнетали многорукие и многоногие железные рабы из черного и зеленого железа. Они были заключены во дворцах, укрытых в недрах планеты. На берегу озер и морей и в тех местах, где сходились каналы, стояли города; на красных песках росли деревья без листьев и колючие травы. Столицей был город Табркабр, что значит — Город Дождей. Но дожди падали скупой, чаще поднимались песчаные бури, омрачая свет Солнца. От песчаной пыли оно казалось красным, и по величине было меньше нашей Луны. Солнце давало мало тепла, и члены мои зябли, пока марсиане не одели меня в свою одежду, теплую и легкую, как пух.

Я сравнивал природу планеты Ор с природой моей Земли, но здесь не было ни зеленых рощ, ни могучего океана, я не слышал пения птиц и не видел животных.

Природа Ор была бедна и сурова, но марсиане были великим народом. Каждый из них мог делать то, что у нас на Земле почитается чудесами или колдовством. Все они были подобны магам. Я был перед ними как ребенок, и многое из того, что они совершали, мне непонятно.

Железные рабы строили корабли для полета на Землю.

Не имея крыльев, марсиане летали совершенней птиц. Они видели и слышали сквозь стены. Всю работу за них делали железные рабы, подобные живым чудовищам. Они могли не только стоять, но и ходить, и я избегал к ним приближаться. Марсиане понимали друг друга без слов — по взгляду или жесту; они говорили редко, и речь их была писклива. Они все время думали, вот почему их желтые головы были столь велики и несоразмерны с телом, каждый из марсиан соединял в себе два естества — мужское и женское, но это было не более удивительно, чем все другое. Я видел на Марсе

то, чему ни один из моих братьев не поверит, не увидев, как я, и не ощупав своими руками. Но пища у них была плохая, они ели на ходу и помалу, и не было радости в такой еде; также они не пили вина и не умели веселиться.

Свои города они строили в недрах планеты. На поверхности возвышались отдельные здания да прежние города, построенные далекими предками марсиан. Как тысячи солнц, сияли в недрах планеты круглые светильники, били фонтаны и мостовая текла среди улиц, подобно реке в ущелье. Летающие клетки и живые лестницы соединяли нижние города с верхними. Песчаные бури и ночные холода не проникали под почву.

Я видел много марсианских городов и дивился их устройству, но не было среди них равного Великому Городу, в котором я родился и вырос.

Марсиане не знали богов, и грозный Океан, возникающий из волн на шести крылатых конях, был им неведом. Двуликий крылатый бог их предков — бог времени — с лицом юноши, обращенным на восход Солнца, и с лицом старца, обращенным на закат, украшал их жилища и города, но они его больше не почитали.

На своей планете марсиане двигались легко. Я сам двигался легче и стал как бы в два раза сильнее, но воздух здесь редкий, как на высоких горах в Атлантиде, и в первые дни мне дышалось трудно.

Я не мог освоиться с новой жизнью. Я не жил, а вспоминал Великий Город, Риам. Я не верил тому, что со мной случилось, но это было длиннее сна, и я не просыпался. Первый год на планете Ор тянулся долго. Только потом я узнал, что один марсианский год равняется двум земным, ибо здесь Солнце медленнее движется по небу. Я жил среди марсиан свободно, они

делали для меня все — поили, кормили и одевали меня, но не выражали ни радости, ни печали. Желтые пигмеи, они не сбегались смотреть на краснокожего великана, сына Земли! Они или читали свои свитки, или управляли работой железных рабов, или сами работали, исследуя сокровенные свойства различных тел. Поначалу я плохо различал их безволосые маленькие лица на больших желтых головах, с глазами, которые блестели, подобно птичьим. Я стремился быть ближе к Лиску. Он был великим учителем. Всем, что я знаю о планете Ор, я обязан ему, а также его ученикам и больше всего двум — Сумару и Аскоска. Они научили меня марсианскому языку и грамоте, управлению летающей лодкой и обращению с большими небесными трубами. Подняв меня в клетке на высокую башню, Лиск показал мне в трубу Землю; я ужаснулся и увидел, что она — шар.

С той поры я подолгу смотрел на нее и сквозь трубы видел голубые воды, зеленые и желтые страны. Я искал тот остров, на котором родился, но гнев Океана поглотил Атлантиду. Сам я, покидая ее, видел взмывшую над ней страшную волну. Однако очертания острова сохранились на марсианских изображениях. Взирая на его берега, я думал, что навеки потерял родину, а с ней все желанное и любимое.

Постоянно размышляя об этом, на второй год пребывания на планете Ор я решил: Атлантида исчезла, но мне подобает вернуться на Землю. Рожденный на ней, я должен умереть среди подобных себе, ибо в иных странах Земли должны быть люди.

Об этом говорил я Лиску. Он сказал:

«Знай, что мы снова готовимся лететь на твою планету. Там ты будешь нашим проводником. Готовься и

совершенствуй свои познания». И он поведал мне о Земле больше, чем сам я о ней знал.

Надежда воскресла во мне, оживила меня. Прилежнее, чем прежде, стал я наблюдать в трубы родную Землю, познавать марсианский язык и грамоту, читать в свиткохранилище свитки. На верфях многорукие и многоногие железные рабы строили пять кораблей, и Лиск был начальником работ, Сумару и Аскоска помогали ему. Маленькие, как дети, в серой одежде, на тонких ногах, с большими желтыми головами, они двигались скоро, поднимали руки, как бы указывая железным рабам, что делать. Не приближаясь, каждый день я смотрел, как росли те громадные яйца, которые должны были унести нас на Землю. Я видел — марсиане спешили, железные рабы трудились день и ночь, но тогда я еще не знал причины подобной поспешности и радовался ей.

Так прошел еще год, третий год моего пребывания на планете Ор. Все было готово, сердце мое билось, я не мог дождаться отлета...

Теперь, когда я остался один, размышляя над гибелью марсиан, думаю, что они могли прогневить своего бога — бога времени, ибо они не поклонялись ему, и он наказал их. Но за что наказан я? Разве за то, что был с теми, на кого простирался его гнев...

Отлет на Землю откладывался. Страшная болезнь — моровая язва, или чума — открылась среди марсиан. Марсиане давно победили все недуги на своей планете, одна она была неистребима и тлела среди них, подобно малой искре. Теперь она вспыхнула пожаром, охватив всю планету Ор.

Город Сиромарок был ее колыбелью. Как незримый смерч, болезнь шла по красным пескам, и не было сил ни остановить ее, ни уйти от нее. Она находила марси-

ан везде — и в воздухе, и в верхних городах, и глубоко в недрах планеты.

Лиск умер одним из первых. Я долго плакал над его телом, положив, как ребенка, к себе на колени, и голова его моталась на тонкой шее. Марсиане смотрели на меня, не выражая ни печали, ни удивления: человеческое горе было им непонятно.

За несколько дней до смерти Лиск открыл мне тайну планеты Ор.

Марс засыхал, подобно оазису в бездожде. Солнце сушило влагу, почва горела, вода уходила — и так было много веков кряду. Когда воды стало меньше четверти суши, появились первые признаки страшной болезни. Марсиане стремились к исходу на другую планету, обильную водой, вспышки страшной болезни торопили их.

И вот, когда они научились летать, было послано два корабля на планету Венеру, но те корабли не вернулись. Через несколько лет три больших корабля отправили на Землю. Вернулся один, на нем Лиск привез меня, другой погиб в Атлантиде, третий сгорел в пути. Голубые воды Земли влекли марсиан. Они хотели обосноваться на ней.

Пять огромных кораблей для первых переселенцев были готовы к отлету, но чума поразила планету Ор, и глаза Лиска закрылись.

Настало страшное время. Болезнь нападала внезапно и убивала в малый срок. Тот, кто заболел, худел, губы его сохли, и в глазах загорался огонь, а на щеки всходили горячие синие пятна. Жажда сушила его. Он пил, но не мог насытиться, мера его переполнялась, но он все тянулся к воде и так впадал в забытие и больше не просыпался. Болезнь называли на Марсе «синей смертью».

Я не видел у марсиан страха перед нею и не знаю, жил ли когда среди них страх. Но я боялся за свою жизнь, ибо тогда еще носил в сердце надежду вернуться на Землю.

Надежда тлеет во мне и по сей день. Если не я, то слова мои дойдут до людей. Я видел гибель Атлантиды и опустошение планеты Ор, смерть стояла рядом со мной и бежала от меня, я пережил великие разрушения и, пережив превосходящее меру человеческого страдания, верю — слова мои дойдут до моих братьев с прекрасной Земли!

Во всех городах великие маги Марса день и ночь искали снадобий против синей смерти. Они говорили: если бы первые корабли послали не на Венеру, а на Землю, марсиане были бы спасены. Старейший из магов, Хума, нашел необыкновенное снадобье, оно было подобно живой воде, но самого Хуму скосила синяя смерть, и тайну живой воды он унес в могилу.

После этого все пошло скоро. Небо опустело, редко пролетит в небе лодка, улицы городов затихли, двери жилищ и дворцов были раскрыты, оттуда исходили стоны жаждущих. Редко пройдет живой марсианин. Живых стало меньше, чем мертвых. Трупы не успевали сжигать, они валялись везде.

Планета Ор была опустошена. Мои человеческие глаза видели нечеловеческое...

Вот я писал много дней и ночей, рассказал многое и не утаил ничего. Тускло горит мой светильник, и дрожит рука, и я один, и нет никого со мной. Силы оставляют меня, но я должен поведать все.

Когда уже почти никого не осталось в живых, взяв еды и питья и теплой одежды, я вылетел в лодке из Города Дождей. Летал далеко на все четыре стороны света, но везде видел смерть и запустение. Красный

песок заносил трупы, однако они не гнили, а только сохли — таков воздух планеты Ор.

На севере, у водоема Оллу, я видел еще живых марсиан и подле причалил лодку. Иные сидели скорчившись и жадно глядели на воду, но пить не могли, ибо переполнили меру. Щеки их были сини, а сами они грязны и жалки. Иные лежали на краю водоема, погружив в воду лицо, иные утонули, из воды торчали их ноги. Марсиане не ответили мне ни слова, не взяли пищи, а только просили пить, хотя вода была перед ними. Они умирали. Я вернулся в Город Дождей.

Они жадно глядели на воду, но пить не могли.

Так, когда умерли все, я остался одни на всей планете. Но железные рабы еще продолжали работать. В мертвых городах горел свет, в каналах бежала вода, изготавлилась одежда и пища. В то время из недр планеты выползли страшные насекомые с птичьими клювами, которых я прежде никогда не видел. По ночам они пожирают трупы и друг друга, но могут напасть и на меня. Я их боюсь.

Первым потух свет, и я, как делал то на Земле, налил масла в сосуд и приготовил себе светильник. Потом наточил свой кинжал — единственное, что сохранил от Атлантиды. Пять лет прошло с тех пор, голова моя стала белой; я все помню, но не могу вспомнить того, что видел. Так, когда все умерли, я остался один. Потом остановились железные рабы, вода в каналах иссякла, озера и водоемы покрылись илом, их заносил песок. Настала великая тишина. В нижнем городе всегда темно и страшно. Я поселился наверху, под башней, в чертоге девяти планет. Бог времени охраняет мое жилище, изображение земного шара и Атлантиды на нем — перед моими глазами. Днем брожу по пескам, вечером всхожу на башню и снова смотрю в трубу на далекую Землю, но мне не суждено ходить по зеленым травам, дышать ее воздухом и обнять моих братьев. Я навсегда один, и нет со мной Риам. Теперь она была бы седая, но я вижу ее юной, в белой тунике, с орихалковым обручем на лбу, как в ту последнюю ночь, когда мы стояли на берегу канала царя Ниата, и в небе горела звезда, подобная огненному мечу.

За Городом Дождей, у статуи Времени, я набрел на труп марсианина в летающей лодке. Я повернул его лицом к себе, узнал Сумару и заплакал и засыпал его песком. Как погиб Аскоска, того не знаю. Пять кораблей, на которых мы собирались лететь, стоят на верфях. Они разрушаются. Давно поднимался я на те корабли, но не знал, как привести их в движение. Лодка моя перестала летать.

Вчера убил двух клювоносных. Они содрали мне кожу на груди и поранили руку. Силы возвращаются плохо. Когда почувствую приближение смерти, запру двери, заложу их теми ложами, на которых читали свои свитки марсиане. Сделаю это затем, чтобы клю-

воносные не могли достягнуть до моего тела, хотя и
бесчувственного. Чертог девяти планет будет моей
гробницей...

Глава седьмая ЗЕМЛЯ!

*Молодой моряк вселенной
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, человек!
Валерий Брюсов*

Малютин кончил чтение манускрипта, но Лунин и Кедров с ожиданием смотрели на него, как будто повествование должно было продолжаться дальше. Оглянув своих спутников, Малютин нетерпеливо заметил:

— Почему вы молчите? На этом кончается манускрипт... — И он укоризненно посмотрел сквозь очки.

— Все? — очнувшись от раздумья, проговорил Лукин, но так, как будто он тому не верил.

Пятые сутки их корабль мчался в океане вселенной. Снова привычно постукивали его многочисленные механизмы, за иллюминаторами сверкала вечная ночь, тяжести не было, и все трое висели, покачиваясь на поручнях.

— Знаете, — сказал Лунин, придавая более удобное положение своему большому телу, — из всего, что мы нашли на Марсе, манускрипт — самое неожиданное. Впрочем, как сейчас оказывается, мы почти ничего и не видели: все погребено в песках, но ключ к загадкам Марса в наших руках.

— Ну, а Земля? — спросил Кедров. — Не ждет ли ее судьба Марса?

— Да, вот вопрос! — воскликнул Лукин.

— Марс — старший брат Земли, обе планеты в известной мере сходны, — сказал Малютин. — Каково же

будущее Земли? Время, в течение которого Земля может оставаться убежищем жизни, измеряется интервалом порядка триллиона лет. А что такое триллион лет? Это приблизительно в пятьсот раз превышает весь предыдущий возраст Земли и в три миллиона раз — время, в течение которого на ней существует человеческий род. Как обитатели Земли мы живем в самом начале времен: мы только вступаем в бытие, и перед нами расстилается день невообразимой длины.

— Следовательно, — спросил Лукин, — с человеческой точки зрения, жизнь на Земле будет длиться почти вечно?

Малютин утвердительно кивнул лохматой головой.

— Хорошо, — сказал Кедров, — мы только начало, и перед нами все впереди. Но если так, то человечество в начале своего бытия стоит почти на одном уровне с марсианами, на уровне, которого они достигли лишь на закате своей планеты. Перед нами действительно необыкновенные возможности!

— Пойдите! — сказал Лукин. — Развитие марсиан, очевидно, превосходило наше, но кое в чем человечество не уступает им уже сейчас. Взять хотя бы тот же звездолет. И, конечно, человечество найдет пути переселения на другие планеты задолго до того, как в этом переселении явится необходимость.

За иллюминаторами сверкали ледяные огни вечных звезд, яростно пылало косматое солнце, и звездолет стремительней снаряда неся к Земле.

Земля была все ближе, путешественники видели ее приближение, и в сердце каждого нарастало сдержанное волнение.

После долгого обсуждения они согласились на том, что по окончании обработки материалов, привезенных с Марса, должны быть организованы две большие экс-

педиции — одна на Марс, другая на поиски Атлантиды. Однако ни один из них не выразил желания принять участие во второй из этих экспедиций: каждый из них и все трое вместе хотели возвратиться на Марс.

— Все, что может обогатить наши знания, должно быть переброшено на Землю. Надо снарядить, по крайней мере, три звездолета, — говорил Лукин, — послать человек пятнадцать лучших специалистов — механиков, электриков, телерадистов, археологов...

Время в звездолете бежало быстро. Однако, не смотря на космическую скорость полета, нетерпение путешественников далеко опережало звездолет.

Белесоватый сверкающий земной шар был близок, он висел прямо над звездолетом и вдруг, в какое-то неуловимое мгновение, оказался под ним, а путешественники — кто сидя, кто на четвереньках — на полу звездолета.

— Земля! — закричал Лукин, вскочив на ноги. — Земля к себе тянет. Готовьтесь, включая тормозные ракеты! — И он наклонился над щитом управления, натягивая на голову защитный шлем.

Скоро они летели над Землей и жадными глазами смотрели сквозь облачные окна на ледяной океан, лежавший внизу. Пейзаж был безжизнен и суров, но казался им прекрасным. Малютин определился: они вышли к Земле у Аляски, над морем Бофорта, и уходили на запад.

— Пойдем над полюсом! — решил Лукин. — Так ближе. — И круто повернул на север.

Кедров, надев наушники, снова и снова пробовал радиотелефон, и вот из небытия, из вечного молчания возникли какие-то шумы, и вдруг голос Чижевского громко проговорил в самое ухо Кедрова:

— Говорит Земля... «РС-7», где вы? Где вы? Ждем вас. Сегодня срок возвращения. «РС-7», где вы, где вы?..

Кедров не выдержал, крикнул:

— Здесь! Мы здесь!

Не снимая наушников, Кедров включил громкоговоритель, и сильный ровный голос Чижевского прозвучал в звездолете:

— «РС-7», где вы? Кто кричал? Мы беспокоимся...

Начался быстрый бессвязный разговор. Путешественников сразу на всех языках засыпали вопросами. Громкоговоритель был подобен окну, открытому в мир: разноязычный кипучий говор ворвался в звездолет. Земля приветствовала своих сынов.

Для путешественников этот хаос звуков был как музыка — симфония родной планеты. И громче всех, яснее всех, милей всех звучали голоса отечества, они звали:

— Ждем в Москве, на Центральном аэродроме.

Лукин окинул взглядом приборы.

— Гелиолин на исходе, ведите нас точно, — сказал он Малютину, — нам надо лететь по самой прямой прямой.

Через два часа звездолет снизился. Далеко впереди в фиолетовом мареве возникло нечто подобное башне. Она выступала все ясней, тремя величественными уступами поднимаясь в осеннее небо. Все дороги, бежавшие через леса по лугам, через золотое жниво, через колхозы и города, мимо похожих на оранжереи бездымных заводов и фабрик, вели к этой башне, на вершине которой, сверкая на солнце, стоял гигантский Ленин.

— Дворец Советов, — сказал Лукин. — Вот она, Москва, сердце мира!

Москва, Москва! Все трое горящими глазами смотрели на вырастающий перед ними город. В желто-зеленом кольце садов и парков, над ясной синевой вод вставали знакомые кварталы, а над ними, серебрясь, поднималась громада Дворца Советов. И вот загорелись красные звезды векового Кремля.

— Откройте иллюминаторы! — сказал Лукин.

С шипением и свистом ворвался в звездолет воздух Земли, и, как прибой океана, хлынул взволнованный шум огромного города.

Навстречу звездолету с плоских крыш, словно воробы, стремительно вспархивали стаи легких самолетов и лениво отчаливали медленные дирижабли. По автострадам, ведущим к Москве, мчались летающие автомобили и, не доезжая до города, вдруг поднимались в воздух. Люди в разноцветных одеждах стояли на крышах, приветственно поднимая кверху руки. Они заполняли улицы и площади, бурным потоком неслись в одном направлении — к Центральному аэродрому. Над этим стремительным потоком полыхали веселые песни, красным пламенем струились флаги и гремели оркестры. После сумеречного мертвого Марса залитая солнцем Земля казалась путешественникам цветущим садом. Жизнь была ключом.

Лукин описал широкий круг над Кремлем и, развернувшись у Дворца Советов, пошел на аэродром. Из-за осенней листвы великолепных парков навстречу им выплыла эскадрилья самолетов. Ее вел сверкающий флагман воздушного флота. И ясное сверкание его крыльев, и радостный гул Москвы, и сдержанное волнение путешественников — все это слилось для них в одно ощущение счастья. Дальний путь был окончен.

С. КРАСНОВСКИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

Фантастический рассказ-загадка

Журнал «Техника – молодёжи», № 11-12, 1937 г.
Хоть и не космическая фантастика, но картинки очень симпатичные... Да и раритет. Никогда не перепечатывался.

Большинство читателей знает книгу «Похождения Мюнхгаузена». В ней рассказано о приключениях известного враня барона Мюнхгаузена, имя которого стало синонимом отъявленного лжеца и завиралы.

Помещая в журнале рассказ, написанный в стиле «Похождений Мюнхгаузена», редакция предлагает читателям найти научные и технические несообразности, которыми изобилует весь рассказ.

Для удобства читателей рассказ разбит на пронумерованные абзацы. В каждом абзаце имеется одно или несколько неправильных положений или утверждений.

1. Всем известно, что я обладаю многими достоинствами. Прежде всего, я превосходный ученый, затем поэт, художник, изобретатель и прочее. Но, кроме того, я незаурядный путешественник. И, если мое имя не превозносится наравне с такими именами, как Кук, Стенли, Пржевальский, то причиной тому лишь моя чрезвычайная скромность — я не люблю, чтобы обо мне слишком много говорили.

2. Между прочим, я сделал не менее сотни кругосветных путешествий с востока на запад, с запада на восток, с юга на север и с севера на юг, причем шестьдесят из них исключительно, по суше, а остальные по воде.

**Я заперся на всю ночь в своей комнате
и занялся составлением плана путеше-
ствия.**

3. Побывав за свою жизнь на всех материках и океанах земного шара, я безо всякого преувеличения могу засвидетельствовать, что после моих путешествий на картах не осталось более белых пятен, разве только по моей крайней забывчивости и рассеянности.

Одна из таких досадных оплошностей обнаружилась к концу моей жизни, когда я уже решил сделаться домоседом.

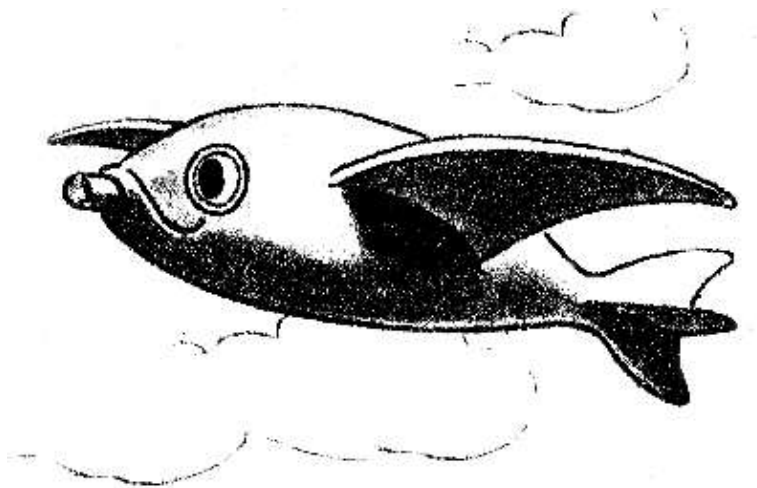
Я вдруг вспомнил, что ни разу не посетил полюса.

Задумать — для меня означает сделать. Я тотчас приказал своему слуге, не раз сопровождавшему меня в моих экспедициях, готовиться к новому длительному путешествию и упаковать багаж, а сам заперся на всю ночь в своей комнате и занялся составлением плана путешествия.

Еще до этого я перечел все книги о полярных путешествиях и, тщательно поразмыслив, пришел к вы-

воду, что передвижение на морских кораблях и на собаках трудно и утомительно, поэтому я решил достичь полюса по воздуху.

К утру чертежи воздушного корабля были мной закончены и сданы на один из заводов для спешного выполнения.

К вечеру того же дня моя летательная машина была готова.

Скажу без гордости, что меня осенила гениальная идея. Каждому школьнику известны свойства магнита. Магнит имеет два полюса: северный и южный. Одноименные полюсы отталкиваются, разноименные — притягиваются. Стрелка компаса указывает одним концом на север, другим — на юг потому, что сама Земля является большим магнитом.

Я решил воспользоваться магнитным притяжением как движущей силой моего воздушного корабля, для

чего велел изготовить больших размеров магнит, обрубить один его полюс и приделать к кораблю.

Считаясь с таким необычайным заказчиком, как я, завод прекратил всякую другую работу, и к вечеру того же дня моя летательная машина была готова и доставлена на лужайку перед загородным домом, где я тогда проживал.

Она представляла продолговатый, наподобие сигары, стальной корпус, по бокам которого были расположены два крыла, а сзади — два руля: один — наподобие хвоста рыбы, для боковых поворотов, другой, — напоминающий птичий, для изменения высоты полета.

Долго не раздумывая, простившись с семьей и окружающими, я поспешил помочь моему слуге закончить укладку багажа внутри корабля, затем сам вместе со слугой вошел внутрь, запер герметически дверь, помахал через окно в последний раз своей шляпой и ровно в назначенный час повернул рукоять механизма отправления.

Целью путешествия я выбрал Южный полюс, так как он считался наиболее трудно достижимым.

Система сцеплений освободила мою летательную машину от цепей и якорей, приковывавших ее к земле. Последовал сильный рывок, все вещи в беспорядке перемешались друг с другом, и, когда я очнулся, машина уже неслась к полюсу с огромной скоростью высоко над землей.

Двигая рулями, я выровнял полет и принялся наслаждаться чудесным видом, расстилавшимся под нами.

4. В это время внизу из фортов какой-то пограничной крепости показались дымки орудийных залпов.

*...Высунув руку из окна, я успел повернуть снаряды один за другим
обратно...*

Меня, по-видимому, сочли за неприятеля и обстреляли.

Но моя тревога быстро улеглась, когда я увидел, что снаряды взлетели вверх, с трудом догнали меня и, поравнявшись, не вонзились в стенки корабля, а стали медленно отставать.

Высунув руку из окна, я успел повернуть их один за другим обратно, и снаряды, к ужасу стрелявших артиллеристов, понеслись назад в крепость, где и произвели сильные разрушения.

5. Наше путешествие продолжалось бы превосходно, если бы я не был обеспокоен одним обстоятельством. По моим расчетам, принимая во внимание скорость полета, мы должны были бы уже вступить в полосу тропиков, между тем, под нами по-прежнему все еще расстилались леса умеренного климата. Я подождал еще часа два, но вместо ожидаемых Средиземного моря и Африканского материка под нами потянулись сплошные сосновые леса попеременно с тундрой.

Только тогда я обратил внимание на положение Солнца. Сверившись предварительно с часами, я, к своему недоумению, увидел, что вместо Южного полюса мы летим к Северному. Тут только я догадался, что опять всему виной моя проклятая рассеянность.

Я велел заводу изготовить северный полюс магнита, чтобы притянуться им...[лакуна, обрезка текста]

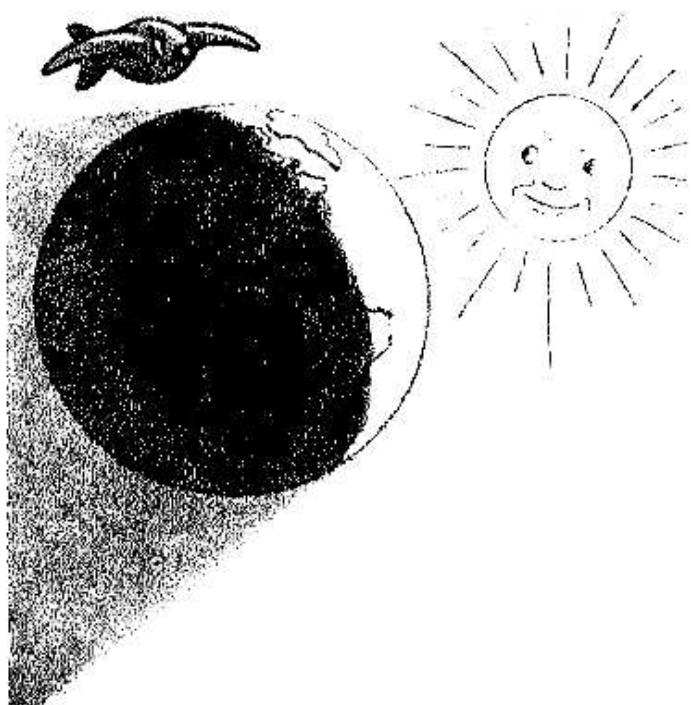
...упустил из виду, что южный географический полюс совпадает с северным магнитным.

Делать было нечего, пришлось с этим мириться. В утешение я решил хорошенько позавтракать, тем более, что холод давал уже себя знать, и аппетит разыгрался вовсю.

Но каково же было мое разочарование, когда во взятом запасе провизии я ничего не обнаружил, кроме

прохладительных напитков, мороженого и прочих легких блюд. Все это было заготовлено из расчета полета над жаркими странами, так как всем известно, что чем далее к югу, тем становится жарче, в особенности на самом Южном полюсе, куда было задумано наше путешествие.

Не оставалось ничего иного, как постараться забыть на пустой желудок сном, чтобы прибыть на полюс со свежими силами.

К своему недоумению, я увидел, что вместо Южного полюса мы летим к Северному.

6. Проснувшись, я взглянул на часы. Мы спали около суток. Давно бы пора нам вступить в область полярной ночи, однако в окна падал яркий солнечный свет... Я был обеспокоен. Но мои сомнения рассеялись, когда я понял – мы летели выше затемненного пространства над землей.

*К своему ужасу, я увидел выступающую
из морских волн острую, как шпиль,
скалу.*

Под нами действительно была полярная ночь, мы же купались в лучах солнца. Лучи солнца были так горячи, что, пока мы спали, половина наших туловищ совершенно загорела, и была черна, как у негров, а половина была по-прежнему белой. Из приличия и зная целебную силу загара, нам пришлось подставить солнцу и вторую часть туловищ.

Все кружилось с бешеной скоростью, как на карусели.

Вскоре, однако, нос корабля стал принимать наклонное положение, и мы камнем понеслись вниз. Мрак полярной ночи охватил нас. Я хотел зажечь носовые прожекторы, когда сквозь прорывы облаков снизу засиял ослепительный свет. К своему ужасу, я увидел выступающую из морских волн острую, как шпиль, скалу. Она излучала свет и сильное тепло, вода бурлила и кипела кругом, вверх вздымались клубы пара. Вдали свободное ото льда пространство было окружено колыхающимися льдинами.

Понадобились мои стальные нервы, каменное спокойствие и приобретенное, за время полета искусство первоклассного пилота, чтобы при помощи крыльев и рулей направить спуск нашего корабля не в море, а на окружающие его льды.

Вот тут-то сказалась пословица «нет худа без добра».

Несмотря на то, что мы выбросили балласт и все лишние вещи, несмотря на торможение полета специальными парашютами и смягчение удара особыми пружинками, нам грозили бы неминуемое падение и смерть, если бы невольное голодание не облегчило настолько нашего веса, что воздушный корабль легко, как перышко, опустился на Северном полюсе, встав вертикально вниз носом, где был укреплен полюс магнита.

Вследствие такого положения летательной машины мы затратили немалые усилия, чтобы выбраться в дверь, оказавшуюся на расстоянии нескольких метров ото льда.

7. Выйдя, мы почувствовали сильное головокружение, которое не смогли сразу превозмочь. Поскольку мы находились...[лакуна, обрезка текста]

...ной скоростью, как на карусели, а мы сами вертелись, подобно веретену, вокруг собственной оси, что и вызывало головокружение. Я первым пришел в себя и с большим трудом привел в чувство своего слугу.

8. Мы попробовали пройти несколько шагов, но с трудом могли поднимать ноги при ходьбе. Страшная тяжесть притягивала нас к земле.

Я быстро нашел отгадку этому: Земля, как известно, сжата в полюсах; наши тела, следовательно, на полюсе оказались ближе к центру Земли, и их вес пропорционально увеличился.

Между тем наш летательный корабль под действием магнитного поля настолько крепко притянулся к полюсу, что никакие силы не смогли бы его оторвать. На беду и всё металлические предметы, за исключением небольшой медной пушечки, также намагнитились и притянулись к полюсу, и были для нас утрачены.

Огромные неудобства нам причинило то, что и все железные пуговицы на нашей одежде также были силой магнитного притяжения вырваны с «мясом», и мы поминутно должны были придерживать наши скальзывающие вниз штаны.

9. Загадочная светящаяся скала заинтересовала нас, и это побуждало поскорее добраться до нее. Спустив складную лодку, мы поспешили к ней. Чем ближе мы приближались к ней, тем становилось жарче. Мы скинули меховые одежды, затем совсем разделись и, наконец, решили выкупаться в теплой воде.

Бодрые после ванны, мы дружно взялись за весла и помчались к скале. Вокруг нас подымались клубы пара. Щекочущий обоняние вкусный запах вдруг приятно поразил нас. На воде плавала жирная сварившаяся

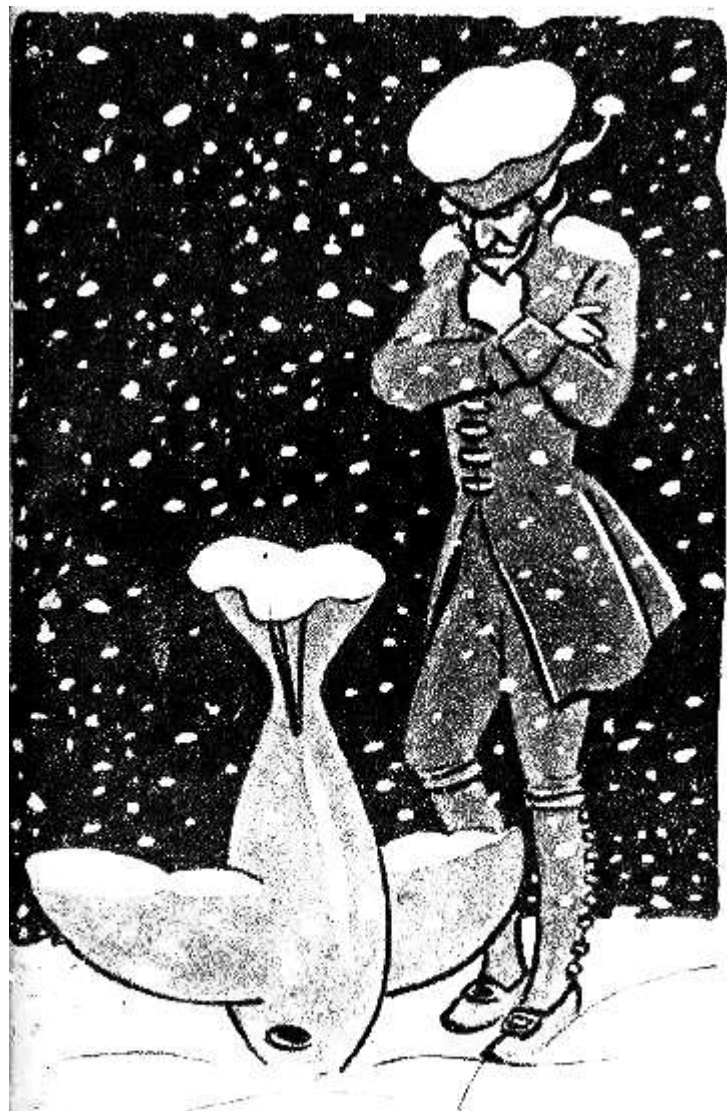
рыба. Зачерпнув ложкой воду и попробовав ее на вкус, мы, к своей радости, убедились, что это превосходная уха.

*Зачерпнув ложкой воду и попробовав ее
на вкус, мы, к своей радости, убедились,
что это превосходная уха.*

Вдоволь насытившись на столь гостеприимно встретившем нас полюсе, мы [направившись дальше к] сияющей скале, нашли, что она состоит из чистого радия.

Я отломил себе на память кусок весом килограмма в два-три, и затем мы вернулись обратно.

Наш летательный корабль настолько сильно уменьшился, сжавшись от холода, что мы не смогли на него вернуться.

10. Увы, нас ждал новый сюрприз. Наш корабль настолько сильно уменьшился, сжавшись от холода, что мы не могли на него вернуться. Пролететь теперь в дверь мог бы разве только грудной ребенок.

Измерив окружающую температуру, я нашел, что она равна 100° ниже нуля по Цельсию. Холод давал себя знать, поэтому мы вновь сели в лодку и поехали греться на середину теплой воды.

Вдруг вода кругом забурлила, и из морской пучины вынырнуло стадо огромных китов. Страсть охотника зашевелилась во мне. Но что было делать? Все оружие примагнитилось вместе с кораблем. В моем распоряжении имелись только одна медная пушечка и запас пороха, но оторвать свинцовые и чугунные ядра и пули от магнитного полюса было невозможно.

11. Однако я моментально нашел выход. Быстро причалив к берегу, я собрал несколько замерзших светящихся стрел северного сияния, которые, как я заметил еще с воздуха, были в изобилии рассыпаны по льдине, и, заряжая ими пушку вместо гарпуна, быстро добыл с десятков китов.

Северный полюс нами был достигнут. Оставалось возвратиться назад. Но на чем? Впрочем, эта мысль меня беспокоила недолго.

12. Мы вспороли огромные туши китов и извлекли их плавательные пузыри, имеющие несколько метров в диаметре. Связав, мы надули их теплым паром, имевшимся у нас в изобилии, затем подвязали под ними сеть, сели в нее сами, забрали с собой все необходимое и собрались тронуться в путь.

Но вскоре выяснилось, что пар быстро охлаждался и пузыри падали на лед. И тут я снова нашел выход.

Взяв самый большой из пузырей, я сильно надул его паром и, захватив с собой остальные пузыри порожними, поднялся высоко вверх над землей, где и наполнил их разреженным воздухом высот.

13. Поскольку таковой имеет меньший удельный вес, мы получили превосходный новый воздушный корабль № 2. Теперь все обстояло хорошо. Ветер дул на восток, и мы могли бы лететь в Японию, но вскоре ветер изменил свое направление и стал дуть на запад, к берегам необитаемой Гренландии.

14. Подавленные, мы печально бродили по ледяным полям и скалам, каждую минуту опасаясь попасть в полынью и не зная, как скоротать время, когда возглас слуги привлек мое внимание. В ледяной...

...и пока мы с интересом рассматривали доисторического гиганта, блестящая мысль пришла мне в голову.

Я давно слышал, что если замерзшую рыбу медленно и постепенно оттаивать, то она оживает.

Не попытаться ли оживить таким же образом и мамонта?

15. Мы уже хотели воспользоваться для костров жиром убитых китов, когда, случайно сильно ударив каблуком об лед, я увидел, что из пробитого от-

верстия забил большой фонтан нефти. Мы подожгли его, и вскоре ледяная глыба начала медленно таять. Не прошло и нескольких часов, как из растаявшего льда показалась освобожденная часть мамонта. Мгновение — и мы услышали сильный храп; затем мамонт открыл глаза, взмахнул хоботом, радостно протрубил и, разломав остатки льдины, приветливо стал помахивать хоботом своим спасителям.

Теперь оставалось немного. Мы впрягли мамонта в специальную упряжь, сделанную из китовой кожи, и уселись поудобнее в сетку, подвешенную под китовыми пузырями, наполненными разреженным воздухом высот. Управляя мамонтом при помощи случайно оставшейся банки консервов с обсахаренными фруктами, которую мы подвесили перед его носом на длинном китовом усе, я и мой слуга быстро двинулись по направлению к Японии.

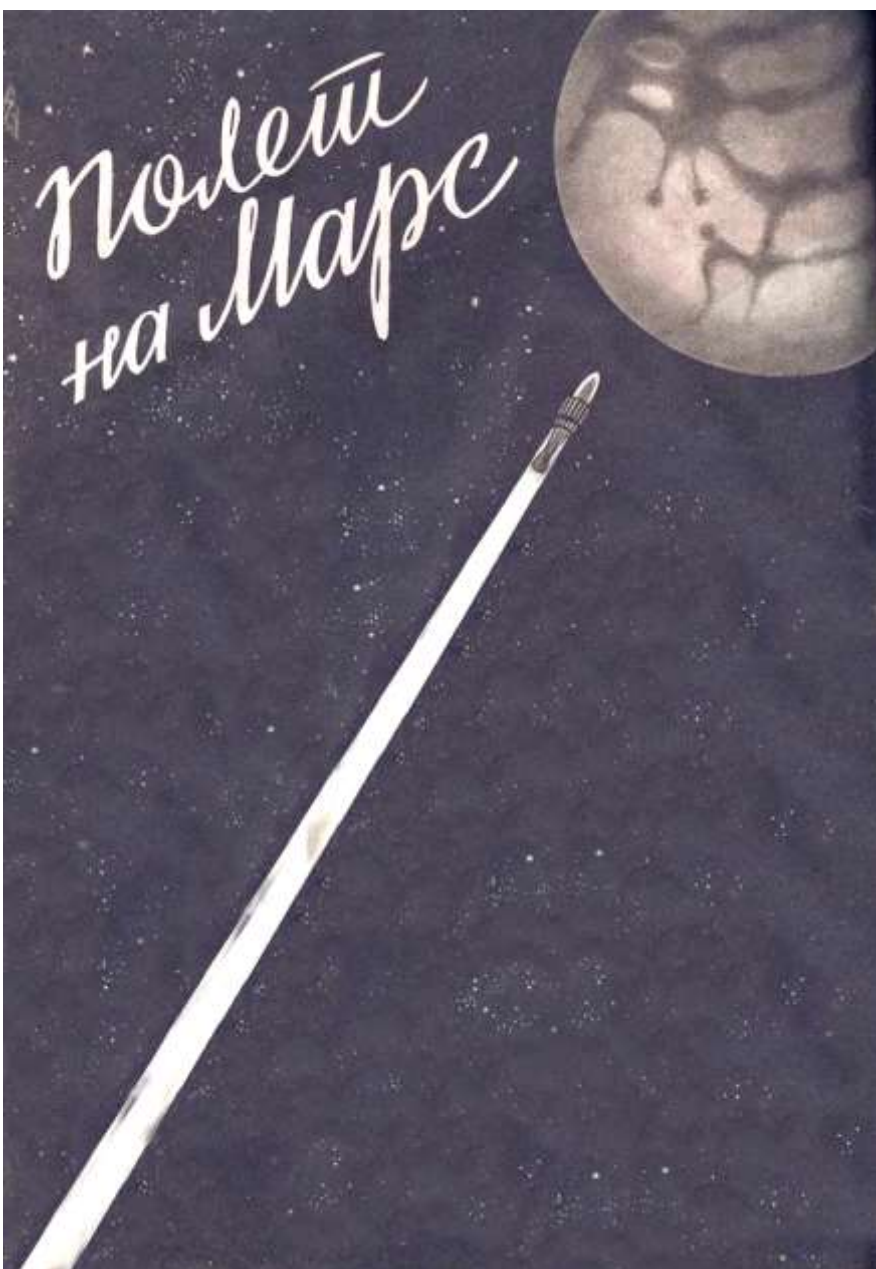
Ю. ЛИПИЛИН

ПОЛЕТ НА МАРС

Фантастический рассказ

Журнал «Техника – молодежи», № 12, 1940 г.

Герой рассказа ученика восьмого класса Ю. Липилина молодой советский инженер разработал проект аппарата для межпланетных путешествий. С помощью этого аппарата он предполагает совершить полет на Марс. Приводим запись из дневника инженера, в которой рассказывается о проблеме взлета ракетоплана с Земли и посадки его на Марсе. Любопытны расчеты автора о режиме работы ракетного двигателя.

Взлет аппарата будет происходить в тот момент, когда Марс подойдет к Земле на самое близкое расстояние. Подъем будет совершен с помоста, имеющего в длину 10—12 километров и установленного под углом к горизонту. Это сооружение заменит аппарату дуло пушки. Помост снабжается направляющими рельсами, по которым будут скользить колеса, выдвигающиеся из крыльев аппарата.

После того как приготовления закончены, в ракетоплане закрываются все люки и иллюминаторы.

Камеры сгорания двигателя расположены двумя поясами вокруг тела ракетоплана. Каждый пояс работает в два периода: пока заполняются газом шесть камер, взрыв происходит в остальных шести (через одну камеру).

С началом работы первого пояса аппарат уже начинает медленно двигаться по помосту. В первые секунды частота взрывов равна 30 в минуту, затем она увеличивается (с возрастанием крутизны помоста) до 180, потом до 320, и в конце помоста достигнет 410 в минуту. Длина помоста достаточна для приобретения скорости, необходимой для дальнейшего подъема аппарата без «проваливания» его в воздухе. Несмотря на такую большую скорость, ракетоплан не сможет подняться преждевременно над помостом потому, что установочный угол его крыльев равен нулю градусов.

Перед соскальзыванием аппарата с направляющего помоста часовой механизм включает в работу второй пояс камер сгорания. Он начнет работать с уменьшенной частотой взрывов, ввиду чего прирост скорости не будет остро ощущаться пассажирами. В то время как первый пояс камер сгорания будет давать уже 320 взрывов в минуту, второй пояс сначала даст 30 взрывов в минуту, затем 180 и т. д. (как первый пояс при взлете). Наконец, частота взрывов установится на цифре 410.

Как только аппарат начнет приближаться к кромке атмосферы, частота взрывов во втором поясе уменьшится до 180, так как отсутствие лобового сопротивления может привести к слишком резкому возрастанию скорости.

После выхода аппарата из зоны земного притяжения второй пояс совершенно выключается. Его камеры сгорания поворачиваются выходными отверстиями в противоположную сторону, и при приближении к Марсу будут служить для замедления движения аппарата.

Посадка на Марсе должна быть произведена следующим образом. Вначале уменьшается частота взрывов в первом поясе, затем начинает работать второй пояс, тормозящий падение. В момент, когда аппарат приблизится почти вплотную к поверхности Марса, выпускаются два огромных парашюта. Если атмосфера на Марсе окажется слишком разреженной и будет плохо поддерживать парашюты, то можно прибегнуть к помощи вертикальных камер сгорания. Вырывающиеся с большой силой газы будут ударять в купола парашютов, замедляя их спуск. Парашюты пропитываются огнестойким составом, и поэтому горючие газы им неопасны.

А. ТАРАСОВ

НАД ЛУННЫМИ КРАТЕРАМИ

Фантастический рассказ

Рисунки А. Катковского

Известие о том, что из столицы СССР отправляется в межпланетное пространство звездолет, вызвало всеобщий интерес.

На ракетодром, расположенный на живописном берегу Москва-реки, еще с вечера стали съезжаться представители прессы, радио, фото, кино, телевидения, а также многочисленных научных учреждений и заводов.

Залитый лучами прожекторов, звездолет «Страна Советов» был похож на огромную ракету. Сигарообразная форма звездолета отливала холодным, металлическим блеском.

По своим размерам звездолет равнялся большому дирижаблю. Совершенная конструкция его свидетельствовала о чрезвычайно высокой технической культуре строителей.

До начала старта оставалось всего двадцать пять минут. Многочисленные фотокорреспонденты, фоторепортеры и кинооператоры то и дело запечатлевали на пленку каждое движение экипажа

Командир перелета генерал-майор Фельцов едва успевал отвечать на сыпавшиеся со всех сторон вопросы.

— Скажите, генерал, какова цель и задача вашего космического рейса? — спросил представитель американского агентства Юнайтед Пресс.

— Мы не ставим себе целью высадку на поверхности Луны. «Страна Советов» впервые в мире полетит в межпланетное пространство. Если все на звездолете будет протекать благополучно, то мы облетим вокруг Луны и затем, собрав научные материалы о космосе, вернемся на Землю.

— Сколько же времени вы думаете находиться в перелете?

— Это зависит от того, как будет протекать перелет. В общем, по нашим подсчетам, перелет в оба конца должен занять около 13-14 дней.

— Кто еще летит с вами? — спросил у Фельцова представитель японского телеграфного агентства «Домей Цусин».

— Кроме меня отправляется второй пилот полковник Возница, штурман-астронавигатор полковник Каминский и академик Дмитрий Николаевич Наследов.

— Интересно, какая скорость полета будет у звездолета в космическом пространстве? — спросил специальный корреспондент газеты «Таймс».

— Он может развить свыше 11 километров в секунду, но, разумеется, не в пределах земной атмосферы, а только после подъема в стратосферу, в совершенно разреженной среде.

В этот момент над местом старта протяжно и громко загудела сирена.

— Ну, нам пора в путь. До свидания!

— Счастливого пути и благополучного возвращения! — неслось со всех сторон ракетодрома.

Экипаж звездолета «Страна Советов» подошел к люку, ведущему внутрь. Все провожающие отстали и находились за огороженным кругом.

Когда Каминский и Возница уже исчезли внутри звездолета, Фельцов и академик Наследов на минуту

задержались с подошедшими проститься с ними, президентом академии наук и генералом армии Селивановым.

Генерал армии Селиванов, пожимая руку Фельцова, дал совет:

— Главное, без излишнего риска. Действуйте смело, дерзайте, но с учетом всех реальных возможностей. Берегите себя и вверенных вам людей. Помните, что за вашим полетом будет следить весь мир. Ну, до свиданья, Фельцов. Увидимся.

Фельцов секунду смотрел, как удалялись назад его собеседники, а затем, вдохнув полной грудью «земного» воздуха, открыл люк, и вошел внутрь.

Его спутники сидели на своих местах в кабине. Закрыв плотно все люки, Фельцов занял свое место, надел предохранительный шлем и проговорил в усилитель:

— Приготовиться. Начинаю старт.

Возница, Каминский и Наследов закрепились, пристегнувшись особыми поясами, и включили предохранительные гидравлические тормоза, уменьшающие воздействие ускорения на организм.

Каждый из участников межпланетного перелета одел специальную одежду. Она обеспечивала удобство движений и в то же время предохраняла от толчков и ушибов.

В ночном небе одна за другой взвились три ярко-красные ракеты. Это означало: «Можно начинать старт».

Полковник Возница открыл кран главной цистерны и пустил одновременно в распылительную камеру жидкий гелий «ПС», а затем комбинированную смесь метана.

Фельцов включил реле, и вслед за ракетные двигатели заработали на первой степени своей мощности. Гигантский космический корабль, словно приподнятый ураганной силой, устремился вперед.

Из широких иллюминаторов на мгновение открылся вид ночной Москвы, промелькнула извилистая лента Москва-реки, величественная громада Дворца Советов и Кремль с рубиновыми звездами.

Звездолет поднимался все выше. Постепенно очертания стали сливаться, и скоро Земля перестала быть видимой.

Высотомер показывал 35 000 метров. За пределами звездолета было 62 градуса мороза. Однако в кабине было тепло, так как она отапливалась проходящими по трубам выхлопными газами.

Кабина внутри была обтянута достаточно толстым слоем прокладки, предохраняющей от ушибов; кроме того, на стенках на близком расстоянии друг от друга были укреплены эластичные петли.

Многочисленные автоматы и контроллеры курса сводили к минимуму напряженность внимания при столь трудном перелете.

На высоте 80 000 метров приборы стали показывать, что окружающая среда насыщена электричеством. Радиосвязь была прервана, оборвавшись на полуслове.

Корабль достиг так называемого слоя Хэвисайда.

Ведя наблюдение за приборами и физическими установками, академик Наследов подошел к иллюминатору и стал записывать показания приборов, вмон-

тированных во внешнюю часть корпуса звездолета. Случайно бросив взгляд направо, он вздрогнул от неожиданности.

Навстречу звездолету из неведомых далей вселенной с ужасающей скоростью неслась огненная масса.

Наследов сначала подумал, что его обманывает зрение, и стал протирать глаза. Однако это не помогало.

С каждой секундой огненная масса приближалась все более и более и казалось, вот-вот столкнется с звездолетом. Академик Наследов, волнуясь, крикнул Фельцову:

— Посмотрите, Борис Павлович, направо в иллюминатор. По направлению к нам несется гигантский метеор.

Фельцов взглянул по указанному Наследовым направлению.

Гигантская огненная масса испускала все цвета спектра. От яркого ослепительного света, бросаемого метеором, в кабине звездолета стало нестерпимо светло.

— Вы представляете себе, Борис Павлович, — сказал Наследов, — если хоть небольшой кусок этого метеора столкнулся бы со звездолетом, то мы все моментально бы погибли!..

Лицо командира перелета было спокойно. Секунду помолчав, он спросил у академика:

— На каком от нас расстоянии находится метеор, и с какой скоростью он к нам приближается?

— Судя по приборам, скорость метеора достигает 40 километров в секунду. По-видимому, он оторвался от какой-нибудь раскаленной планеты, или астероида. Вообще, встреча с метеором бывает, согласно подсче-

там, очень редко. Так что нам выпал редкий случай его заснять на пленку.

Затаив дыхание, экипаж смотрел на феерическую картину стремительного движения раскаленного метеора в верхних слоях Хэвисайда.

— Смотрите, смотрите, метеор разваливается! — воскликнул Возница.

И действительно, от каких-то внутренних превращений метеор стал деформироваться и рассыпаться на части.

Все это сопровождалось ослепительными каскадами пламени и обломков.

Высота все более и более увеличивалась. Вот уже кончился слой Хэвисайда. Звездолет перелетел границу ионосферы и вступил в таинственную область межпланетного пространства.

— Перехожу на скоростной полет, — объявил Фельцов. — Перевести гидропневматики на предельное противодавление. Ускорение будет через несколько секунд.

Фельцов полностью открыл кран и включил ракетные моторы главной магистрали звездолета.

Скорость полета сразу же резко усилилась. Несмотря на длительную тренировку в специальной камере, ускорение все же давало себя чувствовать.

Словно гигантская неведомая сила навалилась на Фельцова и его спутников и придавливала их. Движения астронавтов сразу же сделались неуверенными и слабыми. Это неприятное ощущение, однако, продлилось сравнительно недолго. Фельцов первым пришел в себя и, оглянувшись, увидел, что академик Наследов закрыл глаза и тяжело дышит.

Приблизив кислородный шланг к лицу Наследова и выждав, когда академик очнулся, он спросил:

— Как себя чувствуете, Дмитрий Николаевич?
— Сейчас лучше. С какой мы сейчас летим скоростью?

— Около одиннадцати километров в секунду.

— Значит, мы уже давно вышли из пределов ионосферы.

— Не только ионосферы, но и из сферы земного притяжения. Входим в среду невесомости. Сейчас надо будет особенно внимательно следить за всем.

Звездолет «Страна Советов» летел на высоте 945 000 метров от Земли в космическом пространстве, все более и более удаляясь от Земли.

— Мне кажется, — сказал Наследов астронавигатору, что у нас в кабине есть некоторое количество поглощенной углекислоты. Надо немедленно принять меры.

— Я с вами согласен, подтвердил Каминский, — хорошо, что это вовремя замечено, а то мы могли бы незаметно потерять сознание и отравиться. Я сейчас же освежу воздух.

Каминский с трудом уже соображал. Отстегнувшись, он встал, но вдруг почувствовал сильнейшее нервное возбуждение.

Сделав движение, чтобы размяться, он как-то неожиданно подскочил кверху и повис, потеряв равновесие. Пытаясь выправиться, Каминский еще больше перевернулся и как бы поплыл по кабине.

На помощь бросился Наследов, однако, секунду спустя, и он оказался в том же состоянии. Тогда Фельцов быстрым движением открыл кран-регулятор кислородной установки.

Послышалось шипение, и скоро свежий поток кислорода позволил всем вздохнуть свободнее. Опасность удушения миновала.

— Нам всем придется быть осторожней, друзья, — сказал Фельцов, — мы летим в среде, где тяжесть совершенно отсутствует. Наш звездолет вышел из сферы притяжения Земли. Пользуйтесь теперь для передвижения поручнями, приделанными к стенкам и потолку.

Каминский и Наследов витали по кабине, принимая с каждым движением все новые положения. Самое интересное было в том, что они при этом не производили особенных усилий.

Желая помочь своим товарищам, Фельцов включил автопилот и, крепко держась за поручни и петли, добрался до Каминского и Наследова.

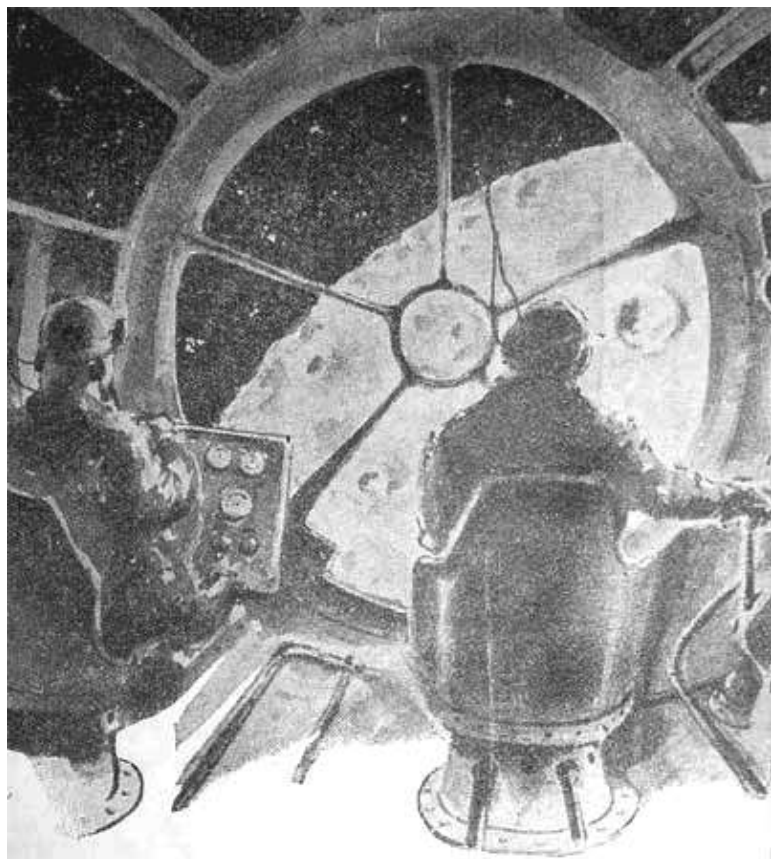
Держась одной рукой то за петли, то за поручни, Фельцов поочередно поставил академика и астронавигатора на ноги.

Ворча и потирая ушибленные места, Каминский и Наследов вернулись на свои места.

— Мы переходим сферу притяжения Луны. Через десять часов мы будем пролетать непосредственно над лунными цирками, кратерами и хребтами, — сказал, обращаясь к ним, Фельцов.

Очень долго экипаж не имел связи с Землей. Фельцов уже отчаялся послать радиогаммы в штаб перелета, как вдруг, на исходе семьдесят первого часа, в радиоприемнике послышалось сильное потрескивание. Каминский включил прием. После долгих попыток он уловил позывные и затем усиленно стал записывать:

«Космос», «Космос», говорит Земля. Сообщите, как протекает полет. Поддерживайте связь. Штаб перелета, Селиванов».

Внизу расстился мрачный, полный контрастов, мир луны

Пробежав текст радиограммы, Фельцов радостно оживился и, быстро набросав ответ Земле, вручил Каминскому.

«Земля», «Земля». Избежали встречи с метеором. Вышли из сферы земного притяжения и летим в межпланетном пространстве. С огромной быстротой звездолет «Страна Советов» приближается к сфере притяжения Луны. Экипаж снимает от-

крывающиеся перед нами в межпланетном пространстве виды Земли и Луны. Все в порядке».

Звездолет с пониженной скоростью пролетал над лунными кратерами. Шестые сутки полета были уже на исходе.

Внизу расстился мрачный, полный контрастов мир Луны. Генерал-майор Фельцов только что снова заступил на смену после отдыха и управлял, время от времени сверяя курс по лунным астрономическим картам и по ландшафту. Около командира перелета сидели полковник Возница и Наследов.

— Судя по ландшафту и показаниям приборов, жизнь на Луне невозможна, не правда ли, Дмитрий Николаевич? — обратился к академику полковник.

— Да, несомненно. На поверхности Луны нет совершенно атмосферы, нет воды, а это исключает жизнь для каких бы то ни было организмов.

— Посмотрите, какой угрюмый вид имеют эти лунные горы. Они сплошь усеяны расселинами и кратерами. Здесь, на Луне, небо совсем не такое, как на Земле, а черное. А ведь сейчас по расчетам — лунный день.

Внизу виднелись горные хребты, озаренные причудливым светом. Каминский с киноаппаратом запечатлевал на пленку мир Луны.

— Какие температуры на Луне? — спросил снова Возница, отрываясь от графиков.

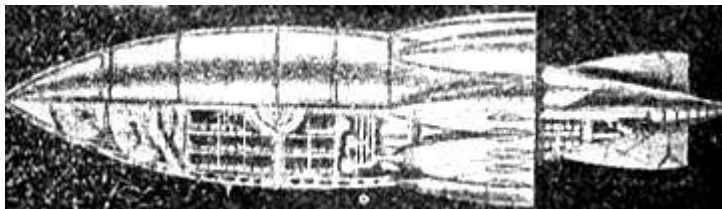
— Днем чрезвычайная жара — свыше 120 градусов, а ночью температура достигает до 160 градусов холода, — это приводит к растрескиванию почвы. Небезынтересно, что на Луне вследствие полного отсутствия атмосферы любое разрушение гор происходит без шума

и грохота, так как передающий звук воздух отсутствует. Жизни на Луне нет. Но пусть это не огорчает вас, полковник. Есть другие, более любопытные миры. Наблюдения виднейших астрономов мира во время последних великих противостояний планеты Марса дают большое основание считать, что на этой планете есть вода, атмосфера и растительность. Значит, на Марсе должна быть жизнь и, кто знает, может быть и цивилизация...

В этот момент к Фельцову подошел Каминский и вручил ему лунную карту.

— Мы сейчас находимся, генерал, над кратером Коперника. Какие будут ваши распоряжения о курсе перелета?

— Через двадцать минут берем обратный курс к Земле!

СОДЕРЖАНИЕ

С. ГРИГОРЬЕВ

ЗА МЕТЕОРОМ

Фантастический рассказ

5

МАНУИЛ СЕМЕНОВ

ПЛЕННИКИ ЗЕМЛИ

Фантастическая повесть

25

Проф. Г. И. ПОКРОВСКИЙ

ПОЛЕТ НА РАКЕТЕ

Фантастический очерк

69

Проф. Г. И. ПОКРОВСКИЙ

РАКЕТНЫЙ ВОКЗАЛ

Фантастический очерк

83

Э. ЗЕЛИКОВИЧ

СЛЕДУЮЩИЙ МИР

Отрывки из фантастического романа

93

Журнал «Техника-Молодежи», № 3, 1938 год

ПОСМОТРИТЕ НА ОБЛОЖКУ:

(Б.а.) ПЛАНЕТА, НА КОТОРОЙ НЕТ НИЗА

(Э. ЗЕЛИКОВИЧ) МЕЖПЛАНЕТНЫЙ ПОЛЕТ

(Я. ПЕРЕЛЬМАН) ЗАВТРАК В НЕВЕСОМОЙ КУХНЕ

116

Э. ЗЕЛИКОВИЧ

СЛЕДУЮЩИЙ МИР

Научно-фантастический роман

127

БОРИС АНИБАЛ

МОЛЯКИ ВСЕЛЕННОЙ

Научно-фантастическая повесть

403

С. КРАСНОВСКИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

Фантастический рассказ-загадка

477

Ю. ЛИПИЛИН

ПОЛЕТ НА МАРС

Фантастический рассказ

495

А. ТАРАСОВ

НАД ЛУННЫМИ КРАТЕРАМИ

Фантастический рассказ

501

